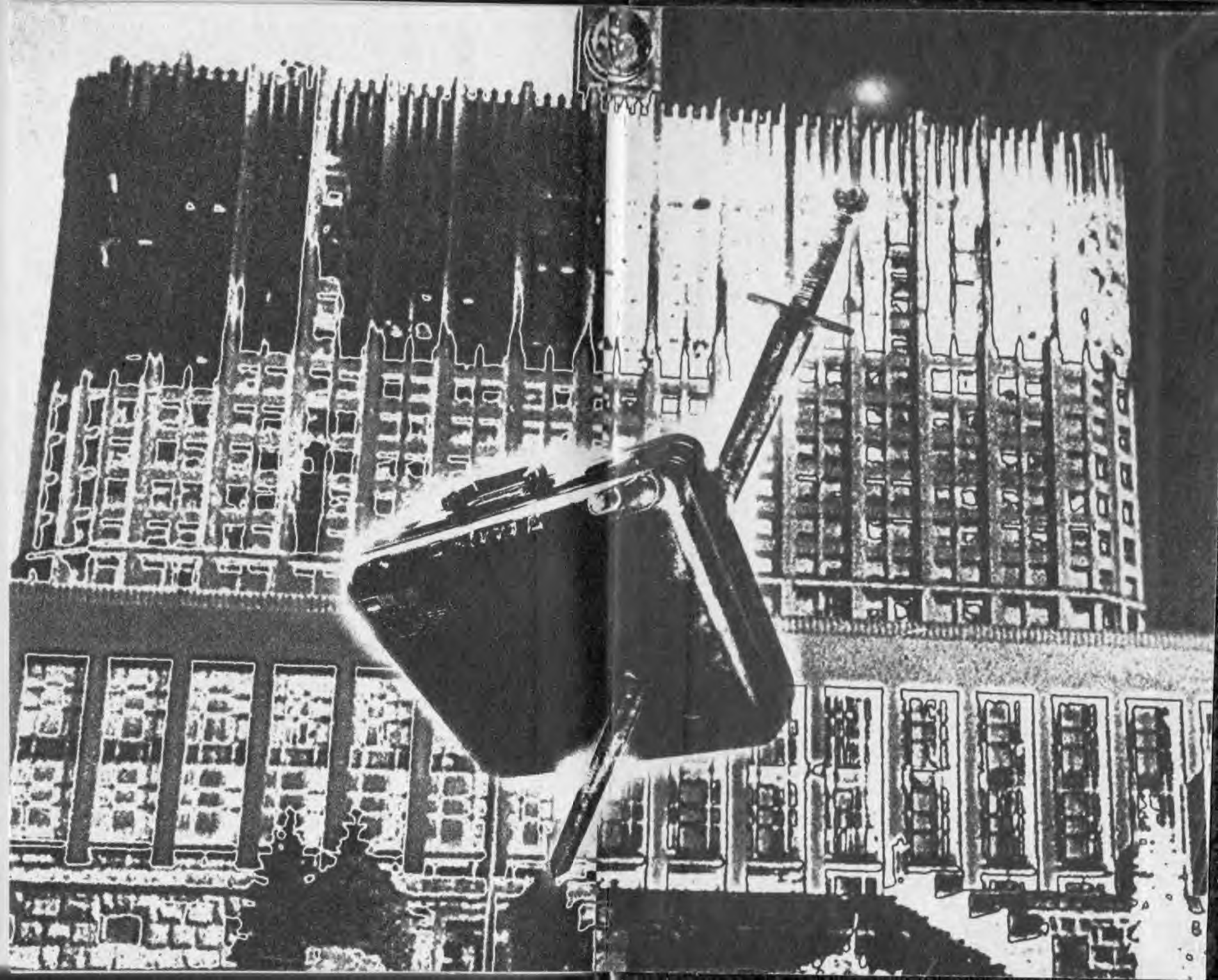

КЕЙС МЕЧ

Игорь Бунич

СЕРИЯ «БЕСПРЕДЕЛ»

Игорь Бунич

КЕЙС И МЕЧ

**Санкт-Петербург
Издательство «Шанс»
1994**

ББК 83.3(2Рос)6
Б 91
УДК 882

Серия основана в 1994 году

Художник Хейки Лооман.

**Внимание! Предупреждаем, право на издание и перевод этой книги принадлежит фирме «Шанс». Фирма «Шанс» принимает заказы на переводы и издание книг на любом языке.
Телефон для справок: (812) 243-12-87.**

**All rights reserved. This book is protected by copyright. No part of it may be published, translated, or reproduced without the prior permission of the Copyright owner. The «Shans» Company takes orders for the translation and publication of books in any language.
Phone for information: (812) 243-12-87**

Б 8820000000

ISBN 5-900740-06-4

© Издательство фирмы «Шанс», 1994
© НГП «Облик», 1994
© Художественное оформление. Х. Лооман, издательство «Шанс», 1994

Предисловие

Мои новые книги «Меч Президента» и — ранее — «Кейс Президента» по своему жанру являются исторической хроникой не столь давних событий 1991—1993 г.г.

Обилие имевшихся в моем распоряжении документов и других источников позволили описать события, непосредственно предшествовавшие и произошедшие во времена августовского путча 1991 года и президента Горбачева («Кейс Президента») и во времена октябрьского путча 1993 г. и президента Ельцина («Меч Президента»).

Как-то еще Вольтер заметил, что когда пишешь современную историю, готовься к тому, что тебя будут критиковать как за все то, о чем ты сказал, так и за все то, о чем ты умолчал. Собственно, я к этому готов. Так, одна из моих предыдущих книг «Золото Партии», смею полагать, никого из ее читателей не оставила равнодушным: отклики на книгу были самыми разнообразными — от восторженных до откровенно матерных и, в любом случае, — очень эмоциональными.

С другой стороны, реакция на «Золото Партии» продемонстрировала очень печальный факт. Общество не только не знает истории собственной страны (об этом хорошо позаботились за последние годы партийные идеологи), но и *не способно эту историю воспринимать, если ее очистить от большевистской шелухи.* Даже нынешние "демократические" историки и прогрессивные журналисты свято верят в существование "рабочих дружин" и "красногвардейцев" в 1917 году, им обидно, что Ленина и его сообщников рассматривают как банду террористов, захватившую власть в стране — у них-де были и "какие-то гуманные цели", и многое другое..., что говорит только о том, что партийные идеологи вкупе с историками КПСС и СССР все-таки не зря хлебали замешанную на потоках крови чечевичную похлебку. Они ее с лихвой отработали. К великому сожалению.

Существует огромная разница между просто историком и советским историком. Последние вымуштрованы идеологическими отделами обкомов до

такой степени, что напоминают роботов, которые даже говорить человеческим языком не научились и, боюсь, уже никогда не научатся.

Ярким подтверждением этому является группа бывших историков КПСС во главе с "профессором" Виталием Старцевым, которая как-то незаметно свила себе уютное гнездышко на Петербургском радио, создав так называемый "Исторический клуб". В часовой еженедельной радиопередаче они чуть ли не треть времени посвящают трепетному перечислению своих научных званий, когда-то полученных за верную службу почившей КПСС. Но если бы они занимались только этим, то и Бог с ними. Однако стоило "профессору" Старцеву открыть рот по иному поводу, как оттуда полилась речь, как бы записанная на пластинку в середине 50-х годов, когда, видимо, окончательно сформировались все взгляды маститого "историка". Эта книга,— изрек он, имея в виду «Золото Партии»,—идеологически вредна!" "Для какой идеологии, профессор?"— хотел я спросить, придя в себя от восхищения глубиной штампа. Но старый с о в е т с к и й историк вещал дальше: "Эта книга сеет ненависть к партии!"

"Позвольте, профессор,— хотелось крикнуть мне, слушая эмоциональные восклицания, вбитые в голову Старцева курсом истории КПСС.— А какие собственно чувства должна вызывать банда, убившая не сто и не двести (хотя и это очень много), а десятки миллионов людей исключительно во имя сохранения своей власти и привилегий? Любовь? Вечное поклонение? Или все-таки какое-то другое чувство?"

"Но разве все было плохо?"..— сокрушался Старцев моей необъективностью.

Я весь превратился в слух, боясь пропустить то хорошее, что "профессор" отыскал в славных деяниях своей любимой партии. Готов держать пари, что никогда не угадаете.

"Вспомните,— скорбно заметил Старцев со вздохом,— что государство дотировало всю периодическую печать". "Правда,— поспешно добавил он,— не было свободы печати, но зато сколько было газет!"

Интересно слышит ли сам себя? Если слышит, то неужели при его имидже ему не стыдно нести подобное.

Напоследок, поперхнувшись на слове "космополит", "профессор" обозвал меня "антипатриотом" и клятвенно

заверил радиослушателей, что ни одного немца в дни октября в Петрограде не было.

Я понимаю: не за себя обидно, а за родную партию! в этом я особой беды не видел. В конце концов, каждый волен выражать свое мнение, в том числе и по радио, коль представилась возможность слегка подрабo- тать к нищенской, как сейчас выражаются, профессор- ской зарплате.

Беда в другом!

Беда в том, что эти люди, скрываясь за частоколом своих тройных научных знаний, полученных за распро- странение красно-кровавой лжи и таких же мифов, про- должают с высоты тех же своих профессорских кафедр растлевать молодежь. При этом без всякого зазрения совести (откуда она могла взяться?) они пытаются напя- лить на себя белые одежды истинной науки, считая, что никто не видит проступающие через эти одежды красные пятна, напоминающие кровь.

Уже три поколения в нашей стране прошли через оболванивание старцевыми, и если мы хоть немного думаем о будущих поколениях, нужно запретить подоб- ным людям по меньшей мере учить других. У них уже в гены заложилось, что все в мире делится на "буржуаз- ное" и "не буржуазное", то есть на "наших" и "не наших".

Конечно, «Золото Партии» имеет много недостат- ков, и главный из них вызван тем, что в русском языке просто нет адекватных слов и выражений, способных с достаточной точностью описать те преступления, кото- рые банда уголовных преступников, именовавшая себя КПСС, творила на российской земле и с успехом продол- жает этим заниматься. Можно найти слова, чтобы опи- сать бытовое убийство даже нескольких человек, пыта- ясь при этом понять и убийц, как это блестяще делал Достоевский. Можно найти слова для описания слепой лавины, накрывшей пару деревень с несколькими тыся- чами обитателей и подобрать эпитеты в адрес местной администрации, которая не предприняла никаких мер для предупреждения катастрофы. Но где найти слова, где найти достаточно сильные выражения, чтобы типо- выми приемами историка описать запланированное преднамеренное убийство миллионов людей и разбой- ное разграбление богатейшей страны? И, главное, — чтобы как-то объяснить во имя чего все это творилось! Если послушать профессора Старцева, то исключи- тельно для "дотирования периодической печати"...

И тем не менее коммунизм в нашей стране не только не побежден, но даже и не осужден.

Квазивизантийская изворотливость бывшего председателя Конституционного суда Валерия Зорькина вывела КПСС из-под удара, дав возможность скрывшейся со сцены партноменклатуре сберечь свой большой крикливо-агрессивный красно-коричневый хвост.

Результатом стал обстрел из танков здания Верховного Совета, сотни убитых, новые миллиарды ущерба и новый всемирный позор. К длинному перечню кровавых национальных трагедий прибавилась еще одна. Нужно время, чтобы ее правильно осмыслить. Здесь же я хочу сказать о другом.

События 3—5 октября 1993 года были определены президентом Ельциным как «коммуно-фашистский путч» и, кажется, уже в третий раз были запрещены все коммунистические и прокоммунистические шайки, именующие себя партиями.

Главную роль в подавлении этого путча все средства массовой информации, видимо, вполне справедливо отвели дивизии внутренних войск имени Дзержинского. Памятник гнусному убийце Феликсу Дзержинскому был сброшен с пьедестала еще в августе 1991 года. А дивизия, носящая его имя, осталась и подавляет коммунистические мятежи. Интересно, долго этот маразм будет продолжаться? Более того, когда хоронили солдат и офицеров этой дивизии, павших при защите телецентра в Останкино и при штурме Белого Дома, дивизия прошла мимо свежих могил, склонив над ними КРАСНОЕ ЗНАМЯ с незабываемым маниакальным профилем Ульянова — Ленина, чьи человеконенавистнические идеи по большому счету и направляли пули убийц, сразившие их боевых товарищей.

Пока мы не отмоемся полностью от этого дурного липкого кровавого поноса, нам не сделать ни одного шага вперед.

Училища имени Ленина, училища имени Дзержинского, академии имени Верховного Совета, лики убийц на боевых знаменах, стоящие во всех городах гипсовые, каменные и гранитные истуканы и тому подобное — все это придает нашей стране ныне некий совершенно фантастический колорит, какую-то нереальную мистерию, когда на фоне горящих зданий "Останкино" высвечиваются уличные фонари, любовно декорированные сим-

волом "серпа и молота" — символом, под которым к зданию идут погромщики, руководимые генералом Макашовым, и которые сверкают на звездочках молодых солдат, огнем отбивающих штурм.

И в грохоте танковых орудий автоматных очередей и гранатометов все еще продолжают печатать шаг солдаты кремлевского караула к мавзолею, где лежит забальзамированное чудовище, чей дух черным проклятием весит над нашей страной, порождая черное безумие. Президент снимет пост у мавзолея как раз в тот момент, когда злобный профиль Ильича мелькнет над могилами его очередных жертв.

Можно ли всему этому придумать соответствующие реальные объяснения?!

Как я уже говорил, все события, произошедшие в стране между августовским путчем 1991 года и октябрьским путчем 1993 года, обычными приемами писателя-историка описаны быть не могут, ибо они ушли за черту реальности в область фактически чистой фантастики.

Пламя пожара, бушующего в Белом Доме, высветило очень интересные моменты. Оказывается, все институты подавления, существовавшие до 1991 года, никуда не девались, а преспокойно существуют, как бы символизируя слова профессора Старцева о славных временах "стопроцентного дотирования периодической печати". Неожиданно в полном своем составе из каких-то щелей исполнительной власти вылезли цензура и Главлит, целиком сохранив свои былые хватки; спрашивается, чем вся эта орава занималась два года и чем собирается заниматься впредь, столь же стремительно юркнув в щель под возмущенное гудение отечественных журналистов и грозный оклик из Вашингтона.

Полутно выяснилось, что никуда не девались и так называемые "политические зоны", личный состав которых продолжает нести службу и с нетерпением ожидает новых постояльцев. А пока скромно получает жалование неизвестно за что, но индексируемое ежемесячно.

И, конечно, никуда не девалась наша славная служба безопасности — "чекисты", как они продолжают любовно называть самих себя, с энтузиазмом демонстрируя свою преемственность тем, кто физически уничтожил половину населения страны, морально и физически искалечил вторую половину, а затем уничтожил и саму страну и теперь, подобно Щедринскому медведю, «сидит на корточках и ждет поощрения».

Очередного поощрения, как всегда при этом публично расписавшись в своей полной беспомощности не только обеспечить государственную безопасность, но даже и понять, что это такое. Ибо из поколения в поколение воспитывались на постулате, что безопасность государства находится в прямой зависимости от количества уничтоженных (самыми разнообразными способами) и посаженных людей.

Не оглядываясь на целую вереницу своих расстрелянных министров, не смущаясь даже тем фактом, что всего за два года в тюрьмы были отправлены один за другим два министра госбезопасности Крючков и Баранников (и, право, никто не удивится, если вслед за ними отправят и Галушко), КГБ продолжает свои византийские игры, примеряя на свои щупальца то белых братьев Марии Цвигун, то боевиков Александра Баркашова, то выживших из ума идеологов Геннадия Зюганова, лихорадочно пытаюсь найти новые методы и средства в войне против собственного народа.

Нужна ли нам подобная служба безопасности, которая ни разу с 1917 по 1994 год не смогла обеспечить безопасность государства? Может быть, настала пора очистить от десятков тысяч антигосударственных и антинародных элементов, именующих себя "чекистами", целые кварталы многоэтажных зданий, которые они занимают во всех более-менее крупных городах, выкинув им вслед портреты их любимого Дзержинского, пока они своими играми не уничтожили Россию так же, как они уничтожили СССР?

Потому что ни Россия, ни СССР не являлись и не являются их Родиной. Они были всего лишь боевиками международной террористической организации, называвшей себя партией большевиков и гордившейся тем, что у нее нет Отечества. Сегодня сама банда исчезла, а ее "боевой отряд" продолжает действовать как ни в чем не бывало, превратив путчи и кровавые беспорядки в нечто вроде постоянно действующего аттракциона. Фантастика как у Кэрролла, когда кот исчез, а его улыбка осталась на дереве.

Совсем недавно последний председатель КГБ Вадим Бакатин заявил, что «любой из его людей покупается за 100 долларов», а год спустя знаменитый друг вице-президента Руцкого — душеприказчик покойной КПСС — Борис Бирштейн не без гордости объявил, что «КГБ им куплен на 100%». Это тоже вполне естественно,

поскольку у нашей службы безопасности всегда существовало врожденное желание действовать в союзе с кем угодно — лишь бы против ненавистного ей народа.

Примитивно было бы представлять себе эту борьбу как борьбу сторонников и противников демократии, поскольку, когда в стране не было и намек на демократию, эта борьба была еще острее.

Это даже не борьба двух коммунистических группировок, одна из которых, в очередной раз разграбив страну, перетекла в заранее созданные мафиозные структуры, оставив другую группировку буйствовать под красными флагами в надежде, что их услышат и выплатят ту долю, которую они считают своей.

Это даже не борьба мощных мафиозных группировок за монопольное право расхищать все, что еще осталось от былых богатств России.

Это продолжение той бесконечной войны, которая бушует на территории Руси, Российской Империи, Советского Союза. «Пятисотлетняя война»... — именно такого представления придерживался я в моей книге «Беспредел».

Война правительства против народа, война народа против правительства, война внутри любого правительства, война, раздирающая в течение многих веков народ. Война всех против всех. Никто уже не помнит, когда эта война началась, никто не знает, как ее закончить. Тоталитарные методы правления и внешние войны приглушали эту многовековую войну, но стоило прекратиться правительственному террору, как на правительство обрушивалась волна террора, которую условно можно назвать "народной".

Гром орудий, подавивший конституционный путч 14 декабря 1825 года, гром орудий, обрушивших снаряды на Кремль и Зимний дворец в октябре 1917 года, и гром орудий, в упор расстрелявших Дом Советов в октябре 1993 года, — это не звенья одной цепи, это залпы одной и той же войны, которая никак не может закончиться.

Другое дело, что многие группировки и отдельные люди, как внутри России, так и за ее пределами, отлично отдают себе отчет в имеющих место тенденциях и происходящих процессах многовековой войны и пользуются ими в своих целях, включаясь при этом в войну, в которой не может быть, по определению, ни победителей, ни побежденных.

В периоды тоталитаризма эта война кажется односторонней — правительство всеми средствами душит и давит народ. Но стоит тоталитарным тискам хоть немного ослабнуть, как война становится совершенно очевидной. Бомбы разрывают царей и государственных деятелей, грошовой вопросы решаются не иначе как с помощью установок "Град" и штурмовой авиации, оппозиционная пресса называет выбранного президента «главой оккупационного режима» и прямым текстом требует его ликвидации, вице-президент выражает готовность пристрелить президента собственными руками и истошным голосом призывает бомбардировщиков нанести удар по Москве. Но это — только видимая часть айсберга. Видимая и результирующая часть тех процессов, которые робко начались в августе 1991 года и, набирая силу, быстро привели к хаосу и беспределу. Их почему-то принято называть демократическими, хотя к демократии они не имеют ни малейшего отношения.

И остановить эти процессы можно было только танками, что и произошло. Но остановить эти процессы — это не значит остановить войну.

Война продолжается...

И. Бунич

М Е Ч
ПРЕЗИДЕНТА

**Всем тем, кто погиб НИ ЗА ЧТО
в октябрьские дни 1993 г.**

"Господь! Неужто это чудище
С врагом сражалось нашей ратью,
А вождь был только рукоятью
Его меча, слепой, как мы".

Даниил Андреев, "Апокалипсис"

Танк вздрогнул от запускаемого двигателя, выхлопнул голубоватый дымок и грозно повел своим мощным 125-миллиметровым орудием... На танки, подобные этому, возлагались большие надежды, а потому все послевоенное время, то есть в течение полувека, они постоянно совершенствовались, впитывая, подобно губке, лучшие инженерные решения и высокие технологии из самых разных областей науки, как фундаментальной, так и прикладной.

Композитная броня, рассеивающая смертоносную кумулятивную струю, но в то же время непроницаемая и для бронебойных снарядов. Гироскопическая башня, лазерный прицел, цифровые процессоры целеуказаний, радары поиска и фиксации цели, работающие в автоматическом режиме, мощные форсированные двигатели, позволяющие развивать скорость до 70 км/час. Эти танки с одинаковой легкостью шли через снега и пески, болота и размытые горные дороги. Их боевые характеристики были доведены до возможного максимума на многочисленных полигонных испытаниях и проверены в реальных боевых условиях: в огне Афганистана, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Десятки тысяч этих

танков, сконцентрированных на линии водораздела между Западом и Востоком, вдоль границы ГДР и ФРГ, Австрии и Чехословакии, служили предметом вечной головной боли у стратегов НАТО, понимавших, что остановить этот танковый вал, если он накроет Западную Европу, обычными средствами будет невозможно, что заставляло постоянно отказываться от неприменения первыми ядерного оружия, давая дополнительные козыри советской пропаганде.

На многочисленных оперативно-командных и штабных играх советских вооруженных сил отрабатывались различные варианты кинжальных танковых ударов по Западной Европе с быстрым выходом к Ламаншу и побережью Атлантического океана...

Современные тренажеры и имитаторы давали возможность отработать тактические приемы использования танков прорыва в любых условиях, в том числе и в крупных городах с многомиллионным населением.

В огромном количестве штабных методик и наставлений было предусмотрено практически все: оптимальное расположение танков для поддержки здания рейхстага в Бонне, здания Национального собрания в Париже, здания Европейского парламента в Брюсселе и даже здания парламента в Лондоне с особым указанием, что на башне Биг-Бен могут быть развернуты специальные группы, вооруженные базаками и гранатометами. Компьютеры, обеспечивающие работу тренажеров, могли в доли секунды представить каждое из зданий в любой проекции, выделить наиболее опасные этажи и отдельные окна, подлежащие обстрелу из танковых орудий в первую очередь.

Все эти методики и наставления ждали своего часа в сейфах секретных отделов штабов различного уровня, готовые переключаться в боевые подразделения в нужный момент, диктуемый реальной обстановкой.

Но когда этот момент настал, нужного наставления не оказалось даже в Генеральном штабе. Пришлось импровизировать на ходу. Не было ни фотографий здания, ни схем подходов к нему через паутину улиц гигантского города, ни компьютерных проекций, даже простого плана на обычной синьке, хотя это, возможно, было самое крупное здание парламента в Европе, если не в мире.

НО ДАЖЕ В КОШМАРНОМ СНЕ НИКТО НИКОГДА НЕ ПРЕДПОЛАГАЛ, ЧТО ЗДАНИЕ ПРИДЕТСЯ КОГДА-НИБУДЬ ШТУРМОВАТЬ ВОЙСКАМ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ТАНКОВЫХ ОРУДИЙ, шквального огня бронетранспортеров и боевых машин пехоты, заглушающих уханье гранатометов и непрерывный грохот автоматных очередей.

В перекрестии сотен прицелов стояло величественное белое здание Верховного Совета РСФСР, увенчанное башней с огромным барельефным изображением герба погибшей империи и часами, стрелки которых остановились в 10 часов 3 минуты утра 3 октября 1993 года, когда в гигантское здание ударил первый танковый снаряд...

А на танках, как и в былые времена, когда они, подняв тучи пыли на бесчисленных танкодромах, жадно поводили огромными орудийными стволами в сторону сулящего богатую добычу Запада, алели красные звезды. Красные звезды с "серпами и молотами" алели на фуражках, беретах и пилотках офицеров и солдат, поливающих свинцовыми очередями здание Верховного Совета собственной страны. Клубы густого черного дыма, вырывающиеся вместе с языками пламени из расстрелянных окон, закоптили вместе со всей верхней частью здания и огромный серп и молот на барельефном гербе.

Казалось, что вкладываемая десятилетиями в души людей энергия уничтожения, в слепой ярости, подобно вырвавшейся разрушительной стихии, обрушилась на своих создателей, потерявших контроль над созданным их же руками монстром. Чудовище, выращенное для уничтожения и пожирания соседей, но лишенное этой возможности, бросилось на своих хозяев. Мало тех, кто осознал этот факт достаточно четко, хотя многие понимали это инстинктом, пытаясь повернуть чудовище и его нерастратенную энергию разрушения на периферию страны. И чудовище, лязгая танковыми гусеницами, воя авиационными двигателями, рыча установками "Град", захлебываясь пулеметными и автоматными очередями, изрыгая огонь и смерть, пронеслось по окраинам развалившейся страны, извиваясь, норовя выйти из-под контроля полностью, нацеливаясь на сердце бывшей империи — Москву.

Советская империя за долгие годы своего существования фактически ничем не занималась, кроме производства оружия в совершенно немислимых количествах. Это диктовалось и безумными идеями ее основателей, и

неверно понятой логикой развития мировых процессов, и вечным страхом перед собственным народом, лучшим способом оболванивания которого был признан лязг оружия.

Это было уже не одинокое "чеховское" ружье, обязанное выстрелить в последнем акте только потому, что в первом оно висит на стене. Все четыре стены советского "дома" были завешаны гроздьями самого различного оружия, оно грудями лежало на полу и гирляндами свисало с потолка. По методу Станиславского, оно обязано было начать стрелять, и стрельба началась...

Запылала Средняя Азия и Кавказ, загрохотали орудия в Молдове, танки залязгали по улицам прибалтийских столиц и, практически не останавливаясь, ворвались в Москву в августе 1991 года, завершая целую вереницу своих походов по столицам: Будапешт, Берлин, Прага, Кабул, Тбилиси, Баку, Вильнюс, Москва.

Смертоносная змея закусила собственный хвост, ужас охватил противоборствующие стороны в августе 1991 года при виде развернувшейся перед ними бездны, на краю которой они оказались.

Великая атомная сверхдержава готова была не только развалиться, что с ней уже произошло, но и провалиться в тар-тарары, потеряв последние остатки государственности и превратясь в груды архаических развалин, оцетинившихся ядерным оружием.

Танки и бронетранспортеры, перепахав улицы собственной столицы, воздержались от стрельбы вообще, и по Белому Дому в частности, где засели сторонники президента Ельцина, готовые, по их собственным словам, защищаться до последней капли крови.

С одного из танков Ельцин, как Ленин с броневика, объявил о начале новой эпохи в истории страны — эпохи демократии, свободы и права, основанной на демократическом, принятом во всех "великих демократиях" мира, разделении властей на исполнительную, законодательную и судебную, на полной свободе печати и слова, общественных собраний и манифестаций. И чтоб никто уже не мог этому помешать, было торжественно объявлено о запрещении и роспуске КПСС, о передаче ее собственности в казну.

Все это внесли в старую сталинско-брежневскую конституцию и торжественно поклялись ее неукоснительно соблюдать, забыв только об одном...

Впрочем, возможно, и не забыли, а просто не знали за неимением опыта. Не знали о том, что "ДЛЯ ТОГО, КТО ЛЮБИТ ДЕМОКРАТИЮ, ТА СОЗДАЕТ ТОЛЬКО ОДНИ ПРОБЛЕМЫ, ДЛЯ ТОГО, КТО ЕЕ НЕНАВИДИТ — НЕОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ".

Так и случилось.

Ельцин, Руцкой и Хасбулатов, обнявшись, позировали перед телекамерами всех информационных агентств мира. Это выглядело эффектно, особенно на фоне понуро спускающегося по трапу Горбачева, освобожденного из форосского заключения. Одетый в поношенный пуловер, президент СССР сопровождался автоматчиками, по виду которых трудно было сказать: эскорт или конвой.

Каждому школьнику в необъятной стране было известно, что Горбачева предали его ближайшие сотрудники.

Вице-президент Янаев, коварно вознамерившийся стать президентом.

Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов, коварно вознамерившийся стать генсеком.

Председатель КГБ Крючков, коварно мечтающий, как и все его предшественники, о личной диктатуре.

Министр обороны — маршал Язов, никому неизвестный генерал, которого добряк Горбачев, в обход всех законов, сделал маршалом, о чем тот и во сне не мечтал. А став маршалом, видимо, возгордился и коварно возмечтал стать генералиссимусом.

Их всех, включая еще дюжину разных мелких людей (от начальника охраны до начальника канцелярии), отправили в тюрьму и возбудили уголовное дело по подстрельной 64-й статье.

То-то было радости и всенародного ликования.

Русский народ веками радовался, когда разных там министров и вельмож волокли на плаху или бросали в тюрьму, или когда самого царя вместе со всем его семейством ставили к стенке. Не меньше он радовался, когда членов ЦК и вчерашних маршалов-кумиров расстреливали или превращали в лагерную пыль.

Радостно шумел народ на митингах, всемерно одобрял и даже иногда требовал, чтобы и еще кого-нибудь посадили или расстреляли. И никогда, особенно за последние 70 лет, народу в этом не отказывали.

Возрадовался народ и на этот раз.

При огромном стечении московского народа вышли на балкон Белого Дома в обнимку Ельцин, Руцкой и Хас-

булатов в виде триединого союза: президент, вице-президент и спикер.

Похоронили трех, задавленных танками той суматошной ночью, и стали строить новую демократическую Россию, которая впервые за свою тысячелетнюю историю должна была превратиться в правовое государство. О чем все торжественно поклялись на сталинско-брежневской конституции. А в доказательство, что не шутят, свернули памятник Феликсу Дзержинскому, что возвышался на Лубянской площади напротив КГБ.

Шлюз демократии был вторично открыт после февраля 1917 года. То, что тогда вылилось через этот шлюз на страну, было общеизвестно и еще очень свежо в памяти.

Все с интересом стали ждать, что выльется на страну через этот шлюз при его вторичном и столь шумном открытии.

Ждать пришлось недолго. Почти мгновенно обвалился и с треском развалился Союз Советских Социалистических Республик. Оказалось, что военно-полицейские империи могут существовать только в условиях тоталитарного управления.

Это была теория, которую знали почти все, но, как водится в России, никто к теории серьезно не относился. А проще говоря, никто в нашей стране ни в какие теории никогда не верил. Поэтому, когда развал страны стал свершившимся фактом, многие были захвачены врасплох.

Некоторым утешением служило то, что Россия была объявлена суверенным государством, а по разным телеканалам демонстрировались одиночные камеры "Матросской тишины", где в элегантных спортивных костюмах фирмы "Адидас" томились Лукьянов, Крючков, Язов, Янаев, Варенников и Павлов.

Это была новинка, поскольку народу никогда не показывали, как, скажем, томятся в камере Бухарин, Ежов или Берия. Или хотя бы маршал Кулик.

На этом фоне еще эффектнее выглядели кадры нерушимого триумvirата: Ельцин — Руцкой — Хасбулатов. Изза могучего плеча Ельцина выглядывал Ростропович, впервые в жизни, во имя спасения Родины, сменивший виолончель на автомат Калашникова. Из-за плеча Руцкого виднелось популярное лицо Никиты Михалкова. А Хасбулатов молча посасывал трубку, потеряв много

сил в борьбе с Бабуриным за место председателя Верховного Совета РСФСР.

Союз исполнительной и представительной властей с лучшими представителями национальной интеллигенции, по традиции живущей либо постоянно, либо большую часть времени за рубежом, символизировал национальное единство и общественную гармонию как нельзя лучше. Даже трубка Хасбулатова пока не вызвала никаких аналогий. И он, и Руцкой любую речь и даже короткое сообщение начинали следующими словами: "Борис Николаевич поручил мне..." или "Я сегодня встречался с Борисом Николаевичем, и он решил..."

В такой идиллии незаметно пролетела вся вторая половина 1991 года.

В самом начале 1992 года суверенная Россия, как птица-тройка, лихо развернувшись на колдобинах старого тоталитарного пути, попыталась перелететь на широкую, асфальтно-бетонную магистраль рыночной экономики. И сразу убедилась, что современные автострады совсем не предназначались для лихих троек...

Шел январь 1992 года...

Сноп огня вырвался из танкового орудия. Тысячеглоса ахнула толпа, запрудившая площадь Свободной России. Гром выстрела ударил по барабанным перепонкам, посыпались стекла в соседних домах. Где-то в районе четырнадцатого этажа здания Всероссийского парламента вырастает причудливый белый цветок с остроконечными лепестками, огромный и страшный, — рокот накрывает площадь.

Через пустые глазницы окон валят клубы черного дыма, летят какие-то бумаги, оседая на площадь стаей причудливых птиц, водопадом осыпаются стекла с нижних и верхних этажей.

Снова залп из танковых орудий, совпавший с яростным лаем скорострельных пушек бронетранспортеров...

На ультракоротких волнах все, кто имел включенными ультракоротковолновые диапазоны своих приемников, мог услышать истерические крики бывшего вице-президента страны, а ныне параллельного президента, Александра Руцкого. Сидя под массивным письменным столом для совещаний, почти в полной темноте Руцкой кричал в микрофон: "Помогите! Я вас умоляю! Помогите! Они убивают всех... Женщин и детей... Расстреливают... Я вас умоляю, помогите! Летчики поднимайте самолеты!"

Бомбите Кремль! Там банда... Преступная банда! Они убили здесь уже 500 человек! Я умоляю вас!"

Хасбулатов, молча, сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Накутившись, он был внешне спокоен. Такова воля аллаха. Он поднял его, ссыльного чеченца, на небывалую высоту в фактически чужой и враждебной стране. Он снова бросает его в бездну.

Взрыв грохнул где-то в соседнем помещении. Послышались крики. Сначала просто неразличимый вой, а затем вопль: "Носилки! Помогите раненым!". Снова грохот и звучная дробь автоматных очередей.

ШЕЛ ОКТЯБРЬ 1993 ГОДА.

Не прошло еще и двух полных лет демократического развития суверенной России, а в центре Москвы уже били танки.

Где-то в темном кабинете, откуда истерически звал на помощь Руцкой, среди вороха разбросанных по столу бумаг, лежал приказ об аресте и расстреле президента Ельцина, об аресте всех членов его семьи в лучшем духе старых коммунистических традиций.

Сквозь треск помех работающей на прием рации прозвучал знакомый голос: "Руцкой, сдавайся!"

Бывший вице-президент всхлипнул в микрофон: "А если сдамся, то расстреляете? А? Убьете?".

"Там посмотрим,— сказал голос.— Что с таким пидаром и козлом делать? Ты же застрелиться обещал."

"Х... вам!— зло завопил Руцкой.— Не дождетесь, е... вашу мать, чтобы я застрелился. Я еще всю правду расскажу про вас всех!"

Вместо ответа из рации неожиданно грянула песня: "Дождливым вечером, вечером, вечером, когда пилотам, прямо скажем, делать нечего..." Слезы текли по щекам Руцкого.

"Виктор,— продолжал от истерически кричать в микрофон,— ты меня слышишь, е... твою мать?! Ты за все мне ответишь, тварь!"

"Отвечу,— согласился голос.— Ты выйди, дурак, на балкон. Там 10 дивизий, которых ты ждешь, пришли к тебе присягать. Долго они ждать будут? Давай, сдавайся. Мы знаем, где ты сидишь. Сейчас из танка тебя приголубим так, что и хоронить будет нечего. Ты понял?"

Неожиданно ожил стоявший на полу селектор. Голос Сергея Парфенова, как всегда спокойный, доложил: "Альфа" в здании".

Руцкой схватил трубку радиотелефона и, тяжело дыша, стал набирать код из четырех цифр. Никто не отвечал.

Снова раздался голос Парфенова: "У них приказ стрелять на поражение, если мы окажем сопротивление. А потом, поди разбери, оказывали мы сопротивление или нет".

Наконец, телефон ответил, и Руцкой, захлебываясь, срывающимся голосом закричал: "Валера, это ты, е... твою мать? Ты что, скрылся? Помоги, погибаем. Что?"

"Сдавайся, Саша,— мягким голосом посоветовал председатель Конституционного суда России Валерий Зорькин.— Не получилось на этот раз. Сдавайся."

"Как сдаваться,— орал в трубку Руцкой.— Валера, я только что послал с белым флагом — располосовали людей. Потом подошли и в упор добили. Ведь тот же Ерин дал команду: свидетелей не брать. Они знают, что у нас звукозаписи есть, видеозаписи, начиная со второго числа: кто давал команды, когда давал команды, где стреляли, как убивали людей. Неужели ты не понимаешь, мы живые свидетели! Они нас живыми не оставят. Я тебя прошу, звони в посольства. Посади человека, пускай звонит в посольства..."

"Саша,— все также мягко проворковал Зорькин.— Мне Черномырдин и Ерин гарантировали твою личную безопасность..."

"Врет Черномырдин! Врет Ерин!— завизжал Руцкой.— Я тебя умоляю, Валера! Ну, ты понимаешь?! Ты же верующий, е... твою мать! На тебе же будет грех!"

"Что я могу сделать?— в голосе председателя Конституционного суда появились нотки раздражения.— Начни переговоры..."

"Валера,— тяжело дыша, путаясь в словах, кричал Руцкой.— Они бьют из пушек. Из пушек! Если бы ты сейчас увидел, на что сейчас..."

"Вы сами не стреляйте",— посоветовал верховный юрист страны.

"Да не стреляем мы!— со злостью заорал Руцкой.— Ты посмотри — тишина. Вот я отнимаю трубку от уха, послушай, — тишина!"

"И чудненько, Саша,— ответил Зорькин.— И они не стреляют. Я вижу по телевизору. Вот и начните переговоры..."

"Идет перегруппировка,— перебил его бывший вице-президент.— Танки разворачиваются в боевой поря-

док. Будут бить залпами. Я тебя прошу, звони в иностранные посольства, пускай иностранные послы едут сюда".

"Ну, ты понимаешь,— уже со злостью сказал Валера.— Что я буду позориться — звонить в посольства. Я снова позвоню Черномырдину и Ерину и предупрежу их о персональной ответственности..."

"Черномырдин и Ерин врут,— снова сорвался на визг Руцкой.— Не надо им звонить! Ты лучше связывайся, как я тебе, е... твою мать, сказал, с иностранными посольствами! Посади человека, пускай связывается! Ну, неужели мировое сообщество даст расстрелять свидетелей?! Ведь надо разобраться потом будет. Ведь они убийцы, ты понимаешь или нет? Руслан, скажи ему... Але! Валера! Але! Падла, бросил трубку! Сука! Руслан, позвони ты... Ну, что ты сидишь, как мудака? Убьют же нас всех сейчас, Руслан!"

Но Хасбулатов молчал.

Может быть, именно сейчас, в момент, когда стало уже совершенно ясно, что все его планы рухнули, в просветлении наркотического покоя, он вдруг с полной остротой осознал, что произошло.

Его обыграли в наперсток с такой же простотой, с какой обыгрывают на площади, у Курского вокзала, впервые приехавшего в столицу дубового провинциала, пожелавшего слегка поразвлечься и проигравшего за 10 минут все: и наличные деньги, и шмотки, и даже дом в Орловской области. Даже жену с детьми. И все с простотой необыкновенной.

Как же он так, как глупая муха, попался в паутину. Казалось, все было взвешено и продумано до мелочей.

Всем надоевший, малограмотный и вечно пьяный президент. (Видел ли он сам президента пьяным? Вроде, нет. Да, пили вместе, но все было в полном ажуре, как говорится. Но показывали видеозапись, и не одну, сделанную людьми Баранникова, и еще раньше — свердловским КГБ по приказу Андропова. И столько показаний и рассказов. Начиная со знаменитой статьи в "Правде", якобы перепечатанной из итальянской "Републик", до рассказа Вощанова, как Ельцин, прилетев на встречу с госсекретарем США, был настолько пьян, что был не в состоянии выйти из самолета. Встречу отложили, сославшись на внезапную болезнь. "Не верь ничему, чего не видел собственными глазами",— гласит мудрая кавказская пословица. Поздно она ему вспомнилась!)

Цвет нации, собравшийся в Верховном Совете и вокруг него, открыто призывающий его, спикера, спасти страну, свергнув оккупационное правительство, которое, развалив страну, разрушив экономику и доведя до крайней нищеты народ, ныне продолжает проводить антинародную внутреннюю и внешнюю политику, уничтожая последние остатки русской государственности.

Хасбулатов хорошо знал, что это не так. Он стоял рядом с Ельциным, когда развалился Советский Союз, ограбленный до нитки смывшейся с исторической сцены КПСС. Он был в числе тех первых лиц нового российского руководства, которые пришли в ужас при виде того наследства, которое им оставила, сбежав, преступная партия коммунистов, успевшая напоследок еще раз засунуть страну на три десятилетия вперед в финансовую кабалу Запада.

Будучи экономистом по образованию, Хасбулатов лучше других понимал, что меры, предлагаемые группой Гайдара, сулят хоть долгий и мучительно трудный, но выход из того смертельного тупика, в который загнали страну бредовые идеи Ульянова-Ленина и последующие 70 лет политического и экономического маразма.

Именно ему, экономисту, представителю гордого, репрессированного народа, президент вручил руководство Верховным Советом России, хотя многие советовали этот Верховный Совет разогнать и назначить новые выборы еще тогда, в 1991 году, сразу после провала коммунистического путча.

Не обманывая самого себя, он понимал, что Ельцин "вручил" ему Верховный Совет, заставив после провала августовского путча в страхе замолкнуть визгливую коммунистическую трясину парламента, которая категорически не хотела нацмена Хасбулатова, пытаясь проташить на этот пост своего прямого ставленника, молодого юриста, авантюриста из Омска, Сергея Бабурина, имеющего, помимо всего прочего, и прекрасные рекомендации от КГБ.

Но победа никогда не бывает полной, а тут ее не было и вообще. Была опасная иллюзия победы, вылившаяся в опасную эйфорию, которая, в свою очередь, привела к полной безответственности на всех уровнях. К той самой безответственности, что на Руси всегда называлась "вольницей", а ныне стала называться демократией. Веками в России слово "свобода" служило только антонимом "тюремного заключения", а близкое по значе-

нию слово "воля" — синонимом полной анархии и безответственности.

До сих пор никто толком не понимает значения английского слова "либерти", считая, что это не более, чем тип американских транспортных судов, в большом количестве переданных по лендлизу в годы второй мировой войны.

Там, где этого слова не понимают, свобода либо не приживается и уходит непонятой, провожаемая автоматными очередями, либо приводит к последствиям, которые не способен предвидеть ни политолог, ни астролог.

Разделение властей немедленно привело к хаосу власти. Вернее, никакого разделения властей не было, а произошло то, что могло произойти только в России: разделение правящего номенклатурного аппарата.

Веками Россией правил несокрушимый бюрократический аппарат. "Не я правлю страной,— заметил как-то в порыве откровенности император Николай I,— а сотни столоначальников".

После переворота 1917 года новый партийно-бюрократический аппарат, превратившийся на океанах народной крови в мощную цитадель партийной номенклатуры, привык править страной безотчетно и безответственно, имея в виду только собственные внутриэлитные интересы.

Разделенный после августовского путча 1991 года на две части, аппарат сразу же почувствовал дискомфорт от наличия еще какого-то параллельного аппарата, обладающего практически теми же полномочиями власти и не меньшим аппетитом.

Название тут не имело большого значения; какая ты власть, исполнительная или законодательная, — главное власть. А слово это в нашей стране всегда понималось однозначно: безраздельное господство над богатствами страны, ее народом и полное агрессивное нежелание что-либо менять в этом отношении.

Таким образом, вместо одной номенклатурной цитадели в послепутчевой России их возникло две, мгновенно погрязнувшие в острейшей конфронтации друг с другом по тривиальному вопросу: кто из них главнее и кто должен всем распоряжаться.

На освещенной авансцене все это в начале выглядело почти академической дискуссией: какой должна стать будущая Россия — парламентской или президентской республикой? А за кулисами сразу же началась

ожесточенная война, ведущаяся без всяких правил и даже без намека на какое-либо подобие политического и дипломатического этикета.

Коммунисты, придя в себя от кратковременного августовского шока, увидев, что никто не только не собирается их запрещать, но и даже хоть как-то ограничивать их деятельность, быстро оправились и стали громко требовать политической реставрации в стране, затем с прогрессирующей наглостью перешли к конкретным действиям по всему широкому фронту внутривнутриполитической и хозяйственной жизни страны.

Отлично понимая, что старая марксистско-ленинская идеология, с помощью которой они в течение семи-десяти лет грабили и истребляли народ, себя полностью изжила, коммунисты, за неимением ничего лучшего и подчиняясь своему генетическому инстинкту людоедства, быстро сомкнулись с многочисленными националистическими, профашистскими и откровенно фашистскими полупартиями-полубандами, которые, как поганки после дождя, буйно проросли на всем пространстве посткоммунистической России, вскормленные и вспоенные деньгами покойной КПСС.

Даже ленинская "Правда", еще недавно бетонно-официальный форум "самого верного в мире учения", даже не сбросив с себя коммунистических орденов и не изменив шрифта, стала печатать статьи о кровожадных жидах, упивающихся кровью невинных христианских младенцев, а затем уходящих от ответственности с помощью золота и продажных адвокатов. В качестве примера приводилось дело Бейлиса.

Можно себе представить, что сказал бы основатель этой газеты, прочитав эту статью. А прочел бы обязательно, ибо каждый рабочий день у него начинался с чтения именно "Правды", которую он негласно редактировал. Наверное, он бы не сказал ничего, а просто, по своей привычке, приказал бы Феликсу Эдмундовичу расстрелять всю редакцию газеты, добавив: "С наборщиками также разберитесь, батенька. Не замешан ли кто?"

Сам же основатель газеты "Правда" продолжал и в посткоммунистической России возлежать в своем помпезном мавзолее. И каждый час, под бой кремлевских курантов, гвардейцы кремлевского полка, печатая шаг, заступали на "пост N 1", а два научно-исследовательских института со штатом в 1600 человек продолжали

работать над телом и мозгом незабвенного вождя мирового пролетариата.

Несмотря на многочисленные публикации, показавшие истинный, звериный и человеконенавистнический образ Ленина, Дзержинского и их сообщников, ленинские "истуканы" продолжали десятками стоять в крупных городах непременными символами непререкаемого божества, возвышаться у гор- и сельсоветов, украшать официальные залы и начальственные кабинеты.

Что касается Феликса Дзержинского, то, если не считать памятника ему на Лубянской площади, попавшего под горячую руку разъяренной толпы в августе 1991 года, его имидж почти не пострадал. Портреты железного Феликса продолжали украшать официальные кабинеты славных продолжателей его кровавых дел, все еще гордо именующих себя "чекистами".

Родная партия как бы исчезла, но ее боевой отряд, оставшись беспризорным, совсем не спешил отказываться от методик и задач, завещанных покойной родительницей.

Они, как всегда, оставались в тени, их не было видно, но во все поры посткоммунистического общества доносилось их жадное и хищное сопение, выдающее нетерпеливое желание снова кинуться на ненавистный народ и упиться, по привычке, его кровью.

Коммунистические бонзы-секретари обкомов и горкомов, родовая аристократия советского периода, поняв гениальный замысел своего последнего генсека Михаила Горбачева, вовремя успела перебраться в Советы или скрыться за широкой спиной президента Ельцина.

Годами они вырабатывали в себе полное презрение к собственному народу, называемому сквозь зубы населением, и в новых условиях собственного официального краха и развала "любимой родины" — Союза Советских Социалистических Республик — вовсе не желали отказываться от своих "законных" прав и привилегий, а, напротив, делали все, чтобы еще на порядок поднять роскошь собственного бытия, не оглядываясь при этом, даже для приличия, на судьбу родины, не говоря уже о народе, в который уже раз обманутом и ограбленном.

В таких условиях разделение властей и не могло привести ни к чему другому, как к созданию двух мощных, чисто феодальных кланов, один из которых группировался вокруг президента, делая отчаянные попытки

въехать в рынок с огромным военно-промышленным комплексом на спине.

Этот комплекс, составляющий 90% всего национального промышленного хозяйства, не желал ничего даже слушать о каких-то конверсиях, продолжая заваливать погибающую страну горами оружия, которое уже не находило сбыта ни за рубежом, ни в собственной стране. Глухой, непробиваемой стеной стояли гордые бароны ВПК, вещая с трибун многочисленных симпозиумов и конференций всех уровней, временами переходя в открытый плач, о снижении государственных субсидий, о гибели всей славянской культуры, которая, по их мнению, не сможет существовать, не имея перед собой четкого врага, а не расплывчатый жидо-масонский призрак.

Они требовали четкой военной доктрины, пусть не такой прекрасной, как у почившего СССР, стремившегося к всемирному коммунистическому будущему, то есть к мировому господству, но хотя бы такой, которой и в мирное время необходимо было бы две-три тысячи танков в год и соответствующего количества прочего оружия.

Другими словами, они требовали себе львиную долю государственных расходов, решительно отказываясь перестраивать производство и выпускать вместо чудовищных подводных лодок, тысяч танков и ракет какие-то рыбацкие катера, холодильники, утюги, чайники или детские игрушки. Даже фермерская мини-техника, способная вывести страну из хронического сельскохозяйственного кризиса, вызывала в них дрожь омерзения.

Разве можно сравнить изящный многопрофильный мини-трактор с ракетным комплексом тройного лазерного наведения, которому, благодаря его мобильности, нет аналога в мире? И правительство продолжало бросать в жадную пасть ВПК триллионы, галопируя инфляцию, вздувая цены на все, чтобы иметь возможность выкупить из ВПК очередное чудовище, способное уничтожить быстро и эффективно все, что угодно, но бессмысленное и никому не нужное в реальных условиях.

Десятки, сотни тысяч высококвалифицированных рабочих и инженеров, цвет научной и технической мысли нации, загнанные преступным коммунистическим режимом и его безумной идеологией в тупик военного производства, с удивлением (что случилось?) и надеждой (что делать?), смотрели на своих директоров.

Директора всегда появлялись перед народом вкупе с местным председателем совета, бывшим секретарем обкома, или каким-нибудь вельможным депутатом из бывших завотделами того же обкома. Суть их обращений к народу обычно сводилась к следующему: хотели Ельцина, хотели демократов, вот и подавитесь теперь ими!

Какой же выход они видели из создавшегося положения? Только один: возвращение к старым добрым временам Советского Союза с его военноплицейской идеологией, позволяющей при полном молчании народа конфронтировать со всем миром и жить в свое удовольствие.

Гордые бароны ВПК быстро сколотили собственную партию, которую возглавил поначалу Аркадий Вольский, бывший генерал КГБ и ответственный работник ЦК, для которого идеалом руководителя являлся Юрий Андропов, что и понятно, поскольку именно Андропов слепил из мелкого партчиновника Вольского достаточно крупного функционера, чтобы тому претендовать на высшие государственные должности в посткоммунистической России.

Хитрый и расчетливый Вольский, назвав свою партию "партией центра" (этакие мирные центристы), отлично понимал, что по нынешним временам любая попытка реставрации (это легко сказать: "восстановим Советский Союз", а как это сделать?) может легко привести его с удобного и мягкого кресла партийного лидера на жесткие нары "Матросской тишины", где более года промаялись некоторые его дружки как по работе в КГБ, так и в ЦК.

Как настоящий стратег, Вольский решил действовать из недостижимого для противника штаба руками "полевых командиров", избрав на эту роль вице-президента Руцкого, амбициозного, но очень недалекого человека, и спикера парламента Руслана Хасбулатова, не менее амбициозного, чем Руцкой, но в отличие от него гораздо более образованного и наглого.

Руцким Вольский прикрылся как щитом, сделав его лидером собственной партии, а на Хасбулатова, еще в середине 1992 года, спустил целую свору председателей региональных советов, директоров промышленных гигантов и тому подобную публику, которая совместно с мощной коммунистической фракцией, назначенной в Верховный Совет еще до августа 1991 года по так называемому "списку КПСС", быстро превратила законодательный орган в рупор тех, кто страстно желал вернуться во вче-

рашней день к столь милому их сердцу тоталитаризму, главным из достоинств которого было, естественно, "закрытое общество", когда никто ничего не знал об их делишках, а интересующимся давали срок либо за клевету, либо за шпионаж.

Под каким "соусом" возвращаться к такому простому и надежному режиму большинству было совершенно безразлично. Не получится с марксизмом, можно попробовать вернуться верхом на национализме, откровенном фашизме или даже какой-нибудь клерикальной идеологии: смеси православия, идей "Белого братства", антисемитизма и устава КГБ.

Обрастая все более странными группировками откровенно маразматического толка, Верховный Совет резко изменил курс на конфронтацию с правительством и особенно с президентом, считая именно Ельцина источником всех бед страны, как нынешних, так и прошлых.

Устно и в печати президента обвиняли в том, что в прошлом он был парработником высочайшего ранга (для тех, кто видел в коммунизме величайшее зло России), что он алкоголик, допившийся уже до белой горячки (для интеллигенции, чтобы пришла в ужас), что он к тому же еще и еврей (для всех остальных) и посланец сатаны, антихрист (для наиболее передовой части населения, влюбленной в мистику).

Таким образом, Кремль, во всей красоте своей средневековой причудливости, со всеми символами военно-клерикальной империи далекого прошлого и военно-полицейской державы вчерашнего дня, и огромный, суперсовременный Белый Дом превратились в нарицательные символы двух ветвей власти, сцепившихся в непримиримой борьбе.

Все попытки вывести страну из средневекового маразма, куда ее загнали "бессмертные идеи" Ленина-Сталина, привели к новой, но типично средневековой ситуации: политической поляризации государственной олигархии вокруг даже не короля и парламента, как, скажем, в Англии и Франции в середине XVII века, а вокруг нерешительного короля и могущественного феодала, претендующего на трон.

Нечто подобное можно увидеть во Франции XV века в конфронтации короля Людовика XI и герцога Бургундии Карла Смелого, хотя Людовик XI больше напоминает Хасбулатова, а Карл — Ельцина. Но победил король!

Практически весь 1993-й год власти не занимались государственными делами, а только боролись друг с другом. Оставленная на произвол стихий, страна медленно тонула в трясине чиновничьей коррупции и криминального беспредела, наслаждаясь телепередачами, где противоборствующие стороны разве что не крыли друг друга матом публично.

Становилось ясно, что дело может кончиться лишь ликвидацией одной из "ветвей" быстрым и точным ударом топора. Беспokoил вопрос: не приведет ли этот удар к новой гражданской войне, которая в стране, напичканной ядерным и химическим оружием, может легко перескочить с одной шестой части суши на оставшиеся пять шестых, сделав вполне реальными многочисленные предсказания о неизбежном конце света до исхода столетия.

Постоянно транслируемые заседания Верховного Совета убедили, лучше всего другого, общественное мнение страны, что для спасения демократии необходимо ликвидировать парламент. Парадокс вполне достойный России, где либералы, христианские демократы и конституционные демократы (наследники легендарных "кадетов"), не успев создаться, быстро превратились в какую-то непонятную смесь большевизма, жидоборства и религиозного кликушества.

Впрочем, все они мало отличались и от послепутчевых коммунистов, которые, не моргнув и глазом, объявили свое учение светским воплощением православия, где наряду с Иисусом преспокойно соседствовали Ленин и Сталин, одними своими "божественными" ликами низвергая христианство в веселую карусель черного язычества.

Все вместе они составили такую пеструю красно-коричневую смесь, что никакие политологи не могли в ней разобраться, предлагая это сделать психиатрам.

Пока психиатры что-то осторожно говорили и писали о "маргиналах", пролезших в политику, Верховный Совет на глазах трансформировался из советского чисто декоративного привеска к КПСС в какую-то смесь сумасшедшего дома, ревкома времен военного коммунизма и уголовной малины самого кровожадного толка, где тон стали задавать бывшие депутаты разогнанного Верховного Совета СССР, мечтающие только о том, чтобы поскорее поставить к стенке своих политических противников. Впрочем, выражение "поставить к стенке"

было наиболее мягким из их страстных желаний, настолько страстных, что их постоянно высказывали вслух на очень высокой тональности.

Кокетливая Сажи Умалатова, например, считала, что Ельцина и его окружение "следует повесить за ноги".

Генерал Макашов мечтал о разъяренной толпе, которая разорвала бы Ельцина и его "жидовскую свору" на куски.

А потерявший в припадках истерики свой былой вальяжный имидж Иона Андронов требовал, чтобы все "ельциноиды" (он был автором этого термина) были повешены на Красной площади публично. Причем выше всех должен был висеть не сам президент, а министр иностранных дел Андрей Козырев и тем самым освободить министерское кресло для самого Андропова.

Что говорить об этих людях, которые отлично понимали, что любое движение в сторону объявленных Ельциным реформ автоматически выбросит их из привычных мягких кресел, где они привыкли дремать с коммунистических времен, получая огромные оклады, еще более огромные квартиры и чарующие привилегии, как и положено в феодальном, иерархизованном до предела обществе.

Что говорить о них, если Александр Зиновьев, которого Запад некогда посчитал Свифтом эпохи застоя, тот самый Зиновьев, чьи книги, вроде "Зияющих высот", нимало способствовали крушению коммунистического режима, Зиновьев, арестованный по приказу Андропова, лишенный гражданства и высланный за границу, ныне вернувшись в "свободную" Россию, аж захлебнулся в истерике безумной злобы, поучая тех, кому совсем недавно втолковывал всю бесперспективность и бесчеловечность ленинско-сталинской системы.

"Вы должны сказать, — вопил вчерашний диссидент с мировым именем. — Отменить реформы! На виселицу реформаторов! Это предатели, это враги... Если бы я был молодым человеком, я бы стал террористом, я бы убивать их стал... Сталин не просто гений. Он был супергений! В этой ситуации нужен человек типа Сталина... Если такой человек появится (а он должен появиться), что он будет вынужден сделать в первую очередь? Арестовать Ельцина, Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе и их выкормышей и повесить! Повесить в 24 часа! Потом этих монархистов, радикалов, анархо-синдикалистов — всех в трудовые лагеря!"

Те, кто некогда читал книги Зиновьева, мягко говоря, недоумевали (еще недавно за чтение и хранение этих книг КГБ могло впасть, и делало это, немалый срок). Что произошло со старым буреизвестником демократии, в книгах которого Сталин, фигурирующий под кличками "хозяин" или "пахан", был низведен до уровня обычного бытового уголовника, стремящегося превратить огромную страну в уголовную полумалину-полузону и получившего в итоге "зону-малину"?

Недоумевающие просто забыли, кем был этот человек всю жизнь. А был он доктором марксистско-ленинской философии, серьезно изучая которую, просто невозможно было не свихнуться. Что и произошло. У всех марксистских теоретиков мозги поражены ненавистью, которая готова кровавой блевотиной обрушиться на кого угодно. Часто на своих.

Подобные настроения стали брать верх над любыми другими. Гнусная накипь постоянных неудач, социальных катастроф и политических крушений, сметенная в кучу ожидаемым полным разгромом, собралась под крышей Белого Дома, откровенно готовясь к "последнему и решительному".

Можно представить себе, какие законы принимало подобное "сообщество парламентариев", и что оно делало с полудохлой конституцией, принятой во времена Брежнева.

Знаменитая брежневская конституция после того, как из нее выбили 6-ю статью о "доминирующей роли КПСС", автоматически, как и следовало ожидать, рассыпалась, а после крушения СССР превратилась в анахронизм, напоминая пестрый свод феодальных законов времен Священной Римской Империи. Российская Федерация все еще числилась в этой конституции "социалистической республикой в составе СССР", и отменить это положение путем голосования не удалось даже с пяти попыток.

Кое-как в конституцию задвинули положение о разделении властей на основе классической демократии, однако уже следующая статья провозглашала, что власть в стране принадлежит Советам, а высшая (непререкаемая) власть — Съезду народных депутатов, выбранному в коммунистические времена с одной единственной целью: дать возможность Горбачеву увильнуть от карающей руки собственного Политбюро, сбежав в президенты СССР.

В президентах Горбачев долго не удержался, а придуманный им съезд остался в наследство "свободной" России. В нем, разумеется, преобладали коммунисты, которые, хотя и не были столь агрессивны в массе своей, как члены Верховного Совета, не требовали хором публичной казни президента, но и слышать ничего не хотели ни о досрочных выборах, ни о принятии новой конституции.

Старая мертвая Конституция их вполне устраивала, главным образом потому, что была мертвой и поэтому, блокируя все пути вперед, открывала единственный путь назад, в светлое коммунистическое вчера.

Готовясь к неизбежной схватке, депутаты Верховного Совета громоздили вокруг себя законодательную оборону, сводя на нет все попытки конституционного выхода из тупика.

Выход был один при нынешней мертвой конституции: самороспуск Верховного Совета с последующими выборами нового парламента и президента. Но об этом Верховный Совет и слышать не хотел.

Сама мысль о том, что их могут переизбрать, приводила депутатов в смертельный ужас, заставляя принимать меры, которые уже никому не казались дикими. Лихорадочно приватизировались ведомственные квартиры, дачи и служебные автомобили. Сыпались предложения о том, чтобы сделать пост депутата пожизненным и даже наследственным (как в средневековых европейских парламентах, где место депутата, как известно, покупалось и могло переходить от отца к сыну, а робкая попытка королевской администрации с этим покончить привела нескольких королей на эшафот).

И наконец, после нерешительной попытки Ельцина в марте 1993-го года как-то изменить положение, Верховный Совет, зайдясь в истерике, поставил на голосование вопрос об "импичменте" (модное западное словечко, означающее снятие президента с его поста до окончания срока полномочий) Ельцина, а когда это не удалось (главным образом из-за того, что кто-то пустил слух о стягивании к Верховному Совету войск), то принял очередную поправку в Конституцию, которая уже была превращена даже не в труп, а в некоторое подобие медицинского муляжа, где на макет человеческого тела налепливают, в целях экономии, все известные науке болячки и опухоли.

Согласно этой поправке, полномочия президента автоматически заканчивались при любой его попытке хоть как-то посягнуть на неограниченную власть Съезда и Верховного Совета.

И, естественно, обе стороны активно шпионили друг за другом, вербуя явных и тайных сторонников в лагере противника, покупая прессу и обливая друг друга грязью через средства массовой информации.

Президенту удалось перетянуть в свой лагерь нескольких помощников Хасбулатова, вроде Шумейко, Филатова и Рябова. В свою очередь, Хасбулатов перетащил на свою сторону вице-президента Руцкого и, что наиболее важно, министра государственной безопасности Баранникова.

На сторону парламента почти полностью перешел Фронт Национального Спасения, пестрый союз крикливых группировок, объединенных незамысловатым лозунгом "Бей жидов!" и своим рупором-газетой "День", на страницах которой совершенно откровенно печатались призывы к свержению строя и убийству президента.

Все попытки воздействовать на газету через суд кончались ее громкими победами в процессах и посрамлением истцов, представлявших Министерство печати, возглавляемое личным другом президента Полтораниным.

Обе стороны под прикрытием взаимных скандальных обвинений в коррупции и государственной измене маневрировали, готовясь к решительной схватке.

БОРЬБА СТАЛА ВСЕМ, ЦЕЛЬ — НИЧЕМ.

Цели просто никто не знал и не видел. Главным стало сокрушение противника. Ни одна из сторон не могла выскочить из своего врожденного большевизма. Только сокрушение!

В одном из своих последних публичных выступлений на так называемом Всероссийском совещании всех уровней Хасбулатов, призывая советы сплотиться в борьбе с президентом, устало признался: "Вы знаете, откровенно говоря, иногда я смотрю на себя со стороны и думаю: я это или не я, потому что вокруг такая нелепость, как будто мы попали в совершенно иррациональный мир. И я ловлю себя на такой мысли: нет, это не я, потому что я, нормальный человек, не мог участвовать в этих ненормальных делах. Но нас впутали в какой-то дьявольский круг, и мы, действительно, в этом дьяволь-

ском круге бегаем, бегаем и никак не можем из него выпрыгнуть..."

Хасбулатову, видимо, почаше следовало бы смотреть на себя со стороны, потому что в том же самом выступлении, вспоминая обещание президента к сентябрю навести порядок в стране, спикер заявил: "Примерно месяц назад, вы знаете это превосходно, президент объявил, что в августе проведет "артподготовку", а в сентябре "перейдет в наступление". Ну, прямо скажем, мы тогда отнеслись к этому с достаточной долей иронии: дескать, снова президент сказал что-то неудачное".

Тут Хасбулатов мерзко ухмыльнулся и изрек: "Может быть, был в каком-то особом настроении..." И щелкнул себя пальцами по горлу, демонстрируя известным всей стране жестом, в каком именно настроении был президент. Опять — пьяным в стельку.

Далее, осудив пьянство как таковое, спикер прозрачно намекнул, что пьяница-президент должен уйти со своего поста по-хорошему, и сорвал аплодисменты зала, заявив: "Раз, мол, пьет — наш мужик! Но если "наш мужик", так пусть мужиком остается и занимается мужицким трудом, а не государственным."

Затем Хасбулатов открыто призвал армию к неподчинению своему Верховному Главнокомандующему, каковым, естественно, являлся президент, и фактически раскрыл свои карты, обратившись к собравшимся со следующим призывом: "Я хотел бы обратиться с этой высокой трибуны к руководителям нашей страны, ко всем гражданам, к рабочим, крестьянам, интеллигенции, воинам армии, правоохранительным органам. Будьте бдительны; не дайте себя втянуть в авантюру, не дайте вовлечь себя в выполнение преступных замыслов..."

Если последуют антиконституционные действия типа чрезвычайного положения, президентского правления и тому подобного, сорвите эти действия...

Я бы предупредил Отечество: народ сурово осудит всех, кто поднимет руку на органы народовластия, попытается разрушить конституционный строй, ввести в любой форме чрезвычайное положение.

Я хотел бы сказать, что реакция наша должна быть решительной, жесткой, а не такой вялой, какой однажды уже была. Статья 121-6 не требует ни созыва съезда, ни постановления Конституционного суда, она говорит о

том, что в случае осуществления или попытки осуществления этих действий полномочия президента прекращаются немедленно!"

Хасбулатов знал, что говорил. Его информаторы, работающие в ближайшем окружении президента Ельцина, давно предупредили спикера, что на столе президента лежит еще неподписанный указ о разгоне Верховного Совета, назначении новых выборов всех ветвей власти, включая и президента, на 12 декабря и временном введении в стране прямого президентского правления.

Зная об этом, все, сгруппировавшиеся вокруг спикера, и он сам поняли, что наступает большая игра, забыв в азарте, что на карте, помимо судьбы страны, о которой много говорили, но никто не думал всерьез, лежат и их собственные головы.

Неправильное понимание обстановки в стране, в корне неверная оценка собственного влияния на события, отсутствие знающих свое дело аналитиков, способных правильно определить расстановку политических сил и прогнозировать события хотя бы на пару ходов вперед, привели Хасбулатова и его сторонников к убеждению, что следует спровоцировать Ельцина на введение в стране чрезвычайного положения, не оставив ему другого выхода (кроме, разумеется, ухода в отставку), а затем, ловко манипулируя муляжом мертвой конституции и переходящей в плач старобольшевистской демагогией, быстро расправиться с ним, временно посадить на место президента глупого генерала Руцкого и вернуться на старый, добрый коммунистический путь, замечательный тем, что он никуда не ведет.

Те силы, которые, не желая сами рисковать, задумали убрать президента Ельцина руками своих марионеток Хасбулатова и Руцкого, вовсе не ставили на этих двух, уже достаточно скомпрометированных деятелей, считая их разменными пешками при любом исходе задуманной операции. Если бы та провалилась, то эта парочка автоматически превращалась бы в политические, а то и в физические трупы, а если бы удалась, то от того и другого планировалось быстро избавиться путем ликвидации президентской должности, с одной стороны и простых перевыборов председателя Верховного Совета — с другой.

Кроме того, оба за последнее время настолько погязли в коррупции и в разных темных делишках (Хасбу-

латов, например, занимал должность директора чуть ли не в дюжине разных коммерческих и полукommerческих предприятий), что отправить их в политическое небытие, а то и за решетку, не представлялось особенно сложным.

Их также постоянно подталкивали на ускорение событий слухами, что в руки президента попали такие документы, которые в один момент способны превратить этих государственных деятелей в уголовных преступников.

Ельцин пока показал только кончик огромной иглы, способной пришить их к обоям и оставить корчиться на всеобщее посмешище. Это диктовало динамику развития событий, провоцирование президента на первый шаг, на первый ход в большой игре.

Последние полтора года атака на президента средствами массовой информации, находящимися в руках тех, кто называл себя оппозицией, шла широким фронтом, постоянно усиливаясь, главным образом, в смысле выбора выражений.

Начиналось все осторожно и пугливо, с оглядкой: не вырвут ли язык. Но поскольку никто не только не лишился языка, но президент вообще никак не отреагировал на лай разных полуподпольных газеток, существующих все на те же деньги покойной КПСС, они начали действовать смелее, а затем, отбросив все приличия, начали просто злобный вой, сравнимый разве что с диффамацией прессой последнего русского императора, который также перестал вырывать за это языки.

"Беловежский преступник", "Главарь оккупационного режима", "Алкан в Кремле", "Кремлевский преступник" — это еще наиболее мягкие эпитеты, которыми награждала главу государства оппозиционная пресса.

Со страниц полуподпольных газеток подобные выражения быстро переключались на 16 полос еженедельника "День" и в передовицы "Правды" и "Советской России", растерявших былую респектабельность, а оттуда — напрямик в зал Верховного Совета.

Под газетный визг в стране шел прямой саботаж решений исполнительной власти, травля представителей президента, жесточайшее преследование всех инакомыслящих, а региональные газеты, финансируемые либо КПСС, либо военно-промышленными гигантами, иначе и не называли правительство, как "Ельцин и его жидовская свора". Причем годовая подписка

подобной газеты стоила всего 4 (четыре) рубля, а то и рассылалась бесплатно.

Президент почти не реагировал, что еще более подзуживало его оппонентов. Безнаказанность и безответственность достигли пределов, небывалых для мирного времени. Ощущение напряженности во внутригосударственной жизни было почти физическим.

Речь Хасбулатова на Всероссийском совещании депутатов всех уровней закончилась официальным обращением этого форума к гражданам России, где, в частности, говорилось: "Президент и его окружение, не способные цивилизованными методами управлять обществом и вывести его из глубокого кризиса, вновь нагнетают напряженность, угрожая конституционному строю... Боясь, что придется держать перед народом ответ за то, что его лишили нормальных условий жизни, ограбили материально и духовно, попрали прошлое и отняли будущее, незадачливые реформаторы пытаются установить диктатуру личной власти... Прямое президентское правление, которым теперь угрожают, — это разгон органов представительной власти. Уничтожение их окончательно развяжет руки преступно-мафиозным элементам, коррупционерам и их зарубежным покровителям..."

Нормальным образом жизни народа номенклатурные депутаты, естественно, считали нищее прозябание этого народа за колючей проволокой коммунистической зоны. Отнять у народа подобное прошлое, разумеется, считалось очень тяжелым преступлением.

В этом обращении, если его исследовать, заключаются все ошибки и самого Хасбулатова, и тех, кто за ним стоял, в оценке сложившейся в стране обстановки.

Как бы тяжела эта обстановка ни была, подавляющая часть населения с ужасом и содроганием вспоминала недавние времена "нормальной и духовной жизни", ностальгия по которой, вполне понятно, стучала в сердца бывших обкомовских секретарей пеплом Клааса.

Совещание закончилось 18 сентября. Все стали с нетерпением ждать реакции президента. И она наконец последовала.

21 сентября 1993, 19:30.

Евгений Савостьянов, начальник Управления Министерства Безопасности по Москве и Московской области, сидел в комнате отдыха, примыкающей к его ог-

ромному кабинету, и, помешивая ложкой остывший чай, с интересом поглядывал то на часы, то на экран небольшого переносного телевизора, стоявшего на одной из полок массивной стенки рядом с бюстиком Дзержинского.

Бюстик достался Савостьянову в наследство от его предшественника, генерала Прилукова, чья яркая чекистская карьера оборвалась в августе 1991 года, когда почти все руководство бывшего союзного КГБ отправилось либо в тюрьму, либо под следствие с подпиской о невыезде, либо на давно заслуженный отдых, ибо, как говаривал еще покойный Андропов, "с нашей работы в отставку не уходят, а сразу отправляются в крематорий".

Именно в те, послепутчевые, дни Савостьянов и появился на Лубянке, заняв свою должность, которую по штату КГБ должен был замещать генерал-лейтенант, а то и генерал-полковник.

Евгений Савостьянов был наиболее странной личностью, появившейся на политической сцене после прихода к власти президента Бориса Ельцина и распада СССР.

Физик по образованию, научный работник одного из академических институтов столицы, диссидент-фрондер по убеждениям, лейтенант запаса ракетных войск, с умным интеллигентным лицом, обрамленным аккуратно постриженной черной бородкой, — образ типичного антисоветчика тех времен. Савостьянов стал активным членом тогда еще "ненормальной" "Демроссии", входя в ее координационный совет.

Там он близко познакомился с Гавриилом Поповым и, видимо, произвел на будущего мэра столицы достаточно сильное впечатление. Настолько сильное, что, став мэром Москвы и пожелав иметь в КГБ и МВД своих людей, Попов добился назначения Савостьянова на занимаемую должность, а начальником МВД столицы назначил Мурашова, также одного из координаторов "Демроссии".

Если назвать назначение Савостьянова весьма странным, то это значит не сказать о нем фактически ничего. КГБ изначально создавался не как государственный институт тоталитарной системы, а как некий тайный орден, секретное военно-политическое общество, по сравнению с которым даже орден иезуитов выглядит детской забавой.

Даже рядовые сотрудники при приеме в КГБ должны были пройти через продуманную систему фильтров, совершенно исключаящую попадание в КГБ не то что случайных людей, но и тех, у которых возникли бы какие-либо вопросы, хотя бы к самим себе, от осознания того, чем им приходится заниматься, и кому все это нужно.

Что же касается руководящего состава, то все 70 лет не было практически ни одного исключения из правила: руководство либо "спускалось" из ЦК КПСС, либо тщательно карабкалось по крутой и скользкой от крови и грязи служебной лестнице, рискуя каждую секунду сорваться напрямиком на тот свет.

И тут на одну из самых почетных и важных должностей в КГБ присылают мало что шпака и чужака, а еще и какого-то диссидента из "Демроссии", которая с момента своего основания служила для КГБ не более, как объектом самого тщательного наблюдения, а ее члены рассматривались в качестве потенциальных клиентов следственных изоляторов и трудовых лагерей.

Но если даже не принимать все эти ужасные вещи во внимание, то ради справедливости следует заметить, что работа в любой секретной службе, а тем более в политической полиции, на руководящей генеральской должности, без сомнения требует и опыта, и специальной подготовки, которых у Евгения Савостьянова не было.

Не было, конечно, и юридического образования, которое, хотя и чисто формально, но требовалось для замещения подобных должностей. А формальные вопросы в жесткой системе партийно-государственных институтов СССР часто становились первостепенными.

Такое чудовищное инородное тело, всунутое в столь чувствительный организм КГБ, и теоретически, и практически должно было им немедленно отторгнуто, для чего имелось множество вполне легальных путей, сведенных к простому заключению о профнепригодности...

Хорошо зная собственную историю, когда их отстреливали сотнями во времена многочисленных дворцово-ведомственных переворотов, хорошо зная собственные делишки андроповского и послеандроповского периода, видя все свое руководство в тюрьме или под следствием, а своего великого основателя — свергнутым с пьедестала, к которому раньше и подходить

было запрещено даже для возложения цветов, и плывущим над Лубянской площадью со стальным тросом на шее, как на передвижной виселице, работники КГБ притихли.

Многие рыдали то ли от жалости к железному Феликсу, то ли жалея себя, поскольку вид беснующейся на площади толпы рисовал самые мрачные перспективы на обозримое будущее. Тем более, что назначенный председателем КГБ Вадим Бакатин, который стал последним человеком, занимавшим указанную должность, торжественно пообещал сократить ведомство до минимального размера и перепрофилировать его на дела, способные принести государству хоть какую-то пользу.

В таких условиях, конечно, можно было промолчать, когда в ведущее Московское управление присылают начальника чуть ли не из мордовской политической зоны.

Но шок прошел. Самого Бакатина, первого секретаря обкома, члена ЦК КПСС, кандидата в члены политбюро, занимавшего в коммунистические времена крупнейшие партийно-государственные посты, включая и пост министра внутренних дел, памятуя его публичные обещания реформировать, а главное, сократить КГБ, съели так быстро, что тот и охнуть не успел, как вылетел из органов с ярлыком полной некомпетентности. А Савостьянов остался.

В результате последовавших потом структурных ка-таклизмов, когда по воле президента Ельцина были сначала объединены КГБ и МВД под общим командованием министра внутренних дел РСФСР Виктора Баранникова, а затем — разъединены по решению Конституционного суда, и под шумок реорганизаций КГБ был переименован в Министерство Безопасности (без слова "государственной" — память о бериевском МГБ была еще очень свежа), многих выпихнули на пенсию и в резерв, а многие почли за благо уйти самим. Савостьянов остался на своем посту.

Он остался на своем посту, когда новый министр безопасности Баранников провел собственную чистку органов, избавляясь от разных засветившихся либералов времен "перестройки и гласности".

Он остался на своем посту, когда выгнали и самого Баранникова, быстро затянутого коррупцией и сомнительными связями из-за недостатка опыта в тупик,

выходами из которого были либо самоубийство, либо тюремная камера.

Министра обвинили в двурушничестве, двойной игре, но знающие люди понимали, что КГБ отверг инородное тело, бывшего участкового милиционера, всю жизнь проработавшего в системе внутренних дел.

А Савостьянов не только остался, но и, как ему было положено по должности, получил чин генерал-майора.

Если вспомнить, что Савостьянов был произведен в генералы прямо из лейтенанта запаса, и что это произошло в мирное время, то следует согласиться, что у подобной "ракетной" карьеры очень мало аналогов в мировой истории, а тем более в таком ведомстве, как КГБ.

Эта карьера покажется еще более странной на фоне судьбы Мурашова, внедренного одновременно с Савостьяновым тем же Поповым в систему МВД. Организм МВД сразу же начал отторгать инородное тело, и после серии внутриведомственных скандалов, ошельмованный прессой оппозиционеров и громкими выступлениями в Верховном Совете, Мурашов был выкинут из милиции, как Паниковский из исполкома.

Что касается Савостьянова, то даже газеты и депутаты от экстремистов его не трогали. Не трогала его и демократическая печать. Даже знаменитые петербургские "600 секунд" Александра Невзорова, истратившие уйму эфирного времени на шельмование Мурашова, о Савостьянове не произнесли ни слова — ни хорошего, ни плохого.

Только однажды газета "День" осторожно прошлась по новому генералу, намекнув, что его бабушка, видимо, была еврейкой. Но для газеты, которая громогласно утверждала, что Борис Ельцин — это псевдоним Боруха Элькина (или Эльцера), что на территории Кремля скрывается целая бригада израильских парашютистов, подобный осторожный подход можно было считать даже поощрительным...

Можно многое предположить, развивая тему "Кто же вы, генерал Савостьянов?", но ограничимся только констатацией факта: Евгений Вадимович Савостьянов по какой-то, скажем, невероятной случайности, не оказался "инородным телом" в организме знаменитого на весь мир аппарата столичного КГБ, а вписался в этот аппарат со своей диссидентской бородкой (которую так и не сбрил,

хотя еще существовал неотмененный приказ Андропова, подтвержденный затем двумя генералами армии, Чебриковым и Крючковым, запрещающий сотрудникам КГБ ношение бороды, без всяких исключений, как, скажем, во времена Петра I), интеллигентной внешностью, манерами ученого и взглядом профессионального математика.

Невероятные истории иногда происходят и логического объяснения не имеют. Прижилась же как-то домашняя киска в одном вольере с семейством ягуаров, и ничего. Жила и даже допускалась к противню с мясом. А другую кошку разорвали в ту же секунду, как появилась она в вольере. С точки зрения ягуаров, эта история довольно проста: либо разорвут, либо нет. Но с точки зрения кошки, ситуация выглядит намного сложнее. Ведь дело не только в том, чтобы тебя не съели, но и в том, чтобы твои приказы выполняли.

КГБ находился в состоянии сильной растерянности, что и понятно. Казалось, незыблемые ориентиры его многолетней деятельности были либо уничтожены, либо размыты до неузнаваемости. И в довершении всего, Министерству Безопасности было официально запрещено заниматься политическим сыском, а ничем другим оно заниматься не умело. И не хотело, что более важно.

В течение своей более чем семидесятилетней истории это ведомство ни разу не сумело обеспечить безопасность того государства, в составе которого оно числилось. Оно не сумело обеспечить безопасность страны от страшного и внезапного удара гитлеровской Германии, поскольку к 1941 году совершенно захлебнулось в крови собственного народа и маразматических выходках своего великого вождя. Оно не сумело обеспечить безопасность ни самого вождя, ни свою собственную в середине 50-х годов.

Никто из его сотрудников и бровью не повел, когда развалился и был уничтожен Советский Союз, который они клялись защищать до последней капли крови, но не сумели этого сделать, так как по уши завязли в борьбе с сионизмом и инакомыслием, категорически не желая заниматься чем-нибудь другим.

Теперь они решили заниматься только обеспечением собственной безопасности, настороженно приглядываясь к тому, что когда-то называлось "первой в мире страной победившего пролетариата". И более

мелкие государственные конвульсии приводили их тысячами к гибели или превращали в ничто.

Погибшие при падении Ягоды, погибшие при падении Ежова, погибшие при падении Абакумова, погибшие при падении Берия, выгнанные без пенсии и погон — подобная память создала уже достаточно высокий генетический уровень страха.

Многих этот страх погнал из системы в созданные на долю КГБ в деньгах партии-родительницы до и после августовского путча коммерческие структуры и банки, но многих этот же страх заставлял оставаться на месте, чтобы суметь оказать сопротивление тем, кто еще раз может соблазниться во имя собственных политических интересов украсить ожерельем из чекистских голов.

Оставшимся приходилось отчаянно имитировать деятельность, поскольку после запрещения заниматься политическим сыском, делать было решительно нечего.

Ловля рэкетиров, контрабандистов и торговцев наркотиками, восторженно рекламируемая средствами массовой информации, которые при всей своей нынешней вольнодумности и безответственности так и не смогли окончательно вырваться из своего векового благоговения перед чекистскими подвигами, что, в принципе, не было делом КГБ, создавала неразбериху в милицейских операциях, межведомственные склоки и многое другое. Да и занимались этим делом бывшие подразделения так называемой спецмилиции, которых на Лубянке не пускали даже в столовую.

Таким образом, основной массе личного состава просто нечего было делать, как заниматься тем же самым политическим сыском, методика которого была хорошо известна, отточена почти до совершенства, а управлением огромной армии информаторов могли позавидовать все другие спецслужбы мира вместе взятые.

Разница по сравнению со старыми временами заключалась в том, что материалы сыска оседали в оперативных разработках и не передавались в следственные отделы для возбуждения уголовных дел.

Несколько попыток закрутить громкие дела, даже не по шпионажу, а по нарушению государственной тайны, как, скажем, дело профессора Мирзояна, поведавшего миру, что в России и не думали прекращать работы по созданию новых образцов химического оружия, кончались скандалами, от которых прежде всего

страдало "чекистское" руководство. И тем не менее работа велась и не малая...

На небольшом столике перед Савостьяновым лежала изящная папка из красного кожзаменителя с ярлыком какого-то симпозиума по проблемам квантовой механики.

Начальник управления МБ по Москве и Московской области раскрыл папку, вытащил из нее несколько листов ксерокопий, скрепленных изящной пластмассовой скрепкой голубого цвета, и еще раз просмотрел содержание документов, увенчанных грозным как в старые времена грифом: "Совершенно секретно. Особой важности".

"Отпечатано в двух экземплярах.

1 экз. — президенту.

1 экз. — в спецархив.

Копий не снимать! Передаче по радио и системам проводной связи не подлежит! Только через старшего офицера МБ, допущенного к группе документов ОВ/ГВ."

То, что, несмотря на столь грозные грифы, с документа все-таки сняли ксерокопию (возможно, и не одну), говорило о том, что в условиях полного государственного хаоса и отсутствия дисциплины избежать утечки самой секретной информации не представляется возможным.

Документ был подписан заместителем министра Николаем Галушко, а Савостьянов был одним из его авторов. Датирован документ был июнем 1993 года и составлен таким образом, что сам министр безопасности генерал-полковник Виктор Баранников о нем не знал ничего (до нужного момента, конечно). Озаглавлен документ был, по старой советской традиции, просто и доходчиво: "Меры по дальнейшему укреплению Российской государственности. Анализ и рекомендации".

После краткого резюме положения дел во внутриполитической, экономическо-хозяйственной и культурной жизни страны, состояния ее вооруженных сил, науки и образования, анализа обострившихся социальных и межэтнических проблем и всего лишь одного абзаца, касавшегося положения страны на международной арене, в документе, в частности, говорилось:

"Все вышеизложенное приводит только к одному выводу: ни в экономическом, ни в моральном отношении страна оказалась совершенно не готова к столь резкому переходу от жесткой тоталитарной системы управления к классической демократии западного образца...

Разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную привело к острому противостоянию этих ветвей власти даже без короткого периода полезного государственного сотрудничества.

Одна ветвь власти постоянно, порой даже без всякой пользы для себя, то есть инстинктивно, пытается подмять под себя другую, превращая это дело в подобие спорта. Отмечено, например, что несколько фракций в Верховном Совете ("Коммунисты России", "Смена — Новая политика" и пр.) голосуют против любых предложений, за исключением предложений, касающихся собственного благополучия депутатов и диффамации государственных деятелей.

Наблюдается и обратная картина, когда в аппарате вице-премьеров (Чубайс, Шумейко и др.) многие весьма дельные документы Верховного Совета отвергаются без анализа, порой с оскорбительными резолюциями и требованиями не вмешиваться не в свое дело.

В свою очередь, введенная в Верховном Совете практика решать многие важнейшие государственные вопросы путем тайного голосования является беспрецедентной и говорит об осознании депутатами собственной безответственности и перед страной, и перед избирателями...

Многие народные депутаты стали ими отнюдь не из желания принять участие в управлении страной и даже не из желания добиться для себя известных льгот (хотя, есть и такие), а только для получения статуса "парламентской неприкосновенности", под прикрытием которого они занимаются незаконными действиями в широком диапазоне уголовно наказуемых деяний: от спекуляции автомашинами до торговли оружием, не ограничиваясь при этом территорией бывшего СССР...

Свобода слова, печати и собраний приводят общественную жизнь страны в состояние полного хаоса.

Безответственность всех средств массовой информации еще более обостряет положение в стране, провоцирует межнациональные конфликты, лихорадит хозяйственную жизнь и выставляет страну за рубежом в негативном и смешном свете...

Свобода собраний, митингов и шествий уже привела к кровавым событиям, имевшим место 1 мая текущего года, когда зачинщики массовых беспорядков оказались неуязвимыми для закона в силу их депутат-

ской неприкосновенности или были открыто взяты под защиту руководством Верховного Совета.

Подобная безнаказанность, помимо всего прочего, провоцирует дальнейшее обострение противостояния властей и чревато самыми опасными последствиями..."

В разделе "Рекомендации" указывалось:

"Таким образом, попытка перехода от тоталитарного строя к демократическому без переходного периода "относительно мягкой автократии", с нашей точки зрения, не увенчалась успехом.

Именно шок этого резкого перехода привел к развалу СССР, а продолжение следования подобным путем неизбежно приведет к развалу Российской Федерации, ибо понятие "демократии" как "вседозволенности" стимулирует безответственные элементы в регионах, стремящихся к постоянному расширению собственной власти..."

Далее с некоторой долей патетики, без которой КГБ просто не умел составлять свои сводки, говорилось:

"Во имя спасения того, что еще осталось от нашей страны, во имя обеспечения будущего Российского государства и предотвращения гражданской войны следует незамедлительно вытащить страну из демократического хаоса и сделать это таким образом, чтобы ни у кого не оставалось ни тени сомнения в решимости властей навести порядок..."

К документу был подколот проект указа президента о роспуске Верховного Совета и о ликвидации советов по всей стране как института власти. Проект также был составлен в июне 1993 года и лежал на столе президента неподписанным.

Савостьянов еще раз посмотрел на часы. Было 19 часов 54 минуты. На экране телевизора высветилась надпись: "Заявление президента Российской Федерации".

21 сентября 1993, 20:00

На экране появился Борис Ельцин, сидящий, как всегда, на фоне российского "триколора", держа перед собой несколько листов отпечатанного на машинке текста. Хотя Савостьянов видел эту видеозапись уже дважды накануне, он решил прослушать ее еще раз.

Одно дело, гонять эту кассету на видеомagneитофоне, чтобы дать последние рекомендации по редакции текста, другое дело, когда она звучит уже на всю страну

и будет, как и задумано, повторена в эфире несколько раз.

Президент выглядел спокойным и собранным. Он принадлежал к типу тех людей, кстати, типично русскому, которые всегда веселеют именно перед дракой, битвой и другими событиями, связанными со смертельным риском. Перед любым "лихим делом", как говаривали в старину.

"Уважаемые сограждане!— начал президент.— Я обращаюсь к вам в один из самых сложных и ответственных моментов, накануне событий чрезвычайной важности.

В последние месяцы Россия переживает глубокий кризис государственности. В бесплодную и бессмысленную борьбу на уничтожение втянуты буквально все государственные институты и политические деятели.

Прямое следствие этого — снижение авторитета государственной власти.

Уверен, все граждане России убедились, что в таких условиях не только нельзя вести труднейшие реформы, но и поддерживать элементарный порядок.

Нужно сказать прямо: если не положить конец политическому противоборству в российской власти, если не восстановить нормальный ритм ее работы, то не удержать контроль над ситуацией, не сохранить наше государство, не сохранить мир в России.

В мой адрес потоком идут требования со всех концов нашей страны — остановить опасное развитие событий, прекратить издевательство над народовластием.

Уже более года предпринимаются попытки найти компромисс с депутатским корпусом, с Верховным Советом.

Россияне хорошо знают, сколько шагов навстречу делалось с моей стороны на последних съездах и между ними.

Но даже если о чем-то удавалось договориться, через короткое время следовал категорический отказ выполнять взятые на себя обязательства.

Мы с вами надеялись, что перелом наступит после апрельского референдума, на котором граждане России поддержали президента и проводимый им курс. Увы, этого не произошло.

Последние дни окончательно разрушили надежды на восстановление какого-либо конструктивного сотрудничества.

Большинство Верховного Совета идет на прямое попрание воли российского народа. Проводится курс на ослабление и, в конечном счете, устранение президента, на дезорганизацию работы нынешнего правительства.

Развернута мощная пропагандистская кампания по тотальной дискредитации всей исполнительной власти в России.

До сих пор не отменены решения Верховного Совета и съезда, которые противоречат результатам апрельского референдума.

И сегодня можно уверенно сказать — не будут отменены. Наоборот, за последние месяцы подготовлены и приняты десятки новых антинародных решений. Многие из них специально спланированы на ухудшение ситуации в России.

Наиболее вопиющей является так называемая "экономическая политика" Верховного Совета. Его решения по бюджету, приватизации, многие другие усугубляют кризис, наносят огромный вред стране. Все усилия правительства хоть как-то облегчить экономическую ситуацию наталкиваются на глухую стену непонимания...

Верховный Совет перестал считаться с указами президента, с его поправками к законопроектам, даже с конституционным правом вето. При этом постоянно клянутся верностью конституции и законности, хотя конституционная реформа практически свернута.

В апреле прошлого года 6-й съезд народных депутатов не только одобрил основные положения новой конституции, но постановил "доработать с учетом предложений и замечаний президента Российской Федерации" главы проекта "Федеральная законодательная власть", "Президент Российской Федерации" и "Федеральная исполнительная власть".

По логике, 7-й съезд должен был принять новую конституцию страны. Но руководство Верховного Совета без всяких внятных объяснений остановило конституционный процесс.

Более того, недавно подготовил и предложил мне фактически одобрить смещение избранного народом президента. Именно таков смысл поправок к конституции, которые я недавно получил из Белого Дома.

Надо признать, что процесс создания правового государства в России, по сути дела, дезорганизован.

Идет сознательное размывание и без того слабой правовой базы молодого российского государства.

Законотворческая работа стала орудием политической борьбы.

Законы, в которых остро нуждается Россия, не принимаются годами. Вместо этого начата коренная ревизия действующей конституции и принятых законодательных актов. Их переписывают в угоду сиюминутным политическим настроениям.

Утвердилась порочная практика юридического произвола, суть которого заключается в примитивной формуле: какой закон захотим принять, такой и примем, что захотим, то и запишем.

И чем дальше, тем больше неразберихи, тем шире поле для злоупотреблений. Все это не имеет ничего общего ни с законностью, ни с правом.

Не может считаться законом то, что противоречит фундаментальным основам права, попирает элементарные права и свободу человека и основополагающие демократические принципы. Такой закон — еще не право. Тем более, если его диктует один человек или группа лиц.

Уже давно большинство заседаний Верховного Совета проходит с нарушением элементарных процедур регламента.

Открытое и демонстративное жульничество при голосовании стало обыденным явлением. Участники заседаний на виду у всего мира голосуют за отсутствующих несколькими карточками. А ведь каждый такой факт — это позор, это дискредитация самих основ парламентаризма.

Идут чистки комитетов и комиссий. Из Верховного Совета, его президиума беспощадно изгоняются все, кто не проявляет личной преданности своему руководителю.

То, о чем я говорю, не случайность, не болезнь роста. Все это горькие свидетельства того, что Верховный Совет, как государственный институт, находится сейчас в состоянии политического разложения.

Он утратил способность выполнять главную функцию представительного органа — функцию согласования общественных интересов. Он перестал быть органом народовластия.

Власть в Российском Верховном Совете захвачена группой лиц, которые превратили его в штаб непримири-

мой оппозиции. Прячась за спинами депутатов, паразитируя на коллективной безответственности тайных голосований, она подталкивает Россию к пропасти.

Не замечать этого, терпеть и бездействовать больше нельзя. Мой долг президента признать: нынешний законодательный корпус утратил право находиться у важнейших рычагов государственной власти.

Безопасность России и ее народов — более высокая ценность, чем формальное следование созданным законодательной властью противоречивым нормам, которые окончательно дискредитировали себя.

Наступило время самых серьезных решений."

Президент глотнул воды из фарфоровой чашки. Савостьянов перевел дыхание и приготовился слушать дальше.

"Уважаемые сограждане!

Единственным способом преодоления паралича государственной власти в Российской Федерации является ее коренное обновление на основе принципов народовластия и конституции.

Действующая конституция не позволяет сделать это.

Действующая конституция не предусматривает также процедуры принятия новой конституции, в которой был бы предусмотрен достойный выход из кризиса государственности.

Будучи гарантом безопасности нашего государства, я обязан предложить выход из этого тупика, обязан разорвать этот губительный порочный круг."

Президент явно волновался. Он снова выпил воды, а Савостьянов усмехнулся, подумав, что было бы здорово, если бы Ельцин именно сейчас демонстративно выпил стопку водки.

Между тем, покончив с преамбулой, Ельцин перешел к главному в своем заявлении:

"Учитывая многочисленные обращения в мой адрес руководителей субъектов Российской Федерации, групп депутатов, участников Конституционного совещания, политических партий и движений, представителей общественности, граждан России, мною предпринято следующее:

Облеченный властью, полученной на всенародных выборах в 1991 году, доверием, которое подтверждено гражданами России на референдуме в апреле 1993 года,

я утвердил своим указом изменения и дополнения в действующую Конституцию Российской Федерации.

Они касаются, главным образом, федеральных органов законодательной и исполнительной власти, их взаимоотношений на принципе разделения властей.

Высшим органом законодательной власти становится Федеральное собрание Российской Федерации — двухпалатный парламент, работающий на профессиональной основе.

Выборы назначены на 11-12 декабря 1993 года.

Подчеркну, это не досрочные выборы съезда и Верховного Совета. Создается совершенно новый высший орган законодательной власти в России.

Любые действия, направленные на срыв выборов, рассматриваются как незаконные. Лица, допускающие их, будут привлекаться к уголовной ответственности на основе уголовного кодекса России.

В Российский парламент должны прийти люди, которые будут заниматься не политическими играми за счет народа, а прежде всего создавать законы, так необходимые России."

Далее президент выразил надежду, что в новый парламент придут новые люди, которые будут "более компетентные, более культурные и более демократичные", пообещал досрочные президентские выборы после начала работы нового Федерального собрания, а затем чеканным голосом, которым в старые времена зачитывали текст смертных приговоров, перешел к самой сути своего заявления:

"В соответствии с указом президента, который уже подписан, с сегодняшнего дня п р е р ы в а е т с я осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Заседания съезда более не созываются. Полномочия народных депутатов прекращаются.

Конечно, их трудовые права будут полностью гарантированы. Депутаты вправе вернуться на предприятия и в учреждения, где они работали до избрания депутатами России, и занять прежние должности.

В то же время каждый из них вправе вновь выставить свою кандидатуру для выборов в Федеральное собрание.

Полномочия органов власти на местах сохраняются. В связи с этим, обращаюсь к местным руководителям: используйте все законные возможности для обеспечения общественного порядка.

Хочу отметить особо, Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в полном объеме, с учетом изменений и дополнений, введенных указом президента.

Гарантируются установленные Конституцией и законом права и свободы граждан Российской Федерации."

Савостьянов даже слегка привстал с кресла. Это уже было интересно! В его варианте пленки куса о "продолжении конституционных гарантий" не было.

Напротив, хотя явно и не говорилось, но сильно намекалось на то, что в стране введено чрезвычайное положение.

Значит кто-то внес в последний момент эти изменения. Математический ум новоиспеченного чекистского генерала мгновенно просчитал возможные варианты, вытекающие из фактически объявленного государственного переворота с сохранением конституционных гарантий. Возможно, что так даже и лучше.

Заключительная часть заявления Ельцина была насыщена патетикой:

"Обращаюсь к руководителям иностранных держав, к зарубежным гражданам, к нашим друзьям, которых немало по всему миру.

Ваша поддержка значима и ценна для России. В самые критические моменты сложнейших российских преобразований вы были с нами.

Призываю вас и на этот раз понять всю сложность обстановки в нашей стране. Те меры, на которые я, как президент Российской Федерации, вынужден идти — единственный путь защиты демократии и свободы в России, защиты реформ еще слабого российского рынка.

Эти меры необходимы, чтобы защитить Россию и весь мир от катастрофических последствий развала российской государственности, от воцарения анархии в стране с огромным АРСЕНАЛОМ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ. Других целей у меня нет.

Уважаемые сограждане!

Наступил момент, когда общими усилиями мы можем и должны положить конец глубокому кризису российской государственности...

Общими силами сохраним Россию для себя, для наших детей и внуков.

Спасибо."

Савостьянов выключил телевизор. Выбрал среди ксерокопий документов указ Ельцина еще без даты и подписи.

Указ был озаглавлен "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации", где в еще более резкой форме, чем в телевизионном заявлении, говорится о разгоне президентом Верховного Совета.

Пикантность ситуации заключалась в том, что эти ксерокопии информатор Лубянки обнаружил в секретариате Хасбулатова, где они, невзирая на грозные грифы и требование "Копий не снимать!", лежали в папке, на которой рукой спикера было начертано: "До особого распоряжения необнародовать". Громоздкое слово "необнародовать" было написано вместе с "не". У Хасбулатова всегда были проблемы с русским языком.

Взяв красный фломастер, Савостьянов написал на ксерокопии: "N 1400, опубликован 21 сентября 1993 года".

21 сентября 1993, 20:30

Председатель Верховного Совета РСФСР, или "спикер парламента", как он любил себя называть, и радовался, когда его так называли другие, слушал выступление по телевизору президента страны не очень внимательно. Он давно знал его содержание.

У него была своя разведка, ловко действующая не только в коридорах исполнительной власти, но и во многих кабинетах президентского аппарата.

У него была своя гвардия, подчинявшаяся только ему, но числившаяся в кадрах элитарных частей "охраны высших должностных лиц государства".

Могущественные министры заискивали перед ним, ища его дружбы и покровительства.

Даже спесивые и неприступные от сознания собственной исключительности вчерашние обитатели крупных партийно-номенклатурных кабинетов смотрели на него с теплотой в холодных стеклянных глазах, с надеждой, что именно он поможет им вернуть былое величие и власть.

Даже гордые и агрессивные националисты, увешанные портупеями, пластмассовыми крестами, в начищенных до блеска сапогах и с подобием военной выправки, для которых он недавно был "чурка" и "чечмек", этнически неполноценный чечен, стали вдруг смотреть на него как на отца нации и бурно выражать ему свое восхищение.

Спасаясь от милиции после очередных уличных беспорядков, они все бежали теперь к Белому Дому, и депутаты брали их под свою защиту. Они бежали к нему в поисках спасения и выхода. Они признавали за ним роль "отца нации", хотя этот императорский титул он решил демократично разделить со всем Верховным Советом.

Ехидные газеты спрашивали, что "если у нации коллективный отец, то на кого подавать алименты?" Он этого не слышал.

"Никакая мы не власть!"— раздраженно как-то бросил он надоевшим журналистам.

Скоро с этой так называемой "четвертой властью" будет покончено.

"Средства массовой информации должны служить народу!"— по-сталински кратко и идеологически выдержанно объявил он на всю страну с телевизора.

А чуть позже с трибуны Верховного Совета несколько патетически и визгливо (так всегда бывает поначалу) заявил: "Я отвечаю за эту страну!" Никто не возражал.

Когда он въехал в квартиру, от которой некогда, из-за ее роскошности, отказался сам Леонид Ильич Брежнев (450 кв.метров полезной площади), то знал, что делал, хотя многие его отговаривали от этого поступка.

Как-никак, а еще многие помнили, как они с Ельциным, отказавшись от всех льгот и привилегий, демонстративно ездили на работу в троллейбусе, а служебные "ЗИЛы" и "Мерседесы" шли сзади, на всякий случай.

В троллейбусе всегда опасно, а для большого политика, кандидата в "отцы нации", просто недопустимо.

Народ всегда должен чувствовать дистанцию между собой и вождем, между своей хижинкой и дворцом. Иначе народ может возомнить о себе невесть что.

Хасбулатов мог гордиться достигнутым. Ему удалось полностью отдрессировать парламент, хотя он лучше любого другого понимал, что возглавляемый им институт, именуемый себя парламентом, ни с какой точки зрения таковым не является, все более и более превращаясь в параллельную структуру исполнительной власти.

Сам спикер тасовал, как ему вздумается, комиссии и комитеты Верховного Совета, изгоняя из них всех неудобных и оставляя только послушных его воле.

Он разъезжал по стране, распределяя кредиты и субсидии по своему желанию между регионами и отраслями, путая планы министерств, не согласовывая с ними никаких шагов, а только вербуя себе новых сторонников за счет увеличения государственного хаоса.

Он устраивал чуть ли не ежедневные селекторные совещания с руководителями советов и муниципалитетов всех уровней, которые никоим образом не были ему подчинены, но были сбиты с толку придуманным им самим, специально для себя, титулом: глава представительной власти.

Несмотря на абсурд самого словосочетания, очень многие, а в первую очередь он сам, поверили, что такая должность действительно существует и, судя по всему, она даже выше президентской. Это давало право на поступки и решения соответственно величию выдуманной должности.

Как бывало уже не раз в нашей истории, когда генеральный секретарь ЦК КПСС, отвечающий исключительно за работу канцелярии и секретариата, де-факто объявлял свою должность наивысшей в партийной номенклатуре, так и простой депутат, которому доверили следить за регламентом и порядком выступления, внушил сам себе, что это превратило его в главу государства. Он даже не был кардиналом Ришелье при слабом, безвольном, бездарном и вечно пьяном короле, ибо Ришелье прекрасно понимал, что королем ему не стать, а Руслан Имранович вовсе так не считал.

Через голову президента и правительства он пытался установить связи с главами зарубежных государств, намекая, что единственная реальная власть в России, да и в СНГ в целом (ведь он был председателем придуманной им мертворожденной "межпарламентской ассамблеи"), находится в его руках, а когда ему из-за

рубежа довольно резко указали на бестактность и нелепость подобных действий, нарушающих весьма почитаемый на Западе протокол, он перешел на тайные связи с партиями и группировками. Эти связи, мягко говоря, совсем не добавили бы ему респектабельности, будь они явными.

Он посылал делегации к Саддаму Хусейну, которые своими раскладками сбивали с толку битого иракского диктатора надеждой на возвращение добрых старых времен, а взамен просил "немного" денег.

Он устанавливал прочные связи с многочисленными экстремистскими группировками, расплодившимися на территории бывшего СССР после его развала, провоцируя конфликты в нужный момент, чтобы сорвать усилия правительства без крови и с некоторой долей достоинства выйти из разных тупиковых ситуаций.

Он нанес удар своим решением по статусу Севастополя (был, есть и останется русским), по сложнейшим трехсторонним переговорам между Россией, Украиной и США по статусу захваченного Киевом бывшего советского ядерного арсенала.

Он даже попытался играть в великорусского националиста, но так и не смог научиться правильно произносить ключевое слово "соборность", имея, правда, в виду всевластие советов.

Без зазрения совести он получал директорскую зарплату в четырнадцати местах и не только зарплату.

А поскольку все это так или иначе сходило ему с рук, а подобраться к нему было невозможно ни практически, из-за чеченской охраны, ни теоретически, из-за депутатской неприкосновенности, подобная правовая неуязвимость породила в нем иллюзию собственного всемогущества, которая, как это обычно получается, все более и более изолировала спикера от реального восприятия событий, властно заставляя принимать желаемое за действительное.

Прямо на заседании Верховного Совета он мог крикнуть нетерпящим возражения голосом: "Свяжитесь с президентом. Пусть явится!". И многие приходили в ужас от очевидности того, что сам Хасбулатов не понимает не только неуместности, но и нереализуемости своих требований.

Кто-то приходил в ужас, а кто-то мотал на ус то, насколько Хасбулатов далек от реальности, а значит,

способен любую дезинформацию принять за действительность...

Что не говори, а имя Хасбулатова уже третий год не сходило со страниц газет и журналов, с теле- и радиосообщений, занимая достойное место в информационном потоке мировых новостей, явно опережая в этом отношении имя президента Ельцина, не говоря уже о его окружении.

А ведь совсем недавно, всего два-три года назад, его вообще никто не знал. К моменту избрания народным депутатом РСФСР от Грозненского национально-территориального округа Руслан Хасбулатов был обычным московским профессором из Плехановского института народного хозяйства.

Родившись в 1942 году в обычной для чеченцев многодетной семье, Хасбулатов, будучи еще ребенком, пережил все те репрессии, которые Сталин обрушил на народы, проявившие, по его мнению, недостаточную лояльность в годы войны. В том, что немцам удалось дойти до Грозного, вождь всех народов посчитал виновным почему-то не себя, а весь чеченский народ, который был чуть ли не в 24 часа выслан в северный Казахстан.

В одной из неотопливаемых теплушек ехала в неизвестность и семья Хасбулатовых с трехлетним Русланом.

Отец Руслана погиб, но он сам не только выжил, но позднее умудрился поступить на юридический факультет МГУ, где активно занимался комсомольской работой и даже, говоря ленинским языком, был "кооптирован" в ЦК ВЛКСМ на должность инструктора.

Совсем не мало для студента-чеченца. Видимо, подобного рода деятельность помогла Хасбулатову остаться в аспирантуре, где он быстро защитил кандидатскую и докторскую диссертации по экономике Канады. Специальность, "зарубежная экономика", в те годы считалась очень престижной, давая право на занятия с иностранными студентами и, что более важно, на зарубежные поездки.

Те силы, которые некогда "кооптировали" молодого чеченца в ЦК ВЛКСМ, видели в нем своего и надежного человека, поскольку протацили его в новый Верховный Совет РСФСР кандидатом от Грозненского университета. Как это тогда делалось, все хорошо знают, но следует признать, что Хасбулатов сам участвовал в

избирательной кампании, выступал много и убедительно и своего соперника, второго секретаря обкома КПСС, победил в упорной борьбе.

Во вновь избранный Верховный Совет РСФСР пришел совершенно неизвестным человеком. Связей с руководством "Демократической России" у него не было, опыта работы в Верховном Совете — также.

Когда же после нескольких раундов голосования Борис Ельцин с перевесом в четыре голоса был все-таки избран председателем Верховного Совета РСФСР, то он и его поддерживающие "демороссы" решили, что первым заместителем Ельцина должен стать представитель одной из национальных автономий России.

Ельцину указали на знаменитого и известного Рамазана Абдулатипова, за которого и коммунисты, и представители большинства автономий проголосовали бы без колебаний. Но Абдулатипов — слишком известный деятель из аппарата ЦК КПСС. Ельцина это не устраивало. Ему нужен был человек попроще, не изуродованный известными методами работы, принятыми в аппарате ЦК КПСС.

Кандидаты в заместители Ельцина, предлагаемые почти наобум, дружно отметались коммунистическим съездом или заваливались "демократами", пробившимися в новый Верховный Совет. Еще у многих в памяти свежи воспоминания о тех голосованиях, которые вытеснили с телевизионных экранов все эстрадные и сатирические программы.

Имя Хасбулатова возникло во втором туре голосований. "Демократы", которые о Хасбулатове ровным счетом ничего не знали, посмотрели на результаты "поименных голосований" по его кандидатуре, которые, с их точки зрения, оказались неплохими. Выяснилось также, что и коммунисты против Хасбулатова ничего не имеют, основываясь на какой-то собственной информации.

Аналитики Ельцина, бывшие работники аналитического отдела КГБ, также дали профессору Хасбулатову хорошую аттестацию, особо подчеркивая те качества, которых у профессора зарубежной экономики как раз не было: скромность, неамбициозность, прекрасная исполнительность, преданность боссу.

Еще в бытность свою секретарем так называемого "большого" комитета комсомола МГУ, Руслан Хасбулатов прославился как злобный интриган с полным отсут-

ствием каких-либо идей, а также чувства преданности и товарищества, что "аналитикам" не могло быть не известно. Кроме того, электронной системы подсчета голосов еще не было, участники съезда уже изнемогали от тяжести заполнения бюллетеней, и, в результате, предложенная кандидатура Хасбулатова прошла.

Видимо, в качестве одного из заместителей председателя Хасбулатов вполне подходил, но никто тогда и не предполагал, что он превратится в самостоятельного политического деятеля.

Неожиданный бунт шестерки заместителей Ельцина во главе со Светланой Горячевой и Владимиром Исаковым, написавших резкое антиельцинское письмо и опубликовавших его в "Правде", стал поворотным моментом в политической карьере Хасбулатова.

Письмо "шестерки" мелкотравчатых коммунистов, инспирированное подымающей партией в лучшем духе ее отработанных годами практики политических доносов, ставило своей целью убрать Бориса Ельцина из политической жизни страны, поскольку инстинкт самосохранения подсказывал, что это надо сделать пока еще не поздно.

К сожалению, политические решения, принимаемые инстинктом, всегда грешат тем, что не учитывают реальную обстановку. Подобное письмо в "Правде" замечательно сработало бы, если бы в момент его опубликования сам Ельцин уже находился в подвалах Лефортово, успев сознаться в своей диверсионно-шпионской деятельности в пользу, скажем, Японии.

Поскольку ничего подобного в реальной обстановке произойти, конечно, не могло, своим письмом великолепная "шестерка" взорвала мину под собственными стульями, а Ельцин получил от съезда, собранного на предмет его устранения, затребованные им дополнительные полномочия.

Неизвестно, кто надоумил Хасбулатова не подписывать знаменитое письмо, но он поступил именно так, и этот поступок мгновенно превратил его в героя для всех демократов и их сторонников по всей России.

Когда же Ельцин уходил в президенты России, у него просто не было уже другого выбора, как предложить кандидатуру Хасбулатова на освободившийся пост председателя Верховного Совета.

Коммунисты, перестроив свои ряды и порядком струхнув от всего, что потенциально могло произойти,

выдвинули в противовес Хасбулатову также никому пока неизвестного Сергея Бабурина, молодого и нахального декана юридического факультета Омского университета, числившегося в агентуре КГБ под конспиративным именем "Николай".

В этом факте нет ничего особенного, поскольку КГБ, нацеленная в течение многих лет родной партией на политический сыск, организовала этот сыск по высочайшему классу. Возможно когда-нибудь на эту тему будут написаны специальные исследования, как относительно немногочисленная, если сопоставить с размерами обслуживаемой территории, тайная политическая полиция, именующая себя КГБ, располагая примитивнейшими средствами сбора и отработки информации, в подавляющем большинстве случаев работая с одними картотеками и пыльными канцелярскими делами, держала в поле зрения 350 миллионов, составляющих население первого в мире государства победившего социализма.

И уж, конечно, в первую очередь наблюдению и так называемой негласной обработке подвергались студенты и преподаватели юридических факультетов и институтов в масштабе не только СССР, но и всего Варшавского пакта. Оно и понятно, поскольку именно юридические факультеты КГБ с полным основанием считал кузницей собственных кадров и, как и всякое в высшей степени элитарное ведомство, не желал попадания к себе людей случайных...

Впрочем, это в одинаковой степени относится и к Сергею Бабурину, и к его сопернику, да и не только к ним, памятуя знаменитые слова Феликса Дзержинского о том, что все советские люди должны стать чекистами.

В течение нескольких дней шло голосование, решающее кому быть на посту председателя Верховного Совета: Хасбулатову или Бабурину? Ни один не мог набрать нужного числа голосов.

Возможно, что Лубянка говорила по прямой связи с Омском, сравнивая кандидатуры, и никак не могла прийти к оптимальному решению. Ведь выдвигалось же предложение сделать Хасбулатова председателем, а Бабурина — первым заместителем. Не согласились, а тандем был бы замечательный.

В разгар борьбы за место председателя Верховного Совета грянул августовский путч, в ходе которого коммунисты и кто был с ними оказались

настолько сильно скомпрометированными, что когда президент Ельцин, спрыгнув с танка, появился перед притихшими депутатами, объявив о запрете Коммунистической партии и конфискации ее имущества в казну, Хасбулатов был безропотно выбран председателем в первом же туре голосования.

Катапультированный, таким образом, президентом Ельциным на один из важнейших государственных постов, воссев на этом посту в отблеске президентской харизмы, Хасбулатов какое-то время еще играл роль преданного президентского оруженосца.

Долгое время почти все свои речи и даже реплики в Верховном Совете он начинал словами: "Мы с Борисом Николаевичем...", "Президент со мной советовался...", "Мы с Ельциным обсудили..." Над этими присказками посмеивались в Верховном Совете, а еще пуще — в прессе. Но Хасбулатов, разыгрывая из себя простецкого, застенчивого парня, как-то виновато улыбаясь, говорил: "Ну, что я могу сделать? Ну, действительно, мы с президентом все решаем вместе". Но одновременно — и высокие каблуки, чтобы быть повыше, и подушечка на стуле, чтобы голова держалась на уровне ельцинской головы, и замечание, как бы между прочим, вот люди говорят, что, дескать, верим только Ельцину и вам.

Вот, вроде, уже Ельцин всерьез воспринимает спикера, как равноправного партнера, как главу законной власти. Президент ведет с ним какие-то переговоры, заключает соглашения, вот уже они выходят под овацию зала втроем: Ельцин, Хасбулатов и Зорькин — руководители страны, триумvirат, когорта равных.

"Что-то верный Руслан начал рычать на президента и покусывать его", — замечает пресса, сравнивая спикера с его тезкой, знаменитой владимовской овчаркой из охраны концлагеря.

И вот уже люди говорят, что верят только Хасбулатову и удивляются, почему президентом является Ельцин, а не он, если Ельцин даже не депутат.

И не юрист. ("А ваш председатель, уважаемые депутаты, не только экономист, но и юрист").

Покусывает он президента вначале мягко: "Ну, президент не прав. Это мы отменим", "Ну, конечно, Козырева надо снять с работы", "Снимем Попова и Явлинского, если плохо будут себя вести".

И вот в речах Хасбулатова зазвучали мысли о приоритете и верховенстве законодательной власти во властной триаде, о том, что депутаты — это венец творения, что им подвластно все. Он сотворил этот странный псевдопарламентский мирок с собственной микрожизнью, принципиально замкнутой на себе.

Так ребенок создает между двух табуреток целое королевство, где он даже не король, а некое высшее божество, способное заменить короля в любой момент, когда тот ему чем-нибудь не понравится.

В этом маленьком придуманном мирке лишними были и избиратели, и президент. В этом микромире верили, что стоит им отправить президента в отставку, и он пойдет, что стоит им объявить о восстановлении СССР, и он восстановится, что можно внести все что угодно в текст конституции, и не только бумага все стерпит, но и все заработает немедленно, что стоит объявить самих себя пожизненно несменяемыми, и все с этим согласятся.

И в этом микромире своя жизнь. Коммунистическая партия запрещена в стране, запрещена на предприятиях, в учреждениях и воинских частях (разрешена только в жилконторах), а в Верховном Совете самая крупная фракция — это "Коммунисты России".

Всевозможные конституционные, либеральные и христианские демократы неожиданно объединились в откровенно фашистский блок, на фоне которого даже бабуринская фракция "Россия" выглядит поприличнее.

Депутаты крикливы и скандальны. Им не знакома не только парламентская, но даже казарменная этика. Они нападают на Хасбулатова, обвиняя его в том, что он "ельцинский агент влияния", грозя выкинуть его со спикерского поста простым голосованием в любой момент.

Справа и слева летят обвинения в "нерусскости". От этого никуда не деться. Из нерусского русским не станешь. Даже у Сталина это не получилось, а о Хасбулатове и говорить нечего. Действительно, почему парламент уже не советский, а русский — должен возглавлять чеченец? Пусть едет себе в Чечню и там возглавляет, что хочет!

"Хватит с нас кавказцев!" — с нескрываемым раздражением бросил как-то с экрана телевизора символ и патриарх русской демократической интеллигенции академик Лихачев, имея в виду Хасбулатова.

Если такое мог сказать Лихачев, можно себе представить, что мог бы сказать тот же Бабурин, получи он возможность высказать Хасбулатову все, что он о нем думает.

Но само упоминание о родной Чеченской республике приводило спикера в дрожь.

Захвативший в Чечне власть после развала Советского Союза Джохар Дудаев, в прошлом лихой авиационный генерал советских ВВС, объявил бывшую российскую автономию независимой суверенной республикой и, как следствие этого, отдал приказ об отзыве из Верховного Совета России всех депутатов, избранных от Чечни.

Естественно, Хасбулатов наотрез отказался выполнять этот приказ, но его статус "народного депутата" как бы повис в воздухе. Более того, взбешенный Хасбулатов не придумал ничего умнее, как отдать приказ о выселении всех чеченцев, проживающих в московских гостиницах, хотя никакого юридического права на это не имел, поскольку не обладал по закону никакими исполнительными полномочиями и грубо влез в прерогативу московского правительства.

Чеченцы остались в Москве, но мстительный генерал-президент Дудаев лишил Хасбулатова чеченского гражданства. А о российском гражданстве Хасбулатов хлопотать не хотел, считая это ниже собственного достоинства. Да, надо заметить, что никакой процедуры получения российского гражданства гражданами отколовшихся автономий и даже республик, по существу, не было.

Таким образом, во главе "ПЕРВОГО РУССКОГО СВОБОДНОГО ПАРЛАМЕНТА" оказался человек, который формально не был ни депутатом, ни русским и никаким другим подданным.

"Политический БОМЖ",— определил Хасбулатова ненавидящий его Михаил Полторанин.

"Пришелец, не имеющий никакого права даже заниматься делами России",— вторил ему пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков.

Мы все в той или иной степени расисты. Иначе и быть не могло после 70 лет фашистского режима СССР, хотя он и провозглашал здравицы в честь дружбы народов.

Руслан Имранович очень хорошо понимал то положение, в которое он попал, становясь заложником

очень многих или совсем не контролируемых, или очень слабо контролируемых им сил.

Выходом было бы подать в отставку. Но одна только мысль снова вернуться на уровень пусть даже и профессора престижного института была совершенно невыносима. Это было хорошо понятно каждому, кто из дерьма рядовой "совковой" жизни сумел пробиться в сказочное "зазеркалье" номенклатуры. Путь назад был хуже смерти.

Ведь у него уже все почти как у Ельцина: и собственная охрана, и выезд, и личный самолет, и президент в импичменте.

А кто его может заменить? Ведь не зря в Верховном Совете изо дня в день муссируется тема: пост президента в России следует отменить как "себя не оправдавший" и превратить Россию в парламентскую республику, где истинным главой государства будет несменяемый спикер несменяемого парламента; спикер, о котором пресса не будет иметь права говорить нечего, кроме хорошего. Как о покойнике...

Но мартовский съезд, на котором пытались согнать с должности президента путем тайного голосования, показал Хасбулатову, насколько не прочно и его собственное положение, когда разъярившиеся депутаты неожиданно поставили вопрос о его собственной отставке.

И хотя его отставка не набрала и половину нужного числа голосов, но и сама по себе постанова подобного вопроса на голосование была грозным предупреждением. А последовавший вслед за этим апрельский референдум окончательно разрушил надежды на быструю и блистательную победу в борьбе за право безраздельно с небольшой группой сообщников распоряжаться Россией.

С этого времени Хасбулатов стал нервничать и совершать гораздо больше ошибок, чем до сих пор.

Одной из этих ошибок была попытка собрать вокруг себя всех недовольных происходящим в России переменами и выступить в поход против Ельцина под знаменем Объединенной оппозиции.

Казалось, что несметные легионы готовы собраться под знаменем Хасбулатова. Это казалось не только ему одному. Оглушенные собственными воплями, усиленные громкоговорителями на многочисленных совершенно диких митингах, сами лидеры так называемой неприми-

римой оппозиции ошибочно считали, что имя им легион. Хотя в действительности их было очень мало.

Отвратительная накипь рухнувшего в бездну истории тоталитарного режима, сметенная в кучу вокруг деградировавшего Верховного Совета инстинктивным пониманием неизбежности собственного конца и неверной надеждой на спасение, казалась силой только в том выдуманном микромире, куда она сама себя загнала.

А со стороны все уже видели неизбежность печального конца.

"Если та грязная волна, в которую так опрометчиво бросается Хасбулатов в последней надежде найти потерянную точку политической опоры, подхватит его и выбросит на берег, то он, судя по всему, останется никчемной, малопривлекательной фигурой, в которой никто не нуждается, и которая ничего не содержит", — отмечал журнал "Новое время" еще в июне 1993 года.

"Люди не читают тех изданий, которые пишут обо мне плохо", — как-то заметил Хасбулатов. Не читал их и он сам. А зря.

Потому что, поругивая Хасбулатова, а часто и просто издеваясь над ним, газеты вопрошали с некоторой смесью удивления и любопытства: "А на что, собственно, он рассчитывает? Неужели он не понимает, что соотношение сил такое, что его просто прихлопнут как муху, да еще спишут на него и все грехи президента и его окружения, именуемого исполнительной властью."

Нет не понимал. И уже не было у него другого выхода, как драться с президентской ратью до конца.

Взрыв "одиннадцати чемоданов" опального вице-президента Руцкого, обвиняющего все президентское окружение в коррупции, спровоцировал серию ответных ударов, в результате которых сам вице-президент "де-факто" был лишен своего поста, погубив при этом и министра госбезопасности Баранникова.

Именно "одиннадцать чемоданов" Руцкого позволили президенту и его сторонникам динамично захватить инициативу и пообещать мощное сентябрьское наступление, поскольку история с "чемоданами", благодаря глупости самого Руцкого и изумительной способности Хасбулатова попадаться на любую наживку, превратилась в бумеранг, бьющий по очень многим лицам, как в России, так и вне ее, но совсем не по тем, для кого этот удар предназначался по плану Хасбулатова.

Пришлось вновь отступить с занимаемых позиций прямо в объятия тех, кто жил мечтами о реставрации "славного коммунистического прошлого" А они уж окончательно охмурили Хасбулатова, как ксендзы Козлевича, перечисляя свистящим шепотом номера дивизий и отдельных спецназовских полков, танковых бригад и соединений штурмовой авиации, готовых по получении условного сигнала немедленно взяться за оружие и выступить на защиту Верховного Совета и неуывающей социалистической конституции во имя восстановления СССР и советской власти.

Перечислялись и фамилии генералов и министров (нынешних и бывших), банкиров (наших и зарубежных) и предпринимателей, тайных советников и обиженных фаворитов, готовых на все во имя спасения родины "от ельцинской диктатуры и сионистского ига". Главное, не упустить время, когда следует подать условный сигнал.

Как говаривал Ленин: "Сегодня — рано, завтра — поздно!"

И все со страхом смотрели на Кремль, удивляясь долготерпению президента. Что не говори, но несмотря на все фанфоронство, напоминающее временами поведение школьников 6-го класса перед приходом учителя до крика "атас" стоящего на стреме, президента в Верховном Совете побаивались.

У всех в памяти осталось истерическое заявление депутата Астафьева о том, что в разгар мартовского съезда на территорию Кремля введен спецназ. Многих пробрала дрожь.

А депутат Исаков, потребовавший импичмента Ельцину, говорил эти слова с выражением такой смертной тоски в глазах, как будто спецназовцы уже волокли его в пыточный застенок. Депутат подчеркнул, что голосование по этому вопросу должно быть обязательно тайным, чтобы, упаси Бог, президент не дознался, кто и как по этому вопросу голосовал.

Но после реплики депутата Астафьева даже самые храбрые решили на всякий случай воздержаться даже при тайном голосовании.

Ведь достаточно было одного движения президентских бровей, чтобы надоевшего ему депутата Слободкина, взяв за руки и за ноги, просто выкинули за дверь конституционного совещания, как в достопамятные времена Ивана Грозного.

Правда, в отличие от тех времен, его не посадили на кол и даже дали возможность, отдышавшись, дать на ходу пресс-конференцию. Но в зал больше не пустили, выкинув вслед и его проект новой советской конституции.

Страх пронизывал Верховный Совет неоднократно. Чуть ли не ежедневно то один, то другой депутат, неожиданно взяв слово, делал заявление о том, что президент (или кто-нибудь из его окружения, а окружение президента в целом считалось еще хуже самого президента) тайно посетил одну из элитарных воинских частей, вроде дивизии имени Дзержинского, где согласовал с командованием список депутатов, подлежащих, как обычно заявляли депутаты, "интернированию".

Для чего в дивизии срочно освобождены четыре казармы, а солдаты брошены на тактические учения поближе к Москве на один из секретных полигонов, где построен макет Белого Дома в натуральную величину.

Депутат Челноков даже как-то представил список подлежащих интернированию, который, разумеется, открывался его собственной фамилией.

Приступы страха сменялись приступами нервного возбуждения и клятвами защищать конституцию "если понадобится, с оружием в руках".

Президент молчал. Его молчание истолковывалось как слабость и нерешительность, столь явно продемонстрированные Ельциным в марте.

Это дало повод отставному генералу Филатову опубликовать в газете "День" призыв к русскому народу, "который должен поступить с президентом, как поступил египетский народ с изменником Анваром Садатом".

То есть расстрелять президента в упор из автоматов, забросав предварительно гранатами.

Это дало повод депутату Илье Константинову с трибуны съезда возглавляемого им Фронта национального спасения объявить о начале "народно-освободительной войны против оккупационного режима Ельцина". А самого Ельцина публично вздернуть на Красной площади.

Это дало повод кокетливой Сажи Умалатовой заявить, что президента следует повесить за ноги, вниз головой.

Это дало повод лидеру "Трудовой Москвы" Виктору Анпилову не согласиться со всеми перечисленными

мерами, поскольку, по его мнению, президента следует отдать на растерзание толпе.

Это дало повод и самому Хасбулатову заявить, что "закон и палач" встанут на пути любой попытки президента вырваться из порочного круга путем разгона Верховного Совета.

Все они знали, что говорили, поскольку ксерокопии проекта президентского указа уже по тайным каналам "приплыли" из канцелярии Ельцина в канцелярию Хасбулатова. Поэтому их совместные действия уже очень напоминали попытку остановить идущий танк с помощью заливистого собачьего лая.

16 сентября президент Ельцин, как было официально объявлено, отправился в Балашиху, где квартировалась знаменитая своим участием в многочисленных дворцовых переворотах дивизия имени Дзержинского.

Президент эффектно появился на телеэкране в красном берете спецназовца в окружении старших офицеров дивизии, министра обороны Грачева и министра внутренних дел Ерина.

Демонстрируя свою высочайшую подготовку главе государства, солдаты разбивали лбами кирпичные кладки, крушили ногами бетонные заборы, а ребром ладони — стеллажи двухдюймовых досок. Налюбовавшись зрелищем и явно придя в отличное расположение духа, президент поделился с офицерами последней новостью: он принял решение вернуть в правительство Егора Гайдара. Пока на должность вице-преьера в правительстве Виктора Черномырдина.

Если бы президент прямо перед телекамерами плюнул бы в лицо Хасбулатову и съездил по уху Руцкому, то вряд ли эффект был бы большим, чем от этого заявления.

Егор Гайдар, внук знаменитого Аркадия Гайдара, родившийся от брака Тимура и Жени, воспетых его дедом в классической для воспитания юного коммунистического поколения книге "Тимур и его команда" (после чего всех пионеров в СССР стали называть "тимуровцами"), был автором и архитектором глобальной экономической реформы, согласно которой посткоммунистическая Россия должна была чайкой белокрылой перелететь из тоталитарного болота на рельсы рыночной экономики.

Егор Тимурович, в отличие от своих деда — сталинского писателя и папы — адмирала, был доктором

экономических наук и свои экономические теории печатал еще в печально знаменитом журнале "Коммунист".

Теории Егора Гайдара были знакомы только сверхузкому кругу специалистов, и, видимо, ему так никогда и не было бы суждено помериться славой со своими дедом и отцом, если бы логическую красоту его теории не оценили сразу и Ельцин, и Хасбулатов в те времена, когда спикер еще вставлял во все свои выражения неизменное: "Мы с Борисом Николаевичем посоветовались и решили..."

Многие уже забыли, что в совсем недавние времена Руслан Хасбулатов, разъедаемый своими вечными комплексами неполноценности, даже намекал на "соавторство" экономической теории Гайдара. Теория, как и все гениальное на свете, была проста, предусматривая освобождение цен с одновременной повальной приватизацией и увеличением налогов, чтобы добыть деньги в казну на правительственные нужды.

На языке экономистов она называлась "шоковой терапией" и была уже опробована в некоторых странах, например, в Польше, показав быстрые и довольно впечатляющие результаты.

В России, как и водится, эта теория не дала никаких результатов, если говорить о результатах положительных. Вместо белокрылой чайки получился тяжелогруженный состав, который к тому же полетел под откос. Освободившиеся цены скакнули на все без исключения в 1000 раз, и это были практически все результаты.

Другими словами, произошел только шок без всякой терапии. Приватизация провалилась, закон о земле утонул в склоках и парламентских скандалах, а новая налоговая политика быстро удушила почти всех производителей, открыв дорогу перекупщикам и жуликам всех мастей и масштабов.

Трудно поверить, что Гайдар был настолько оторван от реальности, что мечтал взлететь "белокрылою чайкой", к лапкам которой были привязаны совершенно неподъемные даже для слона гири военно-промышленного комплекса, с которым влезать в шоковую терапию было чистым безумием.

Нет, премьер правительства, по его же собственным словам, надеялся, что "бароны ВПК", поняв обстановку, либо самоликвидируются (выбросив своих рабочих на улицу), либо быстро проведут конверсию,

перепрофилировав свои заводы со стратегических ракет на чайники, либо приватизируются и сами найдут себе рынок сбыта, исправно платя в казну налоги.

Разумеется, бароны не желали делать ни того, ни другого, ни третьего. Напротив, сомкнув ряды, они не только наглухо затормозили реформу, но и добились ухода в отставку самого Гайдара. После чего в стране началась стагнация с балансированием на грани пропасти. На глазах стало разваливаться все: от бесплатного образования и медобслуживания до вооруженных сил.

Все показатели промышленного производства и жизненного уровня, который и до этого нельзя было назвать не то что высоким, но даже средним, стремительно поползли вниз. И народ, у которого, по меткому наблюдению одного циничного обозревателя, оставалась только душа, да и то потому, что ее нельзя было продать за иностранную валюту, открыто роптал, по давней традиции требуя, чтобы ему указали виновного в нынешнем положении вещей.

Ему указали на виновного. Им был Егор Гайдар. Гайдара сняли, но обстановка не менялась. Цены и темпы инфляции неудержимо ползли вверх, жизненный уровень народа падал уже за красную черту, за которой начиналась нищета.

Соответственно падала и рождаемость, уступая дорогу смертности.

Те, кто хотел вернуться назад в коммунистическое вчера, были бессильны что-либо предпринять, чтобы перевести заглохший мотор страны на задний ход.

В равной степени оказались бессильными и те, кто хотел идти вперед. Страна погружалась в трясину коррупции, инфляции и анархии.

Потоком, как во времена эвакуации при подходе армии противника, из страны вывозилось все, за что можно было получить доллары. На лицензиях, разрешающих вывоз, красовались подписи представителей как законодательной, так и исполнительной властей. Но и вырученные доллары оставались в банках США и Западной Европы, ибо никто не решался хранить их в России, опасаясь новых указов о конфискации, экспроприации и прочего, вытекающего из вечно живого ленинского призыва: "Грабь награбленное!"

Хотя в нынешних условиях призыв вождя мирового пролетариата можно было перефразировать как: "Дограбь ограбленных!"

И вполне естественно, что в подобных условиях страну захлестнула небывалая волна преступности от обычных убийств до подделки американских долларов.

Центральный банк начал выпуск невиданных доселе купюр: сперва достоинством в 1000 рублей, затем — 5000, 10000 и, наконец, — 50000 рублей. Ходили слухи, что уже готово клише в 100000 рублей, а в газетах уже рисовали эскизы купюры достоинством в миллион рублей, в центре которой красовался двуглавый орел с головами Ельцина и Хасбулатова, рычащими и лязгающими друг на друга зубами в попытке перетянуть к себе императорскую корону.

В подобных условиях возвращение Гайдара в правительство было особенно символично, являясь по сути открытым объявлением войны, ибо президент открыто продемонстрировал, что намерен идти дальше по пути реформ, а не возвращаться в коммунистический маразм прошлого.

Объявление войны, обставленное соответствующим образом, — президент в берете спецназовца, окруженный силовыми министрами и офицерами дивизии имени Дзержинского, — было воспринято однозначно, по крайней мере, в лагере противоборствующей стороны, сгруппировавшейся вокруг Верховного Совета.

"Спокойные первые две недели сентября на российской политической сцене, — отметила пресса, — казалось, не оправдывали президентских предсказаний о боевом сентябре, в течение которого должен был окончательно решен вопрос о власти.

Но буквально в течение трех-четырех дней, открывших вторую половину месяца, обнаружилось, что спокойствие было лишь видимостью. Сражение началось и перешло в такую фазу, которая делает невозможным не только мир, но и перемирие...

События конца прошлой недели последовали одно за другим с такой скоростью, что трудно понять, что явилось детонатором взрыва. Пожалуй, все-таки им стало назначение на пост вице-премьера Егора Гайдара...

Одновременно был отстранен от руководства экономикой страны Олег Лобов... Замена Лобова на Гайдара была справедливо воспринята противниками курса на

реформацию экономики не только как "показ флага" со стороны президента, но и как крушение их собственных попыток остановить эту реформацию путем введения в правительство "тroyанского табуна".

После того как попытки эти были столь решительно пресечены, у антиреформаторов не осталось иного выбора, как поднять забрало... Шаги, сделанные оппозицией практически одновременно с возвращением на политическую сцену Егора Гайдара, означают не что иное, как объявление гражданской войны.

Верховный Совет, "патриоты", коммунисты в практически одинаковых выражениях заявили, что они открыто берут курс на реставрацию советской власти и восстановление СССР. Надо признать, что в нынешнем положении для них действительно нет иного пути — все прочие имеющиеся у них возможности полностью себя исчерпали.

Еще недавно лексикон "непримиримой оппозиции" включал в себя такие термины, как "парламент" (как с легкой руки прессы стали называть у нас Верховный Совет или даже пресловутый съезд народных депутатов), "парламентская республика", "суверенитет России". Оппозиционеры клялись в своей приверженности на демократию и рынок. Теперь с маскировкой покончено...

На субботнем совещании советов всех уровней панегирики советской государственной системе звучали в выступлении едва ли не всех ораторов, а один из них, срывая аплодисменты зала, даже выкрикнул знаменитый лозунг: "Вся власть Советам!"

Со всей решительностью присоединился к реставраторам и Руслан Хасбулатов, провозгласивший: "Советы — это и есть народ!" Выступивший в тех же стенах "вице-спикер" Александр Руцкой не менее энергично воздал хвалу советской власти, почти слово в слово повторив в этом Геннадия Зюганова, который также призвал к возрождению Советского Союза "через советы"...

Хасбулатов, забывший, что его подпись стоит под постановлением Верховного Совета о денонсации Союзного договора, развертывал свои проекты обратного преобразования СНГ в Союз...

Было заметно, что оппозицию во всем ее спектре охватила паника, близкая к истерике, поскольку весь ее политический спектр от откровенных фашистов генерала Стерлигова и коммунистов Геннадия Зюганова до разных

там "христианских демократов" и "кадет" Ильи Константинова вдруг разом завопил о реставрации Советского Союза и тоталитарного режима "через советы".

Было видно, что ни у кого в оппозиции нет никакой положительной программы, кроме возвращения в вонючую выгребную яму коммунизма. А несколько постоянно митингующих под Белым Домом пенсионеров, декламирующих простуженными голосами: "Савецкий Саюз!", внушили им мысль о том, что возвращения в их любимый тоталитаризм жаждут и десятки миллионов других людей на необъятных просторах России.

Напротив, десятки миллионов людей уже почувствовали вкус новой жизни, вкус свободы и не собирались ее менять на мифическую колбасу за 20 копеек, которой они, кстати говоря, в подавляющем большинстве никогда не видели, разве что при поездках в Москву, угадывая эту колбасу по километровым очередям.

"Россия — не одна Москва", — как-то мудро, во время другого кризиса, заметил фельдмаршал Кутузов. Но об этом всегда забывают...

В Верховном Совете стали ждать следующего хода президента. Что это будет за ход — многие знали: утечка информации из "кругов, близких к президенту" работала четко и почти без перебоев.

Вопросом оставалась дата, когда президент решится на публикацию своего указа, и как все это будет преподнесено стране. Уже давно была продумана тактика обороны, как идеологической, так и силовой, если придется.

Вся оборона идеологическая была построена на незыблемости и святости Конституции, которая не предусматривала никаких процедур разгона Верховного Совета, кроме самороспуска. Считалось, что Запад, а в первую очередь — Соединенные Штаты, в ужасе отшатнутся от Ельцина, узнав о нарушении тем Конституции — слово, которое в США произносится почти с такой же святостью, что и имя Божие.

Нет хуже преступления, чем нарушение Конституции "Плохая она или хорошая, — говорили теоретики-юристы, вроде Валерия Зорькина, — но другой Конституции у нас нет".

Кстати говоря, напоминали многие, именно на этой Конституции клялся сам Ельцин, принимая присягу президента под благословением патриарха.

Силовое сопротивление было построено на принципе, что армия также присягала стоять на защите конституционного строя...

Последние дни Верховный Совет жил фактически на казарменном положении, питаясь всевозможными слухами и домыслами, напоминая потревоженный муравейник.

Сегодня, 21 сентября, Хасбулатов еще утром собрал экстренное заседание президиума Верховного Совета. Темой обсуждения стала напряженная ситуация, сложившаяся во взаимоотношениях исполнительной и законодательной ветвей власти.

Хасбулатов отметил, что в Москве, в ночь с 19 на 20 сентября, имели место несанкционированные передвижения крупных групп внутренних войск. По этому поводу Министерство внутренних дел не смогло дать аргументированного объяснения, невнятно ссылаясь на то, что подразделения то ли возвращались с уборки картошки, то ли направлялись на нее.

Избегая резких и конкретных формулировок, спикер снова предупредил депутатов о том, что "кто-то может прибегнуть к силовым действиям", чтобы заблокировать деятельность Верховного Совета и местных органов представительной власти.

Выступивший вслед за ним его первый заместитель Юрий Воронин напомнил собравшимся, что имеются все основания предполагать возможность введения прямого президентского правления в самое ближайшее время.

"Мы все должны знать,— подчеркнул Воронин,— что антиконституционное выступление возможно. И наша прямая задача — сохранить конституционный строй".

В 17 часов 30 минут состоялось новое заседание президиума Верховного Совета. Обсуждалась все более тревожная информация о предстоящем указе президента.

Депутат Иона Андронов предложил не ждать указа, а уж тем более не ждать каких-либо силовых действий в отношении Верховного Совета, "но форсировать события", самостоятельно перейдя к активным действиям во имя спасения "конституционного строя". На это Хасбулатов, закрывая заседание, ответил: "Нам не надо спешить. Нам надо подождать. Мы не можем поддаваться на чью-то удочку".

И ВОТ ЧАС НАСТАЛ

Долго маневрировавший президент, наконец, развернулся и дал по парламенту бортовой залп

На экране телевизора, как ни в чем не бывало, мелькали пестрые обертки "Сникерсов", яркие пачки американских сигарет и назойливые клипы разнообразных расплодившихся в последнее время, инвестиционных и промышленных фондов, желающих выудить как можно больше ваучеров у запутавшегося вконец населения

Хасбулатов почувствовал как бешено заколотилось его сердце

Час настал Теперь необходимо ввести в действие давно продуманный план Теоретически он был неуязвим, если смотреть на этот план с точки зрения действующей Конституции

Кстати говоря президент своим указом не вводил чрезвычайного положения не отменял конституционных гарантий и вообще не делал ничего

А просто разгонял Верховный Совет с непринужденностью абсолютного монарха, для которого никакие законы не писаны, а парламент имеет свободу действий только до провозглашения: "Такова воля короля, милорды!" После чего разгоняется

Включив селектор, Хасбулатов приказал президиуму вновь собраться на экстренное совещание, немедленно подготовить чрезвычайную сессию Верховного Совета и немедленно оповестить всех о созыве внеочередного ("очередного внеочередного", как однажды сострил Шахрай) X съезда народных депутатов.

Если Ельцин хочет войны, он ее получит!

В этот момент в его кабинете появились Воронин и Руцкой

21 сентября 1993, 21:00

Изгнанный из Кремля и с занимаемой должности бывший вице-президент Руцкой слушал заявление президента в бывшем кабинете Владимира Шумейко, который тот занимал в бытность свою одним из заместителей Хасбулатова

Самого Шумейко переманили в Кремль на должность вице-преьера, где он в самое короткое время стал ближайшим сотрудником президента и злейшим врагом Руцкого.

Александр Владимирович Руцкой по профессии был пилотом истребителя-бомбардировщика или штурмовика, как любят называть этот класс боевых машин в России. Воевал в Афганистане

Какие цели могло найти командование, против которых было бы оправдано использование столь мощного бомбардировщика как СУ-27, известно ему одному, и хотя сам Руцкой много раз божился, что не занимался бомбежкой кишлаков, то есть истреблением мирного населения, но в районе, где оперировал его полк, просто не было никаких других объектов, кроме кишлаков, каждый из которых стоил много меньше, чем сброшенные на него бомбы и ракеты

Послужной список Руцкого в Афганистане мог бы создать впечатление о нем как о хроническом неудачнике. В невероятно благоприятных условиях полного превосходства в воздухе и примитивнейшей системы ПВО у противника Руцкой все-таки умудрился быть два раза сбитым: один раз партизанской ракетой, второй — пакистанским курсантом летного училища, который залетел в воздушное пространство Афганистана из-за слабого знания навигации и решил прославиться во имя аллаха великого и милосердного

Во втором случае полковник Руцкой попал в плен к партизанам и был ими передан пакистанским властям. Такого "жирного гуся" в полковничьих погонах советской армии партизанам редко удавалось не то что взять в плен, но даже и увидеть, так что в госпиталь, где полковник-неудачник приходил в себя после сложного каталитирования, слетелась половина пакистанской спецслужбы и несколько высокопоставленных сотрудников ЦРУ, специально для этого перелетевших через два океана.

О чем они беседовали с Руцким можно только догадываться (хотя, скажем, тот же Жириновский в одном из своих выступлений уверял, что Руцкой именно тогда дал обязательства работать на ЦРУ; но хотелось бы найти источник посolidнее).

Однако, о чем бы они там ни беседовали, командование оккупационных сил в Афганистане очень встревожилось, не столько, видимо, из-за судьбы самого Руцкого, сколько из-за того факта, что сбитый полковник может появиться на экранах западного телевидения и обрушить на падкую до сенсаций буржуазную аудиторию поток очередных антисоветских измышлений.

Одно дело, когда это делают рядовые солдаты-несмышлелы, другое дело, когда полковник.

Сегодня, зная, что предательство вчерашних соратников было у Руцкого чем-то вроде хобби, следует признать, что у командования были все основания для подобных опасений. Командование вступило в переговоры с партизанами и пакистанскими властями, чтобы выкупить Руцкого из плена.

Партизаны за полковника запросили очень дорого. Помимо требования выпустить из кабульской тюрьмы около двух десятков своих товарищей, они еще потребовали предоставить им целую гору разного оружия, включая БМП, и боеприпасов, которыми можно было бы вооружить целый батальон регулярной армии, а учитывая запросы партизан, — целую их группировку.

Не следует забывать, что в специфических условиях афганской войны оружие было не только средством ведения боевых действий, но и валютой. Его можно было легко загнать, скажем, в Сомали или Ливан, а то и обменять на наркотики, которые затем втридорога продать командованию афганской коммунистической армии.

Сделка состоялась, и Руцкой был отозван в Москву, где был откомандирован в распоряжение главкома ВВС — тогда еще генерал-полковника Шапошникова. Именно из главкома Шапошникова Руцкой, как черт из люка, появился на политической сцене, пробившись в Верховный Совет в составе приснопамятной партии Полозкова.

Если Хасбулатову удалось пробиться наверх именно из—за своей безвестности и кажущейся безобидности, то полковник Руцкой, напротив, сразу обратил на себя внимание кипучей энергией, напористой агрессивностью и умением быстро изменять политический курс в зависимости от обстановки.

Руцкой появился на политической сцене весной 1991 года, когда в России началась президентская кампания. Еще существовал Советский Союз, еще существовала КПСС и, хотя, она уже дышала на ладан, но оставалась пока единственной организованной силой. Союзные власти во главе с Горбачевым, президентом СССР и генсеком КПСС, вели яростную кампанию против Ельцина.

Именно в это время Руцкой с трибуны съезда объявил о создании фракции "Коммунисты за демократию", расколов тем самым партию Полозкова и оказав весьма

внушительную помощь "демороссам". Более того, Руцкой осмелился громогласно заявить, что основанная им фракция "полностью поддерживает Верховный Совет РСФСР и его председателя (каковым тогда был Ельцин), осуждает деятельность средств массовой информации, порочащих Ельцина и решительно поддерживает "введение в республике института президентства".

Само название фракции Руцкого "Коммунисты за демократию" (или "Хищники за вегетарианство", как остряли в политических кругах) настолько шло вразрез с политикой умирающей КПСС, что подобное предательство не могло остаться незамеченным. На мятежного полковника обрушился весь набор карательных мер, на которые еще была способна родная партия.

По просьбе областного совета ветеранов его незамедлительно лишили звания "Почетный гражданин города Курска", а газета "Красная звезда" стала публиковать "письма трудящихся", в одном из которых, в частности, говорилось:

"Возмущена выступлением на съезде А.Руцкого. По сути дела, он предал нас, избирателей Кунцевского района Москвы. Я прекрасно помню, как во время предвыборной кампании он на одном из митингов клялся в верности ленинским идеям, разоблачал псевдодемократов. Так что же произошло, если спустя всего несколько месяцев Руцкой решил побрататься с Глебом Якуниным, внес раскол в ряды российских коммунистов?"

Если это и было предательство, то уже, по меньшей мере, не первое. Руцкой, как и многие другие еще неизвестные политики, вышедшие из военной среды, тяготел к известному обществу "Память", поскольку, даже сражаясь в Афганистане, был уверен, что сражается с мировым сионизмом.

Для людей энергичных и вечно жаждущих борьбы борьба с мировым сионизмом представлялась лучшим применением сил, уже хотя бы потому, что она могла продолжаться бесконечно долго и на первый взгляд выглядела вполне безопасной. Ответные удары почти никогда не обрушивались на кого-то персонально. Когда же начинали разваливаться, утопая в кризисах, "тысячелетние империи", то даже тогда ни у кого не возникало мысли отнять спички у детей, играющих на бензокладе...

Поэтому вполне естественно, что Руцкой стал одним из организаторов, а потом и заместителем

председателя « патриотического общества "Отечество" », в которое по замыслу должны были войти все организации и группы, готовые сражаться с сионизмом до победного конца.

Для освещения деятельности общества во все-российском масштабе Руцким была задумана газета, редактором которой он мыслил поставить своего старого друга еще по Афганистану Александра Проханова, обещая ему финансовую и любую другую поддержку тогда еще только задумывавшейся патриотической газеты, получившей позднее название "День"

Возможно, Руцкой так и погряз бы в борьбе с сионизмом до победного конца и даже занял бы место генерала Филатова в газете "День", если бы генерал Шапошников не порекомендовал бы его Ельцину в качестве "офицера связи" на случай "непредвиденного развития событий"

Ельцин, который нежданно-негаданно очутился во главе "Демократической России" и шел к своей цели напролом, по принципу "все или ничего", очень нуждался в армейской поддержке в случае "непредвиденного развития событий", которое, надо сказать, было вполне предвиденным.

Как часто с ним случалось (и случается), Ельцин толком не понял того, что ему порекомендовал главнокомандующий ВВС, а поскольку как раз в этот момент будущий президент России занимался подбором кандидатуры вице-президента, то и решил сделать им Руцкого.

С высоты Ельцина должность вице-президента мало чем отличалась от должности офицера связи или чиновника для поручений. Недаром в статусе президентского аппарата говорилось, что главной обязанностью вице-президента является выполнение поручений президента. А то, что этот человек по статусу может автоматически стать президентом, в случае не только смерти, а любой "невозможности президентом выполнять свои обязанности" (в случае, скажем, "импичмента", ареста, придуманной болезни и тому подобного), об этом никто не подумал, включая и самого Ельцина, считающего себя, если не бессмертным, то, во всяком случае, политически неуязвимым.

Сам Ельцин тогда находился в тисках между радикальными демократами, которые предлагали ему в качестве кандидатов в вице-президенты длинный список фамилий от Собчака до Старовойтовой, и своими

верными парработниками из Свердловского обкома КПСС, которые морщась при виде демократов с их профессорским, а то и просто "итээровским" прошлым, рекомендовали ему выбрать кого-нибудь "поприличнее", указывая в качестве варианта на фигуру Вадима Бакатина, с коим не стыдно было бы появиться на людях, поскольку тот был таким же секретарем обкома и членом ЦК, как и сам Ельцин

Ельцин уже даже предложил Бакатину составить "пару" но тот отказался, так как по приказу родной партии сам выдвинул свою кандидатуру в президенты. А тут как раз подвернулся Руцкой. Таким образом, конкурс между демократами и партноменклатурой выиграл армейский полковник.

Однако, иметь вице-президентом сопредседателя патриотического общества "Отечество" даже Ельцин не мог себе позволить, а потому Руцкому пришлось срочно отмежевываться от вчерашних дружков

Руцкой резко порывает с "Отечеством", публично объявив, что в его планы "входило создать совсем иную организацию, нежели получилось", и что он порывает с ними "окончательно и бесповоротно"

"Предатель, перебежчик, подлец" — это были наиболее мягкие эпитеты, которые обрушили "патриоты" на голову Руцкого

"Я же считаю,— заявил в ответ Руцкой,— что подлецы — они. Туманят людям головы. Придумывают разные сказки, в которые сами то не верят Организации, разжигающие национальную рознь, должны быть немедленно запрещены"

А поскольку эти слова были сказаны уже в ранге вице-президента, то предательство Руцкого стало для "патриотов" обидным вдвойне.

Когда же, находясь с официальным визитом в Израиле, Руцкой ни с того, ни с сего брякнул, что у него мама — еврейка, думая, видимо, что это обстоятельство облегчит получение кредитов от израильских банков, "патриоты" по всей Руси ахнули, став единственными, кто в это свято поверил.

Теперь им все стало ясно. Несколько позже, планируя государственный переворот и видя себя в нем чем-то похожим на Пиночета или же Ярузельского, Руцкой попытался сплотить вокруг себя "патриотические" силы страны, выступив с длинной речью на Всероссийском съезде патриотов. Вот тут ему и вспомнили маму-

еврейку! "Патриоты" самых разных направлений около получаса свистели, визжали, орали "Иуда!", скандировали: "Мы протестуем против вас на трибуне!", а Дмитрий Васильев демонстративно покинул зал, увлекая за собой свою свиту и телохранителей.

Тем не менее, Руцкой произнес свою речь, которая вся состояла из длинных цитат Ильина и Бердяева, а так как ни того, ни другого в зале никто не читал, предпочитая книги из библиотеки генерала Стерлигова, то все искренне решили, что вице-президент рехнулся. Уж больно умничает. И ничего не понять.

Это произошло позднее, а пока Руцкой в свете представившихся новых возможностей лихорадочно отмежевывался от "патриотов" и "полозковцев", основав в пику последним даже новую партию с совершенно фантастическим названием: "Демократическая партия коммунистов России".

Хотя это было не более, чем попытка расколоть РКП, а в случае чего, спихнуть с должности и самого Полозкова, коммунисты вслед за патриотами стали обвинять разошедшегося полковника в измене, используя при этом любимое ленинское определение "ренегат". В разгар этой внутрипартийной склоки подоспел августовский путч, сделав дальнейшие споры чисто академическими, а потому и мгновенно затихшими.

В августовском путче Руцкой сыграл самую заметную роль из всех его участников по обе стороны как идеологических, так и настоящих баррикад, а его высадка во главе десантной полуроты в Бильбеке и освобождение томившегося от неизвестности в Форосе президента Горбачева принесли ему помимо всесоюзной славы генеральскую звезду на погоны. Звезду по каким-то известным им одним соображениям дважды "зарубили" бюрократы из Министерства обороны в славные коммунистические времена. Если бы в СССР и России путчи шли постоянно, о чем еще мечтал Троцкий в своей теории "перманентной революции", то можно с уверенностью сказать, что Руцкой, веди он себя поумнее, быстро стал бы и маршалом и генералиссимусом, а может быть даже и обергенералиссимусом.

Но короткий промежуток относительно мирного времени также опасен для подобных людей, как весна для снегурочки...

Путч давно кончился, а в приемной Руцкого все еще толкались какие-то непонятные личности с автоматами и

гранатометами, шныряли какие-то загадочные субъекты с набитыми долларами кейсами, мелькало вдохновенное лицо генерала Стерлигова, кучковались известные на всю столицу деятели черного бизнеса, сверкали грозные очи министра госбезопасности Баранникова, быстро тускневшие под печальным взглядом международного афериста Бориса Бирштейна, порожденного некогда КГБ, а теперь вернувшегося в Россию, чтобы "купить и не очень дорого некогда породившую его контору со всеми потрохами"

Вместе с этими людьми, известными на всю страну, если не сказать, на весь мир, в приемной гудела и шепталась пестрая мелочевка от фельдгегерей с секретных сибирских заводов и из воинских частей, о существовании которых не знало даже Министерство обороны, до разного мелкого жулья, промышленяющего подделкой иностранных паспортов, разрешений на ношение оружия, сертификатов Внешкомбанка, а при необходимости и долларов США.

Далеко не все, конечно, могли пробиться в кабинет Руцкого, охраняемый молчаливыми людьми в камуфляже без знаков различия с демонстративно повешенными на грудь десантными автоматами.

"Они липли на меня,— вспоминал позднее Руцкой,— как мухи на липучку. Я и сейчас понятия не имею, что они все от меня хотели..."

Единственным человеком, который беспрепятственно, с улыбкой кивнув автоматчикам, проходил в кабинет Руцкого, когда ему вздумается, был популярный киноартист и режиссер Никита Михалков, взявший на себя трудную задачу воспитать нового вице-президента (старый вице-президент, как известно, уже сидел в тюрьме) в духе просвещенного патриотизма с уклоном на соборный социализм. Руцкой любил выпить и попариться в баньке, брал уроки игры в теннис, но от философских бесед откровенно скучал — Никита Сергеевич, как гувернер старых времен, подобрал для вице-президента обязательный минимум книг, которые тот поклялся прочитать. Среди этих книг заметное место занимали работы крупнейшего русского философа-консерватора Ивана Ильина, объединенные почти в восьмисотстраничный сборник "Наши задачи".

Ильина, высланного в свое время из страны по приказу Ленина и умершего в эмиграции в 1954 году, начали печатать в России совсем недавно, и цитировали все,

кому не лень: от откровенно профашистского журнала "Молодая Гвардия" до либеральной "Юности".

Сам Никита Михалков, у которого под тончайшим слоем напускного и совершенно неестественного православия кипели идеи самого тривиального национал-большевизма, почему-то считал своим долгом в том же духе воспитать и вице-президента.

К чести Руцкого надо сказать, что он и не пытался постичь ювелирную огранку мыслей выдающегося философа, когда-то вызвавшего страшный гнев всех трех великих вождей тоталитаризма: Ленина, Гитлера и Сталина. А на все вопросы появлявшегося в кабинете Михалкова: "Саш, ну ты прочел Ильина-то?", виновато улыбался в усы, ссылаясь на нехватку времени, но твердо обещал "прочитать и доложить".

Как-то даже сказал, что прочел, но Никита, поглядев ему в глаза, вздохнул: "Врешь, не читал" Неизвестно на что надеялся Михалков, упорно подсовывая Руцкому Ильина, но часто подчеркивал, что глава государства Российского должен знать хотя бы, что ждет мир в случае развала этого самого государства, от чего Ильин предостерегал еще более полстолетия назад.

Кстати, именно из-за Михалкова Руцкой впервые поссорился с президентским фаворитом Бурбулисом, который, презрев все просьбы Руцкого, так и не дал Михалкову слова на помпезном митинге по случаю похорон трех жертв августовского путча.

В окружении президента Ельцина было, мягко говоря, не очень уютно. Окружение наполовину состояло из старых партийно-номенклатурных вельмож такого ранга, что их и "товарищами" страшно было называть. Естественно, что они смотрели на новоиспеченного генерала как на выскочку, взятого в их круг неизвестно за какие заслуги, да и неизвестно зачем.

Руцкой ежился от их презрительно-надменных взглядов, которые приобретаются только долгими годами работы в аппарате или секретариате ЦК КПСС. Вторая же половина президентского окружения состояла из разных профессоров политэкономии, научного коммунизма, социалистического права, народного хозяйства и тому подобного.

Ребята эти были сравнительно молодыми, но считали себя шибко умными, а на Руцкого смотрели как на фельдфебеля, по какому-то недосмотру очутившемуся в президиуме академии наук.

Армия — хорошая школа интриги, но армейская интрига, будучи все-таки, как и все армейское, несколько прямолинейной, в корне отличалась от интриг, характерных для высшего партэшелона и академических кругов специфически советских гуманитарных наук. Да и армейскую интригу Руцкой познал лишь на уровне среднего звена. Так что в окружении президента его быстро оттеснили от патрона и, что говорить, задвинули в угол.

Попадать в высшие органы государственного управления с должности командира полка, особенно в нашей стране, смертельно опасно. Тут даже речь идет не о неизбежной "кессонной" болезни от столь стремительного взлета по служебной лестнице, от которой вечно кружится голова и звенит в ушах, а о специфике принятия решений и ответственности за них.

Когда генерал Дудаев объявил о независимости Чечни, взоры всех обратились к Руцкому, прося у него оптимального совета как у государственного мужа высочайшего ранга.

Что мог посоветовать Руцкой, чьи знания и опыт не простирались далее кабины бомбардировщика? Высадить в Чечне десант, обеспечив этому десанту плотное воздушное прикрытие. Захватить правительственные здания и жизненно важные объекты в Грозном, как в Кабуле. Арестовать и "пристрелить при попытке к бегству" Дудаева. А для начала ввести в Чечне чрезвычайное положение. Указ о чрезвычайном положении мог отдать только президент Ельцин, что он и сделал, так как все остальные его советники отмолчались, давая понять, что ничего умнее просто невозможно придумать.

Генерал Дудаев немедленно обратился по радио, призвав мировое сообщество обратить внимание на готовящуюся со стороны России агрессию против молодого суверенного государства.

Подобное обращение к "мировому сообществу", конечно, мало помогло бы Чечне, но генерал Дудаев, кроме того, обратился и к своим таинственным боевикам, якобы разбросанным по всей России, призвав их, в случае "какой-либо агрессии против Чечни", превратить Москву в "зону бедствия", проводить диверсионные акты против объектов жизнеобеспечения по всей России, взорвав в первую очередь несколько атомных электростанций.

Кроме того, мятежный генерал намекнул, что он, разумеется, в условиях агрессии не сможет гарантировать безопасность русского населения, как в Грозном, так и по всей территории независимой Чеченской республики.

Доктора разных наук и секретари разных обкомов кинулись к Ельцину, заклиная его отменить указ о введении чрезвычайного положения в Чечне.

Таким образом, Россия и президент были поставлены в смешное, если не сказать в унижительное положение, которое оставалось только проглотить как горькую пилюлю, признав совершившийся факт начала развала Российской Федерации.

Великолепная интрига одновременно подставила президента и вице-президента. Руцкой попытался апеллировать к тому факту, что все с ним были согласны. Простите! Посмотрим протоколы. Где наше согласие? Вы единственный среди нас профессиональный военный, вы высказали свое мнение и, мало того, убедили в нем президента — человека сугубо штатского, как и все мы.

Как бы ни менялась в высших эшелонах российской власти идеологическая окраска режима, он всегда был и, можно с уверенностью сказать, всегда останется византийским. И никакие экономические реформы этого не изменят...

Руцкому намекнули, что после подобного прокола нужно уходить в отставку. У того было лицо шахматиста, которому из-за обидного зевка поставили "детский мат". Руцкой от души выругался матом, но в отставку не ушел, хотя и заметил, что президент стал с ним здороваться не регулярно, но зато регулярно стал соблюдать правило, гласящее о том, что президент и вице-президент не должны нигде вместе появляться, дабы не искушать террористов одним залпом сделать Хасбулатова исполняющим обязанности президента до следующих выборов в 1997 году.

Функции вице-президента и его аппарата в законе вообще определены как-то расплывчато, а выполнение поручений президента звучит вообще несколько унижительно для столь высокой должности, предполагая беспрекословную личную преданность.

Между тем по Москве уже гулял слух, что Руцкой совсем не беспредельно предан президенту. Византия, Византия. Что-то ведь говорил о Византии Никита Михал-

ков, но генерал Руцкой так и не понял, о чем тот хотел его предупредить. Может плюнуть и уйти в отставку, уехать в Курск и жить себе на генеральскую пенсию, да еще на льготы, полагающиеся Герою Советского Союза?

НЕТ! Кто попадал на советский верх (коммунистический или посткоммунистический), тот сразу понимал, что никакие силы (кроме штыка, конечно) не могут заставить спуститься из заоблачных высот сказочного "зазеркалья" в дерьмо повседневной жизни рядового "совка" хоть на генеральскую, хоть на профессорскую пенсию.

Уже получена восьмикомнатная квартира в доме "улучшенной планировки", построенному по проекту еще бывшего председателя Совмина и члена политбюро ЦК КПСС Николая Рыжкова, уже с помощью начальника своего аппарата бывшего генерала КГБ Стерлигова (соседа по этажу) приватизируются по остаточной стоимости сказочные особняки, уже вызваны в Москву и включены в "семейное дело" братья, перед которыми открываются такие возможности, о которых раньше можно было лишь прочитать в сказке об "Али-Бабе и сорока разбойниках"...

Но и эти перспективы казались мелкими от сознания того, что всего один шаг отделяет его от поста президента в случае "смерти президента, болезни и других причин, делающих невозможным выполнение президентом его обязанностей".

Видимо, Ельцин заметил, что его "вице" смотрит на него с каким-то странным прищуром, как бы через прицел, потому что в январе 1992 года Руцкой, давая интервью журналу "Пари Матч", озвучил на весь мир следующее заявление: "Я дал Ельцину слово офицера, что останусь с ним до конца. И я не нарушу этого слова".

Даже плохо искушенные в политике понимают, что подобные заявления просто так не делаются. Значит, у президента есть все основания сомневаться в лояльности вице-президента, раз тому приходится громогласно клясться в том, что я "останусь с ним до конца". До какого конца? Подобная формулировка предполагает, что президент уже загнан в угол и над ним свистят пули, а верный Руцкой решил остаться с ним до конца и разделить его печальную участь. Это выглядело тем более странно еще и потому, что Руцкой почти сразу же после интервью французскому еженедельнику начал

нечто, напоминающее крестовый поход против политики своего патрона и Верховного главнокомандующего.

Совершая поездку по стране, Руцкой, не тратя времени на выбор выражений, последними словами облаял только что сформированное правительство и персонально Гайдара, Бурбулиса и Шахрая, обвиняя их по широкому спектру: от экономической безграмотности до непонимания специфики русского государства. Отсюда, пока еще иносказательно, несло обвинением в государственной измене.

Именно тогда у Руцкого довольно часто стали проскакивать высказывания типа: "Если бы я был президентом, то я принял бы совершенно другое решение..." Подобное было заявлено достаточно громко, чтобы быть услышанным. Когда в Барнауле с подачи Руцкого со всей страны собрались руководители военно-промышленного комплекса, то они узнали от вице-президента, а он от них, что если говорить откровенно, в Кремле засели изменники, прислужники мирового империализма, которые уже погубили СССР, а теперь стремятся погубить и Россию путем лишения ее самого дорогого, что у нее есть — военно-промышленного комплекса.

"Погибнет армия — погибнет и Россия!" — цитировались патетические слова фельдмаршала Кутузова, сказанные после Бородинского боя. А армия безусловно должна была погибнуть, если бы на нее перестали тратить 90% государственного бюджета.

А реформы, как бы топорно они ни были запущены Егором Гайдаром, отчетливо демонстрировали желание нового кремлевского руководства вывести, наконец, Россию из состояния войны и попытаться проверить, на что окажется способным огромный экономический потенциал страны в условиях мирного времени.

Подобное желание само по себе было равносильно государственной измене.

Бароны ВПК с некоторой настороженностью смотрели на Руцкого. Больно глуп. Но, по большому счету, зачем на самом верху нужен умник? У всех была острая ностальгия по временам, когда все высшие посты в партии и государстве занимал Леонид Брежнев, которому ничего и нужно не было, кроме очередного ордена к очередной дате.

Конечно, пока события не приняли действительно необратимого характера, нужно было срочно осуществить простой план. Скомпрометировать окружение

президента путем открытого саботажа всех решений правительства по конверсии и прочим пунктам экономической реформы, включая и одну из ее основ — приватизацию.

В условиях стремительного входа в рынок, а именно так собирается влететь в рынок Егор Гайдар, унаследовав лихие кавалерийские замашки от своего незабвенного деда, этот саботаж неизбежно приведет к небывалому в истории страны росту цен, чудовищной инфляции и еще большему обнищанию народа.

Если подключить к саботажу все или даже часть правоохранительных органов, то страну с той же неизбежностью захлестнет мутная волна преступности, под прикрытием которой можно затерроризировать или просто физически устранить (то есть ликвидировать) всех, кто всерьез попытается пойти по пути частного бизнеса и рыночной экономики.

Под предлогом развала СССР можно (и нужно) временно умертвить жизненно важные отрасли промышленности и транспорта, приводя многие регионы в состояние, близкое к полному хаосу.

Подключение к операции некоторых надежных товарищей в Центробанке и Министерстве финансов даст возможность в паутине банковских связей держать в состоянии невесомости многие (а если понадобится, то и все) коммерческие структуры путем задержки или неосуществления платежей, а самое главное, путем невыплаты зарплат, в первую очередь, рабочим горнодобывающей промышленности, а проще, — шахтерам.

Все эти мероприятия в совокупности создадут обстановку, когда с помощью здоровых сил в Верховном Совете и обществе удастся отправить в отставку правительство реформ, сами реформы остановить и, воспользовавшись общей ситуацией в стране, добиться отставки и самого президента, место которого, согласно конституции, займет генерал Руцкой.

Сделать это теоретически не так уж сложно. Президент, видя вокруг себя сплошной саботаж по всей вертикали от местного до Верховного Совета, от рядового предприятия до Центрального банка, естественно, вынужден будет принять какие-то меры. Но что он может предпринять?

Распустить съезд и Верховный Совет он не имеет права.

Выгнать с должности вице-президента — также не имеет права.

Значит, ему ничего не останется, как во имя спасения собственной программы и, можно сказать, самого себя, предпринять какие-то неконституционные шаги. И вот тут то ему и крышка.

Верховный Совет ставит вопрос об "импичменте" и президентом становится Руцкой, который повернет страну на старый курс, разгонит этих умников из президентского окружения и через лозунг "Вся власть Советам!" (а в советах сейчас сидят лучшие товарищи, перебравшиеся туда из обкомов, крайкомов и горкомов КПСС) попытается если не восстановить Советский Союз, то хотя бы навести порядок для начала в России старыми и проверенными в течение последних 70-ти лет методами.

Руцкой знал план только до этого места, хотя он и имел продолжение. Через некоторое время Верховный Совет должен был упразднить должность президента как "неоправдавшую себя", Руцкого устранить (метод устранения должен был соотноситься с конкретной обстановкой и поведением самого генерала) и вернуться к проверенной годами системе коллективной безответственности.

Конечно, глупо было бы предполагать, что "материалы" Барнаульского совещания не дошли до сведения президента Ельцина, хотя и в очень обтекаемом виде, благодаря стараниям составлявшей сводку специальной службы информации президента. Но и этого было достаточно для принятия президентом ответных мер.

К сожалению, Ельцин был связан конституцией и существующими законами настолько, что фактически не мог предпринять против Руцкого никаких быстрых и решительных легальных мер.

Ответный удар президента пришелся через голову Руцкого по его аппарату, откуда был изгнан генерал КГБ Стерлигов, основавший в отместку "Русский национальный собор", который, номинально считаясь антисионистским, в действительности пытался объединить все антиельцинские силы. Вот тут-то Руцкому очень помешало его недавнее предательство "национал-патриотов".

Самого же Руцкого бросили "на укрепление сельского хозяйства", что по многолетней практике, введенной еще коммунистическими вождями, означало жесточай-

шую опалу, выход из которой могла обеспечить лишь труба крематория.

Цель, как известно, оправдывает все средства. А целью было ни много, ни мало, как кресло президента. За него стоило бороться.

Если из желаний стать лидером набравших силу национал-патриотов Руцкой предал и расколол коммунистическую партию Ивана Полозкова, если из желаний стать вице-президентом — предал и ошелмивал публично доверившихся ему националистов, то во имя президентского кресла можно было с завидной легкостью предать и президента, с которым он совсем недавно клялся "оставаться до конца" словом и честью офицера.

И, ни минуты не колеблясь, Руцкой предал президента. Такова логика жизни профессиональных предателей. Причем предателей столь откровенного толка. Одурманенные кессонной болезнью из-за невероятной быстроты взлета, все известные в истории люди подобного рода (а, надо сказать, что было их не так уж много) быстро сгорали, поздно понимая, что были всего лишь марионетками в чужих руках (часто даже в руках тех, кого они предавали), заканчивая свою жизнь в тюрьме или на эшафоте, а в особо демократические времена — в историческом нужнике, откуда время от времени доносился смрад их "эксклюзивных интервью" или жалких мемуаров...

И хотя Россию в мирное время трудно чем-либо удивить, но и то все с изумлением начали взирать на разгорающуюся войну между президентом и вице-президентом, чего никогда не случалось в истории стран, где имеются указанные должности.

Не то, чтобы все вице-президенты так уж сильно любили своих президентов и проводимый ими курс. Но в случае несогласия с патроном, вице-президент открыто об этом заявлял, после чего уходил в отставку и в качестве частного лица мог бороться с президентом, сколько его душе угодно, придерживаясь, разумеется, рамок закона.

Руцкой же в отставку уходить не собирался, нагло заявив, что он, как и Ельцин, избран народом. На это злой на язык Полторанин съязвил, что возьми Ельцин на выборы в качестве вице-президента ведро с керосином, то и оно бы прошло на харизме самого Ельцина.

Тут бы вмешаться имевшемуся в стране Конституционному суду и поставить Руцкого в так любимые этим судом "конституционные рамки", но председатель Конституционного суда Валерий Зорькин был среди тех, кто воплотил в жизнь установки Барнаульского заговора.

Между тем щупальца заговорщиков фактически парализовали жизнь по всей стране. Запущенные правительством реформы, буксуя на месте без обещанных конверсий и приватизаций, дали результаты почти диаметрально противоположные обещанным.

Наиболее чувствительный удар обрушился на традиционно незащищенные слои населения: детей и пенсионеров

Люди получавшие некогда максимальные пенсии в 132 рубля, на которые жить было, правда, тоже невозможно, ныне оказались вообще перед угрозой вымирания, поскольку бушующая инфляция не только страшно взвинтила цены, но и почти мгновенно съела и все трудовые накопления людей за долгие годы тяжелого труда.

"Товарищи" из Центробанка оказались на высоте. Гудели шахты и заводы, месяцами не получающие зарплаты. Росло число недовольных, выращенных в социалистической казарме и не готовых ни к какой другой жизни, требующей творческой инициативы и свободного труда.

Те немногие, кто что-то еще пытался сделать. создать частные банки, независимые от "товарища" Геращенко, создать частные фирмы, чтобы запустить, наконец, механизм конкуренции и сбить цены, либо разорялись небывалыми и неизвестно кем введенными налогами, о которых они с изумлением узнавали только в банках, **ЛИБО ФИЗИЧЕСКИ УСТРАНЯЛИСЬ**

Подпольная коммунистическая номенклатура развязала против свободного предпринимательства настоящий "красный террор" Управляя рэкетирами и наемными убийцами, ядро которых составляли профессионалы, "откомандированные" еще в начале перестройки из структур различных спецслужб, коммунистическое подполье подписывало смертные приговоры с традиционной легкостью и безнаказанностью.

Огромный карательный аппарат, созданный старой системой, модно называемый ныне "правоохранительным", не только демонстративно ничего не делал

для раскрытия этих преступлений, прокатившихся по всей стране, но порой и откровенно их покрывал, явно давая понять, что выкованный Лениным "пролетарский" меч все еще находится в надежных руках.

Между тем "брошенный" на сельское хозяйство Руцкой, хотя у него и не было времени заниматься подобными мелочами в горниле зреющего заговора, все-таки успел нанести удар и по зарождающемуся фермерскому хозяйству, заявив публично, что "введение фермерства на Руси — историческая ошибка", в то время как рабовладельческий колхозный строй — это все, что нужно исконно русскому человеку.

Одновременно с этим Руцкой на корню зарезал идею создания земельного банка, после чего был с сельского хозяйства снят и остался сам по себе, поскольку президент уже не рисковал давать такому ОТКРОВЕННОМУ ДИВЕРСАНТУ какие-либо поручения.

А именно на президентских поручениях, как известно, конституционно основывалась сама должность вице-президента.

Поручения прекратились, но должность осталась, и Руцкой не проявлял никакой готовности с ней расстаться. Как в известной сказке: кот исчез, а улыбка осталась светиться на дереве.

И все это делалось практически без какого-либо противодействия со стороны президента, мягкость и долготерпение которого, как водится, были приняты за слабость.

Но источники Руцкого, пробравшиеся в ближайшее окружение президента, докладывали ему, что президенту известно очень много, гораздо больше, чем он дает понять не только в редких публичных выступлениях, но и в разговорах со своими сотрудниками, не доверять которым у него, кажется, нет никаких оснований.

В частности, из секретного делопроизводства канцелярии Ельцина, откуда утечка информации шла постоянно, Руцкому был передан документ, предназначенный, если судить по грифу, только для президента. На документе была виза Ельцина. Подписи же не было никакой и можно было с одинаковой долей вероятности предположить, что он родился в недрах ведомства генерала Баранникова или составлен каким-то анонимным аналитическим центром, финансируемым президентом.

Руцкой склонялся к мысли, что документ составлен на Лубянке, поскольку по своему содержанию он представлял из себя антологию его поступков и изречений за последние несколько месяцев, включая доверительные беседы с некоторыми людьми без свидетелей, порой даже в саунах. В частности, приводилась его фраза, сказанная в подпитии одному из командующих военным округом в Сибири о том, что президента "давно нужно держать в клетке в зоопарке и показывать детям в качестве олицетворения демократии".

В конце документа президенту давались довольно расплывчатые рекомендации, выдержанные в духе общих фраз: "проявить твердость в принятии трудных решений во имя прогресса при следовании по пути реформ". Слог выдавал какую-то мощную казенную контору, воспитанную на партийной фразеологии и с трудом подбирающую слова, соответствующие нынешнему курсу властей. Курс, судя по всему, мало беспокоил составителей документа. При всех властях и курсах они занимались слезкой за конкретными персонами.

С одной стороны, конечно, было не по себе, что вся твоя деятельность находится "под колпаком" у президента, и что "чекисты", по своей традиции, по-лакейски семянят за власть держащими, но с другой стороны, эта бумага явно подбивала президента на действия, а именно его действий и ждали заговорщики, чтобы, заманив Ельцина в конституционно-законодательный капкан, там его и прихлопнуть.

В марте, когда президент совершил маневр, достойный самого хитрого византийского императора, прочитав указ, не написав его, начался великий переполох. Мало тех, кто тогда понял, что Ельцину нужен был взрыв, вспышка от которого осветила бы многие темные углы и помогла бы найти хотя бы теоретический выход из тупика, а за неимением такого выхода — показать место, где этот тупик можно было взорвать с минимальными потерями для себя и страны.

Глубокой ночью Руцкой в сопровождении председателя Конституционного суда Зорькина приехал на телевидение. Генерал был очень возбужден — близился его час. Аж подпрыгивая от нетерпения, он объявил указ президента, которого он не читал, антиконституционным, ставящим под сомнение способность президента занимать свою должность.

Они долго ждали реакции Ельцина, делая все возможное, чтобы дестабилизировать положение в стране по всем параметрам, раздувая анархию и безвластие. Руцкой лично летал в Тирасполь, где сорвал все усилия правительства по мирному урегулированию конфликта, доказывая сбитым с толку лидерам Приднестровской республики, что для них единственным выходом остается война.

Те, считая, что Руцкой передает мнение правительства, а возможно, и самого президента (ведь Руцкой — вице-президент), в самый решительный момент ожесточенных боев обнаруживают себя брошенными на произвол судьбы. Командующий 14-й армией генерал Лебедь, как бы ему и не хотелось, не бросает свои танки на Кишинев, как обещал Руцкой, оказывает приднестровцам фактически только моральную поддержку и даже задерживает оружие, которое заговорщики шлют самопровозглашенной республике.

Руцкой, угрожая подвергнуть Тбилиси бомбардировке с воздуха, раздувает конфликт на Северном Кавказе, где, в отличие от Приднестровья, не удастся сдержать поток хлынувшего туда оружия, растекающегося через Абхазию по всему региону, охватывая пламенем войны и Кавказ, и Закавказье. На фоне этой войны совершенно беспомощными выглядят усилия президента погасить огонь, поднося воду в стаканах. Но шланг надежно перекрыт заговорщиками.

Готовясь к своему дню, заговорщики организовали даже нечто вроде политической партии, во главе которой в качестве "вице-председателя" находился Руцкой, а за его спиной маячили молчаливые лица Вольского, Владиславлева и Лепицкого — зловещих фигур, выдвинутых на поверхность тектоническими усилиями десятков тысяч бывших освобожденных парторгов секретных заводов и институтов их так называемыми партхозактивами, сомкнувшимися с разгромленными структурами некогда всемогущих политорганов армии, флота и КГБ.

На эту зловещую организацию, без зазрения совести объявившую себя "центристской", был нацелен ярлык партии "Гражданский союз". И все решили считать ее умеренно "центристской". Никто не возражал, как никто не возражал, когда Хасбулатов объявил себя главой "представительной власти".

Партия Руцкого-Вольского опиралась не только на мощь самого крупного в мире военно-промышленного комплекса, повисшего на стране, как гирия на ногах утопленника, но и на огромные деньги КПСС, которые товарищ Вольский совсем недавно, будучи начальником одного из ведущих отделов ЦК (промышленного), переводил за рубеж через созданное им совместно с полковником КГБ Веселовским совместное предприятие с фирмой "Сиабекко"

Кстати говоря, именно Вольский и познакомил Руцкого с Борисом Бирштейном, не думая, что закладывает под своего "камикадзе" мину замедленного действия.

Как и полагалось, вельможи из бывшего ЦК КПСС не желали рисковать, выдвинув на передний край Руцкого, молчаливо режиссируя его действия в ожидании случая, когда удастся провести эту перспективную пешку в ферзи. А не удастся, так это тоже не беда — всего лишь потеря пешки. Плох тот гроссмейстер, который не рискует пешками, сохраняя в безопасности главные фигуры.

Мартовское разочарование, когда не удалось подвести под импичмент Ельцина, главным образом, благодаря трусости "народных депутатов", смертельно напуганных видом президента и трех силовых министров, митингующих перед огромной толпой на Васильевском спуске и слухами о стягивании к Кремлю спецназа, а потому разбежавшихся по кабинкам для тайного голосования, чтобы, Боже сохрани, никто никогда не узнал сделанного ими выбора, не отрезвило Руцкого

А должно было, ибо стало ясно, что аналитики заговорщиков, мягко говоря, неправильно оценили положение в стране и раскладку политических сил, а главное — желание народа, несмотря на все просчеты и ляпы правительства, вернуться обратно в коммунистический барак только потому, что там два раза в день выдавали пайку с баландой, правда, не всем.

Последовавший затем апрельский референдум, подтвердивший не только полномочия президента, но и его курс на реформы, и косвенно показавший Верховному Совету, что его дни сочтены, был для заговорщиков взрывом бомбы на благотворительном балу.

И товарищ Вольский со своим имиджем умного и усталого сановника, и важный, как петух перед соитием, фюрер российских коммунистов товарищ Зюганов, и

порожденный его партией не в меру эмоциональный господин Жириновский — все, пользуясь небывалой на Руси свободой слова, уверяли, что референдум — это конец не только самого Ельцина, но и всего режима. "На что они рассчитывают?— задавались вопросом заговорщики и их подпевалы справа и слева.— Их проигрыш очевиден и предрешен, как говаривал Ленин, неумолимым ходом истории"

Проиграв референдум, Ельцин должен был уйти в отставку, так что Руцкой снова всерьез готовился вскарабкаться на президентское кресло.

Пока все шло почти как задумано. При первом натиске президент вынужден был пожертвовать Гайдаром, а при втором — пасть сам.

Но президент выиграл. И то, что он выиграет, было ясно всем, кроме тех, кто в суматохе собственного крушения совершенно потерял какое-либо ощущение реальности...

Победа президента на референдуме, оглушив заговорщиков, тем не менее отчетливо показала им, что их время уходит. Необходимо было начать действовать еще более динамично, чтобы вынудить президента на новые ответные меры.

Агрессивный и нетерпеливый Руцкой предложил старый проверенный вариант: быстрый арест президента и примерно дюжины лиц из его команды, объявление президента опасно больным, изоляция его в какой-нибудь "частной" престижной клинике, его быстрая смерть там и последующие умеренно пышные государственные похороны.

Вольский и прочее руководство "Гражданского союза" пытались обуздать закусившего удила генерала. Не то, чтобы им этот план не нравился — очень даже нравился, если бы в нем, несмотря на ясно видимые белые нитки, не было изначального пункта: арестовать президента. Это легко сказать, а поди, арестуй.

Не говоря уже о вышколенной охране, не следует забывать, что силовые министры чуть ли не обнимались с президентом на Васильевском спуске, а будучи вызванными в Верховный Совет осмеливались дерзить даже самому Руслану Имрановичу.

Здесь было, конечно, преувеличение, но для бывших сановников ЦК КПСС нетерпимой была сама мысль о возможности перекочевать из своих квартир

"улучшенной планировки" и роскошных дач на тюремные нары, как уже произошло с их предшественниками.

Короче, они дали Руцкому понять, что они в таких играх не участвуют, но и не будут сильно возражать, если Руцкой, как человек военный, предпримет какие-нибудь "нетрадиционные шаги", но не как сопредседатель "Гражданского союза", а как "второе лицо в государстве, облеченное доверием народа и конституционной властью".

"Проститутки!" — охарактеризовал товарищей по партии Руцкой пока про себя, но вскоре ему представится случай повторить это определение на весь мир.

Пока руководители "Гражданского союза", почуяв приближение лихих событий от своего обезумевшего сопредседателя, предпочли юркнуть до поры до времени в тень, сам Руцкой решил довести план заговорщиков до конца, тем более, что в конце тоннеля в качестве приза стояло кресло президента.

Сама логика событий неумолимо влекла генерала в объятия Хасбулатова, уже ставшего, в свою очередь, заложником Фронта национального спасения, который после провалившегося референдума не менее остро почуял опасность.

На фоне разразившихся в мае беспорядков на улицах Москвы, по столице, а затем и по всему миру, начали распространяться слухи о тяжелой болезни президента, который, как было замечено, долго не появлялся на людях. Если президент тяжело болен, задавались вопросом оппозиционные газеты, то почему Руцкого не приводят к присяге в качестве исполняющего обязанности президента?

Этот важный вопрос был немедленно поставлен в Верховном Совете.

Депутат Исаков, в прошлом один из знаменитой "шестерки", подписавшей антиельцинское письмо, поставивший на минувшем съезде вопрос об импичменте Ельцину и о недоверии Хасбулатову, как прямому ельцинскому агенту (чтобы Руслан Имранович понял, кем он действительно является на этой грешной земле), со всей прямотой провинциального юриста, как его однажды охарактеризовал Анатолий Собчак, неожиданно стал требовать медицинского освидетельствования президента, предлагая внести в закон, помимо политического, еще и медицинский импичмент.

При этом, подчеркивал Исаков, комиссия врачей должна назначаться (и подчиняться, разумеется) только Верховным Советом.

"Ну, что ж,— задумчиво проговорил спикер, боявшийся медицинских комиссий, как огня,— вызовем и освидетельствуем" И со свойственной ему ловкостью перевел дебаты в другое русло.

Но через некоторое время была поставлена на голосование и принята исаковская поправка к статье конституции 121-11, которая гласила:

"Невозможность осуществления президентских полномочий по состоянию здоровья устанавливается заключением Конституционного суда по представлению государственной медицинской комиссии, назначаемой Верховным Советом"

Руцкой, который теперь большую часть времени проводил в Верховном Совете, также попросил слова и обратился к нардепам с длинной и сбивчивой речью, из которой становилось ясно, какой опасности может подвергнуться страна в случае внезапного ядерного нападения, если "высшее должностное лицо" будет лежать в стельку пьяным.

Итак, основа плана по изоляции и умерщвлению президента где-нибудь в тихой палате бывшего 4-го медицинского управления была не только разработана, но и законодательно закреплена, давая возможность так поступать и впредь, когда заблагорассудится.

Оставалось совсем малое — схватить президента, да так, чтобы никто это не заметил не столько в стране (тут можно всем глотки заткнуть в одну секунду), но и в мире, чтобы не потерять кредиты в валюте, к которым все так успели привыкнуть.

Пока Руцкой проводил тайные совещания с лицами, которые могли бы ему в этом помочь, а командовать ими он готов был "лично", президент нарушил молчание и, появившись в Доме Российской прессы, объявил о своем намерении "при любых обстоятельствах" провести этой осенью парламентские выборы, даже если для этого ему придется назначить их самому.

На вопрос одного корреспондента, чем сейчас занимается вице-президент Руцкой, президент пожал плечами. "Не знаю Наверное, членские взносы собирает в своем "Гражданском союзе"

Таким образом, президент открыто заявил, что нынешний государственный кризис может быть разрешен,

говоря казенным языком, только путем выхода за пределы "советского конституционного пространства".

Надо сказать, что никто на это заявление президента никак не отреагировал: не было ни бурного ликования в стане его сторонников, ни яростной вспышки злости в лагере противников.

Даже "непримиримая оппозиция" не собиралась на очередные хулиганские митинги с красными знаменами и проклятиями в адрес "Бени Элькина".

Даже Валерий Зорькин не появился на экране телевизоров, чтобы заявить о неконституционности президентских высказываний.

Только Хасбулатов, давая интервью журналистам, как бы между прочим, заметил: "...никаких выборов осенью, конечно, не будет".

Только у Руцкого неожиданно отобрали его любимый белый "Мерседес" и личного врача. А затем просто не пустили в Кремль, опечатав кабинет.

Руцкой собрал пресс-конференцию и, ерничая в своем духе, заявил, что у него в сейфе лежит граната с вынутой "чекой". Пусть кто-нибудь взлетит.

В ответ почти все газеты стали интересоваться на какие шиши вице-президент строит дачу с подземным гаражом и теннисным кортом? И откуда у него часы марки "Роллекс"?

Руцкой, потеряв самообладание, на заседании Верховного Совета, которое напрямую транслировалось на всю страну, взорвал свои "11 чемоданов компромата", обвиняя все правительство, а в первую очередь, любимца президента вице-премьера Владимира Шумейко, в коррупции и антигосударственной деятельности.

Правительство же, создав специальную следственную комиссию, в свою очередь, обвинило Руцкого в мздоимстве, в преступных связях с международным аферистом Бирштейном, которому, по уверению комиссии, Руцкой продал полстраны и заработал на этом 3 миллиона долларов, хранящихся теперь в Швейцарском банке. Демонстрировалась подпись Руцкого под целой серией финансовых документов самого подозрительного вида. Везде речь шла о миллионах долларов.

Скандал разгорался, все более принимая характер грязной кухонной склоки. В разгар этих скандалов Руцкой умудрился два раза выступить по общенациональному телевидению, но ничего не продемонстрировал,

кроме своей глупости и того факта, что рыльце у него, действительно, в пуху.

Многим запомнилась его реакция, когда журналист Караулов упомянул всуе особу Бориса Бирштейна. "О Борисе Иосифовиче,— со всей искренностью объявил Руцкой,— ничего плохого сказать не могу!"

Попутно выяснялись различные мелкие делишки, вроде вызова за границу со своей свитой во время официального визита крупного мошенника, на арест которого уже был выдан ордер. То вдруг выяснилось, что разрешение на пистолет у Руцкого "липовое", что обнаружилось при аресте целой банды "чистоделов", подделывающих все что угодно, вплоть до президентских указов.

Все ломали головы: зачем вице-президенту Великой России потребовалось делать себе "липовое" разрешение на пистолет, если ему ничего не стоило зарегистрировать его в обычном порядке? Зачем ему понадобилась лишняя головная боль?

Сухие милицейские сводки все более настойчиво отмечали, что "двор" вице-президента эстетически все больше стал напоминать уголовную малину, где самыми приличными выглядели мрачноватые ребята в камуфляже, но без погон.

Именно в это время на авансцене возник двадцативосьмилетний Дмитрий Якубовский — личность темная и таинственная. Поговаривали, что он полковник и чуть ли не генерал, курировавший одно время в администрации президента все правоохранительные органы с подачи Шумейко, а потом, запутавшись в темных делах все с тем же роковым Бирштейном, сбежал за границу, где работает в одном из принадлежащих последнему банков вместе с полковником Веселовским.

Якубовский, доставленный в Россию чуть ли не на личном самолете президента, обнародовал пленки, на которых были якобы записаны телефонные разговоры между ним, Якубовским, министром безопасности Баранниковым, генеральным прокурором Валентином Степанковым и самим Бирштейном.

Разговоры напоминали плохо поставленный фильм из жизни московских уголовников конца 40-х годов, обсуждавших на малине варианты введения в заблуждение доблестных работников МУРа.

Руцкой в разговорах фигурировал как "усатый", иногда как "усатое голенище", Ельцин — как "пахан", Шу-

мейко прозрачно назывался "Филиппычем", а Хасбулатов — "черным" или "Хазом". Кроме того, в разговорах назывался какой-то таинственный "лысый", который собирался "замочить" "усатого" и самого Якубовского, если тот не сдаст "Филиппыча".

Кроме того, генеральный прокурор Степанков просил Якубовского в виде личного одолжения организовать покушение на известного адвоката Макарова, который якобы нашел документы, убийственные для Руцкого.

Хотя вся эта история была шита белыми нитками, а академический спор на тему "Кто больший вор: Руцкой или Шумейко?" выглядел несущественным на фоне общего и повального разграбления страны из-за отсутствия какой-либо власти, всем становилось уже достаточно ясно, что война на истощение переходит уже в стадию войны на истребление.

Приняв решение больше не оправдываться, поскольку любое его появление на экране телевизора демонстрировало только беспомощность человека, прижатого в угол уликами, Руцкой начал длинную и долгую поездку по стране, правильно сообразив, что многое, если не все, по русской традиции, будет зависеть от позиции, занятой армией. Именно армия, а не КГБ, который, подобрав под себя свои многочисленные щупальца, сидел настороженно обиженный, отслеживая обстановку с некоторым даже, ранее ему не свойственным, испугом.

Руцкой мотался по стране, постоянно совещаясь с представителями краевых и областных советов и командующими округами. Он уже имел на руках копию проекта указа президента о роспуске Верховного Совета и назначении новых выборов.

"Строго конфиденциально" он знакомил с этим проектом руководителей областей, состоявших, как правило, из бывших первых и вторых секретарей обкомов, привыкших смотреть на вверенную им территорию как на собственную вотчину. Вопрос ставился прямо: как отреагируют они, когда этот указ Ельцина будет подписан и обнародован?

Бывшие партийные вельможи были осторожны. Они презирали Руцкого как выскочку и перебежчика, подозревая в нем обычного провокатора, которого президент отправил в поход за их головами. Уж они-то знали кремлевские нравы.

Ну кто такой был Руцкой всего несколько лет назад? Какой-то никому неизвестный полковник, такой же пол-

ковник, как и те, которые дюжинами служат у них шоферами и младшими референтами.

Он ведет какую-то свою интрижку против президента, бывшего первого секретаря Свердловского обкома КПСС и кандидата в члены политбюро, могущественного феодала коммунистической эпохи, ныне, по милости Божьей, ставшего королем.

Они уже по своим каналам знали о готовящемся указе, а его содержание не оставляло ни у кого сомнений — президент задумал ни много ни мало, как ликвидировать в стране советскую власть.

При ликвидации партийных структур они перебрались в советы, сохранив свою власть и привилегии. И ныне им есть куда перебраться, еще более умножив свою власть и богатство.

Что они выиграют, если этот маленький, не очень уверенный в себе и не очень умный человек станет на какое-то время президентом?

Отвечали в подавляющем большинстве уклончиво. Да, они за конституцию и, разумеется, осудят любого, кто эту конституцию нарушит. Тем более того, кто на этой конституции клялся. Об этом не может быть двух мнений.

Лишь немногие, вроде Мухи и Наздратенко, открыто говорили Руцкому, что не только поддержат Руцкого, когда президент подпишет этот указ, но готовы поддержать его прямо сейчас, если тому удастся сбросить Ельцина. И по их злобно горящим глазам было видно, что они предельно искренни. "Если Ельцин подпишет этот указ, то он автоматически отстраняется от должности. А вы, товарищ Руцкой, также автоматически становитесь президентом, и, конечно, мы подчинимся законной власти".

С командующими округами было проще. Очень многих Руцкой знал лично и по службе в Афганистане, и по академии Генерального штаба. Встречались в застолье, на военно-контрольных пунктах и в прочих укромных местах, которых в избытке у любой армии. Многие генералы еще с августовского путча ходили в подавленном настроении.

Они несколько перестарались, выполняя приказы ГКЧП. Некоторые лишились из-за этого должностей, как командующий Приволжско-Уральским округом генерал-полковник Макашов, а многие резонно ожидали, что подобное может случиться и с ними.

Руцкой осторожно их шантажировал: "Вот, мол, уже совсем тебя хотели турнуть, да скажи мне спасибо — отмазал. А приказ уже у министра был на столе".

Что уж тут говорить, если сам маршал Язов и командующий сухопутными силами генерал армии Варенников угодил в тюрьму и, считай, весь генштаб вместе с генералом армии Моисеевым был изгнан со службы.

Когда не уцелел даже могущественный начальник ГРУ генерал Владлен Михайлов! Что уж тут говорить о таких маленьких людях, как командующие округами или, скажем, флотами.

Генералы, озабоченно кивая и смущенно улыбаясь, слушали Руцкого, опустошая бутылки армянского коньяка еще советского розлива. Вздыхали: "Какие разговоры, Саша. Поможем, конечно. Поддержим. Только сам понимаешь, раньше времени высовываться резону нет. А как станешь первым, сразу приказ по вооруженным силам в качестве Верховного, так, мол, и так. Когда этот указ ожидается? В сентябре? И отлично, войска вернутся из лагерей, закончатся каникулы в училищах".

В подпитии несколько раз выступал в Домах офицеров перед "активом". Ругал последними словами президента, еще пуще "окружение", внешнюю "проимпериалистическую" и внутреннюю "колониальную" политику.

"Через два месяца я стану президентом,— твердо обещал офицерам Руцкой,— и положу этому конец".

"А куда денется нынешний президент через два месяца?"— как-то поинтересовался кто-то из "актива".

"Выброшу в окно!"— пообещал Руцкой и сам от души рассмеялся.

Выступления были фактически открытыми. Их снимали на видео, записывали на пленку, отчеты публиковались в местной прессе. И, естественно, информация поступала во все места, где в ней были заинтересованы.

Увы, Руцкой никогда практически не был генералом, а будучи командиром авиаполка, главным образом, только по слухам (не положено!) знал чем и как живет высший эшелон армейского руководства.

Еще в августе 1991 года, когда всю действовали армейские политорганы, парткомитеты и парткомиссии, ГКЧП проиграл, главным образом, из-за трусости и нерешительности генералов, просто игнорировавших приказ министра обороны и директиву Генерального штаба, придерживаясь древнего армейского принципа: "Не

торопись выполнять приказ, ибо его отменят". Что и случилось.

И хотя с тех пор не прошло еще и полных двух лет, фактически прошла целая эпоха. Командующие давно превратили вверенные им округа в некое подобие гигантских и процветающих из-за наличия большой и практически бесплатной рабочей силы коммерческих предприятий и анонимных акционерных обществ со смешанными капиталами.

Руцкой со своими планами и идеями восстановления СССР, могучих вооруженных сил и мирового противостояния явился для них чуть ли не призраком из какого-то далекого прошлого, когда чуть ли не ежегодно проводилась всеармейская инвентаризация и прочие страшные вещи, о которых генералы хотели бы забыть навсегда.

Поэтому, наряду со словами "Саша, дорогой, ты ж понимаешь, что я всей душой за...", подробные отчеты о беседах с Руцким с приложением видеокассет и тому подобного неслись, обгоняя вице-президента, с фельдгегерьями секретной переписки в Москву и ложились на стол министра обороны генерала армии Павла Грачева, а отсюда — на стол президента.

Что касается бывшего КГБ, то и он, по обыкновению, знал все, но помалкивал, не докладывая ничего даже своему министру Баранникову, обиженно ссылаясь на то, что ему запретили заниматься политическим сыском.

А ничем другим, как упоминалось, бывший комитет заниматься не то, что бы не умел, а просто и не любил.

"Он через два месяца будет президентом?" — широко улыбнулся Ельцин, прочитав сводку, принесенную генералом Котенковым, недавно вернувшимся из Кувейта, где, если верить его собственным словам, пробыл двое суток на сорокоградусной жаре в шерстяном костюме, спасая Якубовского от цепких когтей Виктора Баранникова и Валентина Степанкова, чьи подчиненные провели уже обыск в кабинете Полторанина и подбирались к Шумейко.

Президент вытянул руку, сжатую в кулак, посмотрел исподлобья на бывшего генерала КГБ, возглавлявшего ныне его личное правовое управление, и, как всегда медленно произнося слова, сказал: "Через два месяца он у меня будет..." Тут президент запнулся и продолжил: "...в говне по уши"

"Я и так уже по уши в говне", — огрызнулся Руцкой, когда доброжелатели не преминули в тот же день передать ему слова, сказанные президентом.

Вице-президент был зол, поскольку только что вернулся из прокуратуры, где давал показания по наветам комиссии Калмыкова-Макарова по поводу его долларовых счетов в Швейцарском банке.

"Он у меня сам попадет в говно, — пообещал генерал, — когда я ему устрою всеобщую забастовку шахтеров и металлургов". С этой целью вице-президент собирался лететь в Воркуту.

Подобное пламенное сотрудничество президента и вице-президента явно просилось в книгу Гиннеса, как очередное русское чудо.

Ехидные пропрезидентские газеты печатали на первых страницах портреты Бирштейна и Руцкого с подписью "Президент и вице-президент". Борис Бирштейн являлся президентом международной жульнической компании "Сиабекко", владельцем которой являлась покойная КПСС.

Между тем, Ельцин сделал следующий шаг и неожиданно выгнал с должности министра безопасности Виктора Баранникова, туманно обвинив его в "неэтичном поведении". Можно было подумать, что министр не совсем удачно выполнил поворот "кругом", покидая кабинет Ельцина, и огрызнулся на сделанное замечание.

Ходили разные слухи, что проворовалась жена министра, летавшая в Швейцарию на деньги Бирштейна и попавшая на какой-то спекуляции двадцатидолларовыми сумочками, что на Баранникова "подвесили" гибель 25 русских пограничников, вырезанных исламистами на афгано-таджикской границе, что на него "крутой" компромат дал Якубовский — чуть ли не о связях с международным наркобизнесом и тому подобное.

Сам Баранников, ссылаясь на предынфарктное состояние, никак свою отставку не комментировал, храня мрачное молчание. А в глазах его светилась дикая тоска.

А выгнал президент Баранникова по очень простой причине. Он спросил министра безопасности напрямую, что ему известно о государственном перевороте, который готовят вице-президент и спикер?

Естественно, Баранников ничего сказать об этом не мог, поскольку ничего не знал. А не знал он этого потому, что интриганы с Лубянки ему ничего не докладывали, ссылаясь, как обычно, на запрещение заниматься

политическим сыском, тем более за особами столь высокого ранга, что даже в былые времена расцвета политического сыска не поощрялось, а, напротив, было категорически запрещено.

Но тем не менее, через голову Баранникова, на стол президента легла бумага, где все последние действия Руцкого и Хасбулатова расценивались как подготовка к государственному перевороту.

У президента, как у всякого правителя России, желающего достичь блаженного восьмидесятилетнего рубежа, было несколько собственных служб, дублирующих Лубянку. И не только дублирующих, но и внимательно за ней наблюдающих.

Одна такая служба называлась "Правовым управлением" при администрации президента и возглавлялась генералом Котенковым, другая — нечто вроде "летучих отрядов безопасности" — возглавлялась генералом Степашиным, занимающим пост председателя комитета Верховного Совета по обороне и безопасности.

Было еще несколько подобных служб, тихо существовавших под вывесками разных аналитических и исследовательских центров. Именно эти службы и начали в свое время отстрел "гвардейцев Хасбулатова" по подворотням, когда спикеру неожиданно пришло в голову, что он кардинал Ришелье. Ришелье был умнее.

В сводке, которую получил президент, обстановка характеризовалась следующим образом:

После проведения апрельского референдума, в провале которого Хасбулатов был почему-то твердо уверен, он был явно растерян и подавлен, явно пугаясь перспективы созыва очередного съезда народных депутатов, который откровенно собирался вновь поставить вопрос о снятии спикера с занимаемой должности в связи с, мягко говоря, служебным несоответствием.

И сильным, и, вместе с тем, слабым качеством Хасбулатова является полное отсутствие у него каких-либо твердых принципов и убеждений, а только желание любой ценой сохранить за собой свой пост, сосредоточив в своих руках как можно больше власти.

Таким образом, он является человеком, подчиняющимся инстинкту. В данном случае инстинкту властолюбия, заглушающему в нем даже инстинкт самосохранения. Если еще вчера Хасбулатов считал себя твердым сторонником президента, демократом, борцом против коммунизма и "ненавистного центра", то сегодня открыто

смыкается с непримиримой оппозицией, прилюдно обнимаясь с Зюгановым и ему подобной публикой, начав произносить страстные речи по поводу возрождения Советского Союза и руководящей роли коммунистов.

На последнем съезде коммунисты и националисты преподали Хасбулатову предметный урок, показав, кто на деле является хозяином положения в Верховном Совете. Спикер урок усвоил, после чего резко изменился и тон его публичных высказываний, где он делает все возможное, чтобы угодить коммуно-фашистам, засевшим в Верховном Совете

Неожиданно в речах Хасбулатова зазвучала тоска по ценностям реального социализма, которые мы "сатанистски пытаемся отбросить", печаль по империи, оценка внутренней и внешней политики страны с позиций ультра-патриотов

Главные направления ударов и тактические приемы, используемые им, очевидны. Это попытка консолидировать вокруг себя все силы, способные бороться с "нынешним режимом" Прослеживается твердое стремление явочным путем опрокинуть принцип разделения властей, утвердить верховенство советов, не только как законодательной, но и как исполнительной власти, реставрируя, таким образом, старый коммунистический режим в его еще худшем, более коричневом виде.

В последнее время спланирована целая серия ударов по президентской власти, по самому президенту и особенно по его окружению с первоначальной целью нейтрализации и ослабления деятельности президента, а затем и полной дискредитации президентства как института

Конечной целью является захват всей полноты власти.

Замеченная в последнее время вспышка агрессивности группировок, входящих в так называемый "Фронт национального спасения", который на своем втором съезде поставил вопрос о необходимости перехода к наступательной тактике борьбы, ликвидации института президентства как такового и начала "народно-освободительной революции", говорит о координации действий Фронта, группировки которого созданы либо непосредственно КПСС, либо на ее деньги, с действиями Верховного Совета.

Таким образом, экстремизм Верховного Совета смыкается с экстремизмом улицы и направляет его

Оппозиция, следовательно, готовится к ожесточенной конфронтации, которая по плану должна перерасти в гражданскую войну. Это желание подогревается безнаказанностью уже имевших место уличных беспорядков с человеческими жертвами, непрекращающимися попытками расколоть армию и, что самое главное, открытым переходом на сторону оппозиции вице-президента Руцкого, человека до мозга костей военного и вместе с тем крайне безответственного.

Не умеющий решать никаких вопросов какими-либо другими методами, кроме военных, этот человек, имеющий большие связи и известный авторитет в армейской среде, представляет опасность возникновения вооруженного конфликта в ситуации, когда его можно было бы избежать. Подобный конфликт не только может привести к крупным человеческим жертвам, но и стать детонатором междоусобицы, способной перерасти в гражданскую войну — первую войну такого рода в ядерной стране

Охваченный жаждой власти, вице-президент также уже управляется инстинктом своего властолюбия, который подавил в нем инстинкт самосохранения.

Документ осторожно советовал президенту принять меры, чтобы предотвратить сползание к полному хаосу, порожденному безвластием.

Далее в документе говорилось о двух параллельно развивающихся заговорах: конституционном и военном.

Один заговор предполагал сбросить президента с помощью конституционной удавки, которую будет постепенно затягивать Верховный Совет. Душой заговора был более осторожный Хасбулатов.

Второй — предполагал организацию массовых уличных беспорядков с постепенным втягиванием в них частей внутренних войск и армии а ля 1917-й год со штурмом Кремля, бегством или пленением президента "народом".

К такому плану склонялись Руцкой и уличные вожди, представленные весьма пестро: от отставного генерала Макашова до лидера так называемой "Трудовой Москвы" Анпилова.

Оба плана уже в общих чертах отрететированы почти в реальной обстановке. Однако быстрое сползание Руцкого в сторону Хасбулатова повлекло за собой необходимость объединения двух планов в один с элементами того и другого. Тем, собственно, сейчас и занимаются заговорщики.

Единственно, что на все это мог ответить министр безопасности генерал Виктор Баранников это то, что его жена никогда не занималась спекуляцией двадцатидолларовыми сумочками. Возможно, это было и правдой. Но с должности он полетел.

Затем наступила очередь Руцкого.

Пешку, дошедшую до седьмой горизонтали, уже как-то неудобно называть пешкой. Она становится чрезвычайно опасной, и если ее невозможно быстро уничтожить, то нужно нейтрализовать.

Это было необходимо, поскольку в итоге осуществления всех планов, а о некоторых из них не знал и сам Руцкой (будем объективны), президентом все равно становился он.

Поэтому президент решил, что заодно уже пора (давно пора!) выгнать с должности и Руцкого, на что он (президент) права по Конституции не имел.

Но поскольку уже несколько последних месяцев Руцкой и Шумейко, бывший зам Хасбулатова, а ныне фаворит президента, охрипли от взаимных обвинений в казнокрадстве, грозя подать друг на друга в суд за клевету, но упорно этого не делая, Ельцин издал указ об отстранении обоих от должности до окончания следствия, возложенного на прокуратуру.

Владимир Шумейко, фигурирующий, как уже говорилось, в пленках Якубовича для пущей ясности как "Филиппыч", естественно, с готовностью на это согласился, подчеркнув, что сам просил президента о подобной мере

Руцкой же, фигурирующий в тех же пленках в более зашифрованном виде как "Усатый", о котором так беспокоился "Лысый", напротив, подчиниться этому указу наотрез отказался, назвав его незаконным.

Последовало быстрое разъяснение, что "отстранение" от должности не является "снятием" с должности, а всего лишь временная мера для пользы следствия, после окончания которого вице-президент, коль прокуратура ничего не найдет в его действиях криминального, сможет вернуться на работу. Хотя, впрочем, никаких поручений у президента для него нет. Все кончились.

Но все законно.

Указ застал вице-президента в аэропорту, когда тот готовился лететь в Воркуту, чтобы поднять шахтеров против своего патрона

Указ президента лишал его возможности пользоваться спецсамолетами правительственного авиаотряда. Но вице-президент всегда смело шел навстречу опасности и заявил, что полетит за свой счет, хотя в недавних теледебатах с Гайдаром утверждал, что получает всего 63 тысячи рублей без вычета налогов.

В Воркуте его встретили примерно так, как некогда в Тушино встречали Лжедмитрия II — Тушинского вора. Без восторга, но с некоторым почтением: может, и вправду царь или станет царем, шут его знает?

Поэтому поднять шахтеров одной матерной руганью в адрес Ельцина не удалось, а ответить на их претензии из-за полного незнания вопроса — тоже.

Вернувшись в Москву, Руцкой, которого, как известно, в Кремль и Совмин было не велено пускать, окончательно поселился в Верховном Совете, в бывшем кабинете Шумейко, что само по себе было очень символично.

Целые дни отстраненный от должности вице-президент проводил со своими двумя братьями и снующими туда-сюда генералами (главным образом, отставными), среди которых выделялся генерал Владислав Ачалов — народный депутат и советник Хасбулатова по военным вопросам.

В прошлом командующий воздушно-десантными войсками и заместитель маршала Язова по "экстремальным ситуациям", Ачалов настолько вляпался в августе 1991 года в историю с ГКЧП, что даже не очень ретивая Российская прокуратура хотела было привлечь его к уголовной ответственности.

Но Верховный Совет отказался снять с Ачалова "парламентский иммунитет", и прокуратура осталась ни с чем. Генерал некоторое время отлеживался в госпитале, а затем снова горячо взялся за дело, стараясь воплотить в жизнь многие из своих смелых задумок, порожденных талантом интригана, которые люди несведущие почему-то принимали за блеск стратегической мысли.

Он так умел сыпать фамилиями своих "лучших корешей", обремененных генеральскими погонами, номерами воинских частей и местами дислокации, что даже старавшийся верить ему депутат генерал Тарасов, также выгнанный после путча в отставку, как-то осмелился возразить Ачалову: "Вас послушать, так вся армия сразу придет к нам на помощь в случае узурпации Ельциным власти. Что-то мне не очень верится"

"Вы — политработник, — одарив Тарасова выхлопом дорогого коньяка, отрезал Ачалов. — Что вы понимаете в армейских делах? Сидели себе в политотделах и жизни не знаете" Тарасов обиженно замолчал и выходил из кабинета, а Руцкой и Ачалов, расстелив на столе карту Москвы и области, а иногда и страны, тыкали в нее пальцами и вилками, а огромного роста охранник (из бывшего рижского ОМОНа) молча выносил бутылки.

С некоторыми генералами Руцкой встречался в частном порядке Командующий Военно-воздушными силами генерал-полковник Петр Динейкен встречал его по старой дружбе радужно. Патетики не было. Все, как обычно, поможем, если надо будет. Черт его знает, может станет президентом? Потом глазами моргай.

Генерал-полковник Громов, заместитель министра обороны, был более угрюм. Некогда Руцкой служил под его командованием в Афганистане, где Громов командовал всем "ограниченным континентом" советских войск, сведенным в 40-ю армию "Боря, — вещал Руцкой. — Ты помнишь, как я тебя отмазал в 91-м?"

Громов занимал тогда пост заместителя министра внутренних дел — знаменитого Пуго, у которого у одного хватило духа застрелиться, когда стало ясно, что путч провалился.

Отмазал Громова совсем не Руцкой, а также бывший подчиненный — генерал Грачев, командовавший тогда воздушно-десантными войсками, ныне ставший министром обороны. Да и отмазывать было не от чего.

Генерал армии Варенников дал тогда им с Грачевым соответствующие инструкции, которые Громов, по совету Грачева, выполнять отказался. "Ладно, — уходил от прямого ответа генерал. — Ты, Александр Владимирович, политику толкай, а за нами дело не станет"

Верхушка армии всегда была немногословной и хорошо чуяла, откуда дует ветер. Долгие годы службы развили великолепный инстинкт самосохранения, который, как хорошо отметили аналитики из службы безопасности, был совершенно подавлен у Руцкого инстинктом властолюбия

С офицерами более низкого ранга говорить было проще. Как-то подполковник Терехов, лидер полуподпольного "Союза офицеров", привел к нему молодого полковника авиации, представившегося исполняющим обязанности командира авиадивизии, расквартированной в Тверской области

Фамилия полковника была Фомичев. Он признался Руцкому, что весь кадровый состав дивизии, включая прапорщиков и сержантов-сверхсрочников, уже готовы на все, чтобы свергнуть "оккупационный еврейский режим".

Если понадобится, то по сигналу Руцкого, переданному на волнах открытого радио, дивизия поднимется в воздух и "обработает" цели, указанные вице-президентом.

Эту дивизию и ее командира Руцкой хорошо знал, но полковника Фомичева не мог припомнить. Обычно исполняет обязанности командира один из его заместителей (главным образом, по летней подготовке) или начальник штаба. Обоих Руцкой тоже знал.

Он поинтересовался у Фомичева, кто тот по должности. Оказалось, что заместитель командира дивизии по воспитанию личного состава. Другими словами, бывший начальник политотдела. Значит, хорошая дивизия, которой в отсутствие командира командует замполит. Кто лучше замполита знает настроение личного состава?

В преддверии указа президента проводились совещания с так называемым "президиумом Верховного Совета" — самозванным органом, не предусмотренным Конституцией, но существующим по традиции. В России, по большому счету, оказалось, что труднее всего отказаться от разных "президиумов". Все равные неудержимо хотят все-таки быть "равнее" других...

Обсуждалось несколько вариантов реакции на действия президента, которому решили (отчаянно труся) отдать инициативу действий, чтобы "он сам себя подставил"

Большая надежда возлагалась на Соединенные Штаты и страны Европейского сообщества, где Конституция почиталась наравне с Иисусом Христом, а иногда и выше. Увидев столь наглое попрание президентом Конституции, мировые демократы публично были бы вынуждены его осудить, поскольку в противном случае будут смешно и жалко выглядеть перед собственными народами. Так уверял советник Хасбулатова по вопросам международных отношений Иона Андронов.

Кто-то вспомнил, что совсем недавно Маргарет Тэтчер, находясь с неофициальным визитом в Москве, с недоумением воскликнула: "Как? Разве вы еще живете по старой коммунистической Конституции?" И заявила, что ключ к разрешению российских проблем лежит в первую

очередь в принятии новой Конституции. Это дало повод Хасбулатову раздраженно отреагировать: "Всякая заезжая бабенка еще будет нас учить!"

Один из заместителей Хасбулатова, Агафонов, робко предложил, что если президент разгонит "парламент", подчиниться силе, покинуть Белый Дом и включиться в досрочные выборы, которые после подобного указа президента можно будет легко выиграть и, таким образом, завершить переворот совершенно легальным путем. Досрочные выборы парламента и президента в итоге обернутся тем, что в стране будет новый президент, скорее всего Руцкой, а непобежденный, но незаконно разогнанный парламента останется почти на 100% старым. Почти, потому что новые выборы выкинут из него все остатки демократической шелухи, вроде Якунина, Молостова или Шейниса.

Конечно, останься у кого-нибудь в "президиуме" хоть капля здравого смысла, не подавленная инстинктом, план Агафопова был бы оптимальным и привел к желаемому результату наиболее коротким и прямым путем с минимальной долей возможности шумного скандала.

Первым, естественно, запротестовал Руцкой. Он — офицер, и само понятие "капитуляция" для него хуже смерти. В конце концов, у него есть пистолет, и он скорее пустит себе пулю в лоб, чем подчинится хоть какому-либо указу этого подонка.

Подумайте, о чем вы говорите? Как можно выполнять указ человека, который этим самым указом сам ставит себя вне закона! Нет! Нужно открыто призвать к сопротивлению, выводить на улицы народ и наконец покончить с этим преступным режимом.

Он сам испарится куда-нибудь в Израиль, когда увидит марширующие колонны верных нам полков, спешащих на защиту Конституции и Верховного Совета!

Он, Руцкой, уверен, что произойдет именно так.

Но даже, если произойдет не так, он не намерен униженно покидать парламента по первому окрику человека, которого он считает преступником, погубившим СССР и все завоевания советского народа, сделавшим Россию посмешищем в глазах всего мира!

Все остальные, проникнутые пафосом речи отстраненного от должности вице-президента, склонялись также к решительному сопротивлению...

Несмотря на всю свою готовность, прослушав речь президента, Руцкой почувствовал сильное волнение. Это не было столь знакомое ему волнение перед боевым вылетом. Скорее, это была растерянность человека, захваченного врасплох, несмотря на все предупреждения. Где-то в глубине души он надеялся, что у Ельцина все-таки не хватит духа подписать этот указ.

Он вышел из шумейковского кабинета и поспешил к Хасбулатову. По всему Белому Дому, как по огромному боевому кораблю, звучал металлический голос принудительной трансляции: "Всем народным депутатам срочно собраться в зале заседаний на чрезвычайную сессию! Повторяю..."

Этот голос, как сигнал боевой тревоги, взбудрил Руцкого. Навстречу ему по коридору, улыбаясь в бороду, шел сопредседатель "Фронта национального спасения", народный депутат Илья Константинов, никогда не отличавшийся изысканностью манер. Увидев Руцкого, он радостно закричал: "У твоего бывшего начальника крыша поехала что ли? Он же сам себе делает импичмент!"

Подобное панибратство от всякого мелкого хулиганья коробило генерала Руцкого. Многие нардепы имели к нему старые счеты, а ныне относились как к перебежчику. А к перебежчику, пусть даже очень полезному, всегда относятся как к перебежчику. Приходилось терпеть.

"Всем народным депутатам немедленно собраться на чрезвычайную сессию!" — сиреной тревоги продолжала вещать трансляция.

21 сентября 1993, 22:30

Отставной генерал-полковник Альберт Макашов находился в помещении главного информационного центра Верховного Совета, пытаясь по информации, потоком бьющей с телевизионных и компьютерных экранов, составить впечатление о складывающейся в столице обстановке.

Внутренняя телесеть Белого Дома передавала пресс-конференцию Хасбулатова, который был бледен, но даже пытался шутить.

"У него большой опыт подавления путчей", — криво улыбаясь, уверял журналистов спикер. Заявление президента, с одной стороны, нельзя рассматривать иначе как попытку государственного переворота, но, с другой стороны, это же заявление фактически является сообщени-

ем Ельцина о том, что он слагает с себя свою должность. Такова реальность. Впрочем, заявил Хасбулатов, сейчас мы соберем сессию и все решим. Не волнуйтесь, все будет в рамках закона и конституции.

По каналам Российского телевидения и "Останкино" передавали еще раз в записи заявление президента.

На других экранах, как ни в чем не бывало, мелькали рекламы, завывали космато-бородатые рокеры, мелькали герои бесчисленных западных телесериалов.

Уголкем глаза генерал поймал на одном из экранов зеленеющие слова "Оплата за наличные в долларах США" и громко, не стесняясь присутствия женщин-операторов, выругался матом.

Страна оккупирована и гибнет. Вернее, уже погибла.

Вся эта сволочь во главе с Хасбулатовым и Руцким сначала с энтузиазмом разваливала страну, а потом спохватилась — выход только в восстановлении СССР! Умники!

Если бы у него был в подчинении хотя бы один полк, которому можно доверять, на который можно положиться. Он, не колеблясь, арестовал бы весь этот сброд депутатов (кое-кого и расстрелял бы на месте), а затем повел бы войска на Кремль и навел, наконец, настоящий порядок в стране.

Макашов был решительным и агрессивным генералом, хотя проявить себя в реальных боевых условиях ему за долгие годы военной службы возможности так и не представилось.

За плечами Макашова было высшее военное училище и две академии: бронетанковая и генерального штаба. В военных кругах он считался признанным авторитетом по широкомасштабным операциям с применением крупных танковых и механизированных соединений.

Продолжительное время генерал служил в Западной Группе войск на линии самой острой конфронтации с Западом. Красные стрелы на секретных оперативных картах, стремящиеся к океану и разрезающие Европу на шесть неравных частей, долгое время были главным стимулом его жизни. Но нацеленные на советские города ядерные ракеты с американских подводных лодок лучше любых других аргументов охлаждали пыл танковых генералов, заставив самую мощную в мире бронетанковую группировку в течение более сорока лет топтаться на

месте и разваливаться без всякой пользы, если не считать денежной компенсации добрых немцев.

К этому времени Макашов уже командовал Приволжско-Уральским военным округом, территория которого была больше всей Европы. Из своего штаба в Самаре (тогда — Куйбышеве) генерал Макашов в бессильной ярости наблюдал, как сначала рухнула и развалилась Южная группа войск, дамокловым мечом висевшая над левым флангом НАТО, как начала разваливаться ЗГВ, как, терпя одно поражение за другим, убралась из Афганистана 40-я армия, как юлила и темнела родная КПСС, скрывая свое желание поскорее юркнуть в какую-нибудь щель с награбленной добычей.

Как молниеносно был разгромлен Саддам Хусейн, на которого было столько надежд, тем более, что генерал Макашов был одним из разработчиков плана блицкрига против Кувейта! План, будь он выполнен вовремя и без idiotских иракских импровизаций, мог бы нанести такой удар по престижу Соединенных Штатов, в сравнении с которым померк бы позор Вьетнамской войны. Но ничего не получилось!

Не получилось благодаря предателям, засевшим тогда и в Верховном Совете СССР, депутатом которого был и сам Макашов, и в партийном руководстве во главе с самим генсеком Михаилом Горбачевым.

Макашов еще тогда с трибуны партконференции призывал взять штурмом здание Верховного Совета СССР и РСФСР и установить партийно-военную диктатуру.

Никто не слушал. Все обделывали какие-то свои делишки и посмеивались. Обнаглевшая пресса открыто издевалась над генеральскими речами, намекая на возможность судебного преследования за призывы к открытому мятежу.

В июне 1990 года на учредительном съезде Российской компартии почувывший демократию Макашов разразился проклятиями в адрес аж генерального секретаря КПСС, обвиняя его в предательстве и "сдаче Восточной Европы".

В отчаянии он пытался пробиться в президенты России, но с треском проиграл выборы, поскольку ничего не мог предложить народу, кроме публичных телесных наказаний, которые, по его мнению, "являются прекрасной воспитательной мерой".

И, разумеется, именно генерал Макашов был одним из немногих командующих округами, которые не только выполнили все приказы ГКЧП в августе 1991 года, но сделали даже больше, чем это требовали заговорщики в Москве.

Накопленный богатейший опыт в планировании стратегических операций генералу Макашову пришлось впервые применить на практике в своей родной Самаре. Прийдя в восторг от известия о создании ГКЧП, Макашов немедленно привел вверенный ему округ в состояние полной боевой готовности, отдав приказ "быть готовыми к ведению боевых действий" и приведя авиацию округа в 15-минутную готовность — с летчиками в кабинах.

Кого генерал собирался бомбить с воздуха, так и осталось неизвестным, но на земле Макашов развернул действия во всем блеске своего оперативного таланта. Армейские части, получив ясный приказ "задерживать демократов и космополитов", быстро захватили контроль над областным центром, оккупировав телецентр и захватив областной издательский центр, разгромив по ходу дела надоевшую местную независимую телестудию "Скат".

Радиостанции округа по всем правилам ведения электронной войны заглушили все местные радиостанции, чтобы до граждан не доходили "подрывные и провокационные" известия из Москвы, оставив свободный канал только для передачи приказов своего командующего. Но поскольку тот произносить речи не горазд, свободное между боевыми приказами эфирное время было заполнено круглосуточным непрерывным чтением записи "Слова к народу", незадолго до этого опубликованного газетой "Советская Россия", которое генерал повелел считать теоретическим руководством к действиям.

20 августа Макашов даже осмелился дать в Кремль телеграмму, где говорилось: "Военный Совет и войска округа обеспокоены нерешительностью по отношению к Ельцину и его окружению. Промедление смерти подобно..."

Генералу повезло, что "августовский путч" был, по большому счету, внутривластным конфликтом, а потому никто не собирался особо сводить счеты даже с главными московскими "путчистами", не говоря уже об исполнителях из провинции.

Макашова без лишнего шума выкинули в отставку, и с тех пор генерал постоянно украшал своими тремя гене-

ральскими звездами всевозможные коммунистические и национал-демократические митинги и тусовки, где его постоянно прочили в будущие премьеры "патриотического правительства".

Вместе со своими немногочисленными соратниками Макашов упорно отказывался признать распад Советского Союза и роспуск съезда народных депутатов СССР. Он стал одним из организаторов так называемого "VI чрезвычайного съезда народных депутатов СССР", мистически проходившего при свечах (мстительные власти отключили свет) в колхозном клубе подмосковной деревни Вороново, на котором председателем президиума Верховного Совета СССР была единогласно выбрана Сажи Умалатова (к женщине меньше будут приставать). Та самая Умалатова, которая считала, что президента Ельцина нужно не просто повесить, а непременно — вниз головой.

Пользуясь безнаказанностью со стороны впавшей в летаргию власти, Макашов, как призрак прошлого царствования, появился в Приднестровье, чтобы, по его собственным словам, "организовать оборону". Приднестровскую "республику" совершенно несправедливо называли и называют самопровозглашенной. В действительности, "республику" провозгласил КГБ, сделав ее президентом своего платного провокатора Игоря Смирнова, дав ему в помощники своего кадрового костолома Антифеева, ставшего при Смирнове министром госбезопасности под фамилией Шевцов, так как находился в розыске за преступления на территории Прибалтики.

Устами другого своего агента, Александра Невзорова, КГБ объявил Приднестровскую "республику" "первой, освобожденной от оккупантов, территорией Советского Союза" и попросил Макашова убедить заинтересованных лиц продолжить дело освобождения.

По плану командование расквартированной в Молдове российской 14-й армии должно было "во имя защиты русского населения" двинуть танки на Кишинев, а затем обратиться к Москве с просьбой о включении Молдовы в состав России. Этот план с разными вариациями должен был затем осуществиться во всех бывших республиках бывшего СССР, где постоянно нагнеталась напряженность по поводу положения "русского меньшинства", которое иногда более дипломатично называлось "русскоязычным".

Единственное, что могло ответить командование 14-й армией на элегантное предложение начать на развалинах бывшего Союза крупномасштабную гражданскую войну, — это показать Макашову на дверь, что оно и сделало, причем даже в не очень учтивой форме.

Взбешенный Макашов стал собирать собственную армию, состоявшую из осколков разных прибалтийских омонов, любителей приключений и разного рода уголовных элементов. Проводя смотр своему воинству, Макашов обратился к нему с речью, в которой сказал: "Дай Бог, если я когда-нибудь буду командовать частями... чтобы у меня были такие солдаты, как в Приднестровье. Их не надо агитировать!"

Бог, на которого сослался в своей речи Макашов, услышал его желание и вскоре предоставил генералу покомандовать приднестровскими ребятами, которых "не надо агитировать". Сегодня, 21 сентября, генерал Макашов уже говорил с Тирасполем. Батальон "Днестр" готов вылететь в Москву по первому зову.

Тогда же покомандовать не удалось. Москва, обеспокоенная возней в Приднестровье, сменила командование 14-й армии. Новый командарм генерал Лебедь, чьи десантники в августе 91-го отбили у всех охоту лезть на штурм Белого Дома, не любил, когда по подразделениям вверенных ему войск шастали беспризорные генералы, не имеющие к тому же никаких официальных полномочий.

Макашову пришлось покинуть Приднестровье и, надо сказать, вовремя. Когда началась стрельба, налаженная им оборона Бендер рухнула в одночасье, и только твердая позиция генерала Лебеда предотвратила взаимную резню, которая наверняка продолжалась бы бесконечно, как и в других районах межнациональных конфликтов.

Макашов вернулся в Москву и стал ждать своего часа. Нельзя сказать, чтобы генералу нечего было терять. На волне демократического хаоса он приватизировал квартиры в Москве и Самаре, входил в совет директоров нескольких акционерных компаний, а его каменная трехэтажная дача со встроенной колокольней домовою церкви, украшенной барельефом православного креста, поражала воображение даже его коллег-генералов, чьи особняки, построенные за счет щедрот Министерства обороны, хотя и были добротными, но от них за версту веяло казарменной безвкусицей.

Час Макашова настал. Шестым чувством старого солдата он понимал, что на этот раз без стрельбы не обойдется, и ноздри его раздувались, как перед командой, которую он сотни раз отдавал на учениях и маневрах разного уровня: "Танки, вперед!"

Пока эту команду отдавать было некому. Да и сам вид генерала был совсем не воинственный. Сутулый, в старомодном синем плаще с пояском и старческим берете, он устало ходил по информационному центру, ожидая возвращения Ачалова, пытавшегося связаться с Министерством обороны, с Генштабом и с командующими округами.

Информация продолжала литься потоком. Уже председатель Моссовета Николай Гончар сообщил, что на 23:00 запланировано срочное заседание президиума Моссовета, а завтра, с утра, начнется сессия, которая сформулирует мнение об указе президента. Гончар отметил, что нужно предотвратить обострение ситуации и тем более пресечь провокации, которые могут привести к кровопролитию.

Уже председатель Конституционного суда Зорькин объявил о срочном созыве Конституционного суда, а один из судей, Лучин, поспешил заявить, что "в соответствии со статьей 121-6 Конституции Российской Федерации в нынешней редакции президент лишил сам себя властных функций".

Информационные агентства, перебивая друг друга, сообщали новости:

"В 21:40 началось экстренное заседание Конституционного суда. Собран полный кворум. На улице перед зданием суда находятся несколько автомашин с милицией. В здание суда прошли четверо гражданских лиц с автоматами..."

"В 21:00 состоялось заседание президиума совета министров. По его окончании премьер Виктор Черномырдин подчеркнул, что "прежде всего нужно спокойствие", государственные учреждения должны работать в нормальном режиме. На вопрос корреспондента о возможном давлении на депутатов Верховного Совета премьер воскликнул: "Боже упаси! Никаких чрезвычайок! Это исключено!"

"Штаб Московского военного округа официально сообщил, что округ находится в обычном режиме. Никаких дополнительных приказов о повышении готовности не поступало".

"Пресс-центр МВД заявил, что "никаких дополнительных приказов не было".

"Министерство безопасности ответило, что "оно вообще ничего не знает о каком-то указе президента".

"В пресс-службе президента сообщили, что Ельцин в настоящее время находится в своей загородной резиденции, а сама пресс-служба работает в обычном режиме"...

В помещение центра быстрыми шагами вошел генерал Ачалов. Вид у него был несколько возбужденный. Все средства правительственной, высокочастотной и дальней связи, имеющиеся в распоряжении Белого Дома, были отключены.

Он пытался дозвониться в Министерство обороны и в Генштаб. Ни один из известных ему телефонов, а знал он их почти все, не отвечал, включая многоканальные телефоны оперативных дежурных по направлениям.

Это означало, что в компьютер центра военной связи дана команда на полное изменение телефонных кодов. Такие команды поступают в целях защиты связи от проникновения противника только в канун неизбежной войны, либо когда по всей стране объявлено чрезвычайное положение. Но чрезвычайного положения никто не объявлял.

А ВОЕВАТЬ БЫЛО ПРОСТО НЕ С КЕМ.

21 сентября 1993, 22:45

Василий Липицкий не то что вошел, а просто ворвался в кабинет Руцкого. Если Вольского и Руцкого звали знаменами партии "Гражданский Союз", то Липицкого вполне можно было назвать его движущей пружиной.

Липицкий в свое время окончил исторический факультет МГУ по курсу "Истории КПСС", был комсомольским вожаком факультета, здесь вступил в КПСС. На факультете заметили энергичного и "идейного" юношу и бросили его в филиал ЦК ВЛКСМ — так называемый Центральный штаб студенческих отрядов, откуда открывалась прямая дорога в ЦК. Но в ЦК Липицкий не попал, а вернулся в Университет, где занимался исследовательской работой в русле самой перспективной в СССР науки.

Видимо, на этом поприще он добился-таки заметных успехов, поскольку в 1983 году был приглашен на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, который слыл кузницей кадров последнего, снабжая ЦК

родной партии беспощадными интриганями, прожженными циниками и беспринципными карьеристами.

Отдел, в котором работал Липицкий, выполняя заказ ЦК, был озабочен проблемой, как заставить население коммунистической империи лучше работать на родную партию и не воровать.

Решая эту проблему, Липицкий в разгар перестройки, в 1989 году, умудрился защитить докторскую диссертацию на тему "Проблемы стимулирования созидательной деятельности", в которой разноцветными графиками было отмечено повышение производительности труда при правильно поставленном процессе идейно-политического воспитания трудовых коллективов. Производительность труда находилась в прямо пропорциональной зависимости от авторитета и силы парторганизаций.

Идеологически диссертация была безупречной, но в ЦК Липицкого так и не взяли. Ему удалось осуществить свою мечту только при рождении партии Ивана Полозкова, в ЦК которой он и повстречался с Руцким.

Если ты собираешься делать свою карьеру в коридорах Института марксизма-ленинизма, то должен обладать интуицией и нюхом немецкой овчарки и гибкостью кобры, вспоминал недавно один из президентов молодых средне-азиатских республик, познавший эту науку на собственной шкуре.

Но как бы то ни было, Липицкий сразу почувствовал, что паровозом его грядущей карьеры станет не "добрейший" Иван Кузьмич Полозков, а, как бульдозер, прямой и напористый авиационный полковник. И Липицкий стал его ведомым, особенно после того, как провалился на выборах в Верховный Совет в 1990 году.

Совершая виражи вслед за своим ведущим, Липицкий перелетел в блок "Коммунисты за демократию", затем — в Демократическую партию коммунистов России, которая после августовского путча была скромно переименована в Народную партию свободной России.

6 августа 1991 года Липицкого вместе с Руцким выгнали из КПСС "за деятельность, направленную на раскол КПСС". На короткое время Липицкий сошел с арены действий, а затем вынырнул вместе с Руцким в "Гражданском Союзе", где вскоре стал председателем исполкома, оставаясь на всякий случай и председателем правления своей любимой НПСР, которая в свое время объявила себя наследницей КПСС, чтобы "через суд, на

законных основаниях, вернуть народу партийные деньги"

Но вопрос о наследстве КПСС, как известно, тихонько замяли, и кто-то быстро отбил у Липицкого охоту судиться за наследство покойной родительницы двум его новым партиям, где ему регулярно за счет той же "родительницы" выплачивали зарплату и содержали автомобиль с шофером.

И вот час настал. Пройдет еще немного времени и Руцкой может стать президентом, открывая дорогу к власти "Гражданскому Союзу" — своей родной партии! Однако, следует заметить, что руководство "Гражданского Союза" оценивало реальную обстановку несколько иначе, чем это делал Руцкой, имея все основания полагать, что лихой "вице" может наломать таких "дров", и половины которых будет достаточно, чтобы отправить все руководство партии за решетку.

Едва заявление Ельцина было передано средствами массовой информации, как руководство "Гражданского Союза" отправило в Белый Дом Липицкого, дабы напомнить Руцкому, чтобы тот вспомнил, что является сопредседателем партии, о чем опальный вице-президент, судя по его недавним высказываниям в адрес партийных коллег, видимо, слегка забыл.

Руцкой встретил Липицкого без особого энтузиазма. Без ожидаемого: "Вася! Как я рад! Иди ко мне в вице-президенты!"

У Липицкого, конечно, в данной ситуации хватило бы ума отказаться от этой чести, но приятно было бы такое выслушать и напомнить позднее, когда станет ясен исход нового кризиса. Но говорили долго.

Руцкой просил, чтобы партия развернула мощную пропаганду в его пользу, связалась с оборонными заводами, готовя всероссийскую забастовку, чтобы Вольский публично и как можно скорее осудил Ельцина за предпринятый тем государственный переворот. Липицкий, отлично зная, что Вольский никогда этого не сделает, пока Ельцина, по меньшей мере, не упрячут в тюрьму или вынудят бежать за границу, тем не менее пообещал Руцкому, что все будет сделано.

В этот момент по внутренней трансляции объявили, что закончилось заседание президиума Верховного Совета, на котором решили, что президент Ельцин должен быть отрешен от должности за совершение государственного переворота, и его полномочия переходят Руц-

кому. Через час, как только наберется достаточное для кворума количество депутатов, откроется внеочередная сессия для принятия исторических решений "во имя спасения Отечества и демократии"...

Липицкий от души пожал руку Руцкому и хотел что-то еще сказать, но снова был прерван громкоговорителями, объявившими, что буфеты и прочие службы Белого Дома переходят на круглосуточный режим работы.

Руцкой нервно посмотрел на часы и наклонился к селектору, поинтересовавшись прибыли ли генералы Громов и Радионов. Ему ответили, что нет, не прибыли. "А Тулеев?— спросил Руцкой.— Звонили в Кемерово?" Ему ответили, что Тулеев уже здесь. Впустить? "Пусть подождет",— приказал Руцкой и что-то хотел сказать Липицкому, но в этот момент в кабинет вошел Виталий Уражцев, бывший полковник из ГлавПУРа, юрист и журналист, председатель всероссийского общества "Щит", основанного еще во времена перестройки для защиты прав военнослужащих.

Уражцев, личность весьма одиозная, был одним из немногих, кого арестовали и отправили в Балашиху еще во времена августовского путча. При аресте он отмахивался от "чекистов" топором и, по его версии, был зверски избит, связан и брошен в кузов грузовика, что, однако, не помешало ему ровно через сутки снова появиться в Белом Доме свежим и здоровым, одетым в свежeweыглаженный костюм и белую рубашку с галстуком.

Тогда же, в эйфории от одержанной победы, Уражцев, отвечая на вопрос корреспондента "Возможен ли, по его мнению, еще один путч?", ответил: "Какой еще путч? Когда президентом Ельцин, вице-президентом Руцкой, мэры Москвы и Ленинграда Попов и Собчак, говорить о каком-то новом путче может только очень обиженный Богом человек!"

Неизвестно, чем Бог так уж сильно обидел Уражцева. Возможно, что Творец не очень жалует людей, раздираемых гордыней и тщеславием.

В свое время Уражцев явно метил в замы министра обороны, но военное ведомство, как в коммунистические времена, так и после, очень прохладно относилось к каким угодно общественным организациям в своей системе. Поэтому никакого официального статуса обществу "Щит" давать не желало, очень косо на него поглядывая.

Из окружения Ельцина Уражцева очень быстро оттеснили, поскольку искусством интриги он, как и Руцкой, владел на уровне полковника, что было явно недостаточно.

Разочарованный полковник выбрал единственный путь, который оставался, чтобы кое-как остаться на политической арене, — путь уличного вождя. Да и тут он был не очень заметен, поскольку у него хватило ума все-таки как-то дистанцироваться от таких митинговых звезд, как Анпилов и Константинов. Не хватало у него нахальства, чтобы строить из себя теоретика, как, скажем, Проханов или Стерлигов и сидеть в президиумах "Фронта национального спасения" между ними. Его выступления были более-менее взвешенными, а потому плохо доходили до сознания толпы, любившей простые, щелкающие бичом призывы.

Тем не менее, а может быть именно поэтому, в случае кризиса противостояния властей Уражцеву было на первом этапе поручено окружить Белый Дом толпами людей, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать народную поддержку заговорщикам, а с другой — сбить охоту у исполнительных властей, кинуться, сломя голову, на штурм оплота законодательной власти.

Уражцев не терял ни минуты. Подобная задача была по плечу любому офицеру, а тем более такому прирожденному организатору, как он.

К Белому Дому уже подтянулось достаточно людей, чтобы их могли заметить, хотя еще не настолько, чтобы имитировать всенародную поддержку.

Несколько десятков разновозрастных мужчин, но, главным образом, пенсионеры и отставники, уже встали у входа в Верховный Совет, размахивая красными знаменами и выставив самодельные лозунги: "Вся власть Советам!", "Да здравствует КПСС!", "Диктатора под суд!" и тому подобные.

Несколько парней помоложе, сваливая в кучу турникеты и таская откуда-то доски, начали сооружать у входа какое-то подобие баррикады.

"Людей! Побольше людей! — приказал Руцкой, выслушав сообщение Уражцева. — Действуй, Виталий! Сейчас многое от тебя зависит". Уражцев вышел, и в кабинет с некоторой робостью вошел генеральный прокурор Валентин Степанков.

Нынешний генеральный прокурор разительно отличался от своих предшественников — Вышинского,

Руденко и даже недавнего Сухарева — крайней несолидностью и почти детским выражением лица. Этаким губошлеп.

Взлетевший на послепутчевой волне в кресло генерального прокурора прямо из прокуратуры какого-то забытого Богом сибирского райцентра, Степанков, надо отдать ему должное, отлично понимал, что это кресло могут из-под него выбить в любую следующую минуту, а потому и вел себя соответственно.

За интервью брал деньги в валюте, погубил, с юридической точки зрения, процесс над членами ГКЧП, славы и денег ради опубликовав книгу о путче 91-го года, не обращал внимание ни на какие нарушения законов, фактически культивируя в стране "правовой нигилизм", как интеллигентно выражались некоторые газеты, или "уголовный беспредел", как выражались те, кто не любил использовать иностранные слова.

"С приходом Степанкова на должность генерального прокурора,— сказала одна, острая на язык, московская публицистка,— наша страна, которая 70 лет являлась "политической зоной", превратилась в зону уголовную".

Степанков вел свою тихую и довольно мелкую игру, не желая ни с кем ссориться или прослыть чьим-то сторонником, поставив себе довольно скромную цель, хотя в России с учетом занимаемого им поста эта цель выглядела трудно достижимой: уйти со своего поста без особо громкого скандала, минуя Лефортово.

Услышав об указе Ельцина, Степанков почувствовал себя плохо, как и любой человек, очутившийся подобно барону Мюнхаузену между лязгающими пастями льва и крокодила, которые, желая сожрать друг друга, могли мимоходом проглотить и его, даже не заметив этого.

Косо взглянув на Липицкого, Степанков уселся в кресло напротив мятежного вице-президента, всем своим видом демонстрируя готовность благожелательно выслушать все, что тот ему захочет сказать.

"Вот что, Валентин,— начал Руцкой, глядя на полированную поверхность своего стола.— Значит так. Надо уголовное дело возбудить против гражданина Ельцина за попытку совершения государственного переворота с целью..." Руцкой посмотрел на лежащую перед ним бумагу: "...с целью свержения существующего конституционного строя. Как ты?"

У Степанкова засосало в животе. Хорошенькое дело! Возбудить уголовное дело против президента страны! А как у этих все провалится? Затопчут сапогами. А если эти выиграют? Никак не представить точного расклада сил в стране. Кто за кого? Попадешь в сообщники...

"Александр Владимирович,— сглотнув слюну, ответил генеральный прокурор.— Тут главное, чтобы все было законно, юридически безупречно. Не нужно спешить. Во-первых, необходимо решение Конституционного суда о незаконности указа. Во-вторых, решение съезда об отстранении главы исполнительной власти от..."

"Какой съезд?— удивился Руцкой.— Когда есть поправка к 121-й статье..."

Все эти поправки к Конституции, которые последнее время Верховный Совет лепил, как пирожки, юридически в стране не действовали, а многим правовым структурам вообще не были известны.

"Нужно, чтобы все было по закону,— продолжал настаивать Степанков.— Съезд должен обязательно вынести свое решение. Если и вы начнете беззакония чинить, то отправьте в Кремль наряд и..."

Руцкой проникновенно посмотрел на генерального.

"Валя,— вздохнул он.— Сдается мне, что ты чего-то крутишь. Понимаешь, как важно, чтобы ты нас официально поддержал в борьбе с захватившими власть преступниками..."

"Я всей душой,— согласился генеральный.— Но мне нужны юридические, повторяю, юридические обоснования для возбуждения уголовного дела. Я не могу возбуждать никаких дел, кроме проверочных, на основании телевизионной передачи, кто бы ее ни вел. Получу решение съезда, заключение Конституционного суда, текст указа и тогда — пожалуйста: соберу коллегия, и все что надо возбудим. А то попадем впросак, как в марте. Шум подняли, а выяснилось, что никакого указа и не было..."

Руцкой мгновение помолчал, по-прежнему глядя в стол.

"Хорошо,— сказал он.— Ты, наверное, прав, Валентин. Все, что надо, получишь очень скоро. Иди в зал. Скоро начнется сессия."

На выходе генеральный прокурор столкнулся с входящим в кабинет из жужжащей, как улей, приемной народным депутатом Сергеем Бабуриным, напоминающим

благодаря фасону бороды и усов или Мефистофеля, каким его изображали на русских провинциальных подмостках начала века, или персонажа порнографических открыток того времени.

Он был намеренно медлителен и важен. Небрежно кивнув Липицкому, он обратился к вице-президенту: "Александр Владимирович, юридический комитет считает, что..."

Но в этот момент в кабинет ворвался запыхавшийся заместитель Хасбулатова Юрий Воронин — в прошлом ответственный работник ЦК Компартии Татарстана и руководитель Госплана республики: "Давайте в зал. Все уже собрались. Надо действовать быстрее".

Липицкий встал и направился к дверям вместе с остальными.

"Или вы будете со мной здесь,— неожиданно сказал ему Руцкой,— или... Как хотите".

Недалекий, обманутый авиационный полковник наивно полагал, что он может ставить какие-то условия прожженным в интригах партаппаратчикам, у которых таких полковников, которыми можно пожертвовать в экстремальных ситуациях, была целая армия.

Липицкий промолчал. Для себя он уже решил, что чем дальше он будет в ближайшее время находиться от Белого Дома, тем лучше будет и для него и для тех двух партий, которыми ему выпала честь руководить.

Хотя охрана и пыталась оттеснить толпу корреспондентов из приемной и прилегающего коридора, сделать это, как водится, не удалось.

Руцкой вышел на целый лес телекамер и микрофонов, взмахом руки приветствуя журналистов и давая понять, что не намерен никак комментировать события.

Только одна девчушка умудрилась сунуть ему почти под нос микрофон и с теплотой в голосе спросить: "Как вы себя чувствуете, Александр Владимирович?"

"Прекрасно!"— ответил Руцкой и упругими шагами пошел дальше.

22 сентября 1993, 00:04

Сергей Бабурин, сидя на своем месте в зале заседаний, видел и чувствовал, что Руслан Хасбулатов сильно нервничает, хотя и хочет из всех сил казаться совершенно спокойным. Объявив об открытии внеочередной чрезвычайной сессии Верховного Совета, спикер

обратился к Руцкому: "Александр Владимирович, прошу на ваше место".

"Ваше место" — это пустующее кресло президента Российской Федерации.

Стараясь не глядеть по сторонам, Руцкой поднялся в президиум и занял кресло президента. Так сбываются мечты.

Бабурин усмехнулся. Впрочем, сардоническая усмешка всегда была как бы приклеена к его лицу, выдавая, если верить Фрейдю, сильную закомплексованность, вызванную какими-то нарушениями в органах внутренней секреции.

Сергею Бабурину было едва за тридцать, но это был человек, известный не только по всей стране, но и в мире. Особенно в Ираке, куда он несколько раз ездил, чтобы утешить Саддама Хусейна после поражения в Кувейтской аванюре, намекая ему, что еще далеко не все потеряно, и прося в долг до лучших времен. Саддам охотно давал. Тем более, что деньги в свое время были получены от КПСС, о которой иракский диктатор сохранил самые лучшие воспоминания.

Сергей Бабурин по образованию был юристом, закончив совсем недавно Омский Университет. Короткое время проработал в парткоме, а затем был назначен деканом юридического факультета, явно обозначив себя в качестве напористого и стремительного карьериста, идущего к цели самыми короткими и оптимальными курсами подобно управляемой по проводу торпеде.

Для этого были все основания. Еще в студенческие годы Сережа был завербован местным КГБ, и его куратор — майор Горбунов из 5-го отдела тамошнего Управления КГБ присвоил ему оперативный псевдоним (а в просторечьи — кличку) "Николай".

Юридические факультеты, как отмечалось, — это вотчины КГБ, так что в самом этом факте нет ничего удивительного и даже, учитывая специфику СССР, пожалуй, и ничего особо предосудительного. Сколько таких "Николаев" работало и училось бок-о-бок с Бабуриным — известно одному Богу, ибо даже в КГБ никто не имеет права знать обо всей агентуре.

Но одно дело — информатор секретной полиции, без которого ни одна спецслужба существовать не может, другое дело — провокатор политической полиции. Тут нужны другие качества, и ими Сергей Николаевич Бабурин был наделен с избытком. А поскольку пути

секретной службы неисповедимы, неисповедимы и пути провокаторов.

Бабурин был внедрен в демократическое движение Омска, ибо КГБ, естественно, был заинтересован в освещении этого движения изнутри, чтобы знать кого брать в первую очередь, а кого — во вторую, когда придет время. Таланты Бабурина настолько раскрылись в "тылу врага", что его через "Демократическую Россию" решено было пропихнуть на выборах 1990-го года в Верховный Совет. Что и было сделано.

Попав в Верховный Совет, Бабурин почти сразу заявил, что был и навсегда останется коммунистом. Его передали в центральный аппарат 5-го управления в Москве, а там, прочитав сопроводительные документы, составленные коллегами из Омска, решили, что лучшей кандидатуры на роль председателя Верховного Совета просто нельзя придумать.

В итоге два разных управления КГБ попали в патовую ситуацию, когда одно пропихивало на высокий пост Бабурина, а второе — Хасбулатова.

Но тут случился августовский путч, который сбил с нахального Бабурина и его перетрусивших "кураторов" немного спеси.

Быстро придя в себя, Бабурин организовал в Верховном Совете фракцию "Россия", снова подтвердив, что является коммунистом и продолжает жить в СССР. Некоторое время спустя на скандальном вечере газеты "День" в Центральном Доме литераторов Бабурин впервые всенародно обозвал Ельцина преступником, обвинив его в развале Советского Союза.

Разумеется, у КГБ были все основания скорбеть о крушении империи и вещать об этом голосом Бабурина. Но ради справедливости следует заметить, что именно КГБ, на котором лежала главная ответственность за обеспечение безопасности и целостности СССР, и пальцем не пошевелил в свое время, чтобы предотвратить развал и гибель страны, а, напротив, весьма этому способствовал.

Теперь же, размахивая кулаками после драки, причем за кулисами, КГБ начал дирижировать целым хором своих провокаторов, громко и навзрыд оплакивающих покойную империю.

Бурные аплодисменты, которые прозвучали на заявление Бабурина, свидетельствовали о том, что новый спектакль приближается к стадии генеральной репети-

ции, и главные роли в нем поручены актерам, претендующим на постоянную роль героев.

Бабурин быстро вошел в эту роль, выдвинувшись в лидеры так называемой непримиримой оппозиции, которая, не имея не только какой-нибудь четкой экономической, но даже и идеологической программы, занималась под мудрым предводительством своих вождей-"героев" только тем, что от души поносила последними словами президента Ельцина, денно и нощно боролась с сионизмом, разоблачая последний как в кремлевском правительстве, так и по всему миру.

Было ясно, что на такой платформе далеко не уедешь. Движению необходимо было срочно придать прочную идеологическую основу.

Накануне VII съезда куратор Бабурина из КГБ (или МБР, как ныне невнятно называлась эта организация) срочно вызвал своего подопечного на явочную квартиру. Вместе с куратором пришли еще двое, которые, судя по гладким, с некоторым налетом интеллекта лицам и дорогим костюмам, представляли из себя чины, близкие к руководству.

Они поздравили Бабурина с политическими успехами, заявив, что очень рады выходу своего агента на национальную арену и передали ему ряд материалов с просьбой их обработать и опубликовать под своим именем в одной из оппозиционных газет более умеренного толка, чем, скажем, "День" или "Русское Воскресенье".

Что же это были за материалы, вышедшие из недр организации, неоднократно хвастающейся, что собрала под своей крышей всю элиту аналитической и исследовательской мысли нации. КГБ, как известно, был устойчивым гибридом политической полиции и идеологической инквизиции; главной задачей его было обеспечение покоя и процветания царствующей партийной элиты-номенклатуры, наслаждающейся "самым передовым в мире общественным строем" под защитой своего "боевого отряда", надежно изолировавшего элиту от народа, а народ — от элиты.

Народ же нужно было не только держать в вечном страхе, истреблять, гноить в лагерях и стимулировать работать за вымпел или грамоту с профилем Ильича, но и чем-то занять его мысли. Поэтому в течение 70 лет многомиллионный народ занимался поиском шпионов и диверсантов.

Сначала, что говорится, всем миром выискивали агентов Антанты, саботажников, шпионов, диверсантов, кулаков, подкулачников, троцкистов, бухаринцев, фашистов, наемников империализма, уклонистов, оппортунистов, космополитов, врагов народа, агентов ЦРУ, сионистов и диссидентов.

Уже на последнем вздохе "развитого социализма", перед самым крушением СССР, шеф КГБ Владимир Крючков придумал новый термин — "агент влияния" и пытался мобилизовать на поиск "агентов влияния" все отбившееся от рук население страны. Крючков, как известно, отправился за решетку, даже не успев приступить к осуществлению своего гениального изобретения, поскольку и дураку ясно, что "агентом влияния" можно было объявить кого угодно, как когда-то "врагом народа". Над выдумкой Крюčkова посмеялись и забыли.

А совершенно напрасно, как говаривал вождь мирового пролетариата.

Через некоторое время в газете "Советская Россия", где собрались публицисты так называемой "Чикинской школы", стремительно бежавшие из социализма в национал-социализм, появилась огромная статья — "Агенты влияния". Автором статьи был Бабурин, хотя для видимости он прикрылся еще тремя соавторами, никогда до этого не грешивших пером.

Прошло всего полтора года с момента августовского путча, и 33-летний "баловень Российского парламента" Сергей Бабурин подхватил жупел "агент влияния", выпавший из ослабевших рук узника "Матросской тишины" Владимира Крюčkова.

"Агентами влияния" по мысли, почерпнутой Бабуриным из аналитических шедевров Министерства безопасности, являлись Бурбулис, Гайдар, Полторанин и прочие негодяи из ельцинского окружения.

"Агентами влияния" являются целые группы и движения. Например, "Демократическая Россия", — смело утверждал Бабурин, видимо, забыв, что именно на платформе "Демроссии" он и пробрался в Верховный Совет.

В статье делался намек, что "шпионами" руководит сам Ельцин. Иначе как объяснить недавний визит в Москву директора ЦРУ Гейтса и его встречу с Ельциным, если не тем фактом, что "дупло" оборудовано прямо в Кремле. Так американскому империализму удобнее.

"Гласность, демократия, права человека, — объяснял читателям Бабурин, — всего лишь словесная

мишура... цели, поставленные "хозяйном"... Приверженность к демократии, общечеловеческим ценностям, достижениям мировой цивилизации являются характерными признаками, присущими всем "агентам влияния".

Это было, без сомнения, очень смелое заявление, если вспомнить, что оно было сделано в стране, где около 100 миллионов человек были безжалостно истреблены под яркие публикации и заявления именно такого рода.

Статья об "Агентах влияния" была призывом прекратить сезон всяких там демократических дискуссий и открыть новый сезон посадок. Ибо с "агентами влияния" не следует ни спорить, ни церемониться. Их надо выявлять и истреблять.

Если бы об этом вещал и мечтал сам Бабурин, то это можно было отнести на счет явной малограмотности провинциального карьериста, одуревшего от возможностей, предоставляемых демократией.

Но это был крик мечты той самой "аналитической элиты", которая перестав истреблять миллионами собственный народ, задыхалась, корчилась и пыталась всеми способами отсрочить свой неизбежный конец. Все, кому надо, поняли, а некоторые знали, кто вещает со страниц "Советской России" бабуриным голосом.

А потому статья стала программной. Ее призыв сомкнуться на почве русского патриотизма и идеологии национал-социализма в борьбе с "агентами влияния" был услышан.

Стремительность, с которой растерявшиеся было бывшие функционеры КПСС, КГБ, ХОЗУ, ВПК и прочих номенклатурных подворий коммунистического режима ринулись в новую идеологию, обгоняемые разномастными новыми карьеристами, невольно наводила на мысль, что автор известного афоризма о патриотизме как последнем прибежище негодяев был абсолютно прав.

На обломках коммунизма "славные чекисты", оставшись без родной хозяйки-партии, возмечтали своими силами построить нацистско-православное царство. И в качестве одного из первых апостолов не нашли никого лучше Бабурина.

Его пухлые щечки, усы и борода эспаньолкой продолжали мелькать на красно-коричневых митингах разной масштабности, в президиумах, на тайных квартирах, на официальных приемах и на встречах с писателями,

где Бабурин блистал эрудицией, сравнивая съезды народных депутатов с "Бородинской битвой, где не будет победителей", предсказывая летом "пожар Москвы", а осенью — "бегство Наполеона".

Мартовский съезд, на котором Бабурин сражался, как гладиатор, чтобы одним ударом смести с арены и Ельцина, и своего старого соперника Хасбулатова, действительно, не выявил победителей.

Организованные Фронтом Национального Спасения весенне-летние беспорядки в Москве, хотя и не обошлись без человеческих жертв, к пожару столицы, слава Богу, не привели.

И вот наступила осень — назначенное Бабуриным время "бегства Наполеона"...

Бабурин слушал, как Хасбулатов, в голосе которого звучала скорбь, информировал собравшихся народных депутатов о том, что в стране произошел государственный переворот, подчеркнув, что кроме народных депутатов Россию спасти некому.

Спикер сообщил об уже принятых мерах: территориям дано указание провести сессии, установить контроль над прессой, радио и телевидением, в Москву вызваны на внеочередной съезд все депутаты. Организована и оборона Белого Дома. Ее возглавил генерал Ачалов, также народный депутат, — человек опытный, бывавший в переделках и похлеще.

Еще более скорбным голосом Хасбулатов сообщил коллегам, что в здании отключена правительственная связь — это очень затрудняет руководство страной — и ставит на голосование решение Верховного Совета о "немедленном включении правительственной связи"

Бабурин автоматически нажал кнопку "За".

Все присутствующие проголосовали единогласно.

Затем Хасбулатов огласил распоряжение Центральному банку — прекратить финансирование исполнительной власти. Это вызвало бурные аплодисменты.

Бабурин не хлопал, но его приклеенная усмешка стала несколько зловещей.

Все шло как-то медленно и томительно. Началась новая тягомотина. Хасбулатов стал зачитывать длинную телеграмму о том, что депутаты Октябрьского, Краснопресненского и Пролетарского райсовета Москвы признали указ президента на своей территории недействительным.

Снова бурные аплодисменты. И, наконец, переход к главному.

Ставится на голосование вопрос о лишении полномочий нынешнего президента Российской Федерации Ельцина Бориса Николаевича, посягнувшего на Конституцию страны и органы представительной власти.

В зале устанавливается напряженная тишина, отвечающая важности момента, взрываемая громом почти истерической овации.

Ста сорока четырьмя голосами при шести воздержавшихся президент Ельцин объявляется низложенным.

Тут же депутатам представляется новый президент России — Руцкой Александр Владимирович.

Переждав оглушительные аплодисменты, Руцкой занимает трибуну.

"Уважаемые сограждане! Довожу до вашего сведения, что с сегодняшнего дня в строгом соответствии с Конституцией и законами Российской Федерации я, Александр Руцкой, принимаю на себя исполнение обязанностей президента России..."

С этим заявлением Руцкой уже выступил два часа назад. Заявление было записано на кассету, которую предстояло размножить, отправив затем во все концы страны и мира.

Держа в руке брошюру с Конституцией РСФСР, Руцкой, пытаясь (тщетно) придать своему голосу какое-то подобие торжественности, приносит президентскую присягу.

Что касается Бабурина, то если он и умел что-то делать профессионально (или, по крайней мере, гораздо лучше других) — так это появляться у микрофонов в зале, что он демонстрировал на всех заседаниях Верховного Совета и съезда.

Вот и сейчас, не успели прозвучать последние слова присяги Руцкого, а Бабурин уже стоял у микрофона.

Не скрывая тоном некоторого превосходства, Бабурин посоветовал новому "президенту" немедленно назначить своих министров во все ключевые Министерства, в первую очередь, конечно, в так называемые "силовые", то есть своих министров обороны, госбезопасности и внутренних дел — трех столпов, на которых веками восседали все российские режимы.

"Очень дельное предложение", — соглашается Хасбулатов.

Руцкой с готовностью кивает и что-то записывает в книжечку.

Вид у него какой-то суетливый, что и понятно. После долгих месяцев гонений и опалы к роли президента надо привыкнуть. Нужно время. Хотя бы месяц

Следующим от микрофона выступает народный депутат Михаил Челноков — тоже большой мастер захватывать микрофоны и закатывать внутрипарламентские истерики.

Именно Челноков бросил якобы свои "ваучеры" в лицо вице-преьера Чубайса, хотя позднее выяснилось, что это были листки чистой нарезанной бумаги. Последнее три месяца, несколько выбитый из колеи результатами мартовского съезда и апрельского референдума, Челноков, пробиваясь к микрофону, постоянно возмущал спокойствие в зале, пробуждая даже вечно дремлющее "болото" воплями о точной информации, что к Белому Дому стягиваются бронетранспортеры со спецназом, ОМОНОм, "альфами" и "дельтами", что подписаны уже списки депутатов, подлежащих расстрелу на месте, аресту, интернированию, ссылке. Это случалось так часто, что даже его сторонники тихонько посмеивались.

Нет, эта власть слаба. Она не способна защищаться. Гнилая демократия.

Челноков предлагает немедленно снять с должности министра внутренних дел Виктора Ерина и назначить на это место его заместителя генерала Дунаева, недавно снятого с должности указом президента. На этот раз кивали головами синхронно и Хасбулатов, и Руцкой.

22 сентября 1993, 01:30

Виктор Анпилов появился около Белого Дома во главе относительно небольшой колонны своих сторонников из организованной им партии "Трудовая Москва". У здания Верховного Совета шел непрекращающийся митинг.

С балкона, меняя друг друга, выступали неизменные митинговые ораторы, вроде лидера коммунистов Зюганова и неистойвой Умалатовой. Но как митинговые ораторы они и в подметки не годились Виктору Анпилову.

Если верно, что Всевышний создает каждого человека для выполнения какой-то конкретной задачи, то Анпилов, можно с уверенностью сказать, был создан специально для митингов. Никто лучше него не умел

завести толпу простыми криками: "Смерть оккупационному правительству!", "На виселицу всех, кто поднимет руку на нашу социалистическую Конституцию!", "Мы уничтожим любого, кто..." и тому подобное.

В прошлом третьеразрядный радио-журналист и мелкий стукач-провокактор КГБ, работающий с диктофоном в кармане и провоцирующий своих друзей и сослуживцев на "рискованные высказывания", а затем передающий эти пленки "куда следует", Анпилов нашел применение своим талантам только в эпоху демократии, получив, наконец, достойное его задание.

Крики "Кровавый палач Ельцин!", которые так любили реветь в микрофоны большие и малые лидеры "Фронта национального спасения", не влекли за собой никакой ответственности, ни юридической, ни моральной, ибо в условиях российского варианта демократии от клеветы и оскорблений не был огражден даже глава государства.

В России всегда, когда перестают вырывать языки за "хулиганские слова в адрес верховной власти и особе ее представляющих", начинается нечто совершенно невообразимое.

В свое время первый секретарь одного из московских райкомов партии как-то выразил сомнение, что товарищу Сталину так уж к лицу тот френч, в котором "вождь всех народов" постоянно появлялся на людях. Секретарь пропал в тот же день, до сих пор не реабилитирован, и его семья не получает никакой пенсии.

Немного позднее один из аппаратчиков ЦК поделился с каким-то дружкой своим впечатлением о том, что "товарищ Брежнев что-то последнее время неважно выглядит". Времена уже были до неприличия либеральными, поэтому аппаратчика просто выгнали с работы за "распространение клеветнических измышлений", затем нагрянули с обыском домой и на дачу, нашли довольно большую сумму в долларах, начали следствие и довели человека до инфаркта.

Теперь же на эти крики о "кровавом палаче" никто никак не реагировал. Ну, может быть, какая-нибудь либеральная газетка и задавала вопрос: как же так можно оскорблять впервые в истории России всенародно избранного президента? Но эту газету можно было разыскать разве что в какой-нибудь Центральной библиотеке.

Все было бы ничего, но подобная индифферентность действовала на нервы крикунам, и — что самое

главное — сами крики не приносили им желаемого удовлетворения, а потому и звучали весьма фальшиво.

Уж очень хотелось, чтобы власти постреляли кого-нибудь, хотя бы из пулемета. Но кого? Тому, кто кричал, естественно, не то что под пулеметы, но даже и под милицейские дубинки лезть совершенно не хотелось.

Даже товарищ Зюганов, заявивший как-то, что "не пожалеет жизни" во имя светлых идей, не мог четко ответить на вопрос одного наглого журналиста: "О чьей жизни идет речь — его собственной или кого-то другого? Стал заикаться и что-то путанно объяснять на тему "социальной справедливости".

Поэтому задание, возложенное на Анпилова, выглядело грандиозным и заложило основу одного из самых гнусных преступлений в послевоенной истории...

В Москве, как, впрочем, и во всех крупных городах, имелось огромное количество бездомных и бродяг, официально именуемых в криминальных и социологических сводках как лица категории БОМЖ и З (что означало Без Определенного Места Жительства и Занятий). Ибо сами слова "бродяга" или "бездомный" до недавнего времени было категорически запрещено употреблять, да и в наши времена эти слова употребляются сквозь зубы и с неохотой.

В одной Москве "бомжей" было, если верить милицейским сводкам, более ста тысяч. Крушение СССР и экономический кризис, обрушившийся на Россию, почти удвоил их число за счет беженцев, бежавших из так называемых "горячих точек" бывшего Союза, где русское население неожиданно превратилось либо в "оккупантов", либо в "нежелательных иностранцев без гражданства". Спасаясь от резни, тысячи семей, бросая дома и нажитое за многие годы имущество, стремились в Москву, надеясь, что Родина-мать окажет им хоть какую-то помощь. И, как всегда, ошибались.

Бомжи жили на вокзалах, в подвалах домов и на чердаках, в заброшенных "долгостроях" и бомбоубежищах, в палаточных городках, разбитых прямо на центральных улицах столицы, крутились на многочисленных рынках и барахолках, стихийно возникающих во многих районах гигантского города, чье население, в который уже раз в истории, думало не о жизни, а о выживании.

Бомжи, как и все бродяги в мире, менее всего уважали какие-либо законы, а в сегодняшней Москве, где

вал уголовной преступности грозит сокрушить все правоохранительные структуры и затопить город, огромное количество бродяг можно нанять для совершения любых преступлений. Тем более, что значительный процент бомжей составляют молодые и крепкие мужчины. Другие просто не выдерживают подобной жизни.

Именно из бомжей Виктор Анпилов и предложил создать партию, которую, со свойственным ему удачным цинизмом, назвал "Трудовая Москва", а позднее — "Трудовая Россия". В самом деле, нанятый на вокзалах и толкучках контингент очень напоминал пролетариев в их классическом изображении на полотнах времен социалистического режима.

Но, как ни подходи к этому вопросу, необходимо признать, что хотя эти люди и не представляли рабочий класс, в новые вожди которого метил Анпилов, они безусловно являлись обездоленными и выброшенными из общества по миллиону различных причин.

Работать с подобными людьми было достаточно легко. Бомжи рады любому заработку и, в принципе, готовы на любую самую грязную и тяжелую работу, если кто-нибудь рискнет эту работу им предложить.

Имея огромные фонды, Анпилов мог нанять подобных людей на "многотысячные народные демонстрации" под любыми флагами и лозунгами. В начале каждому платили от 25 до 50 рублей. Как обычно из толпы быстро выделились прирожденные лидеры и "особопонятливые", которые сразу стали получать больше.

По мере инфляции "гонорар" повышался, и к маю 1993 года некоторые активисты уже за разовую акцию получали до 20 тысяч рублей. В толпе бомжей можно было растворить небольшие, но хорошо обученные, группы профессиональных уличных бойцов, которых особо отбирала специальная служба, открытая при Фронте национального спасения и напечатавшая по этому случаю даже специальные анкеты для лучшего отбора.

Все бродяги имеют склонность к спиртному. Водка помогает выжить в тех нечеловеческих условиях, в которых приходилось им существовать. Это требовало дополнительных расходов, но позволяло, в случае необходимости, использовать специальные наркотики, превращающие людей в злобных роботов, запрограммированных на сокрушение.

Однако была необходима и какая-то идеология. Для бродяг их главным врагом, а вместе с тем и воплощением наивысшей власти, всегда был участковый, а то и просто постовой милиционер.

Вид милицейской формы вызывал в них смешанное чувство страха и ярости. Милиция, как правило, с ними никогда не церемонилась, но и им приходилось порой отводить душу в рукопашных схватках, проходящих чуть ли не ежедневно в темноте паутины подвалов, переходов и проходных дворов гигантского, загаженного, кишашего крысами и дико уголовной шпаной лабиринта, в который была превращена "столица мира, сердце всей России".

Другими словами, это был замечательный контингент, генетически настроенный на столкновение с органами правопорядка.

Но этого было мало. Просто натравливать толпу на милицию, да еще за собственный счет, было бы и глупо, и вульгарно. Необходима была и какая-то политическая подоплека.

Рассказывать бомжам сказки о социальной справедливости, царящей повсеместно в годы коммунистического режима, было бы самоубийством. Кто-кто, а они то познали эту самую "коммунистическую справедливость" лучше других на собственных шкурах.

Объяснять им бесперспективность рыночной экономики в реальных условиях России? Объяснять им все преимущества парламентской республики перед президентской? Доказывать ненужность в России самого института президентства? Плакать о превращении России в сырьевой придаток Запада? Звать их в поход к теплым водам Индийского океана и разьяснять, что Кувейт является законной провинцией Ирака? Доказывать, что именно конверсия ВПК погубит Россию?

Нет. Все это было от них настолько далеко, что явно не произвело бы ни малейшего впечатления.

"С массами,— учил Ленин,— надо говорить на языке им понятном". А потому великий вождь и выиграл дебют своей смелой игры, когда зажег сознание масс гениальным лозунгом "Грабь награбленное!"

Новый вождь пролетариата ничего нового, естественно, придумать не мог, а потому пустил в дело, пусть старый, но вполне отработанный и редко дающий осечку метод, хотя и несколько затасканный от частого употребления.

Было доходчиво объяснено, что в данном момент в России власть захватило жидовское правительство во главе с Беней Элцером. Фамилия варьировалась на разных политзанятиях: Элькин, Эльцман и тому подобное.

Выбор простой: или ты за жидов, или — против. Если против, вступай в наши ряды и иди бить тех, кто не с нами.

От ста до четырехсот бродяг по разным причинам гибнут в Москве ежедневно. Даже при наличии явных признаков насильственной смерти или же зверского убийства правоохранительные органы никогда не снисходят до проведения какого-либо следствия. "Убит в очередной разборке", и все. Никто не ищет пропавших, никому они не нужны. А вчерашние собутыльники, молча, помянут приятеля, имени которого они зачастую просто не знали. Помянут, если найдут, что выпить.

Это был идеальный контингент, которым решили пожертвовать во имя светлого будущего оставшихся без власти партийных функционеров всех мастей.

НО ВЛАСТЬ УПОРНО ОТКАЗЫВАЛАСЬ СТРЕЛЯТЬ.

В июне 1992 года Анпилов испытал свое воинство в условиях, максимально приближенных к боевым, если выражаться военным языком.

Он повел толпу на штурм телестудии "Останкино" под нехитрыми лозунгами "Бей жидов!", "Смерть жидам!", "Долой жидовское телевидение!", "Убирайтесь в Израиль!" и тому подобных.

Таким способом подошедшая партия пыталась восстановить потерянный контроль над электронными средствами массовой информации.

Надо отметить, что навербованные Анпиловым бомжи и их прошедший политминимум "актив" оправдали каждый рубль из денег КПСС, который Анпилов вынужден был на них истратить.

Лихие лозунги анпиловского войска мирно уживались с немногочисленными красными флагами и портретами общепризнанных классиков марксизма-ленинизма Ленина и Сталина. Еще Гитлер заметил, что самые лучшие нацисты получаютя из бывших перековавшихся коммунистов. И был совершенно прав.

Лихие "анпиловцы" с упоением лупили своими лозунгами и фанерными портретами великих вождей милиционеров и работников телевидения. Хором ревели: "Смерть жидам!" Плевали в лица проходящим на работу

дикторшам и ведущим, чьи облики знала вся страна. Стекла студии сыпались под градом камней.

НО ВЛАСТИ НЕ СТРЕЛЯЛИ.

Несколько дней продолжалась оргия у главной телестудии страны.

На крытых грузовиках армейского типа беснующейся толпе подвозили водку. По этой причине и по причине полной безнаказанности ряды "анпиловцев" росли, формируясь у Рижского вокзала в колонны и двигаясь нестройными рядами к месту "боя".

Власти не только не стреляли, но и пошли на переговоры с Анпиловым, рядом с которым во всем блеске своей формы генерал-полковника находился и Макашов. Держа перед собой громкоговоритель, Анпилов ревел простые и ясные лозунги: "Пусть оккупационное, антирусское (ему приходилось в публичных заявлениях несколько ограничивать себя в эпитетах) правительство услышит могучий голос трудового народа!". "Бей жидов!" — редела пьяная толпа.

На переговорах выяснилось, что оппозиция всего-навсего требует фиксированного времени на телевидении, чтобы донести помыслы и чаяния "Трудовой Москвы" до всей России. Но на это требовалось, оказывается, столько эфирного времени, что переговоры зашли в тупик. Анпилов заявил, что в противном случае ему не удастся удержать "пролетариат" от разгрома телестудии, на которую его питомцы смотрели уже как на еврейскую лавочку где-нибудь в Кишиневе в начале 90-х годов.

НАКОНЕЦ, У ВЛАСТЕЙ ЛОПНУЛО ТЕРПЕНИЕ.

22 июня 1992 года, в 51-ю годовщину нападения Германии на СССР, также на рассвете, милиция разогнала пикеты и палаточные лагеря "анпиловцев", окруживших "Останкино". У Рижского вокзала была рассеяна спешащая на помощь толпа.

Привыкшие к безнаказанности "пролетарии" пытались оказать сопротивление, но у милиции был большой опыт обращения с подобной публикой.

Несколькими ударами резиновых дубинок толпа была приведена в чувство, а вид подъехавших "воронков" побудил ее оставить поле боя.

Сам Анпилов, как водится, в это время отсутствовал, но в тот же день собрал летучий митинг у одной из станций метрополитена и объявил, что при разгоне тру-

довсго народа были зверски убиты 7 человек, чьи трупы тайно увезли на грузовике в неизвестном направлении.

Ни фамилий погибших, ни места их работы Анпилов назвать не мог. Работать никто из "Трудовой Москвы" никогда не работал, а фамилий их Анпилов скорее всего и сам не знал. Очень многие в его войске были "одноразовками". При разгоне этого сборища при "Останкино" обнаружилась некая тактическая новинка: десятка два старушек с лицами добрых бабушек из народных сказок подбегали к милиционерам, вопрошая: "Сынок, ты что за жидов?"

Милиционеры зверели, но не отвечали, продолжая выполнять приказ. В России очень трудно отвечать на подобные вопросы.

Но все, кому надо, заметили, что они сильно смущены, и приняли это к сведению. Старое оружие, подобное топору, к которому постоянно звали Русь "анпиловцы", надежно в своей примитивности.

Конечно, было бы неправильно утверждать, что в "Трудовой Москве" собрались одни бродяги и бомжи.

В партии, разумеется, был и "актив", в который помимо самого Анпилова входили еще человек двадцать, главным образом, — оставшиеся без работы молодые партработники на уровне заводских партбюро, чье безделье средней сытости и возможность гадить всем подряд в рамках родного предприятия закончились, что было обидно и вызывало вполне понятную пролетарскую ярость. Это был замечательный "актив", для которого даже банда Геннадия Зюганова считалась "гнездом оппортунистов", не говоря уже обо всех остальных.

Когда во время осады "Останкино" власти, чтобы избежать беспорядков и кровопролития, пошли на переговоры с Анпиловым, тогдашний руководитель "Останкино" Егор Яковлев спросил у пламенного борца за народное счастье: "Вы говорите, что оппозиционерам времени не дают. Да, посмотрите, кто у меня с экрана не сходит — Павлов, Бабурин, Константинов".

Перебивая руководителя телевидения, Анпилов неожиданно заорал: "Они не оппозиция, а дерьмо!"

С этим определением никто спорить не решился, но было совершенно очевидно, что Анпилов действительно не пожалеет ни чьих жизней, кроме, конечно, собственной, для оправдания того высокого доверия, которое ему так неожиданно оказали.

Между тем, в Москве уже начали огромным тиражом распространяться листовки с портретом "народного героя", под которым были начертаны пламенные слова:

Товарищ Анпилов,
Раздайте патроны,
И в бой нас веди,
Генерал Макашов!

Подобные призывы требовали соответствующей отдачи, а нерешительное поведение властей, столь ярко продемонстрированное при великой осаде "Останкино", вдохновляло на новые подвиги.

Перед Первомайскими праздниками 1993 года колонна "Трудовой Москвы" была перемешана с так называемыми "офицерами" из тереховского "Союза офицеров" и примерно десятком-другим хорошо обученных уличных бойцов, натасканных различными группировками "Фронта национального спасения". Удалось спровоцировать мощные, давно невиданные в столице уличные беспорядки, в результате которых многие получили ранения, а один милиционер был убит.

Сам Анпилов в "сражении" с милицией, естественно, не участвовал, но на многолюдном митинге перед шествием так орал: "Вперед! Сметем... Уничтожим!", что даже у совершенно безразличной московской прокуратуры возникло желание его допросить. Однако это было сложно сделать, поскольку Анпилов, будучи депутатом Моссовета, имел "парламентский иммунитет".

А между тем, надвигалось празднование 9 Мая, во время которого Анпилов пообещал продемонстрировать такое шоу, что Первомайские события покажутся "елочным праздником" в детском саду.

Власти, задерганные и озверевшие от недавних событий, разъяренная милиция, потерявшая своего бойца убитым и многих ранеными, — все пообещали принять "меры", от которых никому не поздоровится.

Мэр Москвы Юрий Лужков запретил все несанкционированные митинги и шествия на День Победы, на что "Трудовая Москва" и "Союз офицеров" хором ответили, что им на все запреты наплевать. Они проведут задуманные мероприятия в любом случае.

В Москву стали срочно стягивать подразделения ОМОНа из области и соседних городов. Командиры спецназа давали короткие интервью телевизионным программам, где обещали разделаться со смутьянами какими-то новыми, еще не применявшимися методами.

В итоге наиболее буйные руководители "оппозиционных" массовок — Проханов, Лимонов, Астафьев, Павлов и Филатов во главе с генералом Макашовым неожиданно укатили в Севастополь поднимать народ на борьбу против украинских оккупантов, оставив Москву полностью в распоряжении Анпилова и Терехова. И в этот момент Анпилов... исчез.

8 мая Анпилов был вызван в городскую прокуратуру, где должен был дать показания о кровавых беспорядках 1 Мая. Анпилов доказывал, что первомайские события были спровоцированы оккупационными властями, вызвавшими стихийное возмущение трудового народа. Поскольку переубедить его не удалось, а задержать в связи с неприкосновенностью было нельзя, Анпилова отпустили. После чего он и исчез.

Как выяснилось позднее, Анпилов шел на встречу со своим "активом" из бомжей, которые, памятуя о первомайских днях, когда многим из них пришлось отведать милицейских дубинок и кулаков, потребовали на 9 Мая, то есть на завтра, деньги вперед.

В итоге Анпилов, забыв главную заповедь вождя о том, что трудовой народ никогда не должен лицезреть своего фюрера иначе, как на трибуне, напился с "активом" до такого состояния, что был обнаружен только через сутки избитым и в состоянии глубочайшей похмельюги. От нового вождя мирового пролетариата несло, как от ликеро-водочного завода.

Анпилов пытался отделаться от "актива" водкой, а выделенные для них средства, триста тысяч рублей, положить себе в карман, поскольку у вождя всегда больше трат, чем у народа.

Когда-то это удавалось. Но, как указывал еще Ленин, сознательность пролетариата очень быстро растет в условиях революционной борьбы. "Актив", не отказавшись от халявной выпивки, забыв, что ему была оказана великая честь пить вместе с вождем, потребовал и "бабок". А поскольку вождь попытался возражать, то быстро получил "в глаз", был обобран и выброшен на улицу протрезвиться.

Поскольку неявка Анпилова на митинг была замечена всей страной и могла только сравниться с неявкой Андропова на ноябрьские торжества 1983 года, все ждали объяснений. Андропов, как известно, умирал (и вскоре умер), поэтому многие решили, что только смерть могла помешать Анпилову явиться на митинг. Было

также замечено, что и многие "активисты" "Трудовой Москвы" равным образом проигнорировали мероприятие, которое, руководимое нерешительным Тереховым, прошло на редкость скучно и тихо.

Анпилову пришлось срочно сочинять легенду, которая для выпускника факультета журналистики МГУ выглядела жалкой и примитивной. Впрочем, знавшие Анпилова по журналистской работе утверждали, что все публикации вождя всегда отличались примитивизмом и были шиты белыми нитками.

По версии Анпилова, когда он вышел из городской прокуратуры, имея при себе триста тысяч партийных денег (якобы членских взносов рабочих, состоявших в "Трудовой Москве"), сразу же обнаружил за собой слежку. Поэтому, чтобы сбить "хвост", он, Анпилов, направился с Пушкинской улицы в центре Москвы, где располагалась прокуратура, петлять по столичным переулкам и в итоге оказался аж в Бутово — на дальней и весьма подозрительной окраине, которую и Москвой-то нельзя было назвать. Бутово известно как район, наиболее кишущий бомжами.

По версии Анпилова, именно в Бутове его и схватили неизвестные, одетые в "камуфляж" без знаков различия. Ему сунули в рот кляп, надели наручники, завязали глаза и повезли куда-то "в подмосковный лес".

Там вождя мирового пролетариата, по его словам, "профессионально избили". Избить профессионально — это значит не оставить на теле избиваемого никаких следов. "Партийный актив", разумеется, подобным искусством не владел, а разбитый лик вождя и огромный лиловый фонарь под глазом говорили совершенно обратное — били от души, но не профессионально. Затем в Анпилова "силой влили бутылку водки", отняли триста тысяч партвзносов и выкинули из машины в какую-то канаву, как и положено коварным классовым врагам.

Был у Анпилова очень тяжелый разговор с куратором — полковником Воробьевым. Анпилов врал и извизгался, но в итоге все рассказал как на духу.

Полковник посочувствовал: "Тяжелая у тебя работа, Виктор Иванович, с таким контингентом надо всегда ухо держать востро. Еще хорошо отделался, могли убить запросто. Я эту публику знаю".

Вместе придумывали версию, дабы обвинить во всем "оккупационное правительство". Версию кое-как

состряпали, но долго не могли придумать: на кой ляд это все понадобилось "клике Ельцина"?

Порешили так: власти-де решили, что похищение Анпилова "спровоцирует массовые столкновения трудового народа с ОМОНОм, которые перейдут в бойню с объявлением по всей стране чрезвычайного положения и установления кровавой диктатуры Ельцина".

Подобные слова, правда, сам Анпилов сказать не решился. Сложновато. Так что произнести их пришлось лично товарищу Зюганову на пленуме ЦК своих, по словам Анпилова, "дерьмовых оппортунистов". Благо, что куратор был общий.

От себя Зюганов добавил, что власти вообще задумали убийство Анпилова, и это ужасное злодеяние было сорвано только мощной "трехсоттысячной демонстрацией рабочей Москвы", которой, естественно, никогда не было. Но коммунисты уж таковы: они считают, что навеки себя опозорят, если хоть раз скажут правду...

Несмотря на полную нелепость анпиловской версии, а, может быть, именно благодаря этой нелепости, соратники Анпилова решили превратить его майские приключения в пролетарский подвиг, очень, кстати говоря, напоминающий "подвиг" Хорста Весселя с той лишь разницей, что Вессель все-таки погиб в пьяной драке, а Виктор Иванович уцелел.

Сажи Умалатова, единственный оставшийся в стране человек, имеющий право присваивать звание Героя Советского Союза, предложила удостоить этим званием Анпилова по представлению "трудового народа".

Пока сообщники Анпилова собирали подписи для представления, события в стране развивались столь стремительно, что вскоре забылись почти все анпиловские подвиги, а галопирующая инфляция превратила 300 тысяч пропавших партийных рублей в сумму, о которой даже было стыдно вспоминать...

Неблагодарных бомжей в "Трудовой Москве" несколько разбавили пенсионерами и ветеранами, считая, что они окажут благотворное влияние друг на друга. Набрать их было не трудно, ибо гайдаровские реформы больше всего ударили именно по пенсионерам, фактически уполовинив им реальный жизненный уровень и превратив в пыль те накопления, которые люди собирали всю жизнь в надежде на обеспеченную старость.

Выступая перед сбитыми с толку и выбитыми из привычной жизни стариками, Анпилов с проникновенным

лицом говорил мягким голосом: "Как у нас было в старые времена, товарищи? И хлеба горбушку и ту пополам... Справедливо было". Старики молча слушали и кивали.

Хитрил коммунист Анпилов, а прекрасно знал: если бы покойная КПСС не стала на народной крови столь неумно жадной — не то что "пополам", а и тысячной долей не желала делиться с населением и сбежала, обобрав это население до нитки, вызвав сегодняшний кризис — то процарствовала бы родная партия еще тысячу лет, держа Виктора Ивановича в мелких провокаторах.

А ныне перед его воспаленным взором открывалась дорога чуть ли не в вожди. Хотя те, кто направлял Виктора Ивановича, посмеивались над его амбициями, поскольку по одному из планов (в случае его удачной реализации) самого Анпилова предусматривалось ликвидировать с целью превращения его образа в воспитательную легенду по образцу Павлика Морозова.

Но пока его "армия" была нужна. И не только для дестабилизации обстановки в Москве (за пределами столицы "трудороссы", как их иногда называли, были практически неизвестны. Даже "Трудовой Ленинград" в подметки не годился московскому, поскольку там не связывались с бродягами, а пытались на вербовать людей на заводах. Это было ошибкой, поскольку между настоящим рабочим и люмпеном — бездонная пропасть). Главной же задачей, неизвестной даже самому Анпилову до конца, было стремление подставить его "армию" под пули потерявшего терпение правительства и тем самым подтвердить тезис о кровавости и бесчеловечности последнего.

Если бы этого удалось добиться, то при известных обстоятельствах можно было бы обвинить либо власти, либо самого Анпилова, либо их вместе, но в любом случае подобное событие могло дать в нынешней нестабильной ситуации хорошие политические дивиденды всем, кто привык их высасывать вместе с кровью...

Едва узнав об указе президента и получив дружеское напутствие "Давай, Витя, не подкачай!", Анпилов стал собирать "актив". К его удивлению "актив" встретил это известие без всякого энтузиазма. Жизнь в экстремальных условиях, а другими словами — нечеловеческая жизнь, воспитала у бродяг шестое чувство, своего рода инстинкт, подсказывающий им предел, ту самую "красную черту", за которую лучше не переступать.

Даже "ветераны" осады "Останкино", почуяв неладное, отказывались, отнекивались, требуя повышенной оплаты, обещая подойти позднее, но по их глазам Анпилов видел, что к Белому Дому они не пойдут, по крайней мере — сегодня ни за какие деньги. Поэтому вместо огромной толпы, которая по плану должна была запрудить центральные улицы столицы, Анпилов подошел к зданию Верховного Совета примерно с сотней сторонников, половину которых составляли пенсионеры.

Наоравшись с балкона и прослушав скандирование старческими голосами: "Савецкий Союз! Савецкий Союз!", Анпилов прошел в здание и направился в столовую. Во-первых, нужно было перекусить: он выскочил из дома сразу после речи президента и уже проголодался. А во-вторых, он знал, что в чрезвычайной сессии объявлен перерыв, и большинство депутатов находятся в столовой.

Однако, войдя в столовую, где нардепы, сидя по двое, трое за столиками, что-то оживленно обсуждали, жуя "таганские" сосиски и ковыряясь вилками в тарелках со шпротами, Анпилов решил не стоять в буфетной очереди, а сразу перейти к делу.

Проходя между столиками, как ходили застрельщики на Новгородском вече, Анпилов стал громко призывать депутатов, чтобы те потребовали выдачи "народу" оружия. "Вооружить народ!" — это именно то, к чему по легенде призывал некогда Ленин. "Народ, — орал на всю столовую Анпилов, — должен получить оружие, чтобы иметь возможность защищаться от диктатуры до последней капли крови. Смерть диктатору!"

За одними столиками неприлично захохотали, восприняв появление коммунистического вождя, как появление коврового клоуна на арене. Другие, сосредоточив все внимание на еде, делали вид, что вообще не заметили появления Анпилова. Лишь немногие, готовые защищаться до "последней капли крови анпиловских бомжей", встретили появление Виктора Ивановича криками восторга и хлопанием в ладоши.

Вошедший в этот момент в буфетную генерал Макашов, увидев Анпилова, поморщился. Он не любил этого, вечно размахивающего руками, фигляра и шпака и не скрывал этого, хотя им часто за последнее время приходилось действовать совместно. Кроме того, побывав на балконе, Макашов мог убедиться, что на защиту Белого Дома пришли не более полутора тысяч человек, в основ-

ном "профессионалов", для которых митинги и крики стали в последнее время не только образом жизни, но и единственным источником дохода (кроме пенсий, у кого они были). Генерал хотел было перекусить на скорую руку, но ожившая трансляция призвала всех депутатов срочно собраться в зале.

22 сентября 1993, 02:15

Александр Руцкой, стоя на трибуне, переждал бурные аплодисменты, призывая присутствующих поднять руки успокоиться. Он собрал всех в зале, чтобы огласить свои первые указы, подписанные им в качестве президента страны. Зал затих.

Согласно представлению избранников народа (кивок в сторону Сергея Бабурина) он, пользуясь властью президента Российской Федерации, отстраняет своим приказом от должности нынешнего министра обороны генерала Грачева и министра государственной безопасности генерала Галушко. На их места назначены: министром обороны — генерал Ачалов, министром безопасности — генерал (Руцкой сделал паузу) Баранников.

Легкий шумок прокатился над залом. Все обернулись в сторону новых министров, сидящих в зале.

Генерал Ачалов, улыбочиво поклонился представителям народа. Его круглое лицо дышало, если так можно выразиться, лихим оптимизмом.

Генерал Баранников, напротив, сидел с невозмутимым, даже несколько печальным видом. Совсем недавно, в марте, когда на Васильевском спуске президент обращался к толпе народа, явно давая понять, что не намерен подчиняться никаким решениям Верховного Совета, поставившим на голосование вопрос об "импичменте", Баранников вкупе с другими силовыми министрами Грачевым и Ериным стоял рядом с Ельциным, демонстрируя безусловную преданность.

Его поведение в те дни вызвало даже раздраженную реплику Хасбулатова. "Баранников — это кто? Министр или адъютант?" Но не прошло и нескольких месяцев, как президент выгнал его как несоответствующего должности, и тут же на него начали вешать всех собак. Он молчал, поскольку знал, что на это у президента были все основания. Ведомство, которое он был поставлен возглавлять, приняло его как чужака и отторгло из-за абсолютной несовместимости элитарного монстра с бывшим участковым инспектором. В короткий

период его деятельности сотрудники КГБ, ухмыляясь, стали называть себя "чекаменстами". И это в министерстве, где платили головами и за менее ехидные штучки в адрес руководства.

Если при карабкании по служебной лестнице нужны только азарт и наглость в сочетании с острым эгоцентризмом, то для тихого ухода из большой политики, минуя тюремную камеру, в России всегда требовались большое мужество и ум.

Мужество у Баранникова было и ум вроде тоже, но последнее время он настолько запутался в своих делах с Руцким, что понимал: падение, окончательное падение вице-президента приведет к таким разоблачениям их совместной коммерческой деятельности, что ему навсегда придется забыть о спокойной старости на приватизированной даче. Что он сломает жизнь и себе, и своей семье, которую он нежно любил.

Увидев, что чаша политических весов вдруг резко качнулась в пользу Руцкого, Баранников сам пришел в Белый Дом и предложил свои услуги. Надо сказать, что кандидатов на место "параллельного" министра госбезопасности было много, особенно из бывших генералов КГБ, выгнанных из системы еще после "августовского путча", но Руцкой, сохранив менталитет рядового полковника, как и всякий советский человек, смертельно их боялся.

А Баранникова как-никак он хорошо знал и знал нечто такое о нем, что позволяло надеяться, что бывший участковый инспектор именно его, Руцкого, не сдаст, хотя бы из любви к самому себе. Все-таки опыта у Руцкого было недостаточно, чтобы понять: при кажущейся надежности круговой поруки — это самая ненадежная из основ любого фундаментального строительства.

Что касается самого Баранникова, то он, веря в счастливую звезду лихого вице-президента, многим напоминающего кинообраз Чапаева, логикой юриста увидел, что президент Ельцин своим последним указом поставил себя в отношении права в безнадежное положение.

Поэтому у бывшего министра, к которому, помимо всего прочего, неожиданно еще потянулись ниточки по поводу недавнего убийства на северном Кавказе Виктора Поленичко, просто не было другого выбора, как явиться в Белый Дом, попытавшись одним махом сбросить с себя все старые грехи и проколы.

Хасбулатова Баранников недолюбливал, считая его выскочкой. Кроме того, подобно очень многим, воспитанным в духе коммунистического "интернационализма", который фактически всегда был, а в конце своего существования и открыто превратился в одну из форм расизма, Баранников очень настороженно относился ко всем представителям так называемых "нацменов", особенно после долгой службы в Баку под руководством знаменитого Гейдара Алиева.

Сам Хасбулатов, как и всякий выскочка, а также и по известным причинам, тоже побаивался всего, что связано с КГБ, а уж тем более самого министра, кем бы он ни был и как бы его ведомство ныне ни называлось. А потому всячески пытался установить с ним наиболее хорошие отношения. Он даже подарил от имени Верховного Совета Баранникову на день рождения символ его профессии — пистолет с именной надписью.

Справедливости ради надо сказать, что Виктор Баранников был предан президенту Ельцину уже хотя бы потому, что долгая служба на высших должностях в советских правоохранительных органах научила его, что путь наверх и, что самое главное, служба наверху зависят исключительно от проявления преданности тому или иному владыке персонально. Главное — правильно поставить на кон, то есть выбрать такого властелина.

В свое время он ставил на Алиева, потом — на Ельцина. Ельцину он понравился настолько, что, вопреки логике, президент послал его реформировать под себя КГБ, надеясь на то, что человек, не варившийся до этого во внутренностях монстра, сумеет его приучить. Это была не первая и не последняя ошибка президента Ельцина. Да, Баранников ничего не знал о "Барнаульском заговоре". Потому что ему не докладывали. Но против него был выдвинут ряд и других обвинений.

В последнее время Министерство безопасности стало фактически смыкаться с наиболее оголтелым и непримиримым крылом Верховного Совета и Генеральной прокуратуры, пытаясь всеми силами сорвать преобразования в стране и повернуть ее на старый проверенный путь военно-феодальной империи. Баранников был в этом не виноват лично.

Старый КГБ, у которого не было мозгов, но был инстинкт самосохранения, именно благодаря этому инстинкту тянулся к чему угодно, что могло продлить его существование. И никакие министры не могли заставить

его поступать иначе. В лучшем случае монстра можно было заставить сидеть тихо, подобрав под себя большую часть щупальцев. Но это было Баранникову явно не под силу.

Отторгая его как постороннее тело в собственном организме, монстр заставил его работать на себя. Подпись Баранникова красовалась на секретных приказах по возбуждению уголовного преследования против последней горстки народных депутатов, не разделяющих позицию взбесившегося Верховного Совета: Льва Пономарева, Глеба Якунина и Виктора Миронова, которого хотели уж было взять под стражу по печально знаменитой 70-й статье УК РСФСР, считавшейся многими уже упраздненной. И напрасно. Она не была упразднена, а была всего лишь приостановлена. Это был такой, чисто советский, юридический трюк — приостановление действия наиболее одиозных статей уголовного кодекса. Пустить их в ход было делом шести секунд.

И, конечно, монстр желал продолжать заниматься своим любимым делом — политическим сыском, а поскольку Баранников был министром, то обязан был подавать в этом пример. Тогда бы он имел шансы стать своим.

Это устраивало Баранникова, но не устраивало президента, понимающего, что монстр, дай ему волю, проглотит и его самого со всем окружением в один присест.

Он выгнал Баранникова, и пресса все правильно поняла, объявив об этой новости под забавным заголовком: "Министр Баранников наступил на грабли".

Ставка на Ельцина оказалась битой. До этого все желания монстра совпадали с желаниями владык, и работать было проще.

Все, что осталось от его бывшего капитала-авторитета, генерал Баранников решил поставить на Руцкого, оценивая выигрыш как 60 против 40.

Пикантным было то, что он, будучи министром безопасности около двух лет, так и не сумел толком узнать, чем занимается Управление безопасности по Москве и Московской области, возглавляемое бородатым диссидентом генералом Савостьяновым.

Пришельцу, попавшему внутрь монстра, а не выросшему в нем, почти невозможно разобраться во всех хитросплетениях нервной системы чудовища, откуда идут сигналы на тысячи щупалец в условиях сверхкон-

спирации и совершенно запутанной, особенно за последнее время, подчиненности.

Савостьянов, еще более чужеродный пришелец, чем он, тем не менее так вписался в самое чудовищное и хищное управление, как будто не вылезал из него со времен Лаврентия Павловича. Он был исключительно вежлив, улыбчив и полон, выражаясь несколько старомодно, почтительности. Но чем он занимается в условиях запрещения политического сыска, так толком не знал и сам министр. Торговцы наркотиками, торговцы оружием, торговцы государственными секретами и все такое прочее — победно укладывались в сводки и отчеты, съедали почти все время на оперативных заседаниях коллегии, но оставляли чувство какого-то неудовлетворения.

Баранников-то знал сколько человек из Московского Управления занимаются этими вопросами, а что делают остальные, то есть 70%? Чем занята огромная армия столичных осведомителей, сведенная еще Андроповым в придаток Московского Управления и продолжающая получать жалование?

Все происходящее ныне в Белом Доме Баранникова совсем не приводило в восторг. Он был мрачен и молчалив, как игрок, который пришел в казино, чтобы сделать последнюю ставку, отлично сознавая, что все теперь зависит от милости судьбы. И предстоящая ему работа его совсем не вдохновляла.

Короткий разговор с Руцким показал ему, что то, что от него ждут, по крайней мере, на первом этапе, так это подписать большое количество ордеров на арест. Говорить об этом было невозможно, да, и не хотелось. Поэтому на лице генерала не было никакой радости от нового назначения...

Притихшие нардепы ждали: кого Руцкой назначит министром внутренних дел? Оказывается, что новый президент еще не решил, поскольку у него две основные кандидатуры: бывший министр внутренних дел еще СССР Власов и бывший замминистра генерал Дунаев, выгнанный с должности вместе с Баранниковым указом президента по представлению генерал-полковника Ерина, нынешнего министра внутренних дел.

Со времен министерства Власова прошла целая эпоха, и вряд ли он ныне с его методами руководства смог бы правильно контролировать ситуацию. Да и в самом МВД почти уже не осталось людей, на которых

бывший первый секретарь Ростовского обкома КПСС, продвинутый в свое время Андроповым на должность министра, мог бы по-настоящему давить.

Другое дело, Андрей Дунаев, 53-летний генерал, совсем недавно занимавший пост первого заместителя министра внутренних дел, оставивший после своего отстранения от должности целую армию своих сторонников на Огарева 6. Дунаев несколько месяцев успел побывать и министром внутренних дел, назначенным на этот пост Ельциным в сентябре 1991 года в благодарность за помощь, оказанную в дни "августовского путча".

Тогда Дунаев, занимая должность заместителя министра внутренних дел РСФСР, принял сторону Ельцина, поднял по тревоге курсантов милицейских школ и ввел их в Москву для защиты Белого Дома. За это покойный министр внутренних дел СССР Пуго пообещал расстрелять Дунаева первым, но не успел выполнить свою угрозу, став единственным из "путчистов", у кого хватило духу застрелиться после провала авантюры. Тот же Дунаев руководил группой офицеров при освобождении Михаила Горбачева из "форосского плена". Но тут он был оттеснен на задний план более фотогеничным и нахальным Руцким.

Однако в благодарность Дунаев получил должность министра — первого министра внутренних дел свободной и суверенной России.

Кадровый офицер, прослуживший к тому времени в милиции 34 года, прошедший по служебной лестнице все посты, начиная с оперуполномоченного, Дунаев задумал полную реорганизацию структуры МВД, обдумывая планы создания муниципальной милиции, а также мобильной и хорошо технически оснащенной криминальной милиции, готовой к борьбе с преступностью в условиях, как тогда думали, быстрого вхождения в рыночную экономику.

Все было хорошо, но в январе 1992 года президент Ельцин подписал указ, по которому МВД России и бывшего СССР, а также два ведомства, образованные при первой попытке ликвидации КГБ — Агенство федеральной безопасности и Межреспубликанская служба безопасности — сливались в одно чудовищное ведомство, получившее название МБВД (Министерство Безопасности и Внутренних Дел). Во главе этого сказочного чудовища был поставлен генерал Баранников, бывший до этого министром внутренних дел.

Если даже дисциплинированный Дунаев тогда сказал весьма осторожно, что в подобном слиянии "есть нюансы, которые не позволяют говорить сегодня о том, что найден идеальный вариант", то в КГБ просто пришли в ужас от подобного решения президента и подняли на всю страну один из тех знаменитых "чекистских плачей", которые, если к ним вовремя не прислушаться, приводят либо к очередному путчу, либо к событиям вроде вторжения в Афганистан.

Впрочем, слияние всех карательных органов в одно ведомство не привело в восторг никого, ибо создание столь мощного репрессивного органа очень напоминало времена Сталина и его непревзойденную карательную систему.

"Чекисты" быстро втянули в дело своего старого друга, который некогда читал им курс советского права в Академии КГБ, а ныне занимал несменяемый пост председателя Конституционного суда — Валерия Зорькина, и тот быстро признал указ президента "неконституционным".

В результате чудовище было снова разделено пополам: МГБ и МВД. Возглавлять МГБ оставили Баранникова, а на пост министра внутренних дел неожиданно назначили генерала Виктора Ерина, которого Ельцин знал еще в бытность свою кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

В известных кругах Москвы ходил даже слух, что все это слияние и последующее размежевание были проделаны именно для того, чтобы убрать Дунаева с поста министра и освободить место для Ерина.

Ходил также слух, что Дунаева сгубили идеи создания муниципальной полиции, а также запрещение личному составу работать по совместительству в коммерческих структурах.

Как бы то ни было, но всякому ясно, что вчерашний министр — плохой зам у нового министра, своего вчерашнего подчиненного. В такой ситуации трудно найти место на земле, где бы мгновенно не начались самые беспощадные интриги. Интриги и внутриведомственная борьба стали буквально разрывать Министерство внутренних дел на части.

При этом новый министр апеллировал к президенту, а бывший министр, естественно, — к Хасбулатову. А к кому еще можно было апеллировать, если старый единый аппарат вдруг, благодаря нелепой буржуазной

выдумке о демократическом разделении властей, разбился на две части.

В итоге случились две весьма печальные вещи: преступность в Москве и по всей России достигла уровня, небывалого со времен Смутного времени XVII века, а за Дунаевым прочно укрепилась репутация "человека Хасбулатова". Поэтому, когда кризис между "двумя ветвями власти" начал приближаться к своему пику, Дунаева выгнали с должности и уволили со службы. Куда ему было податься? Естественно, в Верховный Совет, где опальный генерал сразу рассказал захватывающую историю о том, как его шеф, генерал Ерин, приказал ему, Дунаеву, "нейтрализовать Анпилова", отчего тот якобы отказался в связи с депутатской неприкосновенностью последнего.

Впрочем, о чем бы ни зашел разговор, Дунаев упорно переводил его на своего начальника генерал-полковника Ерина, рассказывая о нем столь забавные истории, половины которых было в свое время достаточно, чтобы устроить Дунаеву автомобильную катастрофу. Он был искренне уверен, что, по меньшей мере, половина руководящего состава Министерства придерживается его, Дунаева, взглядов, а вторая половина просто помалкивает, но готова оказать поддержку именно ему. В этом он убедил не только себя, но и Руцкого с Хасбулатовым.

22 сентября 1993, 04:00

В поддержке армии был уверен и вновь назначенный министр обороны генерал Владислав Ачалов. Злые языки поговаривали, что всей своей быстрой карьерой Ачалов был обязан удачной женитьбе на дочери начальника Академии бронетанковых войск, в которой он некогда учился.

Конечно, хлопоты тестя повлияли на продвижение Ачалова по службе, но не в такой степени, как это хотели бы представить его многочисленные недруги. Особенно после провала "августовского путча".

Но что такое начальник академии и на что он способен ради любимого зятя? Да, самое большее — оставить его на какой-нибудь академической кафедре адъюнктом, помочь в написании и в защите диссертации, а затем пробить ему место доцента и ввести в профессора.

Ничего подобного в карьере Ачалова не было. Вся его служба прошла в строю. Если все сейчас любят

лихостью и техническим оснащением элитных воздушно-десантных частей — знаменитых "голубых беретов", то мало кто знает, что фактически создателем этих частей был именно генерал Владислав Ачалов.

Смелый и рискованный офицер, агрессивный и талантливый генерал, он лично испытывал все новые парашютные системы, как для людей, так и для боевой техники, неоднократно рискуя жизнью и подавая личный пример своим подчиненным.

Именно он сделал из воздушно-десантных частей, малочисленных, плохо оснащенных, не имеющих даже одной общей методики боевой подготовки, мощный и грозный вид вооруженных сил, нацеленный в русле государственной политики СССР на Запад.

Именно Ачалов добился создания специального десантного снаряжения от укороченного автомата до танка-амфибии, который можно было уверенно сбрасывать на парашютах вместе с экипажем, а значит и сходу вводить в бой. Взаимодействуя со знаменитыми спецназами ГРУ, десантники знали каждый блиндаж, каждый КП в Западной Европе, и плохо пришлось бы войскам НАТО в случае неядерного конфликта, если бы им на голову посыпалась крылатая пехота генерала Ачалова.

Никто в мире не умел десантировать людей и технику с высоты, не превышающей ста метров. Мощные соединения транспортной авиации готовы были доставить десант хоть на крышу европейского парламента в Люксембурге.

Конечно, Ачалов был резок, требователен, ругался матом, но пусть кто-нибудь найдет десантного генерала, говорящего на языке великосветских салонов. Любил он и выпить, поохотиться, попариться в бане. Суровая жизнь предполагает простые развлечения.

Увы, созданным им первоклассным войскам не суждено было опробовать себя на том театре военных действий, к действиям на котором их готовили в течение двух десятилетий. Брошенные вместо этого в дикие горы и ущелья Афганистана, не готовые к этой бессмысленной войне ни морально, ни материально, десантники оказались тем не менее единственным родом войск, который не дал перерасти неизбежному поражению в сокрушительный разгром с совершенно непредсказуемыми последствиями.

Ачалов, переведенный в Министерство обороны, видел, как рушится все, чему он посвятил свою жизнь.

Сначала рассыпался Варшавский пакт. Части, нацеленные в сердце Европы, пришлось срочно отводить на территорию Союза, где не было ни жилья, ни учебных центров и, что самое главное, не было стимула существования любого боевого подразделения — четко поставленной боевой задачи. Все это само по себе было равносильно тяжелейшему военному поражению, которое разрывает сердце любого профессионала. Но это было только начало.

Вслед за армией стала трещать и разламываться последняя из великих военных империй. Ачалов, ставший к этому времени замом министра обороны по экстремальным ситуациям, метался с неполной воздушно-десантной бригадой по окраинам Союза, стараясь предотвратить надвигающуюся катастрофу.

Как всякий военный, не посвященный в планы высшего партийного руководства, да и не понимающий ничего из того, что ему становилось известным, он стремился к одному: не позволить сепаратистам развалить страну. Он шел по огромной кровавой дуге от Баку до Вильнюса, везде терпя неудачи, уже не зная, кто ему отдает приказы, и должен ли он вообще чьи-то приказы выполнять, поскольку, как он правильно понял, уже не стало людей, которые бы имели право отдавать какие-либо приказы.

Логика событий повернула огненно-кровавую дугу в Москву, разрушив затаенную надежду о том, что в столице ядерной сверхдержавы ничего подобного произойти не может.

Произошло. Увидев бронетехнику, забившую улицы Москвы, Ачалов сломался. Он понял, что все уже пошло прахом. Все ориентиры жизни были сметены.

Он отказался тогда заниматься штурмом Белого Дома, хотя, по его словам, там было "работы на 10 минут". Он уехал домой и предался тому, к чему у него уже давно были позывы — запил горькую, пытаясь погасить бушующий в душе пожар.

Тем не менее его хотели арестовать. И точно запихнули бы его в так называемое "дело ГКЧП" одним из обвиняемых, да спасли друзья-депутаты, не продали, как Анатолия Лукьянова. Но из армии все-таки выпихнули. Он особенно не расстраивался. Что ему делать в нынешней армии, если даже министр обороны и почти все его замы в разное время были его, Ачалова, подчиненными?

Он лег в госпиталь и вовсе не потому, что таким образом хотел избежать ареста (да и какой госпиталь в нашей стране может спасти от ареста), а потому, что у него от всех стрессов последнего времени, усугубленных порой беспробудным пьянством, обострилась гипертония.

Газеты шельмовали его как могли. Его, генерал-десантника, впервые продемонстрировавшего прыжок с высоты 100 метров, первым выпрыгнувшим внутри десантируемого танка с теоретическими шансами 30 к 70, что разобьется, стали преподносить в средствах массовой информации как паркетного интригана, сделавшего себе имя исключительно потому, что повезло жениться на генеральской дочке. И способного, естественно, только на интриги. Главным образом, на интриги политические. "Генерал для переворотов", — повесила ему ярлык пресса.

Разумеется, когда одним махом изгоняют из армии таких людей как Ачалов, как генерал армии Моисеев, как генерал армии Варенников и многих других, при этом не только их не уничтожая, но и предоставляя очень большие свободы демократического общества, то создаются все условия для военного заговора.

Заговор начинает формироваться сам, порой даже вопреки желанию его участников. Обрезать связи таких людей с армией невозможно. Военный истеблишмент носит типичные признаки кастовости, как, впрочем, и всякий другой. А внутри касты всегда существовали и будут существовать отношения, слабо поддающиеся каким-либо внешним влияниям.

Поэтому, как прекрасно понимал товарищ Сталин, отстраненного от должности крупного военачальника надо расстреливать в тот же день, чтобы ни о чем потом не болела голова.

Наследникам Сталина оказалась не по плечу простая методика вождя всех народов (нет человека — нет проблемы), но шагнувшая вперед наука позволила устраивать опальным генералам инфаркты и инсульты почти сразу после отстранения от должности, а иногда и вместо этого мероприятия.

Ныне же простая методика далекого и не очень далекого прошлого была не то что забыта, а просто уже невозможно было обратиться к еще оставшимся специалистам без риска, что все это завтра же не появится в

печати из-за того, что "специалисту" вовремя не дали квартиру или он не совсем доволен своей пенсией.

А в таких условиях, в условиях отчаянного прыжка из средневековья в современный мир, изолировать опальных военных от общества, а пуще того, друг от друга и от армии, было совершенно невозможно.

И если у кого-нибудь и возникло ощущение, что армия была в восторге от происходящих в стране радикальных перемен, то он здорово ошибался.

Армия, по образному выражению полковника Уражцева, в настоящий момент как ворох сухих листьев, перемешанных с опилками, готовых вспыхнуть от любой искры, упавшей с сигареты какого угодно авантюриста.

Полковник Уражцев несколько, как всегда, преувеличил, забыв добавить, что этот самый авантюрист должен был носить генеральские погоны, потому что на всех нынешних политиков армия смотрела со смешанным чувством недоумения и откровенного презрения. При этом было совершенно безразлично, ратовал ли этот политик за армию или против нее.

Главным было то, что поворот в государственной политике и развал СССР фактически нанес армии такое сокрушительное поражение, в сравнении с которым все вместе взятые катастрофы первой и второй мировой войны могли показаться детскими забавами.

И никакой политик, каким бы "соловьем генерального штаба" он не заливался, не мог уже восстановить всего того, что рухнуло, сметено и перестало существовать.

А все они были виноваты в том, что произошло. И не в последнюю очередь те, кто ныне составил руководство мятежного Верховного Совета, почти единогласно ратифицировавшего так называемые Беловежские соглашения, которые большей всего ударили по армии.

Подобные настроения царили в Вооруженных силах, пронизывая их и по вертикали, и по горизонтали. От призывника, не желающего служить в армии и предпочитающего зону тюремную армейской казарме, до командующего, распродающего направо и налево военное имущество (и оружие, естественно) по принципу "пропади оно все пропадом", — все носило следы небывалой в истории военной катастрофы.

Ачалов прекрасно знал настроения в армии. Прошло совсем немного времени после "августовского

путча", и он уже получил возможность почти свободно разъезжать по частям и военным учебным заведениям, искренне и сердечно беседовать со многими своими бывшими сослуживцами и подчиненными.

Никто и не думал скрывать от него своих настроений. Всем хотелось выть от неслыханного унижения, которому подверглись вооруженные силы, еще недавно державшие в страхе весь мир.

Но что делать? Взять Кремль и подавить гусеницами всех этих жидо-демократов — дело пяти минут. А что дальше? Дальше — восстанавливать СССР, утверждал Ачалов. Это дело двух недель с учетом самых отдаленных уголков страны. Что такое все эти независимые идиотские государства, начиная с Украины? Армия-то там наша советская, которая еще лет на сто останется советской.

Просто по телетайпу Министерства обороны или Генштаба передать им соответствующие приказы, и дело с концом. Все боялись гражданской войны. С кем гражданская война, удивлялся Ачалов. С кем вести эту войну, если армия о д н а! Надо только, чтобы никто не пошел друг против друга, а все объединились. Или, в крайнем случае, не мешали бы нам, если уж им так страшно.

Помимо всех унижений и катастроф, которым армия непрерывно подвергалась со времени афганской авантюры, повлекшей за собой целую серию необратимых событий, включая развал Варшавского пакта и разгром армии товарища Хусейна в Персидском заливе, ей грозила еще одна катастрофа — по большому счету, не менее унижительная, чем все предыдущие.

В правительственных кругах постоянно обсуждался вопрос о резком сокращении вооруженных сил, который любая армия всегда воспринимает крайне болезненно, а бывшая советская армия, учитывая ее специфику и традицию воевать "числом и неумением", тем более. Другими словами, армия и слова не сказала бы, если бы кто-то нашел волшебный способ восстановить "статус-кво", существовавший на 1978 год.

Однако, как бы всем этого ни хотелось, многие понимали, что это уже невозможно. Если, конечно, не произойдет какое-либо чудо. Скажем, Соединенные Штаты в одно мгновение провалятся в океан или что-нибудь в этом духе.

Конечно, можно договориться, в принципе, со многими командующими, сохранившими свои посты на обломках погибшей империи. По получении условного сигнала они довольно легко могут арестовать или разогнать разные там суверенные правительства и объявить о воссоздании СССР с временным введением на его территории военного положения.

Но тут же возникла куча вопросов. А кто в Москве возьмет на себя бремя военного диктатора? Нет личностей. Все мелковаты для подобной ответственности. Руцкой? Несерьезно. Варенников? Судя по его последним высказываниям, ему уже место в богадельне.

Тут, недавно выступая перед школьниками старших классов, генерал, выпущенный из тюрьмы до суда, рассказывал им об афганской войне, снова слово в слово повторяя идиотскую версию, составленную некогда умниками из ГЛАВПУРа для информации населению.

"Ограниченный контингент", по словам генерала, только тем и занимался в Кабуле, что сажал деревья, а иногда, по просьбе местных жителей, оказывал помощь в проведении сельскохозяйственных работ. Закончив посадку деревьев и наладив стране сельское хозяйство, "ограниченный контингент" вернулся на Родину.

Было ясно, что генерал живет вне времени и пространства, поскольку на вопрос одного из школьников, как же, выполняя указанные задачи, "контингент" умудрился потерять 15 тысяч человек убитыми и 60 тысяч искалеченными, истребив при этом примерно миллион местных жителей, генерал заявил, что это все империалистическая пропаганда.

А — казалось бы — боевой генерал, участник знаменитого парада победы 1945 года, бывший совсем недавно главнокомандующим сухопутных войск! Всего-то прошло два года, а как быстро все военные (да, и не только военные) деятели эпохи "развитого социализма" превратились в динозавров из какого-то, уже казавшегося доисторическим, прошлого.

Ачалов скромно, намеками, предлагал себя в будущие диктаторы. Все делали вид, что намеков не понимают, уклонялись, но никто не сказал: "Да, Слава. Кроме тебя никто этот пост не осилит!" Обидно было. Но никто не хотел видеть Ачалова диктатором, равно как никто не хотел им становиться сам. За одну подобную неосторожную фразу можно при очередной "разборке" и головой заплатить.

За 70 лет строительства коммунистического общества самыми умными стали именно военные. Самое большее на что решались самые рискованные — так это на слова: "Давай, Слава! Действуй! Ежели чего — поможем, конечно". Но ничего конкретного. И генералы стали втягиваться в прелести рынка, а в прошлом вроде бы тоже было хорошо, но не так вольготно.

"По крайней мере, — уверил Ачалова командующий сухопутными войсками генерал Семенов, — ты можешь быть уверен, что мы не выступим против. Только не надейся на глупостей". Главком не стал уточнять, что он имел в виду, говоря о "глупостях", да и Ачалов не стал спрашивать.

Между тем, он начал появляться в Верховном Совете, на что имел полное право как народный депутат. А когда Хасбулатов предложил ему пост своего личного военного советника, он, ненавидя спикера всеми фибрами своей израненной души, не отказался и был даже рад. Сблизившись с руководством Верховного Совета, Ачалов понял, что они в сущности планируют то же самое, что и он, если не считать мелких деталей.

Прошло немного времени, и Хасбулатов назначил опального генерала руководителем аналитической группы Верховного Совета по "прогнозированию и изучению положения в регионах Российской Федерации".

Теперь Ачалов мог совершенно легально разъезжать по России, подбивая на мятеж своих бывших коллег и подчиненных. Впрочем, с таким же успехом, что и раньше.

Однако, у него почему-то сложилось мнение, что стоит только начать, как вся армия в едином порыве встанет под его знамена сразу по получении условного сигнала. Психологически это объяснить можно просто.

Тот факт, что его никто не пытался задержать на многочисленных КПП, а генералы не только не уклонялись от встреч с ним, но, напротив, принимали его с искренним радушием, беседуя с ним за коньяком в саунах, на охоте и в некоторых других местах, известным только военному руководству, породило у Ачалова иллюзию, что все они разделяют не только его взгляды, но и его убежденность в необходимости силовых действий.

Честно говоря, ему было противно работать с Руцким и Хасбулатовым, которых он искренне считал чуть ли не самыми главными виновниками крушения страны и

которые хотя и опомнились с некоторым опозданием и готовы частично свою вину искупить, но тем не менее вполне заслуживают, чтобы после победы оценку их гнусным действиям в 90 и 91 годах дал военный трибунал. А будь его, Ачалова, воля, он их расстрелял бы прямо сейчас, прервав их мышинные интриги, которыми они продолжают заниматься вместо того, чтобы действовать быстро и решительно.

Сам Ачалов всегда был готов к действиям и немедленно, после назначения министром обороны, пытался к этим действиям перейти, что оказалось совсем не легким делом. Правительственная связь была отключена, чрезвычайная линия прямой связи — тоже. В пресс-центре еще работали телетайпы информационных агентств, но передавать свои приказы и замыслы через прессу совсем не хотелось.

Что же касается простых телефонов московской автоматической сети, то они работали, но все попытки Ачалова дозвониться до ключевых управлений Министерства обороны были тщетными: либо никто не снимал трубки, либо было наглухо занято. В нескольких академиях удалось дозвониться до дежурных. Те молча выслушивали приказ всем слушателям и командному составу с табельным оружием следовать на защиту Белого Дома, отвечали, что все доложат командованию и вешали трубку. Ачалов слишком долго служил в армии, чтобы не знать, что не так реагируют на приказ, отданный лично министром обороны.

Получив такой приказ, дежурный имеет полное право сам поднять академию "в ружье", а начальник академии, где бы он ни находился, обязан в течение 15 минут доложить о выполнении приказа непосредственно министру обороны. Но никто ничего не докладывал и никто не маршировал к Белому Дому с оркестром и табельным оружием. Было досадно, поскольку у Ачалова был собственный план, который он даже в принципе не желал согласовывать с "президентом" Руцким, которого презирал не меньше, чем Хасбулатова.

План заключался в быстром захвате Кремля, Генштаба, ГРУ и государственного телевидения. Далее должен был следовать арест Руцкого и Хасбулатова, проведение через остатки Верховного Совета (или без него) закона о чрезвычайном положении с "временной" передачей ему, Ачалову, диктаторских полномочий. А далее, как ему казалось, все уже было бы делом

техники. Все, вплоть до воссоздания Варшавского пакта и Берлинской стены.

Деятельность Ачалова на посту руководителя аналитической группы по "прогнозированию и изучению положения в регионах Российской Федерации" не ограничивалась территорией России. Он побывал почти во всех странах бывшего Варшавского пакта и говорил с нужными людьми, которые хотя и находились не у дел и без пенсий, а порой и под следствием, тем не менее заверили генерала, что стоит России начать, бывшие сателлиты сдетонируют мгновенно и вернут власть "трудовому народу", как поэтически любили называть однопартийную тоталитарную диктатуру.

В марте Ачалов посетил и своего давнего знакомого Саддама Хусейна. После "Бури в пустыне", где Саддама по-черному подставили советские дружки, иракский диктатор выслушал планы Ачалова мрачно и холодно. Ачалов снова просил у старого друга помощи. Суший пустяк: не мог ли тот после начала событий в России куда-нибудь снова вторгнуться, чтобы отвлечь внимание Запада (в первую очередь, конечно, американцев) от событий на территории бывшего СССР? Куда вторгнуться? Скажем, еще раз в Кувейт. Или в Иорданию, якобы для выхода на израильскую границу. Или, в крайнем случае, еще раз зафинтилить парочкой "Скадов" по Тель-Авиву?

Хусейн слушал благожелательно, как и положено в разговоре с гостем по исламской традиции, даже если после разговора гостя придется зарезать. Кивал. Но влезать в какие-либо дела с русскими больше не хотел. Может быть, генерал не знает во что ему, Хусейну, обошлась остановка американских танков на полпути к Багдаду? Нет, все! Сами нападайте на Кувейт и на кого угодно, а он посмотрит на это из Багдада и, если все кончится хорошо, то прикажет эту операцию разобрать на научной конференции в Военной академии.

Помочь деньгами? Это — пожалуйста. Оружием? У вас что, свое оружие кончилось? Его безопаснее возить из Ирака, нежели, скажем, из Теплого стана, где проходила стажировку президентская гвардия Саддама? Сошлись на 10 миллионах долларов.

Сам Ачалов, надо отдать ему должное, к большим деньгам особого пристрастия не имел и в отличие от многих своих коллег казнокрадством не занимался. За что его, кстати, многие не любили. Полученные от Хусейна деньги сдал Хасбулатову. Тот поднял на генера-

ла свои умные глаза. "Чрезвычайный фонд,— пояснил Ачалов.— Держите до случая".

Хасбулатов деньги любил и очень. Зарплату получал в пятнадцати местах и с большим удовольствием, но к этим деньгам даже не притронулся. В серо-голубых глазах десантного генерала поблескивали такие льдинки, что Руслан Имранович шестым чувством прожженного авантюриста понял: случись что, пристрелит его Ачалов и слова не скажет.

Сейчас, убедившись в том, что никто совсем не спешит выполнять его приказы и свои обещания, Ачалов, стремясь к активным действиям всей своей динамичной натурой, решил начать эти действия с помощью тех ничтожных сил, которые уже находились в его распоряжении. Правда, чисто теоретически, поскольку он даже не знал их точного состава, а также и того, насколько на эти "силы" можно было положиться.

Речь шла о "Союзе офицеров" подполковника Терехова, а у того никак нельзя было толком узнать каков состав этого "Союза", хотя бы в Москве. Терехов талантливо темнил, давая понять, что под его знаменами собралась чуть ли не целая армия, но на многочисленных собраниях "Союза" Ачалов видел только престарелых ветеранов, сидевших, оперевшись на стариковские палки, в мешковато сидящей форме старого образца. Последние участники Великой войны, на которых обрушилась очередная национальная, по их мнению, катастрофа, готовые на все во имя возвращения старых времен. Готовы они были на все, но сделать уже, увы, могли очень мало. Говорили и то с трудом, символизируя навсегда уходящую эпоху великого безумия.

А молодежи почти не было. "Они же на службе,— многозначительно говорил подполковник Терехов.— Не хотят светиться. Порядки-то ныне какие? Выгонят из армии в шесть секунд".

22 сентября 1993, 05:30

Подполковник Терехов знал, что говорил. Его само-го уже разок турнули из армии. Но времена были такими, что подполковник подал в суд на министра обороны генерала армии Павла Грачева... и выиграл процесс. Случай для России невероятный, даже если обозреть всю тысячу лет ее фиксированной истории. Такие вот настали времена в период "диктатуры" президента Ельцина.

Слегка запыхавшись, подполковник влетел в кабинет Ачалова. Его привез из дома специально посланный рассыльный. Лидер "Союза офицеров" был обременен женой и тремя дочками, но несмотря на это, а может быть именно поэтому, рвался в бой, как никто. Он всех призывал к решительным действиям, яростно критикуя все течения и группы, слившиеся во "Фронт национального спасения", за любовь к говорильне и нерешительность в действиях.

Он презирал Макашова за то, что тот слишком много времени уделяет своей даче. Он недолюбливал бывшего генерала КГБ Стерлигова, считая, что тот, довольно неумело и неохотно играя навязанную ему "конторой" роль всероссийского лидера, просто под шумок обдeldывает свои делишки. Даже к "пламенному трибуну оппозиции" — бывшему генералу Филатову, который в обстановке полной безнаказанности открыто требовал со страниц "Дня" убийства президента, Терехов относился без должного уважения.

В газете писать легко, а ты сам возьми автомат и шлепни президента. Тогда ты будешь человеком дела. "Нужно не разглагольствовать, а действовать", — мрачно заметил Терехов, прочтя филатовскую статью.

Уважал Терехов только генерала Ачалова, от которого шла мощная энергия действия, хотя ради справедливости нужно заметить, что генерал Ачалов до сих пор "действовал" не больше, чем остальные. Но он тоже входил в "Союз офицеров" кем-то вроде почетного председателя.

Ачалову тоже не резон было сильно светиться как-никак народный депутат. При любом его неосторожном поступке пресса поднимала дикий вой, задавая один и тот же академический вопрос: действует ли генерал-десантник по собственному почину или выполняет приказ Хасбулатова, чьим подчиненным ныне является?

А с Терехова все было, как с гуся вода. Человеком он был стремительным и безответственным, да и склочным, к тому же со склонностью к примитивной интриге как и положено бывшему политрабoтнику. Если кто-нибудь, видя лихой вид и удаль подполковника Терехова, решил, что он заработал две подполковничьи звезды в каком-либо крутом "спецназе" в диких и мрачных ущельях Афганистана или джунглях Анголы, то он жестоко ошибался бы. Ибо свои звезды жаждавший действий подполковник заслужил на ниве политрабoты

В юности он окончил военно-политическое училище, снабжавшее замполитами и освобожденными комсомольскими секретарями войска ПВО. Кто служил в советской армии, очень хорошо знает, что политработники делали карьеру методом обратного естественного отбора. Трескучая демагогия, звонкое произношение никому не понятных марксистско-ленинских заклинаний, умение врать с лучезарным взглядом и все это в сочетании с доносами на строевых офицеров вплоть до того, кто что сказал и кто с кем спит — предопределяло быструю карьеру политработников, которые всегда быстро обгоняли в чинах строевых трудяг.

Видимо, все эти качества в избытке были у Терехова, поскольку он сказочно быстро сумел поступить в Военно-политическую академию имени Ленина и даже закончить ее с отличием. Для знающего человека это означает, что мозги у него уже окончательно были вывихнуты наизнанку настолько, что его даже побоялись отправить в какую-нибудь часть, а оставили в очной адъюнктуре на кафедре военного права.

В бесправовом обществе везде были натканы кафедры права. Теме диссертации Терехова мог бы позавидовать сам Арамис, который, будучи иезуитом, оказался фактически прародителем всей политической чернухи коммунистических вооруженных сил.

В 1989 году при поддержке Главного политического управления вооруженных сил Терехов даже попытался баллотироваться в Верховный Совет, но поскольку человеческим языком говорить давно разучился, а марксистские заклинания в том году уже работали плохо, то выборы он проиграл.

Тем временем рухнул Советский Союз, армия раздробилась по республикам, были упразднены политические органы, а Военно-политическую академию кто-то не без чувства юмора переименовал в Гуманитарную. Другими словами, из-под 38-летнего подполковника Терехова выдернули привычный мир и отняли непильную работу по оболваниванию личного состава, что было невыносимо для человека, у которого вся жизнь была четко расписана вплоть до получения третьей генеральской звезды генерал-полковника.

Академическая деятельность потеряла всякий смысл, а задатки бывшего "политрука" очень пригодились в сладкой отраве митингов, где можно было с

пафосом произносить любые подстрекательные и провокационные лозунги под пьянящий рев сторонников.

В 1991 году Терехов зарегистрировал созданный им "Союз офицеров" как "общественный клуб, занимающийся социальной защитой военнослужащих". Но никакого клуба, конечно, не получилось, да и никто его не собирался создавать.

Идея создания "Союза" заключалась в том, что через него Терехов обязался поставлять "Фронту национального спасения" профессиональных боевиков, главным образом, из офицеров, недовольных крушением коммунистического режима и происходящими в стране переменами. Из этой идеи возможно что-либо и получилось, будь подполковник Терехов действительно военным. Но политработник, да еще с академическим образованием, единственное на что способен в реальных условиях нашего сегодняшнего бытия — так это либо пригреться в тени Зюганова, либо стать профессиональным провокатором, поскольку просто такой человек больше ни на что не способен.

Это увидело и командование. В итоге, в ноябре 1992 года Терехов приказом министра обороны был уволен в запас по причине "полного служебного несоответствия", хотя никто ему не объяснил, что он с его образованием и подготовкой должен делать, чтобы "соответствовать"? Учить солдат основам православия? Прививать им любовь к так называемым "общечеловеческим ценностям", которых он не знал и не желал знать. От одного этого слова с явным сионистским душком тянуло блевать...

Казалось бы, Терехову следовало плюнуть в министерский приказ и уйти в профессиональные народные вожди. Тем более, что бывшие структуры ГЛАВПУРа без денег не сидели, получив солидный куш от покойной КПСС и с готовностью финансируя любую нестабильность в стране.

Ан, нет. Увольняться со службы лихой политрук не желал. Тоскуя по старым временам, когда его и за меньшие шалости сгноили бы в какой-нибудь отдаленной зоне вместе с семьей, Терехов, отлично понимая, что старые времена ушли, просто рисуясь своей наглостью и безнаказанностью, подал в суд на министра обороны Грачева с иском о "незаконности его приказа", увольняющего его, Терехова, из армии. Терехов обратился в суд Московского гарнизона и, поскольку формулировки при-

каза министра были, как водится, расплывчатыми и неубедительными, суд в условиях демократии признал увольнение Терехова незаконным, и в апреле 1993 года генерал армии Грачев был вынужден отменить свой приказ.

Победа над министром обороны принесла Терехову новую волну скандальной известности и избыток уверенности в собственных силах. Он немедленно подал новый иск на министра обороны, требуя возместить ему моральные и материальные издержки, связанные с увольнением, которые лихой политрук определил в миллион рублей наличными по ценам 1992 года, а также путевки себе и семье в правительственный санаторий "с целью восстановления здоровья".

Если юридическое наступление на запуганное демократией военное ведомство в целом развивалось успешно, то с "Союзом офицеров" дела шли плохо. "Союз" состоял из пенсионеров (что в принципе приятно, но не в таком количестве!) и, как следовало ожидать, из таких же бывших политработников, как и сам Терехов. Даже еще хуже.

В основном это были выпускники знаменитого на всю армию Львовского политического училища, кующего кадры полит-просвет работы в частях: начальников клубов и редакторов армейских многотиражек. Все были лихими говорунами, но "боевики", конечно, из них были никудышные. Были, разумеется, и другие, готовые к уличным боям и вроде бы умевшие их вести, но было их до смешного мало.

В целях консолидации сил Терехов, как истый политработник, придумал для членов своего "Союза" нагрудный знак, в рисунке которого была отдана дань новым веяниям: на переднем плане восседал орел, а пятиконечная звезда непонятного цвета была оттерта на задний план. Причем орел был не имперско-православным двухглавым, а одноголовым, удивительно напоминающим американского орлана-белохвоста, важно восседающего на всей символике Соединенных Штатов.

Так что "Орел и звезда" тереховского "Союза офицеров" удивительно напоминал знак американских волонтеров времен войны США и Испании. Какой агент международного сионизма подсунул не шибко грамотному политработнику этот эскиз — неизвестно, ибо американский империализм Терехов, как его и учили в училище и академии, естественно, не мог терпеть, видя,

возможно и не без оснований, именно в нем источник всех бед, так неожиданно свалившихся на СССР и родную партию.

Желая показать международному империализму, дабы он не возомнил о себе, что с ним еще есть кому бороться, Терехов, собрав в январе 93-го года Всеармейское офицерское собрание, объявил о создании "структур управления армии народного спасения" вместе с "предостережением правительствам недружественных стран и претендентам на мировое господство". Чтобы все выглядело яснее и конкретнее, Терехов, краснея, как девушка (видимо, от незначительности своего звания), подбодрил сидящих в зале отставных генералов (действующих, естественно, не было) боевой тирадой: "Мы не станем мириться с теми, кто тянет свои руки к нашим богатствам. Эти руки мы отобьем! Мы знаем о ваших планах. Всей авиации мира не хватит, чтобы вывозить с нашей земли трупы ваших солдат".

Картина вереницы огромных американских транспортных самолетов, доставивших в Россию гуманитарную помощь, которой активно пользовались почти все сидящие в зале отставники, и погрузивших на обратный рейс трупы своих солдат, штабелями сложенные у взлетных полос, была столь грандиозной и так подействовала на упитанных старичков, что они устроили Терехову бурную овацию, которую сменили торжественные аккорды гимна Советского Союза. "Мы в битвах решали судьбу поколений, захватчиков подлых с дороги сметем!" Естественно, что участники Всеармейского собрания обвинили генерала Грачева в измене Родине, потребовали его отдачи под суд по подрасстрельной 64-й статье уголовного кодекса, а на его место постановили назначить генерал-полковника Ачалова.

Надо сказать, что сам Ачалов смотрел на все эти сборища все с меньшим и меньшим удовольствием, хотя и числился в "Союзе офицеров". Он видел, что с этим "Союзом" далеко не уедешь. Как всякий строевой офицер, а тем более десантник, Ачалов имел собственное мнение об огромной когорте бывших политработников. И мнение это было не очень высоким, чтобы не сказать резко. Если ему когда-нибудь и приходилось пользоваться связями своего тестя, то только раз, когда в него, тогда командовавшего дивизией, вцепился армейский политотдел, усмотревший в ачаловской дивизии

нехватку наглядной агитации на тему "Ленин жил, Ленин жив, Ленин вечно будет жить!"

Скептическая ухмылка, постоянно блуждающая на широком красивом лице генерала Ачалова, от которой он никак не мог избавиться, заседая на собраниях "Союза офицеров", членом которого он имел честь состоять, не давала Терехову покоя. Генералы вообще говорят мало и младшие офицеры отлично умеют понять все что нужно по движению генеральских губ. В данном случае было совершенно очевидно, что Ачалов не очень доволен тереховским воинством, состоявшим из пенсионеров и "балалаечников", как называли в армии выпускников Львовского политического училища.

Чтобы немного поднять боевую подготовку своего "Союза", Ачалов передал Терехову свой, если так можно выразиться, стратегический резерв: пятнадцать лично ему преданных офицеров-десантников, в число которых, главным образом, входили капитаны и майоры из экспериментальной части по испытанию десантного вооружения.

Нечего и говорить, насколько это были лихие ребята, презирающие любую опасность и саму смерть. Ачалов набирал в свое время команду испытателей из курсантов-добровольцев и с гордостью мог сказать, что практически не ошибся ни в одном кандидате. Но и как всякие военные профессионалы, а тем более столь молодые (самому старшему едва минуло 30 лет), они слабо разбирались в политике, но привыкли доверять своему генералу и идти за ним, куда бы он не приказал.

На этот раз он приказал идти в "Союз офицеров". Будучи представителями очень элитарной части, эти офицеры с презрением смотрели на трусливых львовских "балалаечников", снисходительно — на старичков в старомодных мундирах и без всякого восторга — на самого Терехова.

От их взглядов у Терехова развился острый комплекс неполноценности. Ему очень хотелось доказать этим молчаливым людям, что он тоже кое-что может, кроме как болтать речи-лозунги на патриотических митингах.

Комплекс неполноценности, особенно испытываемый постоянно, — очень опасная штука. В свое время он погубил Гитлера — простого солдата, пытавшегося доказать чванливым кайзеровским генералам, что он тоже кое-чего стоит. Чем это кончилось — известно.

Также трудно было Терехову доказать боевым офицерам, прошедшим и Афганистан, и чертовы трубы, что он достоин ими руководить...

Первомай 1993 года предоставил "жаждущему действий" подполковнику Терехову возможность продемонстрировать свою удаль. Поскольку власть никак не реагировала на любые слова в свой адрес, настала пора "прощупать эту власть штыком", как любил говаривать Ленин. Было решено организовать уличные беспорядки, которые, по замыслу Терехова и Анпилова, должны были охватить весь город, привести к общенародному восстанию с последующим взятием Кремля и захватом "оккупационного правительства". И его свержением, разумеется.

Ачалову этот план не понравился. Он хорошо знал, что из хаоса уличных беспорядков может родиться чудовище, которое пожрет всех: и правых, и виноватых. Он еще хорошо помнил Вильнюс в январе 1991 года, когда одержанная им военная победа над местным телеинформационным комплексом как раз и явилась тем поводом, который фактически навсегда вырвал Прибалтику из двухсотлетнего относительно спокойного сожительства с Россией и бросил ее в неохотные объятия Запада.

Генерал пожал плечами. "Только не переусердствуйте!" Но своим десантникам приказал держаться на втором плане за спинами анпиловских бомжей и разных "идейных" волонтеров и больше пока присматриваться, чем действовать.

Как обычно, накануне праздника, различные "общественные группы" подали в правительство Москвы, как важно называлась столичная мэрия, заявки на проведение митингов и шествий. Правительство, уже наученное горьким предыдущим опытом, когда после патриотических митингов и шествий приходилось месяц приводить эти районы города в жилой вид, выгребая мусор и разбитые стекла, спиливая сломанные от ненависти к жидам деревья и заново застилая асфальт, отчаянно пыталось выделить на эти сборища места подальше от центра, чтобы не перекрывать уличное движение. Оно разрешило первомайский митинг непримиримой оппозиции, четко указав место сбора и маршрут шествия.

1 Мая 1993 года колонны, составленные из "трудовиков" Анпилова, "балалаечников" Терехова и разного сброда Ильи Константинова, подогрев себя на митинге

захватывающими речами своих "вождей", неожиданно сменили маршрут и пошли к станции "Аэрофлот", где высились кварталы домов так называемой "улучшенной планировки", годами служившие местом проживания номенклатуры среднего пошиба, то есть самой многочисленной, а, следовательно, и могущественной.

Поскольку запрудившая проспект толпа уже в течение нескольких лет подстрекалась к грандиозному еврейскому погрому, а за неимением в городе еврейского квартала постоянно натаскивалась на дома номенклатуры, на которых чья-то многоопытная рука время от времени рисовала шестиконечные звезды Давида с незатейливым призывом "Смерть жидам!", то неудивительно, что пройдя несколько сот метров в этом направлении, толпа наткнулась на выстроенную поперек проспекта милицейскую цепь.

Милиция была без оружия, но в полной экипировке: в касках, бронежилетах, со щитами и дубинками. В старые времена при виде столь грозной демонстрации властями своего недовольства, толпа обычно останавливалась, агрессивно выслушивала увещевания, которые через громкоговоритель на нее изливал какой-нибудь милицейский полковник, а в конце концов расходилась, в глубине души радуясь, что обошлось без столкновения.

Даже во время знаменитой осады "Останкино", когда водка и речи вождей накалили толпу до предела, она тем не менее избегала открытой конфронтации с милицией, а когда у последней лопнуло терпение, оказала лишь символическое сопротивление. Фактически никакого, кроме мата в адрес правоохранительных органов.

На этот раз, не останавливаясь, толпа с ходу врзалась в милицейскую цепь. Началась свалка. Замелькали дубинки, под которые заблаговременно подставили несколько старичков-ветеранов. Казалось бы мирно шествующая под красными и желто-черно-белыми старыми имперскими знаменами толпа немедленно ошетилилась железными прутьями и заточками, пробивающими милицейские щиты. В итоге один милиционер был убит, несколько — ранены, сотни — получили травмы. Но поле боя осталось за милицией, несколько дюжин "демонстрантов" были арестованы, а по телевизору показывали окровавленные лица ветеранов. У стариков тряслись губы от потрясения и возмущения. Сколько первомайских демонстраций было в их жизни, но ничего

подобного они даже в страшном сне представить не могли.

Между тем, милиция стала создавать фоторобот человека, который, по словам многочисленных свидетелей, руководил побоищем и подгонял к месту "боя" автомашины, из которых всем желающим выдавались железные прутья.

Если бы лучший портретист в мире взялся бы писать образ подполковника Терехова, то и у него, наверняка, было бы меньше сходства с оригиналом, чем на милицейском фотороботе.

По фотороботу Терехова узнала почти вся страна, но передающее этот фоторобот телевидение вещало за кадром голосом с левитановскими интонациями: "В связи с первомайскими беспорядками органами внутренних дел разыскивается гражданин, соответствующий указанному фотороботу. По показаниям свидетелей: волосы и усы русые..."

Пока гудел всероссийский розыск, а пресса строила догадки по поводу таинственного исчезновения Анпилова, сам Терехов подал заявку в мэрию на митинг и шествие, посвященные Дню Победы 9 Мая. Мэрия немедленно ответила запретом.

Тогда подполковник Терехов ответил, что митинг и шествие пройдут в любом случае: хочет того мэрия или нет. И никакие указы — ему не указы.

В Москву стали стягиваться подкрепления милиции и ОМОНа из близлежащих городов. Высокие милицейские чины раздавали интервью, давая понять, что готовы жестоко отомстить за гибель своего товарища 1 Мая.

Напряжение росло. Перетрусившие анпиловские бомжи присущим им шестым чувством поняли, что исчезновение их лидера дает им прекрасную возможность воздержаться от политической деятельности 9 Мая. Присмирели и другие группы и группки. А мудрый товарищ Зюганов призвал коммунистов воздержаться от каких-либо действий, связанных с нарушением законности и порядка. Хотя неделю назад сам орал на митинге, что законы оккупационного правительства никак не могут быть обязательными для народа, который борется за свое освобождение.

В итоге право на шествие было предоставлено только Терехову и его "Союзу офицеров". Под вывеской "Союза", который получил официальное разрешение на митинг и марш, собрались все перетрусившие группы

оппозиционеров, создавая впечатление, что "Союз офицеров" охватывает чуть ли не весь офицерский корпус не только России, но и СНГ.

Сам Терехов, вынырнувший на первый план в связи с исчезновением Анпилова, охотно красовался перед камерой, рассказывая, не стесняясь, как он сражался с милицией в Первомайские праздники, получив в день пролетарской солидарности "пять ударов дубинкой по горбу и два по голове".

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Первомайские события прошли для Терехова совершенно безнаказанными. Начальник академии генерал Омеличев за участие и провоцирование уличных беспорядков объявил восстановленному в судебном порядке адъютанту выговор, видимо, надеясь еще раз избавиться от него старым бюрократическим методом — путем трех выговоров.

Терехов обиделся. Выслушав "разнос" старшего по званию, которого никак нельзя было объявить демократом или сионистом, Терехов, покраснев, не без вызова сказал: "Не торопитесь меня увольнять. Меня еще орденом наградят!"

Но вышел от генерала злой, в душе все кипело. Кто такой генерал Бронислав Омеличев? Один из высших руководителей бывшего ГлавПУРа, партноменклатурщик, напяливший на себя по приказу партии военный мундир!

Даже не думая о возможных для себя последствиях, расстроенный Терехов чуть ли не публично сделал заявление: "Генерал Омеличев сам раньше был партократом. А теперь все они переделались, пристроились к новой власти.."

Обида Терехова была непонятной. Не ясно было: хорошо или плохо было числиться раньше партократом.

Но расстройство быстро прошло, поскольку журналисты просто не отходили от новой знаменитости, вдохновляя его на новые речи:

"Правительство скоро уйдет или будет свергнуто, все совершенные им преступления будут наказаны в судебном порядке. Мы контролируем ситуацию. Если возникнет опасность переворота, мы примем крайние меры!"

— Вы и ваши боевики?— осторожно поинтересовался журналист.

— У нас нет боевиков,— резко ответил Терехов.— Мы — мирная организация. И если мы чем-то и сильны, так это своей массовостью.

На праздновании 9 Мая Терехов выкинул лозунг, с восторгом подхваченный всеми крыльями оппозиции: "Дошли до рейхстага, дойдем и до Кремля!" Этот бы лозунг, да, в 1945 году!

Но времена уже явно были другие. У многих, даже у тех, кому посчастливилось некогда расписаться на стенах рейхстага, ныне чесались руки расписаться при подобных же обстоятельствах и на стенах Кремля. Но руки были пока коротки.

Поэтому Терехова услышали очень быстро и после майских событий сразу сделали заместителем председателя "Общественного комитета по защите Конституции и конституционного строя", возглавляемого скандальным депутатом Владимиром Исаковым. Чтобы освободить столь высокое место для новичка, пришлось подвинуться. Но в этом был особый смысл. Присутствие в рядах непримиримой оппозиции офицера действительной службы, за которым, по его словам, стоит чуть ли не весь офицерский корпус армии, придал особый вес оппозиции, которая, как ей казалось, теперь могла разговаривать с правительством, если не с позиции силы, то, по крайней мере, на равных.

Таким образом, политрука-подполковника захлестнул водоворот динамичной жизни принца-фрондера: митинги, пресс-конференции, разборки с милицией, явки в суд по обвинению то в хулиганстве, то в разжигании "межнациональных раздоров" вместе с благоприобретенным другом — профессиональным антисемитом Николаем Лысенко, то в подстрекательстве к мятежу. Заседания "Союза офицеров" стали закрытыми и интригующе секретными.

29 мая у здания Пролетарского райсовета Москвы собрались делегаты, прибывшие на межреспубликанское заседание совета "Союза офицеров", представляющие, по их словам, тридцать официальных российских отделений "Союза" и одно подпольное — из Приднестровья. Но и среди делегатов, если не считать приднестровцев, преобладали седовласые старцы с остатками былой военной выправки. Отставники-комиссары.

Они ждали автобуса, который должен был отвезти их на конспиративную квартиру — подальше от любо-

пытных глаз "охранки" оккупационного режима. Конспиративной квартирой оказался Дом культуры завода ЗИЛ в другом районе столицы. Старичкам нравилось играть по методике "Марксизм и вооруженное восстание", а подполковнику Терехову, казалось бы, никакой нужды играть не было. Тем не менее, он был заводилой игры. Это бывает только в двух случаях: когда хорошо платят и когда очень строго приказывают. Редко, но иногда, эти два стимулирующих фактора сливаются в один. Тогда очень часто игра перерастает в драку...

И вот час настал. Стараясь не смотреть в холодные льдинки глаз генерала Ачалова, подполковник Станислав Терехов, переведя дух, доложил новому министру обороны о своем прибытии.

"Без приказа ничего не предпринимать,— приказал Ачалов.— Стягивай своих людей к зданию. Распредели между ними посты внешней и внутренней охраны... И никакой самодеятельности".

Перед глазами Ачалова еще стояло многотысячное шествие "Союза офицеров" в День Победы 9 Мая. Он уже представлял, что если хотя бы половина придет сейчас к Белому Дому, то дело можно считать выигранным. Но глаза генерала оставались холодными и пустыми.

22 сентября 1993, 06:00

Холодные и пустые глаза генерала Ачалова стояли перед мысленным взором Александра Руцкого, когда он нервно нажимая кнопки итальянского телефонного аппарата, пытался дозвониться до штаба 14-й армии дислоцированной в Приднестровье. Штаб находился в Тирасполе, и Руцкому срочно нужно было переговорить с командующим армией генерал-лейтенантом Александром Лебедем.

Если генерал-полковник Ачалов люто ненавидел Руцкого, то справедливо будет заметить, что и Руцкой не сильно любил советника Хасбулатова по военным вопросам и прогнозированию региональной политики. И не столько не любил, сколько побаивался.

Во-первых, это был тот генетический страх, который любой полковник, кто бы он ни был, всегда должен испытывать перед генерал-полковником, и не следует забывать, что когда Руцкой был еще никому неизвестным полковником, генерал Ачалов уже был заместителем министра обороны.

Во-вторых, Руцкой и Ачалов в памятные августовские дни 1991 года оказались по разные стороны баррикад, и попадись тогда Руцкой в лапы Ачалова, даже не хочется думать, что тогда могло бы произойти с несчастным авиационным полковником, вздумавшим поиграть в большую политику. Вынужденный сейчас назначить Ачалова министром обороны Руцкой действовал не по своей воле, а как бы выполнял волю Хасбулатова и его ближайшего окружения, для которого Ачалов был свой брат-депутат.

Руцкой, тем не менее, когда решался вопрос о назначении, обратил внимание президиума Верховного Совета на ряд недостатков товарища Ачалова, среди которых, по мнению Руцкого, было слишком сильное пристрастие бывшего десантника к крепким напиткам. Это вызвало кривые улыбки всех, даже самого Руслана Имрановича. В России подобная слабость никогда не считалась недостатком — кто пьян да умен, два достоинства в нем. И кроме того, что такое было всем хорошо известно, сам новый президент (равно как "параллельный" президент в Кремле) тоже был совсем не дурак выпить. Чтобы не сказать большего.

Но Руцкой хотел сказать совсем не об этом. Обостренным инстинктом авантюриста он чувствовал, что со всеми, включая и его, и президиум, и самого Руслана Имрановича, сделает Ачалов, если они победят. А если проиграют, то все на них и свалит. Но о проигрыше думать совсем не хотелось, а выигрыш во главе с Ачаловым сулил очень мрачные перспективы. Виделось что-то совсем ужасное, вроде расстрела во дворе при свете автомобильных фар...

Поэтому Руцкой постоянно думал о том, чтобы заменить Ачалова кем-нибудь, кто был бы ему ближе по статусу и не так люто его ненавидел. И, конечно, первым приходил на ум генерал Лебедь. Именно он в августе 1991 года, вопреки приказу Ачалова, повел своих десантников не на штурм, а на защиту Белого Дома. По этому поводу по столице ходили самые темные слухи, но именно боевые машины десанта, которыми Лебедь окружил здание Верховного Совета, отбили охоту у генерала Ачалова это здание штурмовать.

В отличие от других, активно сделавших себе карьеру на августовских событиях, генералу Лебедю эти события особой славой и пользой не принесли. Более того, генерала тихонько выпихнули из Москвы якобы с повы-

шением: на пост командующего 14-й армией в Молдове. Назначение, прямо скажем, было не из веселых, и, видимо, кое-кто в Москве надеялся, что генерал Лебедь либо сложит в Молдове свою буйную голову, либо будет настолько скомпрометирован, что ему останется только завывать на митингах, как генералам Макашову и Стерлигову. Однако не произошло ни того, ни другого, а скорее наоборот.

Молдова — бывшая Молдавская Социалистическая Республика, как и многое другое в нашей стране, была создана гением товарища Сталина, который в свойственной ему грубой манере отнял летом 1940 года у Румынии Бессарабию и присоединил к ней кусочек Украины. Вождь всех народов все делал на века и сломать сделанное им оказалось чрезвычайно трудно и потребовало бы новых потоков крови. Когда рухнул Советский Союз, и его бывшие республики одна за другой объявили о своем государственном суверенитете, в Молдове сразу же открыто заговорили о воссоединении с Румынией, хотя ни Бухарест, ни Кишинев не были готовы к такому шагу.

Более того, саму идею объединения сравнительно обеспеченной Молдовы с Румынией, ограбленной до нитки коммунистическим режимом Чаушеску, никто особенно серьезно не воспринимал. Однако подобные разговоры, а также принятый в Кишиневе закон о государственном языке (касавшийся только руководящих работников и занятых в сфере обслуживания, что составляло менее 3% населения) послужили поводом для бывшей партноменклатуры и активных агентов КГБ объявить русскоязычную полосу земли, зажатую между левым берегом Днестра и украинской границей, независимым государством.

Все это было сотворено под незатейливые лозунги "Нам грозит румынизация" и "Не хотим в Румынию!" Захватившие власть в Тирасполе авантюристы во главе с бывшим агентом КГБ Игорем Смирновым развернули, как и положено бывшим коммунистам, трескучую и демагогическую кампанию по обработке левобережного населения, где наряду с происками мирового сионизма и намеками на то, что румыны — это итальянские евреи, изгнанные в свое время из страны за пристрастие к ритуальным убийствам христианских младенцев, использовались и более утонченные приемы: всех незнающих румынского языка якобы вышлют в Россию или на Украину с конфискацией имущества, а то и расстреляют.

В Кишиневе мол уже подготовлены соответствующие списки.

Начались митинги протеста, забастовки, организация отрядов самообороны. Затем появились параллельные органы власти, которые в обстановке нагнетания истерии провели незаконный референдум об отделении от Молдовы, создав территорию, объявленную "первой освобожденной территорией СССР".

Но на этом подобные истории никогда не заканчиваются, ибо любой идее сепаратизма, особенно если за этой идеей стоит страстное желание коммунистической номенклатуры сохранить в новых условиях свою власть и привилегии, обязательно нужны жертвы, ибо, как еще указывал Ленин, "кровь и разъединяет навсегда, и спаивает навсегда".

Попытки молдавских властей навести порядок в левобережье привели к открытому сопротивлению, быстро переросшему в спорадические военные действия с ежедневной их эскалацией. Назначенный командовать "силами самообороны" кровавый психопат Костенко, контуженный в Афганистане, получив от новых тираспольских властей людей и оружие и действуя по проверенной в Афганистане методике, начал с того, что стал вырезать молдован, имевших несчастье жить на левом берегу Днестра. Это быстро привело к известной бендерской трагедии.

В этих условиях 14-ая армия, попав в самое пекло, пыталась соблюсти хоть видимость нейтралитета. Армейские военные склады осаждали истеричные женщины, руководимые некоей Андреевой — обладательницей громового голоса, которая иначе не появлялась на людях, как с кобурой на боку. Со складов 14-ой армии исчезали не только автоматы и пулеметы, но и гранатометы, ракетные установки "Алазань", а позднее — боевые машины пехоты и десантные танки.

Постепенно нейтралитет 14-ой российской армии во внутреннем конфликте Молдовы становился все более призрачным: ее оружием оснащались группы людей, называвших себя казаками, хотя в большинстве случаев это были искатели приключений с уголовным прошлым, с нарушенной психикой, одержимые желанием стрелять, грабить и убивать.

В разгар этих событий Лебедь был назначен командующим 14-ой армией. Своей главной задачей он считал остановить военное безумие и кровопролитие, от которо-

го по специфике такого рода конфликтов страдало почти исключительно мирное население. И он остановил войну, сделав при этом несколько очень резких заявлений в адрес трусливых и бесхребетных московских политиков. Но защищая жителей Приднестровья от военного безумия, генерал Лебедь — хотел он этого или нет — вместе с ними защитил и самозванный режим в Тирасполе, который он сам, несколько разобравшись в обстановке, называет "бандитским".

Сущность "тираспольского режима" обнажилась в первые же месяцы затишья. Самозванные лидеры Приднестровья не спешили вести переговоры с Кишиневым о своем статусе в рамках Молдовы, зато лихорадочно создавали свои погранвойска, таможенные пункты и Министерства, каковых было создано семнадцать. Новоявленные вожди быстро пересели в новенькие "Мерседесы", обзавелись особняками, роскошными кабинетами и личной охраной.

Разведка 14-ой армии быстро представила командарму материалы, приоткрывающие Александру Лебедю закулисную жизнь тираспольской верхушки. Оказалось, что они отнюдь не были уверены в победе и заблаговременно заготовили себе пути для отступления — валютные счета в иностранных банках, заграничные паспорта и теплые места в различных "темных" фирмах Европы и — что самое интересное — в Румынии! Источником же их доходов была спекуляция оружием и бензином, которые они по бешеным ценам перепродавали... правобережным националистам в Кишиневе! Причем все это делалось и в ходе боевых действий. Очень быстро стало ясно, что все затеянное бандой авантюристов во главе с Игорем Смирновым под лозунгами защиты русского народа, независимости и прав человека делалось исключительно во имя личного обогащения.

Более того, через некоторое время генерал Лебедь неожиданно провел пресс-конференцию, на которой журналисты узнали нечто совершенно ошеломительное: "силовыми" Министерствами самопровозглашенной республики руководят люди, выдающие себя не за тех, кем они являются на самом деле. Министр госбезопасности В.Шевцов на самом деле Антюфеев, а министр внутренних дел Н.Матвеев — знаменитый прибалтийский чекист Гончаренко. Оба в свое время еле унесли ноги из Латвии, где на них были открыты уголовные дела. Как пояснил командарм, таких в Приднестровье,

прячущихся под чужими фамилиями, около пятидесяти. Все они занимают руководящие должности и все повязаны темным и кровавым прошлым, порой, чисто уголовным.

"Стоит ли удивляться,— задал генерал вопрос журналистам,— разгулу преступности и произвола на этом многострадальном клочке земли, объявленном независимым государством?"

"Жулики и преступники всех мастей,— подвел итог пресс-конференции генерал Лебедь,— всегда сбегаются туда, где у них меньше всего шансов быть пойманными... Подчиненная мне разведка не спит, и на основе добытых ею данных я смею утверждать: Приднестровье и его столица Тирасполь в наши дни — одна из основных "малин" отпетой уголовной братии. Почему ими не занимается прокурор и министр безопасности, догадаться несложно. Такая преступность и называется организованной, потому что преступники тесно переплелись и породнились с теми, в чьи обязанности входит ее дезорганизация..."

В ответ на подобное заявление генерала, кроме шельмования Лебеда в местной печати, приднестровские "власти" ответили созданием батальона "Днестр", находившимся в подчинении министра внутренних дел беглым "прибалтом" Матвеевым-Гончаренко. Батальон, составленный из откровенных уголовников, готовился к выполнению главной задачи: захвата штаба 14-ой армии и ареста ее командования. Но подобная глобальная задача была пока батальону "Днестр" явно не по плечу.

Поэтому батальон "Днестр", откровенно ориентированный на террористическую деятельность, начал свою боевую подготовку с нападения на военнослужащих 14-ой армии. Их начали хватать на улицах без всякого повода, избивали, глумились, срывая береты. Одного офицера арестовали и отправили в местную комендатуру. Поднятая по тревоге рота десантников окружила по приказу Лебеда комендатуру и потребовала освобождения офицера. Освободили. Генерал предупредил, что если власти не прекратят произвол, то он пресечет его сам, решительно и жестоко. Его уже хорошо знали, а потому сильно перепугались и батальону "Днестр" было приказано никак себя не проявлять до лучших времен, наступления которых они с нетерпением ждали.

Именно в это время в Тирасполь зачастили именитые московские гости. Сперва Алкснис и Бабурин, затем Макашов и Павлов, а затем и сам Руцкой. Надо

сказать, что вся эта злобно-уголовно-чекистская шпана, сбившаяся в стаю вокруг "президента" Смирнова, не произвела на Руцкого сильного впечатления. Впечатление же на вице-президента России произвели два человека: местный банкир Загрядский, занимавший когда-то пост зама Смирнова, но проколовшийся на попытке нейтрализовать коменданта Тирасполя полковника Бергмана взяткой в 3 миллиона рублей, а потому и "переведенный" в директора банка. И сам генерал Лебедь. Его решительность, принципиальность, умение все называть своими словами и действовать далеко за пределами своих полномочий, а если надо, то и вопреки полученным инструкциям, еще в августе 1991 года произвели на Руцкого сильное впечатление, а сейчас и по-прежнему.

На осторожный зондаж Руцкого, как командарму нравится происходящее в Москве и в стране, командарм, помрачнев, зло сказал, что будь его воля, он очень многих в нынешней Москве поставил бы к стенке. Не уточняя, впрочем, кого именно.

Руцкой принял эти слова к сведению, но далее углублять эту тему не стал. Кстати, и "президент" Приднестровья Смирнов в разговоре с Руцким очень хорошо отзывался о Лебеде: прекрасный генерал, что он здесь прозябает? Ему нужно более широкое поприще. Смирнову, конечно, очень хотелось, чтобы Лебедея куда-нибудь перевели.

После возвращения Руцкого в Москву "банкир" Загрядский перевел на известный ему московский счет 2,5 миллиарда рублей, ибо всем приднестровцам напомнили "чем они живы". Вместе с тем, из Тирасполя в адрес Белого Дома стали поступать в брезентовых мешках посылки, в которых, нежно прижавшись друг к другу, благоухали смазкой автоматы Калашникова. Не все же торговать оружием на сторону. Надо и о патронах позаботиться. Посылки в Москву сопровождал сам министр безопасности Шевцов-Антюфеев, который, продолжая борьбу с Лебедем, объявил, что штаб 14-ой армии вообще и, в частности, комендант Тирасполя полковник Бергман работают сразу на четыре иностранные разведки. Недаром один из жителей Тирасполя признался журналистам: "Мы оказались опрокинутыми в 37-й год!" И просил не называть его имени.

Разыскиваемый преступник Антюфеев не только совершенно легально прибыл в Москву, но и не постеснялся

ся дать интервью корреспонденту "Литературной газеты". На вопрос, знает ли он способ стабилизации положения в Приднестровье, ответил, что все очень просто — "надо лишь вывести из обращения определенное количество людей".

Видимо, Антюфеев прибыл в Москву не только для наблюдения за "посылками" Верховному Совету, но и для получения консультаций от вышестоящего командования, поскольку, вернувшись окрыленным в Тирасполь, он нанес по генералу Лебедю, казалось бы, неотразимый удар.

Оказывается, как сообщали расклеенные по городу листовки, командующий 14-ой армией ко всем своим недостаткам — еще и еврей и его настоящая фамилия Шваннер. В листовке разъяснялось, что все фамилии, имеющие смысловое значение, являются всего лишь обратным переводом с еврейского в целях маскировки. Еврейского языка, разумеется, никто в местной службе безопасности не знал, а потому свято верили, что немецкий и еврейский языки — это одно и то же. В качестве примера приводились две наиболее зловещие фамилии: Сахаров — Цуккер, Лебедь — Шваннер. Ну, а о полковнике Бергмане, имевшего предками немцев, и говорить не приходилось. Всем должно было стать ясно, что всю воду мутит в Приднестровье жидо-сионистская банда Шваннера-Бергмана.

Упреждающий удар был просто необходим, поскольку стало известно, что в руки разведчиков 14-ой армии попали документы бывшего КГБ, из которых явствовало, что всю власть в Тирасполе захватили офицеры действительной службы и офицеры действующего резерва этой почтенной конторы. Кроме того, что также никого не радовало, поползли слухи, что Лебедь-Шваннер — гражданин России и резидент Израиля, куда, кстати, из Тирасполя шли пиломатериалы, решил баллотироваться в Верховный Совет независимого государства, гражданином которого он не являлся. Но поскольку это государство никем не было признано и как бы не существовало, то на подобные условности никто не посмел обратить внимание.

В итоге, несмотря на все старания местного оскорбленного "правительства", генерал Лебедь, не проводя никакой предвыборной кампании, без всякого труда собрал вдвое больше голосов, чем нужно и стал "парла-

ментарием" приднестровской "республики", чего местные власти не чаяли увидеть и в страшном сне.

Генерал появлялся на заседаниях "парламента" в камуфляжной форме рядового десантника и в надвинутом на глаза кепи. Выступая с трибуны, он всенародно зачитывал сенсационные разоблачения своей разведки, касавшихся настоящего и прошлого народных вождей Тирасполя и проводимой ими политики. "Заповедник для преступников... руководство, занятое набиванием только собственных карманов... Мне противно охранять сон и покой подобного жулья!" Эхо генеральских разоблачений пронеслось по всем радиоволнам и страницам иностранных газет, наглухо закрыв преступной банде и без того не слишком открытую дверь в мировое сообщество, куда она стремилась пробраться всеми правдами и неправдами...

Шел уже октябрь 1993 года.

В конце концов, Руцкому удалось дозвониться до Лебеда. Не тратя времени на предисловия, вице-президент прямо спросил командарма: не хочет ли тот занять пост министра обороны в "новом правительстве".

— Но у вас же есть Ачалов,— возразил всезнающий Лебедь.

Руцкой вздохнул: "Ачалов — отставник, а вы на службе". Помолчал и добавил: "Кроме того, именно вам я больше доверяю".

— А что Грачев?— поинтересовался Лебедь.

С нынешним министром обороны Грачевым Лебедь служил в Афганистане, зная его со времен Рязанского десантного училища.

— Грачева я отстранил от должности,— сообщил Руцкой.

— И он отстранился?— продолжал выяснять подробности Лебедь.

— Отстранится,— жестко сказал Руцкой.— Или под суд пойдет. Впрочем, под суд пойдет в любом случае.

— Товарищ Руцкой,— неожиданно ответил генерал.— Я никак не могу принять ваше предложение.

— Почему?— немного растерялся вице-президент.

— Потому что,— ответил генерал Лебедь,— я не хочу, чтобы, когда я приеду на побывку в родной город, бабы плевали мне в лицо и моим солдатам тоже.

— Вот как...— начал было Руцкой, но в трубку уже запищали короткие гудки.

Побагровевший Руцкой несколько мгновений сидел, тупо глядя на телефонный аппарат, и вздрогнул от пронзительного звонка. Номер этого телефона был известен очень ограниченному числу людей, а потому аппарат не был подключен к определителю абонента. Руцкой секунду поколебался: стоит ли брать трубку самому или пусть это сделают в секретариате. В этот момент ожил селектор на его столе, и голос дежурного сказал: "Александр Владимирович, Тирасполь на проводе".

Первой мыслью Руцкого было, что генерал Лебедь, одумавшись, хочет извиниться за свое, мягко говоря, не совсем корректное поведение и выразить свое согласие с предложением "президента". Руцкой взял трубку.

"Товарищ Руцкой, здравия желаю,— проговорил незнакомый голос,— докладывает полковник Колосков из Тирасполя..."

Руцкой вспомнил. Отставной полковник Колосков — старый чекист, награжденный в свое время именным пистолетом — был советником министра госбезопасности Приднестровья Шевцова-Антюфеева. Полковник Колосков был большим специалистом по борьбе с сионизмом, сражаясь с ним так ретиво, что в итоге ему пришлось скрыться в Тирасполе. Его давно знали под фамилией Колосков, но никто не мог поручиться: настоящая это фамилия или нет. В структурах бывшего КГБ были свои маленькие хитрости.

Видимо, в Тирасполе нашли способ подслушивать телефонные переговоры 14-ой армии, поскольку Руцкому сразу же стало ясно, что Колосков в курсе его разговора с Лебедем.

— Поздравляю с избранием на высокую должность,— продолжал Колосков.— У нас царит ликование, и даже Днестр готов выйти из берегов от радости.

— Не утоните,— буркнул в ответ Руцкой и бросил трубку.

Строго говоря, обнаглевшие приднестровцы позволили себе вопиющее нарушение протокола. Поздравление президенту по случаю избрания на должность обычно приносит президент, а не безвестный советник министра, пусть даже государственной безопасности. Подобная фамильярность всегда раздражает, не суля ничего хорошего в будущем. Особенно с учетом того специфического положения, в котором оказался вице-президент Руцкой. Недаром сразу после переворотов

короли и президенты первым делом обычно ликвидировали своих сообщников по заговору. Но не менее часто случалось и наоборот, о чем следовало поразмыслить.

Сдержав вздох и подавив в себе раздражение, вспыхнувшее от разговоров с генералом Лебедем и полковником Колосковым, Руцкой вынул из кармана пачку "Мальборо" — уже вторую за последние шесть часов — вынул сигарету и закурил, жадно затягиваясь.

С Лебедем сорвалось, но зато на помощь из Тирасполя уже готов вылететь полным составом батальон "Днестр". Днестр от радости готов выйти из берегов. Двух толкований эта фраза не имела.

22 сентября 1993, 07:30

Министр безопасности Николай Галушко сидел в своем кабинете на Лубянке, задумчиво помешивая остывший чай в стакане с массивным подстаканником с эмблемой ВЧК-КГБ, изображающей щит и меч. Символ был весьма красноречивым. Вся свою историю возглавляемое ныне Галушко ведомство, прикрывая щитом партноменклатуру, рубило и глушило мечом собственный народ, не заметив в этой вдохновенной борьбе гибели того государства, безопасность которого это ведомство было обязано защищать.

Генерал-полковник Галушко родился в Омске в 1937 году. В КГБ попал после окончания тамошнего политехнического института и с 1964 года работал в Кемерово, начав с должности оперуполномоченного управления КГБ по Кемеровской области. Кемерово — район промышленный, а из этого логично вытекало, что этот район должен был кишеть шпионами и диверсантами. Но поскольку таковых никак обнаружить не удавалось, то именно тогда для облегчения результативности работы органов безопасности были придуманы расплывчатые формулировки о политическом шпионаже и идеологических диверсиях.

А когда, после 1967 года, к этому добавилась еще и борьба с сионизмом, то все стало просто замечательно. Органы оказались заваленными работой, личного состава катастрофически не хватало, и начался процесс дрожжевого расширения ведомства. Отделы разворачивались в управления, управления — в главки, звезды на погоны сыпались, как из рога изобилия. На открывшемся поприще Николай Галушко развил такую плодотворную

деятельность, что даже местные газеты иронизировали, что "сионисты подавились галушкой, поскольку не привыкли к национальной украинской пище".

Талантливому человеку заметили и в 1974 году перевели в Москву, что всегда являлось светлой мечтой любого провинциального чекиста. В столице Галушко стал сначала заместителем, а затем и начальником 2-го отдела 5-го управления КГБ — огромного управления, надзирающего над идеологической стерильностью трехсотмиллионного населения страны. Возглавляемый Галушко отдел вел "межнациональные отношения", то есть продолжал сражаться с сионизмом. Тогда же произведенный приказом самого Андропова в генерал-майоры Галушко был избран и депутатом Верховного Совета РСФСР. И что самое интересное — от Еврейской Автономной области. Удивляться этому может только тот, кто плохо знал советские карательско-идеологические методы.

Галушко — любимец Андропова — уже метил в начальники 5-го главного управления КГБ, но его объехал по кривой Иван Абрамов, которого даже в КГБ звали "Иваном Палкиным". Абрамов до этого возглавлял в управлении 1-ый отдел, боровшийся с той культурой, что наиболее ретиво выходила из-под контроля властей, в чем, естественно, тоже были виноваты сионисты. Так что оба отдела работали в тесном взаимодействии, что и позволило генералу Абрамову обойти генерала Галушко.

Оскорбленный Галушко потребовал объяснений у руководства, явно давая понять, что под начальством Абрамова он работать не намерен. Его перевели в Секретариат на должность генерал-лейтенанта, обещая первую же крупную вакансию. Между тем умер Андропов, а сменивший его генерал Чебриков, возглавлявший ранее кадровое управление КГБ, не забыл обещаний своего покойного шефа и в 1985 году перевел Галушко в Киев на должность заместителя председателя КГБ Украины.

Через два года, в 1987 году, Галушко стал председателем КГБ Украины, продержавшись на столь высоком посту до самого августовского путча 1991 года.

Во время путча его лучший друг Леонид Кравчук — член политбюро ЦК компартии Украины, ведавший идеологией, став на волне горбачевских реформ председателем Верховного Совета Украины, — отдал приказ об аресте председателя КГБ Галушко. Кравчук

стремился не отстать от Москвы, где был арестован председатель КГБ СССР Крючков. Галушко обвинили в активном соучастии ГКЧП, что было святой правдой. Кроме того, Кравчук, в одночасье превратившийся в "самостийника", обвинил Галушко в том, что тот "агент Москвы" и член радикальной депутатской группы "Союз".

Но, в отличие от Крюčkова, которому бежать было некуда, Галушко не дал себя арестовать и сбежал в Москву. Казалось бы, по царившим тогда в Москве настроениям беглый председатель КГБ Украины должен был либо быть арестованным, либо, в лучшем случае, отправленным в отставку и в небытие с шансами выплыть только на каком-нибудь полуфашистском митинге года через полтора.

На Лубянской площади сиротливо стоял постамент, с которого совсем недавно краном стащили железного Феликса, накинув ему на горло петлю из стального троса... А место председателя КГБ занимал "добрейший" Вадим Бакатин, публично поклявшийся очистить КГБ от всех, хоть как-то запятанных в борьбе со свободой и демократией. Но то ли потому, что сам Бакатин был некогда первым секретарем Кемеровского обкома КПСС и знал Галушко по совместным боям с международным сионизмом и идеологическими диверсантами, то ли по какой-то другой причине, но Галушко был снова взят в Центральный аппарат и некоторое время тихо работал в Секретариате сперва у Бакатина, а затем и у Баранникова. Из секретариата он также незаметно был переведен в заместители министра и как "профессионал" умело вел интригу против "мента" Баранникова, стуча на него своему старому кемеровскому другу Виктору Черномырдину, а через него — президенту.

Растроганный Ельцин, выгнав Баранникова, назначил именно Галушко исполняющим обязанности министра безопасности, хотя сам очень хотел видеть на этом посту своего очередного фаворита Степашина — бывшего милицейского политрабóтника, сделавшего неслыханную карьеру на волне липовой демократии, пройдя за неполных два года путь от подполковника до генерал-лейтенанта. Но Черномырдин убедил президента, что Степашин "дела еще не знает", а Галушко — профессионал.

А в глазах президента, когда эти глаза упирались в нового исполняющего обязанности министра безопасности, искрился какой-то немой вопрос, который пе-

ревести в смысловое значение можно было словами "справится или нет?"...

Галушко действительно был крутым профессионалом. Когда журналисты пришли в Центр общественных связей Министерства безопасности, чтобы что-нибудь написать и рассказать о новом исполняющем обязанности министра, их встретили обычными настороженными взглядами и почти гробовым молчанием. Журналистов спросили, а почему их вообще интересует личность Галушко? На кого они работают? Личность руководителя Министерства безопасности может интересовать только противника. "А ведь мы же с вами, товарищи, не собираемся помогать в этом противнику, как "агенты влияния"?" Представители прессы, успевшие уже отвыкнуть от подобных диалогов коммунистических времен, обнаглели настолько, что попросили фотографию Галушко для публикации в газетах. Это вызвало чуть ли не истерику в Центре общественных связей. Понимают ли они о чем просят? Фотографию Галушко! Американцы не пожалели бы миллиона долларов за фотографию Галушко. Создавалось впечатление, что исполняющего обязанности министра собираются в самое ближайшее время забросить в империалистический тыл в качестве разведчика-нелегала.

Устав от подобного маразма, журналисты отправились в архив бывшего Верховного Совета РСФСР, где и обнаружили целую пачку фотографий Николая Галушко и в фас, и в профиль. Вскоре, однако, личность нового исполняющего обязанности прорвала информационную блокаду и его улыбочивое лицо, украшенное очками в толстой оправе, стало мелькать на экране телевизора и в газетах. Обычно он сидел ошую президента вкупе с другими силовыми министрами Ериным и Грачевым, всегда скромно улыбаясь и преданно поглядывая на своего отца и благодетеля Виктора Черномырдина, который как премьер сидел одесную президента. Ельцин тоже благосклонно поглядывал на нового исполняющего обязанности, иногда пытаясь, правда, выяснить, чем нынче это ведомство занимается?

Хвастаться было совершенно нечем. Ведомство досталось Галушко в довольно потрепанном виде. Больше всего досталось родному 5-му управлению, которое на переходный период переименовали в Управление по защите конституционного строя. Не стало любимых отделов, занимающихся привычной борьбой с сионизмом, с

творческой интеллигенцией, с инакомыслием и с многим другим, с чем бороться можно было бесконечно, ничем не рискуя, но регулярно получая зарплату, и резво шагать вверх по служебной лестнице.

Управление ликвидировали, но его личный состав остался в наличии, маясь по кабинетам и не зная, чем заняться. Творческие муки сотрудников вскоре привели к новому переименованию управления. Название получилось звучное: Управление по борьбе с терроризмом. Но переход от борьбы с изучающими иврит евреями и читающими Солженицына придурковатыми интеллигентами на борьбу с терроризмом превратился в очень мучительный процесс сразу по нескольким причинам.

Первая из них заключалась в том, что террористы, как правило, были вооруженными и, не задумываясь, пускали оружие в ход, а получать пулю во имя любой идеи, а уж тем более без всякой идеи, никому не хотелось. Совсем не для этого все там стремились идти работать в КГБ, используя собственные связи и блат родителей.

Второй причиной было то, что большинство военизированных группировок, которые не стесняясь декларировали терроризм как составную часть своей деятельности, были в свое время созданы именно КГБ и находились под покровительством ведомства в качестве "дочерних фирм". В старые времена их подкармливали деньгами — не ахти, конечно, какими большими. А ныне все были посажены на хозрасчет, что в условиях "рыночной экономики" позволяло этим группировкам не только безбедно существовать, но и кое-что отчислять своим благодетелям. Поэтому трогать эти группировки было также неразумно, как и стрелять в собственных детей, кормящих своего родителя.

Поэтому никто не удивился, когда первыми террористами, пойманными управлением, оказались два профессионала-химика из закрытого НИИ, занимающегося разработкой новых видов боевых отравляющих веществ. Два профессора выступили на страницах газеты "Московские новости" с утверждением, что новая свободная Россия унаследовала все гнусные черты, присущие развалившемуся Советскому Союзу. Это утверждение основывалось на том, что, несмотря на все подписанные международные соглашения и декларации, Россия продолжает разрабатывать, испытывать и складировать химическое оружие, не считаясь ни с чем, в том числе и

с экологической напряженностью в районах полигонов, развернутых, естественно, в достаточно густонаселенных местах.

Оба ученых были немедленно арестованы и им было предъявлено обвинение в разглашении государственной и военной тайн. При этом почему-то все напрочь забыли, что арест ученых произошел после публикации статьи в американской газете "Балтимор сан" спустя месяц после выпуска "Московских новостей". Видимо, связь статьи в "Балтимор сан" и именами ученых так и не удалось доказать, а в газете "Московские новости" практически секретных данных не было. Однако, при существовании в стране более-менее свободной прессы подобные методы борьбы с терроризмом не могли привести ни к чему, кроме громкого общественного скандала. Что и произошло. Происшедшие в стране перемены были на лицо. К арестованным ученым пытались по старой доброй традиции не допустить адвоката, требуя от него "допуск", не предусмотренный никаким законом. Адвокат подал в суд, и тот постановил выпустить ученых из-под стражи за нарушение госбезопасностью закона об адвокатуре.

Ну, как в таких условиях можно было бороться с терроризмом!

Галушко ловил на себе укоризненные взгляды Виктора Черномырдина: "Простого дела поручить нельзя"...

Всю ночь Галушко совещался с Ельциным, который мимоходом поздравил его с производством в генерал-полковники и утверждением в должности министра. Около шести часов утра он прилетел вместе с президентом и его окружением в Кремль на вертолете, а оттуда отправился к себе на Лубянку первый раз в новом качестве: полноправного министра безопасности.

Однако он знал и другое. Ему уже было известно, что указом новоявленного президента Руцкого он, Галушко, отстранен от должности, а министром безопасности назначен вновь Виктор Баранников.

Представители нового министра уже пытались проникнуть на Лубянку. Нельзя было поручиться, что и сам он не пожалует сюда с минуты на минуту в сопровождении целого батальона "спецназа", вызванного откуда-нибудь из-под Москвы или из провинции.

Когда президентский вертолет приземлился на Ивановской площади в Кремле, Ельцин, угрюмо взглянув на Галушко, спросил:

— Надеюсь, вы все поняли?

Галушко понял даже больше, чем предполагал президент.

Практически ни один из его предшественников на этом посту, начиная с 1917 года, не умер своей смертью или не был выгнан с должности с грандиозным скандалом и со всеми вытекающими из него последствиями. Его не беспокоила ни судьба самого Ельцина, ни судьба страны и даже ни судьба вверенного ему ведомства. Его беспокоила собственная судьба. Он прекрасно понимал, что будет с ним лично, если Баранникову вновь удастся усесться в кресле министра, а Руцкой и Хасбулатов будут управлять страной. И все секретные документы, хранящиеся в архиве Ельцина, будут ими просмотрены и изучены.

Из Киева еще можно было бежать в Москву. Из Москвы же бежать некуда. Разве что в Багдад, Пхеньян или Гавану. Да и там его появлению никто не обрадуется и быстро выдадут, обменяв на запчасти к танкам или на пару цистерн с нефтью.

Министр снял трубку одного из телефонов.

— Евгений Вадимович,— спросил он.— Как движатся дела?

Выслушав ответ Савостьянова, Галушко вздохнул:

— Желательно побыстрее.

22 сентября 1993, 08:15

Александр Баркашов — лидер партии "Русское Национальное Единство" (РНЕ) — успел только снять с охранной сигнализации помещение штаб-квартиры партии, находящееся в здании Свердловского райсовета столицы на Петровке 22, как услышал пронзительные телефонные трели, доносящиеся из его, еще закрытого, кабинета.

Как и большинство людей, Баркашов не любил ранних телефонных звонков, справедливо считая, что они никогда не приносят приятных известий, особенно в такой день, как сегодня.

Баркашов был хорошо осведомлен о том, что произошло в стране за последние 12 часов, и в течение ночи успел проконсультироваться со многими лидерами правых, ультра-правых и откровенно фашистских группи-

ровок, к числу которых принадлежала и возглавляемая им РНЕ. Все: и "Память" Васильева, и "Отечество" Корчагина, и "Русская партия" Стерлигова, и "Республиканцы" Лысенко, да и он сам — единодушно решили не ввязываться в конфронтацию между одинаково ненавистными "жидами" Ельцина и "придурками" Руцкого и Хасбулатова. Пусть грызутся между собой. Наш час еще не настал! Но он грядет.

Войдя в кабинет и взяв трубку, Баркашов поморщился. Он ждал этого звонка, но надеялся, что именно сегодня его не будет...

Александр Баркашов родился в Москве в 1953 году. Его дед — ответственный работник ЦК ВКП(б) — прославился во время борьбы с космополитизмом. Результатом борьбы с космополитизмом, которая достигла своей кульминации как раз в год рождения Александра, явилась преждевременная смерть Сталина, гибель практически всего руководства госбезопасности, разгон остальных кадровых работников знаменитого бериевского МГБ, увольнение, а порой, и судебное преследование многих ответственных работников ЦК и правительства. В довершение всего была упразднена ВКП(б) и заменена каким-то новым и непонятным образованием КПСС, которое истинные партийцы-ленинцы не признали и по сей день.

Дед Баркашова принял поражение стоически. Ни перед кем не заискивал, новым властям не кланялся и уж, естественно, ни в чем не раскаивался. Для него в процессе этой яркой и кровопролитной кампании все стало ясно: во всех бедах страны виноваты евреи. В данный момент они оказались сильнее, но возмездие грядет. Другими словами, дед Александра Баркашова утешал себя почти теми же самыми словами, которыми утешал себя Гитлер в своем завещании: евреи оказались в данный момент, то есть в 1945 году, сильнее, но возмездие грядет. Хотя, конечно, завещания фюрера дед Баркашова не читал. Тогда просто не было возможности. Но воспитывая росшего без отца внука, дед сделал все возможное, чтобы передать ему свой меч жидоборца. "Мой дед, — рассказывал в одном из многочисленных интервью сам Баркашов, — был одним из тех, кто в конце 40-х годов организовал борьбу с жидами-космополитами. Он подробно рассказывал о вреде, который наносят евреи русскому народу. Мудрый был старик: предостерегал от всех контактов с евреями..."

Старик был действительно мудр, поскольку призывал бороться с противником, не вступая с ним в контакт, как требовали того секретные партийные инструкции его времени. Это вообще очень интересная борьба без какого-либо контакта. Мистическая борьба на каком-то астральном уровне. На это были способны только настоящие большевики старой закалки. Поэтому, гордясь своим дедом и его борьбой, Баркашов еще в юном возрасте был несколько разочарован теми слюнвявыми методами, с помощью которых ВКП(б) боролась с мировым злом неконтактным способом. Резким контрастом на бледном фоне большевиков-сталинцев выглядела яркая фигура бессмертного Адольфа Гитлера, который беспощадно сражаясь с евреями, не пожалел ни своей страны, ни самого себя, но преподнес евреям такой урок, что вздрогнуло и задрожало все мировое еврейство!

Конечно, жаль, что Гитлер был немцем, а не русским. Прискорбно также, что, гонясь за евреями, он попутно уничтожил и 26 миллионов русских. Но, право, это были мелочи, на которые можно было не обращать особого внимания! Что эти мелочи по сравнению с Трэмблинкой и Освенцимом, где круглосуточно уничтожали евреев в газовых камерах. Разве можно эту яркую эпопею, достойную нордического эпоса, даже отдаленно сравнивать с трусливо сфабрикованным "делом врачей" или расстрелом нескольких еврейских писателей и актеров.

Тяга к Гитлеру у Баркашова была настолько сильной, что он стал даже называть покойного фюрера на русский манер "Адольфом Алоисовичем" и даже теоретизировал на тему, что Гитлер был по происхождению, если не русским, то уж точно славянином. В Баркашове проснулся извечный российский комплекс неполноценности и желание примазаться к любой славе в мировом масштабе, будь то победа Израиля в шестидневной войне, когда утверждалось, что все израильские генералы прошли подготовку в Советской армии, будь то немецкий генерал Гудериан, о котором рассказывали, что он родился в Ереване, окончил академию в Москве, а потом сбежал к немцам при невыясненных обстоятельствах.

В таких условиях и Гитлер вполне может в итоге превратиться в чисто русского человека с православной душой, который вообще не ставил перед собой никаких

задач, кроме как освободить Россию от жидовского ига, но слегка погорячился. С кем не бывает!

Но нет пророков в своем отечестве!

Конечно, следует признать, что модельеры Третьего рейха и все прочие, ответственные за дизайн и сурово-мистическую атрибутику, были более талантливыми, нежели их коллеги в СССР, зажатыми между серпом и молотом рабоче-крестьянского камуфляжа. Но что касается всего остального, то гитлеровский рейх выглядел жалкой пародией на фоне военно-фашистской империи, которую создал Сталин на территории Советского Союза.

Глупое и прямолинейное поведение самого фюрера, а равно и всех структур его истерической службы пропаганды привели лишь к тому, что всего через четыре года после того, как Гитлер, дождавшись смерти президента Гинденбурга, объявил себя фюрером германской нации, Германия уже была вынуждена вести войну против всего мира и, естественно, была раздавлена. В итоге, запланированный тысячелетний рейх просуществовал менее 12 лет. "Если бы не эти проклятые евреи, мы никогда не проиграли бы войны", — в истерике кричал на Нюрнбергском процессе Альфред Розенберг (автор книги "Миф XX века") и был совершенно прав, не считая того, что не будь "этих проклятых евреев", война, если бы она все-таки началась, все равно была бы проиграна из-за тупиковой бесперспективности режима.

В отличие от Гитлера Сталин, будучи зоологическим антисемитом, тем не менее никогда не желал бросать вызов столь грозному противнику, как евреи. Он хорошо знал, какими бывают ответные удары. И только, когда вождь всех народов впал в полный маразм, его безответственные сообщники втянули его в войну с евреями, не столько даже для того, чтобы указать евреям России путь в Израиль (хотя за это было заплачено), сколько для того, чтобы под шумок ликвидировать своего любимого вождя и учителя. Что и было сделано.

Видимо, столь сложные хитросплетения борьбы с мировым сионизмом были не до конца поняты дедом Баркашова, несмотря на всю его мудрость. А потому он и внука учил только в рамках своего собственного понимания и тем самым, помимо ненависти к евреям, попутно внушил ему и сильнейшую антипатию к коммунистической партии, не умеющей бороться с евреями по-настоящему.

Это было и понятно, поскольку сама коммунистическая партия была еврейским изобретением.

Но если евреи, пребывая в гордыне, придумали коммунистическую партию для закабаления русского народа, то русские в качестве ответной меры придумали НКВД, и шансы уравнились.

К тому времени, как Баркашов попросился в армию, беспощадная война с космополитизмом уже поросла буйем, а НКВД, пройдя через несколько "очистительных мероприятий", как любил выражаться товарищ Сталин, превратился в КГБ. И что бы ни говорили об этой организации злые языки, но "очистительные мероприятия" не прошли для нее бесследно. КГБ — это уже был не НКВД и даже не МГБ. Это был КГБ со своими многочисленными комплексами, неизбежными у любой организации, которую периодически почти полностью вырезают и обливают помоями.

Как раз в это время на смену позабытой борьбе с космополитизмом начала разворачиваться не менее, на первый взгляд, масштабная, борьба с сионизмом, и КГБ остро стал нуждаться в специалистах. Война с космополитами продолжалась относительно недолго, представляя из себя нечто вроде "блицкрига", а потому в ходе ее не успели создать никакой теоретической базы. Никто не успел защитить не только докторской или кандидатской диссертации, но и выпустить какую-нибудь более или менее солидную монографию на эту тему.

Старые бойцы, памятуя о жестоком поражении в марте-апреле 1953 года, предпочитали помалкивать и не рисковать своими генеральско-полковничьими пенсиями, которые у них постоянно грозили отобрать, если они снова начнут достаточно громко чирикать. А новых бойцов еще предстояло подготовить.

К этому времени Баркашов успел закончить школу и отслужить в армии срочную службу. Учиться он не хотел и не любил по многим причинам, одной из которых было большое количество евреев-преподавателей в системе высшего и среднего специального образования, что неизбежно привело бы к контакту, отчего строго предостерегал дед. Поэтому Баркашов выбрал самую нееврейскую профессию: он стал слесарем и работал на ТЭЦ-23. Но поскольку он был, подобно Штирлицу, родом из семьи так называемых "профессиональных революционеров" (все-таки дед, работник ЦК, худо-бедно, но сохранил кое-какие связи), то вокруг него стали виться лихие ребята.

та из 1-го отдела при 5-м управлении, которые специализировались на борьбе с сионизмом во всех его дьявольских проявлениях.

Общий язык был найден очень легко, но когда Баркашов попросился в ряды профессиональных борцов с сионизмом, ему было вежливо отказано. Отказано под предлогом, что у него нет высшего образования. При создании КГБ какой-то идиот постановил, что все кадровые сотрудники этого ведомства в качестве неременного условия должны иметь высшее образование любого профиля. Но высшее. А у Баркашова было неполное среднее. Зачем для борьбы с сионизмом необходимо высшее образование, которое в данном конкретном случае только мешает, никто Баркашову даже не объяснил, поскольку никто и не знал. Но правило — есть правило, и нарушать его никто не волен.

Зато в виде исключения Баркашова приняли в подпольную секцию каратэ, где в те времена обучались исключительно сотрудники КГБ...

Между прочим, многие задавали себе вопрос: зачем работникам КГБ того времени нужен был в дополнение к обычной подготовке по самбо еще и курс боевого каратэ? Выбивать ударом ноги из рук трясущихся от страха интеллигентов книги Солженицына и Авторханова? Или эффектно разбивать на них очки? Даже в рабовладельческом обществе у элиты свои законы и многое, чем они занимаются, просто должно быть непонятно рабам. Недаром в уголовном кодексе РСФСР немедленно появилась статья, грозящая тюремным сроком и крупным денежным штрафом любому, кто вздумает изучать приемы каратэ без специального на то разрешения.

Говорят, что Баркашов оказался очень талантливым каратистом и быстро стал инструктором, обучая своих недавних наставников. Несколько позднее, на волне захлестнувшего страну либерализма ему разрешили создать полуофициальную секцию каратэ, замаскированную под клуб культуристов. Туда отбирали главным образом школьников, разумеется, только русских и в процессе обучения старались привить им незатейливую идеологию воинственного робота. Таких клубов в Москве и в подмосковье в середине 80-х годов было создано около дюжины (достаточно хотя бы вспомнить знаменитых "люберов"), и за всеми ними тенью стоял КГБ, готовя будущую гвардию уличных побоищ. Конечно, и тут все делалось грубо, с массой проколов, а по мере высвобожд-

дения прессы из тоталитарных оков, все эти клубы, попадая под луч общественного прожектора, начинали исчезать один за другим. В условиях гласности и свободы печати КГБ становилось все сложнее работать, а простые методы становились уж очень очевидными.

Еще в начале 70-х годов было создано общество "Память". Создано оно было кучкой энтузиастов в пику существующему в стране режиму. Главной целью общества было сохранение русской национальной истории после семидесяти лет ее непрерывного изнасилования.

Задачи, которые поначалу ставило перед собой общество "Память", были благородными и по тем временам очень смелыми. Общество восстанавливало данные о разрушенных храмах, каковых только в Москве можно было насчитать не менее 300, а по России — десятки тысяч. Члены общества исследовали старые, заброшенные кладбища, находя могилы выдающихся русских политических, военных и общественных деятелей, чьи имена были сознательно забыты, а могилы уничтожены, разграблены и осквернены.

Общество первым подняло вопрос о гнуснейшем преступлении ленинской банды — убийстве последнего русского царя вместе с женою и детьми, включая и несовершеннолетнего царевича Алексея. Общество первым вспомнило о выдающемся русском государственном деятеле Петре Столыпине и об обстоятельствах его подлого убийства в Киеве.

За все подобные изыскания в те времена можно было вполне схлопотать до семи лет тюрьмы и пяти лет последующей ссылки. Что-либо легально опубликовать по этим вопросам было совершенно невозможно. Приходилось прибегать к самиздату, ксерить брошюры, изданные на Западе, входить в несанкционированные контакты с иностранцами. Другими словами, заниматься деяниями, предусмотренными статьей 70 УК РСФСР, относящей их к разряду особо опасных государственных преступлений. Потому не удивительно, что КГБ глаз не спускал с этой странной организации, быстро подвесив ей в своих официальных сводках ярлык "националистической".

По поводу общества "Память" мнения в тогдашнем 5-м управлении КГБ полярно разделились. Одни считали, что для отчетности было бы совсем не плохо арестовать несколько человек из руководства общества

и вывести их на процесс по обвинению в клеветнических измышлениях, порочащих советский государственный и общественный строй без признаков (или с признаками) измены Родине. Другие считали, что общество пока трогать не целесообразно. Напротив, его необходимо напиговать нужными людьми и повернуть в иное русло, а проще говоря скомпрометировать. В данной обстановке это гораздо лучше, чем делать из них мучеников. Многие не понимают, что в действительности, появление общества "Память" очень напугало власти, которые пуще огня боялись объединения русского народа на основе какой-нибудь светлой и красивой национальной идеи, поскольку это немедленно создало бы мощный русский народный фронт наподобие уже созданных фронтов в национальных республиках, против которых власти были совершенно бессильны.

Поэтому было принято замечательное по своей простоте решение: повернуть общество на путь антисемитизма — проверенный годами путь, ведущий в некуда, но сулящий огромные дивиденды. Во-первых, все эти придурковатые чудаки, собирающие сведения о русских церквях, об уничтоженных священниках, о Столыпине и царе, сами убегут из "Памяти", увидев на какой путь это общество встало, а во-вторых, что еще более важно, пусть от самого слова "русская национальная идея" пойдет такой смрад, что отобьет у кого-либо охоту собирать русские народные фронты с какой-либо иной целью, кроме борьбы с евреями.

Именно в это время в обществе "Память" появляются Баркашов и знаменитый Дмитрий Васильев. Шел 1985 год — именно тот год, когда КПСС реально поняла, что ей надо уходить с политической сцены. Иначе она рискует навсегда потерять свои власть, могущество и те несметные богатства, которые ей удалось в течение семидесяти лет выжать из раздавленного, оплеванного и ограбленного народа. Подобное отступление по всем законам военного искусства необходимо было прикрыть дымовой завесой, чтобы никто не заметил трогательного расставания партии и народа, которые, по свидетельству развешанных по всей стране лозунгов, всегда были едины.

И "Память" пошла чадить черными клубами антисемитизма по методикам начала века, которые, пытаясь именно на евреев направить всю энергию народного гнева, разумеется, составлялись без учета существова-

ния государства Израиль, в те годы, как известно, не существовавшего, но существующего ныне. Для помощи бсевому отряду, прикрывающему подобными методами бегство любимой партии с награбленной добычей, были срочно перепрофилированы в нужном направлении журнал "Молодая гвардия", принадлежавший ЦК ВЛКСМ и "Наш Современник", принадлежавший идеологическому делу ЦК КПСС, о чем мало уже кто помнит. Аналогичное задание было дано и нескольким провинциальным журналам, подкармливаемым КПСС, но у тех было мало фантазии и опыта в новом деле, так что они в основном занимались перепечаткой из столичных изданий.

Пока общество "Память", членам которого на деньги КГБ уже была пошита черная форма с портупьями, собирало шумные, хотя и немногочисленные, митинги, клеймя сионизм вообще и всех евреев в частности, перепрофилированные журналы в виде поддержки с тыла и флангов развернули невиданную даже в дореволюционной России антисемитскую кампанию. Руководимые героем социалистического труда, бывшим ответственным работником ЦК Анатолием Ивановым, журналы, именуя себя "истинно русской прессой", быстро переплюнули знаменитый "Штюрмер" Юлиуса Штрайхера, о котором даже Гитлер говорил "как о единственной форме порнографии, разрешенной в третьем рейхе".

На читателей обрушили все: от ритуальных убийств евреями христианских младенцев и протоколов сионистских мудрецов до псевдонаучных статей Вадима Кожина, утверждавших, что хазарское иго было ужаснее татаро-монгольского, поскольку хазары исповедовали иудаизм. На митингах и со страниц бывших коммунистических журналов набатом звучал призыв спасти Россию от жидов.

Подобные компании в такой многонациональной стране, каким был Советский Союз, вели к дезинтеграции государства с гораздо большей стремительностью, чем некогда в Российской империи, которую разваливали теми же методами. Антисемитизм неразрывно связан с ростом русского национализма, а этот национализм, независимо от его тактической направленности, больно бьет по всем национальным меньшинствам и меньше всего по евреям, которые в настоящее время представляют из себя почти единственное национальное меньшинство, имеющее государственное образование за

пределами бывшего СССР. Возможно, что так оно и было задумано: те, кто запустил в середине 80-х годов мощную антисемитскую кампанию, ставили в качестве главной задачи ускорить развал Союза, а ныне трудятся над развалом Российской Федерации.

Если это не так, то налицо поразительный случай политической слепоты и неспособности разглядеть реальную угрозу на фоне выдуманной или навязанной мифической опасности.

Когда в 1991 году рухнул Советский Союз, все зарождающиеся фашистские и националистические группировки впали в состояние шока вместе со своими спонсорами и кураторами, а пущенный кем-то слух, что за спиной всех этих группировок стояли жидо-масоны и израильская разведка, привел к расколу "всесоюзной "Памяти" и к первым разборкам по поводу истинной национальной принадлежности ее лидеров.

В самом деле, если евреями являются Ельцин, Козырев, Примаков и Собчак, то почему ими не могут оказаться тот же самый Васильев или Баркашов, выполняющий при Васильеве роль начальника штаба. В итоге Баркашов, посоветовавшись с руководством, ушел из "Памяти", громко хлопнув дверью.

"Мы расстались с Васильевым,— рассказывал позднее сам Баркашов,— когда поняли, что заниматься организацией по-настоящему он не может или не хочет. Одни и те же театрализованные представления в узком кругу или перед журналистами, одни и те же речи... Я так понимаю, что его все это вполне устраивало. Нам же нужна широкая, серьезная организация. Я, собственно, был вторым человеком в "Памяти", занимался конкретной работой с молодежью, охраной наших мероприятий, тиражированием и распространением пропагандистской литературы. Черновая, тяжелая работа, а потому и занимались этим наиболее преданные нашему делу люди. Они ушли вместе со мной..."

Впрочем, те, что ушли с Баркашовым, вскоре так же раскололись. Добрую половину ушедших увел бывший друг и соратник Баркашова Виктор Якушев, основав свой собственный "Национал-социалистический союз"

Якушев, амбициозный и захваченный смелыми идеями будущего нацистского рабовладельческого государства, где истинными "арийцами" будут признаны не более 5% населения, явно метил в фюреры, кичась перед недоучкой Баркашовым своим высшим экономичес-

ким образованием и, видимо, забыв известные слова Гитлера, что он благодарит судьбу именно за то, что у него нет высшего образования. Сталин, кстати, тоже не имел высшего образования. Правда, судьбу за это никогда не благодарил. Идеи Якушева были настолько бредовыми, что Баркашов расстался с ним почти без всякого сожаления, даже начав подозревать, что его друг либо скрытый еврей, либо масон.

Кроме идейных мотивов, для раскола существовали и более весомые. После крушения Советского Союза КГБ резко сократил субсидии на организации подобного рода, недвусмысленно предложив им всем войти тем или иным образом в рынок. Дмитрий Васильев, склонный, как и всякий вождь, к некоторой истеричности, откровенно обвинил спонсоров в предательстве и полной евреизации, а затем демонстративно отправился в Ярославскую область руководить "Русской фермой", выращивающей свиней (видимо, в пику евреям).

Некоторые бывшие члены общества "Память" разбежались по некоторым родственным группировкам, которые стали быстро размножаться путем деления из-за бесконечных финансовых и идеологических разногласий, предательства спонсоров, навязывающих им задачи, которые никто не собирался решать.

Совпавшая по времени с этими событиями таинственная гибель нескольких крупных "жидоборцев", включая и главного идеолога "антисионизма" Евсеева, а также внезапное осуждение судом к тюремному заключению знаменитого Смирнова-Осташвили и его быстрая гибель в зоне, представленная как самоубийство, заставили несколько приутихнуть остальных, а вождей — обложиться со всех сторон телохранителями.

Именно в это время Баркашов создал партию "Русское Национальное Единство". Организационно структура новой партии копировала армейский полк, предполагая наличие отделений, взводов и рот, сведенных пока что в батальон. В партии немедленно была введена военная дисциплина: младший по званию беспрекословно подчиняется старшему под страхом жесточайшего наказания, не исключаяющего и ликвидацию. Беспрекословная дисциплина обязана была сочетаться с абсолютной преданностью делу. Естественно, была разработана и строжайшая "табель о рангах". Во главе партии стоял, как и водится, вождь, которому подчинялся "совет движения" из нескольких авторитет-

ных соратников. "Соратник" являлся высшим званием в партии, и таких насчитывалось около 150 человек.

Если верить многочисленным статьям и интервью Баркашова, "соратники" — это люди, для которых не существует слов "не могу": ни семья, ни работа, ни состояние здоровья не могут повлиять на готовность "соратника" выполнить приказ. Каждый из них возглавляет группу "сподвижников" от пяти до семидесяти человек. "Сподвижники" — это тоже достаточно надежные и преданные люди. "Сподвижник", наработав определенный стаж и доверие, имел шансы быть произведенным в "соратники". На низшей ступени иерархии — простой, как идеальный социализм Платона, — стояли "сочувствующие", не связанные столь жестокой дисциплиной и привлекаемые только тогда, когда необходимо было продемонстрировать массовость движения на страх врагам, а также для получения ассигнований от спонсоров.

Безукоризненно была разработана система оповещения и сбора групп, позволяющая в короткое время собрать в любой точке Москвы до нескольких тысяч человек. Впервые большой сбор был опробован на практике во время августовского путча, но тут подвели кураторы, запутавшись от страха в обстановке. Еще накануне путча эти самые кураторы попросили Баркашова опубликовать "от имени всех русских людей" требование ввести в стране чрезвычайное военное положение, приостановить деятельность органов высшей исполнительной и законодательной властей, создав при этом "временный государственный орган с чрезвычайными полномочиями из представителей армии, КГБ, МВД и граждан, проходящих службу в Афганистане". Тогда попытка превратить собственную страну в Афганистан провалилась, но все с оптимизмом смотрели в будущее.

Разумеется, такой военизированной организации необходима была униформа, и ее пошили. Это были черные рубашки с портупьями, черные бриджи, заправленные в высокие яловые сапоги. (Хромовые полагались только вождю). Не менее важной была и эмблема. Куратор из КГБ предложил без затей простую свастику, мотивируя это тем, что ни один символ не вызывает у евреев большего трепета, чем свастика. "Совет соратников", да и сам Баркашов, сильно колебались. Все-таки партия русского единства, а не союз

бывших эсэсовцев. Символика хороша, но уж больно не национальна. У евреев трепет вызывает. Тут не поспоришь. Но и у русских эта эмблема тоже вызывает не очень положительные эмоции. Кроме того, свастику уже заездили разные малолетки из всевозможных фашистских "кружков": разные там поклонники Салазара, Муссолини и легендарного харбинского фюрера русских фашистов Родзаевского. В партии Корчагина тоже свастика, хотя и с восемью лапками. У кого-то — с тремя.

"Петрович, — сказал куратор проникновенно Баркашову. — Так надо"

Насаждавший в своей организации железную дисциплину Баркашов столь же беспрекословно умел и подчиняться. Раз надо, что ж поделаешь!

Но все-таки добился права свастику слегка стилизовать. Крест составили из четырех ракетных боеголовок, а сами поперечные лапки чуть опустили вниз. Вроде это была и свастика, но все же не копия канонической немецкой. Позднее крест из четырех ракетных боеголовок без зазрения совести объявили "богородицкой звездой", а саму свастику — самым древним и почитаемым русским символом. Впрочем, никто не возражал. Ведь сказал куратор: "так надо"! Куратор требовал мало, а давал много. Помещение "партия" получила прямо в здании Свердловского райсовета, чей председатель Александр Семенов, занимавший до всенародного избрания на этот высокий пост должность начальника Бутырской тюрьмы, встретил баркашовцев с распростертыми объятиями. В выделенном помещении работали средства спецсвязи, откровенно хранилось оружие.

Естественно, что такая организация должна была иметь и свой рупор. Куратор обеспечил регулярный выход двух газет: "Русский порядок" и "Наш марш" общим тиражом 185 тысяч экземпляров. Несмотря на явную убыточность, газеты выходили без перебоев и продавались по 2 рубля при себестоимости каждого номера в 150 рублей. Но разве можно перевести на какие-то там деньги звучный набат партийных газет — этих "организаторов масс", как выражались (не сговариваясь) Ленин и Гитлер.

Газета "Русский порядок" в это время, в частности, писала:

"Наши черные рубашки и военизированная экипировка — это национальный волевой акт! Сегодня, когда

разрушены все присяги, одевающий черную рубашку как бы присягает Отечеству и нации словами: "Россия или смерть!"

"Русскому порядку" вторил "Наш марш", которому границы России сразу показались тесными:

"Мы стоим за ортодоксальную национал-социалистическую организацию. Мы признаем Адольфа Гитлера нашим фюрером и стремимся продолжить дело, начатое им. "Майн кампф" — наша идеологическая база. Наша цель — воссоздание национал-социалистического рейха и, в конечном итоге, — новый порядок в Европе, который обеспечит всем белым людям полноценную жизнь. Не может не тревожить тот факт, что мировое еврейство заменило не слишком эффективную еврейскую тиранию, известную под словом "коммунизм", на более действенную, обозначенную терминами "капитализм" и "свободный рынок"..."

Из номера в номер газеты писали о необходимости объединения ради спасения белой расы и приоритета коренной нации в России.

Их призывы были услышаны. Коренные нации в Татарстане, Казахстане, Грузии, Азербайджане и прочих бывших "братских республиках" развалившегося Союза быстро подняли голову и, объявив русских враждебным национальным меньшинством (а то и просто "оккупантами"), стали создавать для русских людей совершенно нетерпимые условия проживания и нормальной деятельности.

Но Баркашова и его "чернорубашечников", а равно и их кураторов, это мало интересовало. Их совершенно явной целью стало создание в стране обстановки хаоса.

"Мы будем единственной силой, — указывал Баркашов, — не считая, конечно, армии, способной поддерживать порядок на этой территории в условиях хаоса, который неизбежен. У нас есть специальные группы по контролю за системами водо-энерго-теплоснабжения, других жизненно важных объектов..."

Таким образом, пока одни готовили хаос другие готовились взять его под контроль.

А пока необходима была интенсивная боевая и политическая подготовка. Боевики организации проходили выучку по каратэ и прочим дисциплинам рукопашного боя прямо в спорткомплексе "Динамо", а для упражнений в стрельбе арендовали тир МВД. При этом лихо вскидывали руку в партийном приветствии, правда,

говоря вместо знаменитого "хайль!" — "Слава России!" и обращаясь друг к другу словом "товарищ".

Все это было более чем откровенно и особенно тот факт, что власти, отлично зная о существовании РНЕ, никак его деятельности не препятствовали и даже поощряли, предоставляя центральные газеты для того, чтобы Баркашов мог высказать свои взгляды.

И он высказывал их, не стесняясь.

"В России существует только и прежде всего "русский вопрос". После 1917 года, воспользовавшись временной слабостью нации и государства, огромное количество лиц еврейской национальности устремилось к власти и захватило высшие рычаги управления государством и среднее его звено. После этого они учинили массовый террор и геноцид русского народа... Поэтому им лучше уехать отсюда, пока не поздно", — говаривал Баркашов корреспондентам столичных газет, повторяя слово в слово сказанное известным писателем Валентином Распутиным. Кто кого повторял — неизвестно, но то, что оба регулярно читали журнал "Молодая гвардия" и инструктировались в одном офисе — не требует доказательств.

Глобальная борьба с мировым еврейством, как и всякая глобальная задача, затемнялась повседневными заботами.

На содержание организации нужны были деньги. Вначале КГБ тратило доставшиеся ему по наследству деньги КПСС с присущей этой конторе лихостью, не забывая никого из своих подопечных. Но постепенно и в КГБ проникли рыночные настроения, жестко диктующие необходимость прекращения столь неслыханного мотовства. Баркашову было предложено пустить выделенные ему деньги в оборот. Другими словами, воину было предложено заняться торговлей, от чего явно исходила опасность евреизации.

Но делать было нечего. Деньги пропустили через Нижегородскую биржу и несколько "родственных" банков, получая, не ахти, правда, какие дивиденды. Кроме того, достаточное количество молодых и натренированных парней, одетых в пугающую униформу, было просто грешно не использовать в таком прибыльном деле, как рэкет, и не только зарабатывать себе на существование, но и кое с кем делиться. Поэтому его боевикам пришлось в свободное от политзанятий и тренировок время "сторожить" ненавистные "жидовские"

коммерческие фирмы и ларьки, отпугивая от них дикий московский рэкет.

Сами рэкетеры относились к РНЕ как к более сильной мафиозной структуре, правильно поняв, что ни одна столичная преступная группировка не была столь прекрасно организована и военизирована. С баркашовцами остерегалась портить отношения даже чеченская группировка, не боящаяся самого дьявола. Поэтому мелкие палатки и ларьки, разбросанные, главным образом, в районе Кремля, без лишних напоминаний выплачивали будущим спасителям России установленную дань.

Сам председатель Свердловского райсовета Александр Семенов, когда его достали корреспонденты бесконечными вопросами, "на каком основании в здании райсовета развернут штаб военизированной фашистской группировки", заключил с Баркашовым договор на охрану здания Свердловского райсовета и стал платить РНЕ зарплату.

Не менее важным делом была консолидация партийных кадров. При РНЕ была создана служба безопасности, которую возглавил Александр Кочетков, занимавший по совместительству должность редактора "Русского порядка". Для начала из "партии" выгнали всех монархистов, пришедших вместе с Баркашовым из "Памяти". Затем — тайных агентов Дмитрия Васильева, которых набралось не мало. Ненависть к Васильеву росла, поскольку через РНЕ стала распространяться информация о том, что Васильев не только еврей, но и гомосексуалист. В последующем стали беспощадно гнать "рассуждающих" независимо от темы рассуждений, а "соратников" разделили на две категории — старую и новую гвардию, как в армии Наполеона. После чистки "соратников" осталось 250 человек.

Почти все оказались проверенными в реальной боевой обстановке.

Группы баркашовцев посылались в "горячие точки", сражались в Приднестровье, в Карабахе, в Абхазии и даже в Сербии. В последнем случае за баркашовцами были закреплены боевые позиции вблизи одного из сербских сел. Воевали они "вахтенным методом", сменяющимися через месяц отделениями по 12 человек. За два года войны практически все "соратники" прошли там школу боевой выучки. Их переброской в Сербию официально занимался постоянный представитель одной из югославских фирм, живущий в Москве. Служа

прикрытием, он как бы посредничал при получении загранпаспортов, оформлял боевиков туристами и выплачивал каждому из них по триста немецких марок "подъемных".

Решив таким образом финансовые и организационные вопросы, а также вопросы, связанные с боевой и политической подготовкой, РНЕ постепенно преодолевало необходимость самоизоляции и осторожно искало союзников. В мире все процессы идут одинаково: сперва деление, затем попытки слияния и так до бесконечности.

Хотя Баркашов и считал Илью Константинова "перекрасившимся еврейчиком", но не брезговал сидеть в президиумах на собраниях Фронта Национального Спасения (ФНС), а его "соратники" со свастиками на рукавах стояли в почетном карауле, создавая всем партия, входящим в ФНС, соответствующий имидж.

ФНС, как и всякое искусственное образование, потрясали внутренние противоречия, поскольку самые оголтелые безумцы, собравшись вместе, сразу делятся на радикалов и умеренных и служат легкой добычей для провокаторов всех мастей.

На последнем собрании ФНС Баркашов открыто обвинил всех присутствующих в "полной евреизации" и неспособности чем-либо заниматься, кроме словоблудия. Началась разборка: а чем, собственно, занимается он сам? Мосты взрывает или пускает под откос поезда?

Было ясно, что международный сионизм уже накрыл своей сетью и ФНС, а потому "пребывание в нем оказалось несовместимым с высокими идеалами "Русского национального единства". По слогу баркашовских документов становилось очевидным, что один из его "соратников", сочиняющих заявления и призывы, ранее работал в каком-либо отделе печати и информации при ЦК ВЛКСМ.

Более-менее отношения складывались только с "Союзом офицеров" Терехова. Ультраправые группировки всегда тяготеют к армии, "слиться в экстазе" с которой постоянно препятствуют ревнивые спецслужбы-кураторы. И это, кстати, не только в России.

КГБ деликатно, но непоколебимо, перекрывал возможные контакты РНЕ с армией. Нежные мозги нашего офицерского корпуса могли не устоять перед искушением заменить красную звезду на "богородицкую" и тогда бед было бы не обернуться. КГБ хитро и ненавязчиво блокировал все каналы, по которым Баркашов пытался

установить связи с армией, оставив ему возможность контакта лишь с "Союзом офицеров" подполковника Терехова. Да и тут не обошлось без тренировок. Весь офицерский корпус бывшей советской армии был воспитан на традициях Второй мировой войны и вид свастики, которая по замыслу идеологов РНЕ должна была вызывать трепет у евреев, их тоже не вдохновлял на подвиги. Офицерский корпус сверху до низу был слишком красным, а баркашовцы — слишком коричневыми и стихийное создание красно-коричневого устойчивого гибрида оказалось сложнее, чем многие думали.

Представители высшего армейского командования при виде свастики просто теряли самообладание. Многие из них были участниками Второй мировой войны и сам вид свастики не вызывал у них других желаний, кроме желания немедленно открыть огонь. Это же касалось и ветеранов, устраивающих шумные шествия под "серпасто-молоткастыми" знаменами с портретами Ленина и Сталина. Ветераны поначалу глотали пригоршнями валидол, когда в их колоннах неожиданно поднималось знамя со свастикой. Люди Баркашова терпеливо объясняли всем желающим слушать, что свастика — это древний славянский символ, а у них на знамени и на рукавах вовсе не свастика, а "богородицкая звезда". Что такое "богородицкая звезда", плохо понимали не только ветераны, но и священники. Для многих поначалу было откровением даже то, что люди Баркашова — русские, а не заезжая банда из Германии.

Сам Баркашов к особой популярности не стремился. "Мое время еще не пришло, — говаривал он. — Но оно не за горами"...

Телефонный звонок, раздавшийся в его штабе утром 22 октября, прозвучал набатом и дал понять Баркашову, что его время настало.

Однако это его ничуть не обрадовало. Он стал быстро соображать, как объяснить "Совету "соратников" столь резкую перемену планов. Ведь еще ночью было решено ни во что не ввязываться, а спокойно наблюдать, как обе стороны будут уничтожать друг друга морально и физически.

После недолгого раздумья выход был найден. "Нам предоставляется уникальная возможность раздобыть, и притом совершенно бесплатно, сколько угодно оружия из запасов Белого Дома". Это — для совета. А с остальными

ми можно не церемониться. Приказ вождя давно уже никто не смел обсуждать в РНЕ.

22 сентября 1993, 09:10

Сергей Бабурин никогда не чувствовал ранее такого прилива творческого вдохновения. Когда было объявлено о продолжении сессии Верховного Совета, он попросил слово одним из первых. В зале собралось около 120 человек. Все выглядели возбужденными и энергичными, несмотря на то, что многие провели бессонную ночь. На пустующих местах и на галерке собралось много посторонних людей, среди которых выделялась большая группа коммунистов во главе с Геннадием Зюгановым, который не будучи депутатом, в последнее время просто не вылезал из Белого Дома, инстинктом чувствуя приближение того самого хаоса, в котором коммунисты, как стервятники, всегда устраивают себе черное пиршество. Рядом с ним, что-то возбужденно рассказывая, сидел лидер фракции коммунистов в Верховном Совете Иван Рыбкин — бывший второй секретарь Волгоградского обкома КПСС, взлетевший в свое время вверх благодаря знаменитой революции "вторых секретарей", инспирированной Михаилом Горбачевым.

Бросалось в глаза большое количество людей в камуфляже без знаков различия. Все они были, как правило, среднего или даже почтенного возраста и "камуфляж" на них выглядел как-то странно, наподобие современной маскировочной сетки на пушке времен Бородинского боя.

Лидер "Фронта национального спасения" Илья Константинов сидел, откинувшись в кресле, скрестив руки на груди. Временами он теребил бороду, выдавая свое возбуждение.

Аудитория обязывала к сильному, в духе момента, выступлению, и Бабурин не разочаровал слушателей.

Темой его выступления было оглашение документа, именуемого "Законом о внесении изменений и дополнений в УК РСФСР" и полностью отвечающего потребностям дня. В новом законе, представленном Бабуриным на суд народных депутатов, предусматривалось в качестве ответственности за действия, направленные на насильственные изменения "конституционного строя", лишение свободы на срок от 6 до 12 лет, а если действия имели тяжкие последствия или были совершены должностным лицом — лишение свободы на срок от 10

до 15 лет или смертную казнь с конфискацией имущества.

Таким образом, президент Ельцин уже попадал под расстрел с конфискацией имущества, что вызвало овацию в зале!

Театрально наклонив свой лик провинциального Мефистофеля, Бабурин переждал овацию и радостные крики народных избранников, а затем приступил к прочтению второго документа, который был не менее жестким, чем первый.

Это был проект постановления Верховного Совета "О неотложных мерах по преодолению антиконституционного государственного переворота". В нем, в частности, предлагалось органам прокуратуры провести следствие и привлечь к уголовной ответственности всех должностных лиц и граждан, "способствовавших подготовке государственного переворота". Этот документ Бабурин готовил в соавторстве с профессором юриспруденции из Екатеринбурга Владимиром Исаковым, которого когда-то Собчак, приняв за дурака, назвал "провинциальным стряпчим". В ответ профессор Исаков в соавторстве с другим "провинциалом" Бабуриным составил закон, позволяющий немедленно арестовать профессора юриспруденции Собчака и расстрелять его с конфискацией имущества. Как, впрочем, и любого другого.

Широкое толкование термина "способствовавших"... авторов документа нисколько не смущало, тем более, что отравленные ядом человеконенавистнических коммунистических идей, они взяли этот термин прямо у Ленина, который в порыве такого же вдохновения призывал расстреливать не только "способствовавших", но и "способствовавших способствующим". Но до таких высот права "провинциалам" было еще не подняться.

Далее в проекте постановления говорилось, что "действия граждан и трудовых коллективов по защите конституционного строя" не только не должны преследоваться, но администрация предприятий еще и обязана оплатить им прогулы, совершенные по этой причине.

Оба документа депутаты приняли единогласно под громкие аплодисменты, как свои собственные, так и присутствующих в зале гостей.

Сорвав еще раз аплодисменты, Бабурин, не снимая с лица своей демонической улыбки, сел на место, уступив микрофон самому Хасбулатову.

Остыв от аплодисментов, депутаты заметили, что в зале нет нового президента Руцкого. Как бы отвечая на немой вопрос, спикер сообщил, что Александр Владимирович занят важнейшими государственными делами, которые мешают ему принять участие в работе парламента.

Далее Хасбулатов с возмущением поведал, что отключена внутренняя телестанция Белого Дома, но он уже послал депутата Лисова в "Останкино" напомнить телевизионщикам об их конституционном долге. Тем более, что, по его данным, часть сотрудников телекомпании выступила против своего продажного руководства и готова плодотворно сотрудничать с Белым Домом. А кто еще не определился, того немного протрезвят только что принятые закон и постановление. "Мало кто захочет быть расстрелянным с конфискацией имущества", — рассмеялся Руслан Имранович, вызвав здоровое оживление в зале.

"Сегодня, — подчеркнул Хасбулатов, — главная задача руководителей Верховного Совета — максимально быстро созвать внеочередной съезд народных депутатов, на котором можно было бы отстранить президента от должности. В фойе Белого Дома начата регистрация депутатов"

Но твердой уверенности в том, что удастся быстро собрать кворум ни у кого не было. Из Кремля уже последовало разъяснение, что депутаты съезда смогут прибыть в Москву только как частные лица, то есть за свой счет. Хорошо знающий своих коллег, Хасбулатов очень сомневался, что многие из них захотят это делать. Тем более, что у него были сведения о начавшейся "перекупке" депутатов Верховного Совета и съезда, которым обещаны были теплые места в системе президентской власти.

Поскольку селекторная связь в Белом Доме была отключена, Хасбулатов послал своего заместителя Агафонова в Министерство связи с тем, чтобы провести селекторное совещание с руководителями регионов. Но не было никакой уверенности, что Агафонову позволят это сделать

22 сентября 1993, 10:00

Основную ставку, которую делал Руцкой, приняв участие в этой, мягко говоря, аванюре, была ставка на то, что его поддержит все (или, по крайней мере, боль-

шая часть) мировое сообщество. На чем основывалась эта уверенность, сказать трудно. Однако, каким бы узким ни был кругозор бывшего летчика, он все-таки знал, что вся Европа живет по старому римскому правилу: "Пусть гибнет мир, но торжествует закон!" Он знал также, с каким почти религиозным чувством американцы относятся к своей конституции. Из этого совершенно не вытекало, что американцы столь же свято будут относиться к любой другой конституции, включая "брежневскую", по которой продолжала жить свободная Россия. Но Руцкой почему-то был уверен, что так оно и будет

Однако, просматривая пришедшие сообщения по линии ИТАР—ТАСС и других информационных агентств, Руцкой мог убедиться, что его надежды оказались несбыточными.

Оказалось, что, в отличие от августа 1991 года, когда лидерам большинства зарубежных стран потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить бурные события в Москве и выступить с официальными заявлениями, на этот раз они определились очень быстро. Это объяснялось, главным образом, тем, что за час до выступления Ельцина по телевидению министр иностранных дел России Андрей Козырев пригласил послов семи ведущих стран Запада: США, Японии, Германии, Франции, Великобритании, Италии и Канады и сообщил им о намерении президента распустить съезд и Верховный Совет с назначением новых выборов президента и парламента на 12 декабря

Одними из первых на события в Москве откликнулись Соединенные Штаты. Президент США Билл Клинтон заявил о полной поддержке Бориса Ельцина. Решение российского президента о роспуске парламента одобрили Франция, Великобритания, Япония, Германия, Испания, Норвегия, Швеция, Чехия, Нидерланды, Австралия, Казахстан, Эстония, Молдова и Туркмения.

Прочитав слово "Туркмения", Руцкой какое-то мгновение не мог сообразить, о каком государстве идет речь. А потом понял подлый прием подачи информации: в список государств мира воровски включили и страны СНГ, чтобы список казался солиднее и длиннее

Не определил свою позицию Китай. В Пекине официальный представитель Министерства иностранных дел отказался ответить, кого — Ельцина или Руцкого — китайское руководство считает президентом России.

Патриарх русской православной церкви Алексей II, находящийся в США, воздержался от комментариев, сославшись на недостаток информации.

Все телеграфные агентства отмечали, что единственным человеком, выступившим с открытым осуждением Ельцина, оказался пока Михаил Горбачев. Бывший президент Советского Союза, совершающий поездку по Италии, назвал действия Ельцина "безрассудными и антиконституционными". Горбачев заявил, что прерывает итальянское турне и срочно возвращается в Москву.

Вслед за первыми обобщенными сообщениями уже подошли подробности.

Корреспонденты передавали из Вашингтона:

"По мере появления новых сообщений о мерах, предпринимаемых противниками Бориса Ельцина для его устранения, интонация американской администрации становится определеннее. А после того, как президенты США и России провели 15-минутную телефонную беседу, полная поддержка Ельцина со стороны США стала свершившимся политическим фактом.

Строго говоря, гарантии, которые потребовал Билл Клинтон, содержались уже в самом публичном заявлении российского лидера. Для Белого Дома принципиально важно было получить однозначное "да" всего на два вопроса. Первый: состоятся ли вскоре выборы в парламент? Второй: будут ли они честными и демократическими? Ответы Ельцина были не только положительными, но и убедительными. По мнению госсекретаря Уоррена Кристофера, последние события делают еще более настоятельным решение сената США в пользу скорейшего предоставления экономической помощи Москве. Эксперты в Вашингтоне полагают, что международное признание Александра Руцкого в качестве президента России вряд ли осуществимо, как в ближайшее время, так и в перспективе..."

"Сволочи!" — прошипел сквозь зубы Руцкой и только усилием воли заставил себя читать дальше.

"Официальная реакция Лондона на меры, предпринятые Ельциным, не оставляет сомнений, на чьей стороне правительство Великобритании. По словам премьер-министра Джона Мейджора, "Ельцин — реформатор, поэтому мы поддерживаем его, и у нас нет оснований медлить с признанием этого". В том же духе высказался министр иностранных дел Дуглас Хэрд.

"Президент Ельцин полностью прав,— заявил он.— Его демократический мандат намного убедительнее, чем у парламента. Съезд постоянно пытался мешать реформам. Сейчас еще только начало, но шансы Ельцина выглядят неплохими".

Тем не менее через все это совершенно явно проступал сговор международного империализма против наиболее здоровых сил России. Сговор, начавшийся в 1989 году и продолжающийся до сих пор.

Корреспондент ТАСС передавал из Парижа:

"Прошло немногим более двух часов после выступления Бориса Ельцина по российскому телевидению, как последовала первая реакция Парижа. В отсутствие президента Миттерана, который находится в Польше, министр иностранных дел Ален Жюппе отметил, что именно Ельцин был избран главой государства законным и демократическим путем и одержал победу на апрельском референдуме. Жюппе выразил надежду на победу Российских реформаторов, которые готовы снова провести выборы. Однако, премьер-министр Эдуард Балладюр занял более осторожную позицию, заявив о необходимости подождать развития событий в России".

В сводку из Франции попало также и интервью газете "Фигаро", данное Александром Солженицыным. В свое время писатель потряс весь мир своим "Архипелагом ГУЛАГ" и нанес такой удар коммунистической системе, от которого она так и не сумела полностью оправиться. Высланный из страны по приказу старцев из Политбюро, Солженицын с тех пор жил в Америке и, несмотря на все происходящие в России перемены, демонстративно отказывался вернуться на Родину, время от времени пересылая в Москву советы через мировые информационные агентства. За день до выступления Ельцина он, оказывается, сказал (уж не был ли предупрежден?):

"Ельцин должен был распустить парламент, который настоящим парламентом не является и достался в наследие от старого режима... Борис Ельцин — человек искренний и мужественный. Он продемонстрировал эти качества, когда одним из первых покинул коммунистическую партию и во время августовского путча. Но в дальнейшем Ельцин совершил много серьезных ошибок, главной из которых было то, что он не покончил с существовавшей тогда политической

системой..." В словах писателя явно сквозила надежда, что вскоре президент эту ошибку исправит.

Не лучшие вести доходили и из так называемых стран СНГ. Истерические призывы Хасбулатова и Руцкого к восстановлению СССР, конечно, не могли не сказаться на взглядах местных президентов и председателей, теперь горой вставших за Ельцина.

В Казахстане президент Нурсултан Назарбаев официально заявил, что "процесс реформ в России, наталкивающийся на серьезные противоречия, требовал определенных и решительных мер. В связи в этом действия президента Ельцина воспринимаются нами как один из путей выхода из политического тупика".

В Белоруссии председатель Верховного Совета Станислав Шушкевич оценил указ Бориса Ельцина как "верный шаг".

В Молдове президент Снегур сообщил, что относится к действиям президента Ельцина положительно, считая, что он поступил "мудро и справедливо".

Президент Украины Кравчук просто пришел в восторг от указа Ельцина, заявив, что все это нужно было делать "на полгода раньше".

Конечно, трудно было ожидать, что бывшие друзья Ельцина по политбюро ЦК КПСС поступят иначе и хором поддержат своего дружка, с которым они вместе разваливали СССР. Но все равно было досадно.

Слава Богу, совсем иные отклики идут из разных краев России.

В Кемерово уже прошло заседание Малого областного совета. Глава местной администрации М.Кислюк оценил указ президента и его обращение к народу как выход "за рамки правового пространства". Правда, он осудил и Верховный Совет за поспешные действия по отстранению Ельцина от должности.

Зато в Челябинске Малый совет облсовета объявил указ Ельцина "неконституционным и не подлежащим исполнению на территории Челябинской области". Челябинский областной комитет по защите Конституции и советской власти обратился к местным средствам массовой информации с призывом выступить на защиту конституционного строя.

Во Владимире Малый совет, заседавший всю ночь, назвал указ Ельцина "антиконституционным, направленным на узурпацию власти", и призвал Ельцина отказаться от реализации указа.

В Благовещенске председатель Амурского областного совета Белоногов расценил указ Ельцина как "противоречащий Конституции".

Во Владивостоке глава администрации Приморского края Е.Наздратенко, мечтавший о власти заместителя, обрушился на обе ветви власти и заявил, выступая по радио: "...по вине центра Приморье оказалось в сложной ситуации. Фактически правительство отделило край от России. Если в стране будет продолжаться политическая вакханалия, мы примем решение, что должны самостоятельно работать, пока в Москве разберутся, кто главнее и важнее".

А в Санкт-Петербурге, оказывается, успел высказаться только академик Дмитрий Лихачев. Престарелый патриарх русской демократии распространил следующее сообщение: "Война властей не может служить базой для управления государством, а мы, граждане, не можем ждать, наблюдая, когда же одна из ветвей власти победит другую в схватке. Поэтому президент поступил правильно, взяв инициативу в свои руки и назначив выборы. Я уверен: в данном случае все устроится. Господь хранит Россию... Надо предоставить народу право самому определить свою судьбу. А ссылки на брежневскую конституцию по крайней мере наивны".

Правда, уже был гонец из Петербурга, прилетевший в Москву ночным рейсом. Он сообщил, что Петросовет, где верховодят (как, впрочем, и везде) бывшие коммунисты, почти целиком против указа Президента. Вице-мэр северной столицы вице-адмирал Щербаков, который столь ретиво поддержал Ельцина в августе 1991 года, ныне готов лично возглавить вооруженный поход на защиту Верховного Совета и Руцкого. Правда, на это не надо серьезно рассчитывать. Адмирал, изнеженный в роскошных кабинетах Мариинского дворца и Смольного, конечно, не ахти какой вояка. Но к его мнению в городе прислушиваются, а созданный им так называемый теневой генеральный штаб разработал уже несколько вариантов захвата власти в ситуациях, подобно сложившейся.

Кроме того, в Москву почти полным составом готовы выехать бойцы бывшего Прибалтийского ОМОНа, осевшие после вывода из Прибалтики на одной из военных баз Карельского перешейка. К ним присоединятся многочисленные добровольцы из праворадикальных группировок города и, конечно, ведущий программы "600

секунд" Александр Невзоров, желающий лично объявить в эфире о свержении узурпатора Ельцина и восстановлении нашей общей родины — Союза Советских Социалистических Республик.

В принципе, картина складывалась следующим образом: все дальнее и ближнее зарубежье поддерживают Ельцина, но Россия — совсем наоборот. Имеются сведения, что практически все советы откажутся признавать указ N 1400, подписанный 21 сентября. А советы — это сила!

В кабинет влетела раскрасневшаяся Сажи Умалатов:

— Александр Владимирович, надо выйти к народу. Там на площади собралось уже несколько тысяч. Они готовы защищать наше дело. Нет отбоя от добровольцев!

Именно в этот момент выходить к народу Руцкому совсем не хотелось, тем более он отлично знал, что за н а р о д ныне привели на площадь Анпилов и Уражцев.

Пообещав вскоре выйти на балкон, Руцкой, достав справочник, стал звонить в посольство Соединенных Штатов, которое находилось тут же, на Краснопресненской площади. Если бы не плотные шторы на окнах, Руцкой мог бы видеть сейчас в окно здание посольства.

На обычные звонки отвечал дежурный, как правило, — русский, работающий по найму и получающий зарплату и в посольстве, и в КГБ. Но особый справочник давал возможность дозвониться непосредственно до посольских работников, включая самого посла. Как президент России, Руцкой мог дозвониться непосредственно послу, но не стал этого делать, а попытался связаться с пресс-атташе. Кто-то поднял трубку и ответил по-английски. Английского языка Руцкой не знал, а потому по-русски попросил господина Джозефа Козецкого, которого знал лично. После ответа параллельный президент побагровел и бросил трубку. "Господин Руцкой, мы не уполномочены вести с вами никаких переговоров".

Бросив справочник в ящик стола, Руцкой встал и упругой походкой направился на балкон Белого Дома общаться с народом.

22 сентября 1993, 11:00

Сопредседатель "Фронта национального спасения" Илья Константинов вернулся в зал заседаний Верховного Совета возбужденный от только что произнесенной с балкона речи. В общем-то это была даже не речь, а

набор лозунгов на тему "Наше дело правое — победа будет за нами!" Роль народного трибуна очень нравилась Константинову, но в его пламенных речах всегда чего-нибудь не хватало. Не было в них погромной лихости, свойственной речам Виктора Анпилова, не было макашовской чугунности, подтвержденной трехзвездными генеральскими погонями, не было экзальтированной истеричности Сажи Умалатовой.

Со стороны всегда казалось, что Константинов кого-то уговаривает, как школьник, который очень хочет получить пятерку, не зная толком о чем говорит. Не помогала ему и наигранная развязность, и столь же наигранная бравада, порожденная полной безнаказанностью. Бабурин относился к нему со снисходительной вежливостью, генерал Макашов — как к слишком говорливому выскочке из нижних чинов, Хасбулатов — с известной подозрительностью, а что касается Баркашова, то тот вообще откровенно считал Константинова евреем и не скрывал этого. Это было обидно, поскольку сам Константинов не любил евреев с рождения. Однако, это ничего не доказывало. Владимир Вольфович Жириновский тоже не любил евреев, но его тем не менее все — до президента включительно — считали евреем, а баркашовцы даже демонстративно покидали зал, когда в нем показывался Жириновский. К Константинову они так жестоко не относились, но в их тайных списках Илья числился кандидатом на интернирование и последующую высылку в Израиль.

Немалую роль тут сыграло и то, что Константинов не был москвичем, а был ленинградцем. Этот город, хотя и переименованный ныне в Санкт-Петербург, все равно оставался рассадником крамолы и форпостом космополитизма, где все, казалось, совершенно четкие понятия были перевернуты с ног на голову.

В былые времена Константинов заявил о себе как яркий антикоммунист. Но уже тогда его антикоммунизм имел довольно явную антисемитскую окраску, что придавало ему оттенок оригинальности. В Ленинградском университете, где Константинов учился на экономическом факультете, он приобрел в вечно фрондирующей студенческой среде репутацию экстремиста, который не видел никакой возможности изменения дел в стране иначе, как методом массовых расстрелов без суда и следствия, призывая бороться с коммунистами их же методами. Иначе, подчеркивал он, все погрязнет в словоблудии.

Чтобы его самого не обвинили в словоблудии, Константинов скототил нечто вроде террористической организации во имя освобождения Родины. Разумеется, вся "организация" тут же попала в лапы КГБ, которому никогда не было нужно само преступление, а только намерение его совершить, что абсолютно ясно разъяснила знаменитая 15-я статья УПК. Именно через эту 15-ю статью все дружки Константинова были посажены, но он сам остался на свободе, дав очень много пищи для размышлений всем, кто его знал.

Правда, ему пришлось расстаться с работой экономиста и устроиться кочегаром в котельную при музее Революции, что в особняке Кшесинской. Место более чем странное для человека, проходящего по делу о терроризме. Тем более, что мощнейшее содружество "кочегаров и сторожей" последних лет коммунистической эпохи нуждалось в фильтрации даже более, чем любая террористическая организация.

Во времена великого горбачевского отступления Константинов появился на городской политической сцене, выступая на митингах "Демократической России" под крылышком знаменитой "тетушки Салье", которую партия перебрала в арьергард своих отступающих колонн. Таким образом, Константинов въехал в политику на "Демплатформе" точно также, как и его суровые коллеги по Верховному Совету: Бабурин, Павлов, Исаков и многие другие, которых недремлющий КГБ успел влить в аморфно—субтильное демократическое движение. Каждый просто должен был доказать своей энергией и многими другими качествами, что оказался достойным оказанного ему высокого доверия.

В разгар всех этих событий Константинов неожиданно перебежал от тетушки Салье в Христианско-демократический союз (ХДС) Виктора Аксючица. Злые языки поговаривали, что он это сделал вовсе не из идейных побуждений, а из желания быстро и практически бесплатно получить автомашину, которыми снабжали Аксючица растроганные до слез христианские демократы Запада. Так это или нет — в принципе, не имеет большого значения, но справедливости ради необходимо отметить, что ХДС был гораздо ближе Константинову по духу, нежели интеллигентно-иудейское окружение Марины Салье, идейной платформой которого было что-то вроде салонного антикоммунизма, если можно так выразиться.

Что касается христианских демократов, то они, равно как и либеральные демократы Владимира Вольфовича Жириновского, представляли из себя группировки, ничего общего не имеющие со своими аналогами на Западе, от которых поначалу не гнушались получать все виды пожертвований, включая и так называемую "гуманитарную помощь". Обе партии представляли собой вождистские формирования полуфашистского типа и по мере развития своей деятельности постоянно сдвигались вправо, смыкаясь с самыми оголтелыми группировками, которые даже сами себя стеснялись называть партиями, поскольку являлись по существу и по форме бандформированиями, процветающими благодаря полному официальному безразличию властей и их неофициальной поддержке.

Сквозь эти мутные волны Константинову удалось пробиться на выборах в Верховный Совет, используя еще хорошо работающие антикоммунистическую риторику и затасканное от частого употребления слово "народ". Историческим кумиром Константинова был предпоследний русский царь Александр III, и Константинов даже внешне пытался походить на всероссийского самодержца, хотя ростом был почти наполовину меньше оригинала, но носил бороду, которую носил его кумир, еще будучи наследником престола.

Однако, если первым правилом императора Александра III было обеспечение строгого полицейского порядка в России, у которой, по его словам, единственными союзниками были лишь ее "армия и флот", то Константинов, напротив, с первых же дней своего пребывания в Верховном Совете делал все возможное, чтобы тем или иным способом дестабилизировать обстановку, если не по всей России, то уж по крайней мере в Москве. Что касается родного города Петербурга, то там Константинов предпочитал практически не появляться, поскольку у его избирателей накопилось к нему столько вопросов, что только совершенно не работающая процедура отзыва депутатов позволяла ему сохранять свой мандат.

Во всяком случае, всякие разговоры о будущих выборах, а уж тем более о досрочных, вызывали в нем вполне понятное чувство раздражения, быстро переходящее в ярость, как всегда бывает у склонных к хулиган-

ству натур при осознании собственной не только безнаказанности, но и неприкосновенности.

Конечно, не следует забывать, что крушение империи повергло в шоковое состояние многих людей, заставив их быстро изменить свои взгляды, сформированные в период, когда им казалось, что они ведут борьбу с КПСС, хотя, как позднее выяснилось, эту борьбу КПСС оплачивала из собственных средств.

Как бы то ни было, но попав в Верховный Совет, Константинов сразу же вступил в ряды так называемых "державников", основным занятием которых поначалу было устраивать по любому поводу истерические плачи по почившей империи. А поскольку "державники" отказывались признавать, что СССР умер собственной смертью, то постоянно требовали найти и примерно наказать убийц рабоче-крестьянского царства. Более всего доставалось при этом "Беловежским заговорщикам" во главе с президентом Ельциным, которых некоторые призывали судить чуть ли не международным трибуналом, а другие (и Константинов, естественно, был в их числе) — расстрелять без суда и следствия.

Давая как-то интервью по телевидению, Константинов на вопрос корреспондента, как он понимает собственные слова "расстрелять Беловежских заговорщиков без суда и следствия", пояснил, что он послал бы в Беловежскую пушу роту автоматчиков, чтобы арестовать Ельцина, Кравчука и Шушкевича. Рота имела бы приказ: в случае, если указанные лица вздумают оказать сопротивление, открыть огонь на поражение.

Правда, когда все это действительно происходило, Константинов, еще не придя в себя от обрушившихся на него, как на депутата, льгот, послушно проголосовал за ратификацию Беловежских соглашений, даже не помышляя кого-либо арестовывать и расстреливать. В этом же интервью, отвечая на вопрос, считает ли он возможным, чтобы еврей когда-нибудь стал президентом России, ответил "почему нет?" и чуть не погубил всю свою дальнейшую карьеру в оппозиции. После ему пришлось долго объяснять, что он ответил подобным образом только потому, что вообще против президентского поста и прикладывает все усилия, чтобы добиться отмены "как не оправдавшего себя". Это убедило далеко не всех, но кипучая деятельность Константинова, ставшего одним из активнейших представителей "непримиримой оппозиции" и не чурящегося самой черной работы во имя сверже-

ния "оккупационного режима", не могла уже игнорироваться другими крупными и мелкими вождями. Тем более, что Константинов упорно работал по сплочению "непримиримых" в единый блок.

Задача была трудная. "Непримиримых" также раздирали непримиримые противоречия. Одни не желали иметь ничего общего с коммунистами, другие — всех, кроме себя, считали сионистами, третьи — требовали остаться в рамках парламентской борьбы, в то время как четвертые более всего на свете хотели пострелять. И только коммунисты Геннадия Зюганова по традиции готовы были примкнуть к кому угодно, лишь бы восстановить утраченные из-за предательства КПСС позиции в обществе. В былые времена эти позиции удавалось поддерживать, только опираясь на карательный аппарат КГБ. Ныне теоретик Зюганов представлял свою партию, опирающуюся на военизированные фашистские группировки.

Поистине титанические усилия и бесконечные компромиссы Константинова (ему гораздо тяжелее было сесть в один президиум с Зюгановым, чем Зюганову с ним. Тому это было безразлично — лишь бы сидеть в президиуме) привели к тому, что 24 октября 1992 года ему удалось собрать на учредительный съезд "Фронта национального спасения" почти все партии и группировки, которые к этому моменту удалось создать различным отделам КГБ и подпольным обкомам. Тут был и "Совет патриотических сил", и "Русский национальный собор", и "Национально-республиканская партия" Николая Лысенко (в свое время выгнанного из "Памяти" за "бытовой антисемитизм"), и "Русская партия" Корчагина, и "Партия русского национального единства", и, разумеется, коммунисты всех мастей и оттенков: от ярко красного до темнокоричневого.

"Цветом нации" назвал Константинов собравшихся в зале...

В президиуме "цвет нации" представляли: генерал Макашов, Сергей Бабурин, Геннадий Зюганов, Владимир Исаков, Александр Проханов, Александр Стерлигов, Сажи Умалатова, избранная председателем президиума Верховного Совета СССР, и осколки былой группы "Союз": полковник Алкснис и Светлана Горячева. Там же восседали Лысенко с Баркашовым и, естественно, сам Константинов. Охрану несли мрачные парни в камуфля-

же, но без каких-либо знаков различия. В зал была допущена пресса.

Начал учредительный съезд генерал Макашов по-военному просто и звучно. Встав в президиуме, генерал зычно скомандовал:

— Кто не поддерживает Ельцина и правительство, прошу встать!

Радостная улыбка озарила суровое лицо генерал, когда полуторатысячный зал поднялся по его команде. Сидеть остались только некоторые представители прессы, которую в президиуме называли "желтой".

"Желтая пресса и сионофильское телевидение дорого заплатят",— пригрозил Николай Лысенко, зорко следя из президиума за невстающими по команде Макашова.

После такого начала, придуманного Макашовым, сразу стала ясна та общая платформа, на которой могут объединиться красные и коричневые. Поэтому, выступая с речью, Константинов говорил прямо и жестко:

— Необходимо создать движение, способное изменить ход истории в нашей стране. Мы должны немедленно приступить к подготовке акций, которые могли бы оказать влияние на ход предстоящего съезда народных депутатов. Одна из главных задач — отставка президента. Россию надо защищать, а защищать некому, потому что мы — это Россия!

Изъявив, таким образом, желание броситься под колесо истории, Константинов сорвал довольно неуверенные аплодисменты, поскольку его конечная цель — отставка президента — многим по вполне понятным причинам показалась жалкой и не очень серьезной. Стоило ли вообще собираться ради отставки Ельцина? Нужны более грандиозные планы!

Гораздо большими аплодисментами, почти бурными, приветствовали слова генерала Макашова о том, что "армия не будет защищать президента, который предал свой народ и вооруженные силы!"

Товарищ Зюганов выступал со скорбным лицом, объявив, что "прошло всего чуть больше года (с момента бегства КПСС), но за это время мы потеряли государственность". Потеряв пост секретаря РКП, Зюганов считал, что это конец русской государственности. Его очень радовала перспектива создания мощной коалиции национал-большевизма из фашистских и коммунистических группировок, вождем которой он не видел никого,

кроме себя. Недаром все теоретические работы нового марксистского вождя сводились к тому, что Россия — это традиционное "государство вождя", чуждая любой демократии — этой гнусной выдумке сионизирующей буржуазии.

Однако, на пост вождя было слишком много охотников, чтобы так просто уступить это место товарищу Зюганову.

Константинов по старой привычке сказал несколько "теплых" слов в адрес коммунистов и был горячо поддержан поклонниками Адольфа Алоисовича, которые читали работы фюрера только в той части, которая касалась евреев. Если бы они прочли некоторые размышления Гитлера о коммунистах, то узнали бы много для себя полезного. В частности, им стало бы известно мнение фюрера о том, что наиболее ретивые члены национал-социализма пришли в гитлеровское движение именно из коммунистической партии как наиболее близкой по духу.

Сергей Бабурин, выступая на учредительном съезде ФНС, напомнил собравшимся, что "мы собрались для того, чтобы осуществить идею, которую в свое время не смогли реализовать группа "Союз", фракция "Россия" и все патриотические организации, — объединить усилия во имя возрождения единой многонациональной Родины.

Слово "СССР" Бабурин не назвал, но зато дал рецепт, как этого объединения можно достичь: восстановлением практики госзаказов и распределения.

Другими словами, Бабурин предлагал вернуться в старое, доброе тоталитарное прошлое, когда государство заказывало танки и ракеты, а ввезенное с Запада продовольствие распределяло таким образом, что со всей России переполненные поезда мчали в Москву миллионы людей за колбасой и маслом. Больше их купить было негде на всем пространстве великой России, если не считать партийных спецраспределителей, о которых большинство собравшихся в зале сохранили самые лучшие воспоминания (а некоторые втихаря пользовались ими и до сих пор).

Выступление Бабурина, хотя и воспринималось собравшимися положительно, не вызвало особых эмоций, поскольку осторожный депутат тщательно избегал экстремистских призывов и воинственных воззваний, на которые психологически зал был настроен. Кроме того, он лишь вскользь проговорил о том, ради чего собствен-

но все здесь и собрались: для того, чтобы создать мощную единую организацию нечто вроде новой, но, разумеется, гораздо более сильной "Русской Правой". Ибо, как заметил красный вождь Зюганов, цитируя Ленина, "организацию можно победить только организацией".

Об этом было поручено сказать главному редактору газеты "День" — бывшему сионисту, бывшему "соловью Генштаба", а ныне — свихнувшемуся от крутых поворотов судьбы, а потому ставшему идеологом непонятной идеи, которую он и сам был не в состоянии сформулировать, Александру Проханову.

Поведав залу, что "в России хорошо только крысам и воронам" и сорвав по этому поводу бурные аплодисменты, длинноволосый идеолог призвал к примирению "красной и белой идей", что привело к принятию специальной резолюции о преодолении раскола 1917 года. Отныне при создании Великой России объединенный народ станет черпать обеими чашами — "красной и белой" — и пить из обоих колодцев.

Провозглашение подобного примирения было скорее идеалом, к которому следует стремиться, нежели реальностью. Если все "белые" патриоты видели себя наследниками "белогвардейцев", то коммунистическая "красная" оппозиция считала себя наследниками "большевиков", которые могли еще примириться с далеким прошлым, но ничего не собирались уступать в настоящем и тем более в будущем.

Одни группировки выступали, например, за свободное фермерство в рамках наставлений своего кумира Столыпина. "Красные" делали со своей стороны все возможное, чтобы сорвать земельную реформу и сохранить колхозное рабовладение. Одни поддерживали отечественных предпринимателей, другие — трудящихся в их борьбе с предпринимателями. При подобном антагонизме, в течение десятилетий раздирающем "красных" и "белых", единственным мостом между ними могли стать коричневые идеи, а общей точкой соприкосновения — политика, начинающаяся и заканчивающаяся антисемитизмом. Это была та ловушка, из которой не существовало даже теоретического выхода. В итоге, как не старались Константинов и Зюганов создать какое-то подобие красно-белого единства, получилось то, что неизбежно должно было получиться: красно-коричневый блок. Другими словами, — коммуно-фашистский союз, который чуть было не оформился в конце 30-х — начале 40-х

годов, рухнув из-за маниакальной слепоты своих вождей, а тут стал почти реальностью.

Закрывая съезд, Константинов сказал, что созданный фронт должен рассматриваться как "освободительное движение", главной задачей которого является "народно-освободительная революция против временного оккупационного правительства и клики Ельцина".

Подобная лихая резолюция, объявленная Константиновым, совершенно неожиданно вызвала реакцию президента, ранее почти не замечавшего истерических криков оппозиции. Последовал указ о роспуске организационного комитета "Фронта национального спасения" и о его запрещении. Организаторы "Фронта", как и водится в демократическом обществе, которое они поклялись уничтожить, указу не подчинились и, проведя парочку шумных митингов, подали протест в Конституционный суд.

Рассмотрев протест, Конституционный суд во главе с Валерием Зорькиным, который совсем недавно вывел из-под удара коммунистическую партию, признал указ президента "неконституционным", ограничивающим свободу граждан в объединении по политическим, религиозным и прочим признакам. Самому Валерию Зорькину идеи "Фронта" были куда более близкими, чем какие-то непонятные рассуждения о демократии, которую он никогда в глаза не видел, а потому и знать не хотел. Он поступил бы именно так, даже если бы не получал никаких "рекомендаций", а поскольку "рекомендации" все-таки были, он вывел из-под удара "Фронт" с еще большим энтузиазмом.

Для Константинова наступили великие дни. Своего собственного контингента у него, как, скажем, у Анпилова или Терехова, не было, но, как и положено сопредседателю, он координировал все фракции "Фронта", собирая их на площадях, формируя колонны при шествиях и резервируя места в зале при собраниях.

Его одутловатое лицо с всклокоченной бородой мелькало то слева от Анпилова, то справа от Терехова, то над потускневшим погоном Макашова, то на фоне иезуитской улыбки генерала Стерлигова или наглой ухмылки Хасбулатова.

Он работал как каторжник, чтобы добиться координации партий, группировок и разных осколочных сообществ, номинально сведенных его энергией в единый фронт, но продолжающих считать только себя

проповедниками истинного "учения", а всех остальных — еретиками.

Он сражался, как лев, на мартовском съезде, чтобы накрыть "импичментом" президента Ельцина, а когда это не удалось, делал все, что в его силах, чтобы сорвать апрельский референдум.

Неудачи, следовавшие одна за другой, озлобили Константинова, но не уменьшили его энергии.

Он стал одним из инициаторов первомайских беспорядков, а затем пообещал вообще превратить Москву в арену уличных боев и в зону бедствия.

"Пусть Константинов побережет собственную голову", — отреагировал на его провокационные призывы один из ОМОНовских начальников.

Зашевелилась и прокуратура, но для нее Константинов был неуязвим. Депутатский иммунитет не только препятствовал его аресту, но даже не позволял вызвать Константинова куда-либо для дачи показаний, если он этого не захочет. И даже робкий зондаж следственных органов по поводу снятия с Константинова "парламентского иммунитета" вызвал целую бурю протестов, как и в случае с Анпиловым.

В конце июля Константинов собрал II съезд "Фронта национального спасения". Помимо Бабурина, Зюганова и Исакова в президиуме восседал на этот раз и Анатолий Лукьянов, которому гуманный демократический суд сменил меру пресечения с тюремной камеры на подписку о невыезде.

В своей речи на съезде Константинов подчеркнул: "Назрела ситуация для "народно-освободительной революции" с передачей, как и в старые добрые времена 1917 года, всей власти советам. Необходимо немедленно создать правительство национального спасения на месте оккупационного временного правительства. Все это требует немедленного перехода к активным действиям, не позднее 19 августа — второй годовщины августовского путча. Надо вести эскалацию революционно-наступательных действий с ближайшей задачей ликвидации президентства"

Вызвав громкие аплодисменты зала, Константинов с радостью отметил, что в нынешней обстановке Хасбулатов и Руцкой фактически стали членами "Фронта национального спасения", подсказав всем сомневающимся — на чьей стороне они должны быть в обостряющемся конфликте двух аппаратных чудовищ, одно из которых

объявило себя законодательной властью, а второе — исполнительной.

А сомневающихся было много. Фашистские и большевистские группировки не желали выступать ни на чьей стороне. "Чурка" Хасбулатов раздражал их не меньше, чем "еврей Эльцин". Пусть они сожрут друг друга, а на их останках мы будем строить новую великую Россию.

В кулуарах съезда пополз слух, что "этот еврей Константинов" специально сколачивает "Фронт", чтобы властям было легче "всех нас прихлопнуть". Поэтому он так упорно, спрятавшись за собственную неприкосновенность, провоцирует всех на активные действия. Всех пересажают, а он будет "жрать икру и балыки на халяву в спецбуфете". Социализм всегда был идеологией зависти, а собравшиеся в душе все были либо национал-социалистами, либо интернационал-социалистами.

Константинов знал о подобных настроениях и не мог их игнорировать. Ему приходилось стараться, иногда даже чересчур, чтобы дать понять своим "фронтовикам" что он рискует несколько не меньше, чем остальные.

В "Правде" которая, видимо, особо пеклась по поводу "антикоммуниста" Константинова появилось предупреждение о готовящемся на него покушении. А в середине августа было распространено сообщение, что неизвестные злоумышленники проникли в кабинет Константинова в Белом Доме и похитили оттуда большое количество секретных документов связанных с деятельностью "Фронта". Однако, это имело и обратный эффект, поскольку злые языки сразу же распустили слух что Константинов сам передал властям эти документы чтобы тем было легче расправиться с "фронтовиками". Константинов резонно отвечал, что он мог передать ксерокопии но, по мнению обвинявших, незаметно "отксерить" такое количество документов было невозможно. Обвинения и оправдания звучали не очень убедительно, а динамика надвигающихся событий довольно быстро заставила забыть о мелких проколах и роковых совпадениях.

Шаг сделанный президентом поначалу привел Константинова в восторг. Эльцин сам подставлялся под мощный удар со стороны своих противников. Но вслед за радостным возбуждением наступила апатия. Илья Константинов хорошо понимал, что, по меньшей мере, последние полтора года он мчится куда-то как на плоту.

по горной реке, не зная куда она ведет и не откроется ли за ближайшим поворотом бездонный водопад, способный поглотить все планы и надежды.

Конечная цель виделась весьма туманно, и он не знал, как видят эту цель те, кто раскрутили маховое колесо, которое уже невозможно остановить, ибо его уже крутит колесо истории. Он даже не мог ответить на простейший вопрос: те, кто крутят колесо — "за" Ельцина они или нет?

22 сентября 1993, 12:00

Министр внутренних дел России Виктор Ерин прямо у себя в кабинете на Огарева-6 без особого видимого интереса смотрел на экран телевизора. Две мобильные телепередающие установки МВД, разъезжая по периметру Белого Дома, освещали обстановку в зоне мятежного парламента. Немногочисленные ополченцы, приведенные ночью Анпиловым, грелись у костров. Некоторые спали прямо на асфальте. Спададо нервное напряжение, порожденное маниакальной уверенностью, что ночью непременно произойдет штурм здания с применением бронетехники и специальных химических средств.

С балкона Белого Дома, многократно усиленные электроникой, гремели голоса народных депутатов и "не облеченных народным доверием" политиков. На обширной площади собралось уже не менее 8000 человек. Часть из них задорно скандировала: "Ельцин — вне закона! Ельцин — вне закона!" Другие пели: "Руцкой смелее — гони Бориса в шею!"

На некоторое время наступила гнетущая тишина. Толпа продолжала колыхаться под сенью красных, андреевских и имперских флагов.

На трибуне появился сам Руцкой, встреченный оглушительными рукоплесканиями. Мятежный "вице" с надрывом закричал в микрофон:

"Эта банда, развалившая страну, просто так не уйдет! Они понимают, что будут отвечать за развал страны и экономики!"

Дальнейшие слова потонули в громких криках одобрения. Слышались лишь отдельные слова Руцкого, призывающего собравшихся быть готовыми к борьбе и жертвам.

Руцкого на балконе неожиданно сменил депутат-демократ Виктор Шейнис — профессор, да к тому же

еще и еврей. Надо было иметь немало мужества, чтобы даже просто появиться перед собравшейся аудиторией-толпой.

Его встретили оглушительным свистом, в котором потонули крики: "Бей жидов!"

Камера монитора наехала на знаменитого писателя Эдуарда Лимонова, окруженного небольшой группой людей и явно дававшего интервью какой-то хрупкой девушке, державшей в руке небольшой диктофон. Некогда изгнанный из СССР как диссидент-антисоветчик, Лимонов вернулся самым оголтелым коммунистом-державником, дав понять всем сомневающимся, как часто КГБ в слепом угаре вел огонь по своим.

Идеалом Лимонова стала аллегория России не в виде высокой статной женщины в сарафане и со снопом в руках, а в виде девушки в пилотке, сапогах, плащ-палатке и, конечно, с автоматом Калашникова. Сам Лимонов также, где мог, появлялся с автоматом Калашникова, хотя в некоторых писательских кругах утверждали, что лихой прозаик никогда в жизни из автомата не стрелял и для него явилось бы непосильной задачей собрать или разобрать это самое популярное в мире средство для убийства людей.

— Вы тоже собираетесь сражаться в Белом Доме до последнего патрона, как и вице-президент Руцкой?— девушка поднесла микрофон ближе к Эдичке.

— Ничего подобного,— почти завопил тот.— Думаю, что придется делать вторую революцию. Сейчас парламент и Руцкой уберут банду Ельцина и его оккупационное правительство, а потом нам придется убирать и парламент, и Руцкого. То, что происходит сейчас — это очередная номенклатурная игра. Руцкой уводит Россию от оппозиции, украв лозунги "Фронта национального спасения"..

На экране возникла фигура генерала Стерлигова в штатском. Тонкие губы лидера русского "Национального собора" кривились в саркастической усмешке. Он явно не одобрял происходящего. К нему подлетело несколько человек с микрофонами. Величественным жестом руки генерал дал понять, что не намерен давать никаких интервью и пошел куда-то вдоль пандуса, обходя кучи мусора и перешагивая через обрезки труб и ржавые радиаторы парового отопления, которые по замыслу их создателей должны были изображать баррикады способные остановить танковую атаку...

У правого крыла здания несколько офицеров вели запись добровольцев для защиты Белого Дома. У каждого на груди поблескивал орел на фоне звезды — знак тереховского "Союза офицеров". Сам Терехов на небольшой площадке у одного из выходящих на площадь подъездов проводил смотр уже записавшихся ополченцев. Их было человек сорок — главным образом, запасники и даже отставники. Некоторые пришли в сохранившейся военной форме, но сохранить былую выправку удалось немногим. Строй выглядел очень комично, но подполковник Терехов был вполне серьезен.

"Товарищи,— обратился к строю адъютант Гуманитарной академии.— Армия, как и народ, не может больше исполнять преступные указы Ельцина. Это относится и к приказам низложенных Верховным Советом министров Грачева и Ерина. Признаются действительными только распоряжения парламентского министра обороны Ачалова и министра внутренних дел Дунаева. Офицеры действительной службы, нарушившие этот приказ, будут предаваться суду. Для этого сейчас создаются специальные трибуналы".

В этот момент к Терехову подошел его заместитель подполковник Кузнецов и что-то сказал. Терехов кивнул головой и продолжил:

"Необходимо срочно формировать взводы, роты и батальоны. Подразделения будут укомплектованы короткоствольными автоматами Калашникова. Сейчас этот вопрос решается".

Было видно, как волна оживления прошла по строю волонтеров. Оружие! Им дадут оружие!

Установленные на балконе громкоговорители продолжали надрываться:

"Просьба разбиться на десятки, выбрать командиров и записаться у офицеров..."

В камере неожиданно появился экзотически наряженный казачий сотник: заломленная набекрень фуражка, бекеша, расшитая позументами, нагайка в сапоге и тяжелая метровая шашка на боку. Не было только коня, а без коня все это тоже выглядело комично. Он вел за собой десятка полтора столь же экзотических бородачей, одетых по-разному: не у всех "казаков" была возможность справиться себе настоящую униформу.

У Ерина была мониторинговая связь — но он молчал, терпеливо ожидая.

И, наконец, увидел то, ради чего и сидел перед экраном.

Огромное знамя со стилизованной свастикой колыхалось над строем людей в камуфляже и со свастикой на рукавах. Здоровенные, не улыбочивые парни застыли в строю, подняв руки в нацистском приветствии. Никто не слышал при этом, что они восклицали: "Слава России!" или "Хайль Гитлер!"

Ерин наклонился к микрофону: "Семнадцатый! Вот эти кадры передай в службу общественных связей и в "Останкино".

Женский голос ответил: "Все будет сделано, Виктор Федорович"...

Генерал-полковник Ерин родился в январе 1944 года. В милицию попал по комсомольскому набору. Работал в Казани участковым милиционером, а после окончания высшей школы МВД перешел в систему уголовного розыска. В андроповские времена пытался бороться с партийно-мафиозными бандами, свившими себе очень теплое гнездышко в Татарстане. Особого успеха он, конечно, не добился, но в его серьезной схватке с тогдашним министром внутренних дел Щелоковым обратил на себя внимание Андропова. Был переведен в Москву в управление БХСС МВД СССР, где был начальником сперва отдела, а затем — управления до 1988 года, а затем стал заместителем министра внутренних дел Армении. В 1990 году при создании службы криминальной милиции был снова переведен в Москву, где через своего старого друга Баранникова познакомился с Ельциным.

После августовского путча с сентября по декабрь 1991 года занимал должность первого заместителя министра внутренних дел СССР, а после распада СССР и создания путем слияния Министерства внутренних дел и КГБ чудовищного монстра — единого Министерства МБВД (безопасности и внутренних дел) стал снова первым заместителем министра, у Виктора Баранникова.

Гигантский неуправляемый монстр, к счастью, просуществовал всего полтора месяца, а затем, как уже упоминалось, снова распался на две части: Министерство безопасности и внутренних дел. И на этот раз Ерин стал министром. Попутно он успел побывать руководителем оперативного штаба "по восстановлению правопорядка в районах ингушско-осетинского конфликта", хотя многие считали именно его вдохновителем

этого конфликта, ибо на Министерство внутренних дел была возложена задача настолько дестабилизировать обстановку на северном Кавказе и в Закавказье, чтобы местные народы и народности, захлебнувшись в крови, поняли, что у них нет другого выхода, как снова безропотно отдаться под высокое покровительство России и даже в самых блаженных мечтах не мыслить о какой-либо самостоятельности.

Видимо, это была единственная задача, с которой Министерство внутренних дел свободной России кое-как справилось. Круговорот бесконечных войн и межнациональной резни захлестнул всю территорию Кавказа от Терека до иранской границы.

Но, пока решались подобные глобальные задачи "геополитического" характера, преступность в самой России, а особенно в Москве, совершенно вышла из-под какого-либо контроля властей, захлестывая даже высшие этажи власти и уж совершенно затопив жизнь простых обывателей. В принципе, в этом не было ничего странного. Все силовые Министерства бывшего Советского Союза были всегда ориентированы на карательные меры против собственного народа, имея своей главной задачей держать этот самый народ в жестких рамках, установленных тоталитарной системой. Если КГБ львиную долю своего времени посвящал усилиям, чтобы народ читал, что положено, слышал, что положено и поменьше рассуждал, то у МВД главными задачами было надзирать, чтобы народ проживал (именно "проживал", а не жил) по месту прописки, не имел никаких "нетрудовых доходов" и опять-таки поменьше рассуждал. Обе службы сходились во мнении, что самое лучшее, что может делать народ — это беспробудно пить, обеспечивая и казну, и карательные службы дополнительным доходом.

Но защищать этот народ от кого-либо — такой вопрос вообще не стоял. Напротив, все знали, что если возникнет какая-либо угроза системе, этот самый народ, переодетый в шинели, горами своих трупов эту угрозу нейтрализует.

Поэтому никто всерьез и не думал защищать народ от захлестнувшей страну вообще и столицу в частности преступности самого жестокого толка.

Такова была традиция отношения народа и властей, в которую август 1991 года не внес ничего нового.

И министр Ерин, воспитанный в щелоковско-андроповских органах, был, пожалуй, наименее компетентным человеком для борьбы с преступностью в условиях даже зачаточной рыночной экономики, но он без сомнения обладал качествами, которые в данный момент были гораздо важнее для тех, кто выдвинул его на пост министра и держал на этом посту.

Качеством этим была так называемая "клановая честность" или, выражаясь словами товарища Сталина, "личная преданность".

Как и многие его предшественники и нынешние коллеги, генерал-полковник Ерин служил не народу, не стране и, конечно, не Конституции — он служил вождю. И служил так, что вождь мог не сомневаться в его преданности и в том, что генерал-полковник выполнит любой приказ, как бы жесток и противозаконен он ни был.

Вождем в данном случае был президент Ельцин, поскольку никого другого хоть отдаленно напоминающего вождя, Ерин не видел и был совершенно прав.

И сегодня он должен был продемонстрировать президенту свою преданность.

22 сентября 1993, 13:20

Генерал армии Павел Грачев также с интересом поглядывал на экран телевизора, где мелькали кадры событий на площади у Дома Советов, а иногда и внутри гигантского здания. Генерал был хмур и озабочен. Только появление на экране огромного знамени со свастикой привело его в хорошее расположение духа. Он откинулся в кресле и громко рассмеялся, сказав присутствующему в кабинете начальнику Генерального штаба генералу Колесникову: "Ну, молодцы! А?"

Однако, вид знамени со свастикой совсем не порадовал генерала Колесникова. Наблюдая события с какой-то непонятной улыбкой, он при виде свастики побагровел, закашлялся, достал большой платок и стал тщательно протирать очки.

Реплика Грачева заставила его вздрогнуть и вопросительно взглянуть на министра.

Но министр уже согнал с лица улыбку и сказал:

— Через час у меня встреча с президентом. Возможно, получу "маршала".

И он снова засмеялся, в то время как генерал Колесников оставался мрачным.

Той ситуации, которая зарождалась у Белого Дома, генерал Грачев не только не боялся, но даже в некотором отношении радовался.

Для армии нет ничего хуже томительных будней мирного времени, особенно если это мирное время проходит в той обстановке, какая ныне существует в России, когда армию, можно сказать, смешали с грязью, повесив на нее все: от поражения в Афганистане до обвинения в том, что она ничем другим не занимается, кроме как кует кадры для уголовного мира.

"Армия превратилась в одну огромную уголовную зону", — в разоблачающем угаре писали демократические газеты, комментируя то крупную кражу, совершенную генералами, то зверское убийство, совершенное солдатами. Армия превратилась в "мальчика для порки" и для правых, и для левых политиков. Армии чуть ли не ежемесячно урезают ассигнования, режут заявки, замучили конверсией, ее заставляют лизаться с американцами и натовцами, ставя их в пример, хотя по многим показателям они нам даже в подметки не годятся.

Это даже хорошо, что есть возможность показать кое-кому из крикунов, что они представляют собой без армии. И — что такое армия!

Если карьера генерала Грачева и имела аналог, то только из эпохи революционных войн во Франции и гражданской войны в России.

Закончив Рязанское воздушно-десантное училище, Павел Грачев, благодаря безусловному личному мужеству и врожденным качествам строевого службиста, довольно быстро сделал карьеру в условиях унылого брежневского застоя, как и тысячи его однокашников. Скачок в его карьере, как и у многих, произошел благодаря Афганской войне, которую Грачев начал подполковником на должности заместителя начальника штаба воздушно-десантной дивизии. К уходу наших войск из Афганистана он уже был генерал-майором и героем Советского Союза, занимая должности заместителя командующего армией и командующего всеми воздушно-десантными частями в Афганистане.

После вывода войск генерал-майор Грачев был назначен на должность командующего воздушно-десантными войсками, на которую его рекомендовал лично генерал Ачалов, уходя на повышение.

Накануне августовского путча по указанию тогдашнего министра обороны маршала Язова вместе с други-

ми сотрудниками Министерства обороны и с коллегами из КГБ Грачев изучал варианты введения по всей территории СССР чрезвычайного положения. Ранним утром 19 августа по телефонному указанию генерала Ачалова он поднял по тревоге Тульскую и Курскую десантные дивизии и приказал им высадиться под Москвой на знаменитом аэродроме Кубинка. Ачалов приказал Грачеву взять под охрану Госбанк, Гохран, радио и телевидение. От самого маршала Язова поступил приказ подготовить "объект" для содержания большого количества "спецконтингента" — задержанных и интернированных политиков.

Грачев специальной шифрограммой привел подчиненные ему по всей стране войска в состояние полной боевой готовности, но неожиданно вместо того, чтобы поддержать ГКЧП, выступил против него. Говорят, что сделал он это под влиянием тогдашнего главкома ВВС генерала-полковника Шапошникова, шокированного тем обстоятельством, что в хаосе государственного переворота неизвестно кому перешло управление ядерным оружием страны. Все о нем просто забыли... Десантники Грачева быстро и четко ликвидировали все мечты ГКЧП, захватив или же изолировав все командные пункты путчистов, включая и КП тогдашнего начальника Генштаба генерала армии Моисеева.

Это и определило дальнейшую карьеру Грачева, который менее чем за год прошел путь от генерал-майора до генерала армии. Путь, который у многих генералов занимает всю жизнь, но и ее в большинстве случаев явно не хватает. И даже несколько жизней не хватило бы, а тут — всего за год. В генералы армии Грачева вывел Ельцин к большому неудовольствию большинства тогдашних высших руководителей вооруженных сил, которым вскоре пришлось выражать свое неудовольствие в отставке. Недаром на большинстве митингов оппозиции отставники требовали отдачи Грачева под суд с неменьшим рвением, чем самого президента Ельцина.

Несмотря на бодрый и даже веселый вид, Грачева сильно беспокоил тот факт, что пост "параллельного" министра обороны Верховный Совет возложил на Ачалова. Он хорошо знал Ачалова, ценил его несомненные достоинства, знал и недостатки, кое что слышал и о пороках, присущих бывшему командующему воздушно-десантными частями. Но лучше всего Грачеву была известна настырность Ачалова, которая в сочетании с

его вулканической энергией могла сокрушить все преграды на пути опального генерал-полковника.

И начальник Генерального штаба Михаил Колесников, и оба заместителя Грачева — генерал-полковники Валерий Миронов и Борис Громов, и главком ВВС Петр Дейнекен, и главком ракетных войск стратегического назначения генерал-полковник Игорь Сергеев, и главком военно-морского флота адмирал Феликс Громов — все уже докладывали министру о том, что Ачалову тем или иным способом удалось выйти на них с предложением перейти на сторону Верховного Совета. Другими словами, им предлагалось выйти из подчинения Грачева — этого, по словам Ачалова, "сопливого Бонапарта" и перейти в подчинение к нему, Ачалову, которого они все знали по прежней службе, когда давали священную присягу, "не щадя самой жизни", служить Союзу Социалистических Республик.

Были сведения, что Ачалов нашел способ давления на командующих округами, добрался до начальников академий и училищ, уговаривая, рассыпая посулы или угрозы, спекулируя на высоких чувствах любви к Родине и на мелком тщеславии тех, кто мечтал о личной карьере.

Отрадно было то, что все, кто уже подвергся ачаловской обработке, сами инициативно и быстро докладывали об этом Грачеву. Начальник Генштаба поэтому и находился в кабинете министра, рассказывая, как Ачалов обрабатывал его лично, призывая плюнуть на противников и вспомнить о долге перед Родиной, попавшей, уже который раз в своей истории, в сети мирового сионизма.

Грачев, рассматривая собственные ногти, слушал начальника Генерального штаба, стараясь не глядеть ему в глаза. Было очевидно, что Колесников докладывает далеко не все, что слышал, а главное — не совсем то, что думает.

— Ну, и ты ему на все это что ответил? — поинтересовался министр, перекладывая бумаги на своем столе.

— Я ему говорю: "Слава, перестань дурить, не занимайся ерундой", — генерал Колесников натужно покраснел.

— А потом? — спросил Грачев, поднимая глаза на начальника Генерального штаба.

— Паша, — спросил Колесников. — Ты мне что не веришь?

— Верю,— отозвался Грачев и вздохнул.

— Ты что думаешь?— Колесников аж задохнулся от возмущения.— Что я под это фашистское знамя встану? Что я вот так себя опозорю под конец службы!

— Ладно, успокойся,— приказал Грачев.— Соберем коллегию, все обсудим.

Колесников увидел знамя со свастикой десять минут назад на экране телевизора в кабинете министра. На что бы он ссылался, если бы его не увидел?

Еще ранее главком ВВС генерал Дейнекин докладывал Грачеву, что Руцкой давит на него, "как трактор". Со времен августовского путча, сорванного совместными усилиями Шапошникова, Грачева, Дейнекина и, конечно, Руцкого, они все стали как бы лучшими друзьями, способными на фоне личностных отношений рубить друг другу правду-матку в глаза.

Руцкой просил Дейнекина объявить, что военно-воздушные силы страны перешли на его, Руцкого, сторону и будут бомбить Кремль, если президент Ельцин не ответит своей указ N 1400 и не сложит с себя полномочия, как предусмотрено Конституцией. Другими словами, Руцкой предлагал Дейнекину практически тот же вариант, с помощью которого военно-воздушные силы давили на ГКЧП в августе 91 года. "На это,— докладывал Дейнекин Грачеву,— я ему культурно ответил: Саша, прекрати этим делом заниматься, у меня президент один и министр один, и наши с тобой личные отношения ни в коем случае на это повлиять не могут".

Что касается генерал-полковника Бориса Громова, который некогда, командуя 40-й армией в Афганистане, был начальником Грачева, а ныне его первым заместителем, то тут можно было не беспокоиться. В августовские дни, когда Громов занимал пост заместителя министра внутренних дел знаменитого Бориса Пуго, Грачев и Шапошников по старой дружбе вывели бывшего командарма из-под огня, отговорив его буквально в последнюю минуту от тех необратимых глупостей, которые тот собирался натворить.

Хорошо зная Громова, Грачев понимал, что он с удовольствием разогнал бы всю эту хулиганскую банду в Белом Доме, а вместе с ними и тех, кто засел в Кремле, установив в стране жесткий порядок военной диктатуры. Если бы мог. Но Грачев понимал, что ни Громов, ни он сам не смогут уже в нынешнем состоянии страны обеспечить на столь огромном пространстве порядок военной

диктатуры. Не говоря уже о многом другом и не принимая во внимание реакцию мира, любая попытка установления диктатуры неизбежно приведет к расколу страны и к такому излому ее территории, что ядерные ракеты, которыми эта территория буквально нашпигована, сами по себе взлетят, превращая в пепел не американские города, как было задумано, а свои собственные.

Нет ничего страшнее русских гражданских войн под каким бы соусом они не подавались. Будь то "смутное время" или бесконечные крестьянские войны, или та гражданская война, которая разгорелась после 1917 года, когда у России, к счастью, еще не было ядерного оружия. А будь оно, можно не сомневаться, что обе стороны пустили бы его в ход, ни секунды не колеблясь.

И поэтому раздражало то, с какой легкостью Руцкой идет на разжигание гражданской войны в стране, будоража главкомов угрозами и искусами.

В данной обстановке Грачев почел бы за благо вообще ни во что не вмешиваться и оградить армию от влияния обеих враждующих сторон, снова схлестнувшихся в смертельной борьбе за власть. Не вмешиваться, чтобы снова не подставить армию, как это сделали гореполитики в августе 91-го года, пытавшиеся с помощью армии сделать то, с чем должен справиться милицейский наряд.

Армия еще не пришла полностью в себя от августовского шока, и вот на нее уже снова алчно смотрят политики с нутром авантюристов и авантюристы, которым захотелось поиграть в большую политику.

Но если на вершине пирамиды военной иерархии Грачев более-менее мог быть уверен в том, как поведут себя главкомы и высшие работники аппарата Министерства обороны, то за нижестоящих командиров даже он не мог поручиться не только перед президентом, но и перед самим собой.

Сам Грачев мог служить хорошим примером для многих генерал-майоров и даже полковников в том, как мгновенно можно взлететь на самую вершину пирамиды, превратившись, как по мановению волшебной палочки, в генерала армии, а может быть и в маршала. Хотя звание маршала и отменено для мирного времени, но сделали ведь исключение в свое время для генерала Язова. Сделают и для кого-нибудь другого.

Грачев уже знал мнение командиров так называемых "придворных" дивизий — Кантемировской и Таманской (4-й гвардейской танковой и 2-й гвардейской мотострелковой), которым уже не раз в своей послевоенной истории приходилось обеспечивать в столице дворцовые перевороты различного масштаба, зависящего от колебаний генеральной линии партии.

Преторианцы — гвардейцы генерал-майоры Борис Поляков и Валерий Евневич — без обиняков дали понять министру, что они, конечно, выполняют приказ, но лучше было бы не вмешивать армию в это грязное дело. Сначала эти люди вместе развалили Союз и пустили страну колесом с горы (генералы избегали называть фамилий и было ясно, что все политические новости они черпают из газеты "День"), а теперь передрались между собой и перетягивают на свою сторону армию. Есть милиция, есть целая армия бездельников с Лубянки — пусть они и наводят порядок. В душе Грачев был совершенно с ними согласен. И был бы согласен полностью, если бы не одно обстоятельство.

За время пребывания на высшем военном посту страны — посту министра обороны — он уже вошел во вкус и ему очень не хотелось этот пост покидать. Именно президент Ельцин сделал Грачева в обход многих более опытных и старших по званию генералов министром обороны, обеспечив ему немыслимую даже в мечтах военную карьеру, превратив из никому неизвестного генерал-майора в генералы армии и воздвигнув на один из наиболее высоких и престижных постов в государстве. Грачев был реалистом и хорошо понимал, что его дальнейшая деятельность и личная судьба крепко крепко завязаны с жизнью и судьбой президента Ельцина.

В России звания и должности отбирают с гораздо большей легкостью, чем дают. Он сам не так давно одним росчерком пера превратил генерала-авантюриста Дмитрия Якубовского в лейтенанта, и отлично понимал, что точно также могут поступить (и поступят!) с ним самим, если что-либо случится с его патроном. Он ни на минуту не забывал, что "президент" Руцкой уже отстранил его от должности и назначил на эту должность Ачалола. Это только первый шаг. Далее последует увольнение из армии, лишение воинского звания, назначение всевозможных расследований, конец карьеры, когда перечеркнут всю его службу и забудут даже о "Золотой звезде", полученной в Афганистане.

Уже сейчас в оппозиционной прессе появляются статьи каких-то беглых прапорщиков о том, как они от имени министра обороны торговали "Мерседесами" и поставляли ему девочек. Уже интригующе показывают кадры, снятые из-за глухого забора операторами телевидения, многоэтажных генеральских дач с подземными гаражами и теннисными кортами, банями и площадками для гольфа (чтобы не отстать от мировой моды). Еще свежи разоблачения бывшего государственного контролера Юрия Болдырева о тех ужасающих случаях коррупции и казнокрадства, которые тот обнаружил в Западной группе войск генерал-полковника Бурлакова, где имя министра обороны всплывало чуть ли не на каждой странице. Болдырева удалось прогнать с должности и саму должность ликвидировать за ненужностью. На это пока есть "харизматический лидер" президент Ельцин, который нужных и верных ему людей способен защитить от всех наскоков. Значит и мы должны защитить его от всех, кто всеми правдами и неправдами хочет сделать пост Ельцина вакантным или попросту его уничтожить.

22 сентября 1993, 14:30

Президент России и Верховный главнокомандующий ее вооруженными силами Борис Николаевич Ельцин, по его собственным словам, не умел жить без риска. Рутинная работа наводила на него скуку и заставляла мозг лихорадочно искать пути обострения обстановки. Привычка весьма странная для президента страны, хотя будучи долгое время первым секретарем Свердловского обкома КПСС, Ельцин этой привычки не имел, а напротив, делал все возможное, чтобы никоим образом не обострять отношения с кремлевскими старцами и даже по их команде снес исторически знаменитый на весь мир Ипатьевский дом — последнее пристанище несчастной семьи императора Николая II, где эта семья и сам император были безжалостно расстреляны по личному приказу Ленина. "Об этом я жалею до сих пор", — признавался Ельцин в частных беседах, хотя было не совсем ясно о чем он сожалеет: о расстреле царской семьи или о сносе дома инженера Ипатьева.

В то же время в Свердловске был построен огромный двадцатиэтажный небоскреб, где разместился местный обком КПСС. Здание, возвышающееся над всем городом и получившее в народе меткое название

"член КПСС", было помпезнее любого другого здания обкома на всей территории СССР, превосходя и по размерам, и по безвкусице исполнения. Злые языки поговаривали, что Ельцин, будучи строителем по профессии, строил здание обкома по своему собственному проекту. Огромное здание местного обкома должно было символизировать особую важность Свердловска и Свердловской области, где сконцентрировалось около 40% военной промышленности бывшего СССР. Город и область производили все: от стратегических ракет и боевых самолетов до бактериологического оружия. Известно, что именно во времена Ельцина собака, убежавшая со стенда одного из сверхсекретных институтов, инициировала вспышку в городе сибирской язвы.

Помимо этого, область была заполнена секретными и подземными городами либо вообще не имеющими названий, либо скрывающимися под индексами, вроде Свердловск-42 (а таких Свердловсков было более двухсот).

Если в чисто феодальной структуре административного деления РСФСР каждая область вполне могла считаться герцогством (или "вотчиной первого секретаря", как однажды глубокомысленно заметил Михаил Горбачев), то Свердловская область вполне могла считаться "Великим герцогством" или, говоря по-русски, великокняжеской территорией, а ее первый секретарь — великим князем. Однако, в связи с некоторой удаленностью великого княжества от центра, Свердловский властелин оставался некоторым образом в тени великого князя Московского или Ленинградского. Он не был даже ни членом, ни кандидатом в члены Политбюро. Однако, ему было позволено построить самое большое в стране здание обкома, что в заиерархизированном до абсурда тоталитарном коммунистическом царстве никак не могло быть простой случайностью. Центр внимательно отслеживал за наделенных беспредельной властью первых секретарей обкомов, не позволяя им самостоятельно демонстрировать свое величие и блеск своего двора, которые хоть немного могли бы затмить сияние кремлевских звезд.

Кроме всего перечисленного, в распоряжении Ельцина находился гигантский по размерам так называемый "Приволжско-Уральский военный округ" и особо вышколенный контингент КГБ, привыкший действовать в

таком режиме, о котором уже давно забыли изнеженные и размягшие "чекисты" Москвы и Ленинграда.

Таким образом, Борис Ельцин занимал положение, которое вполне позволяло ему подняться и на следующую ступеньку партийной пирамиды, то есть стать генеральным секретарем и получить власть, которая не снилась никаким султанам и эмирам из сказок Шахерезады.

И его бунтарский дух, и любовь к риску никак не проявлялись вплоть до 1987 года, когда переведенный в Москву на должность первого секретаря МГК КПСС и включенный в качестве кандидата в члены политбюро, Ельцин вдруг стал демонстрировать воинственное инакомыслие, никогда доселе невиданное на столь заоблачных партийных верхах. И хотя сегодня речь Ельцина на том октябрьском пленуме ЦК КПСС, посвященном 70-летию Октябрьской революции, читается как невинная рождественская проповедь, тогда он из-за нее вылетел из Политбюро и из секретарей московского горкома. По заросшему тиной партийному болоту пошли круги, перешедшие в столь стремительные водовороты, которые в итоге поглотили КПСС, затем Советский Союз, а теперь грозили поглотить и Россию, и самого Ельцина.

Секретарем обкома в коммунистические времена можно было стать, только имея ряд определенных качеств, которыми обычные люди не только не обладают, но даже и не предполагают, что такие качества могут существовать у людей, внешне ничем не отличающихся от других Божьих созданий. Случайный человек мог пробиться в секретари какой-нибудь цеховой первички, но выше — никогда. А уж о первом секретаре обкома и говорить нечего. Достаточно вспомнить хотя бы некоторых других секретарей обкомов той поры: Гришина в Москве, Романова в Ленинграде, Медунова в Краснодаре, Лигачева в Омске, чтобы понять, в какой шеренге и в какой школе готовил себя Ельцин к должности первого свободно избранного президента России.

Но несгибаемая позиция перечисленных и других коллег Ельцина в обкомах, в ЦК и Политбюро на поверку оказалась простым параличом, который охватил и их, и всю страну, заведенную паралитиками в тупик, где она стала разваливаться на глазах. Огромная, отученная мыслить и работать, масса партийной номенклатуры, привыкшая следовать за вождем, в ужасе от надви-

гающей катастрофы стала метаться в поисках нового вождя среди охваченных параличом руководителей КПСС, чтобы этот вождь указал им путь к спасению. Эта масса уже успела разочароваться в Горбачеве, не говоря уже о всех остальных. Именно в этот момент Ельцин подобно горьковскому Данко, вырвавшему себе сердце, чтобы его пламенем указать дорогу остальным, вырвал из своего сердца партийный билет прямо на последнем XXVIII съезде КПСС и бросил его на стол, указав дорогу остальным. В партии начался обвал, завершившийся в августе 91-го года.

Обгоняя друг друга, все спешили выйти из партии. Болото высыхало, оставив на дне только тину, которая хотя и воняла, но была уже практически безопасна, поскольку все, кому это было нужно, быстро сообразили, что для того, чтобы остаться в партии нового вождя, нужно побыстрее выйти из КПСС. Теперь будут требовать в анкетах данных о том, не когда ты вступил в КПСС, а когда ты из КПСС вышел. Чем раньше, тем больше почета и шансов попасть на теплое место.

Харизма Ельцина, таким образом, складывалась не только из его "великокняжеского прошлого", дававшее ему право подобно принцу Оранскому возглавить одну из территорий разваливающейся империи, но и из-за явного желания взять в свои руки власть в период небывалого крушения, на что необходимо большое мужество. Нет ничего отраднее, как в период поражения и почти полного хаоса услышать повелительный голос "Слушай мою команду" и сгруппироваться вокруг того, кто нашел в себе хладнокровие и смелость эту команду отдать.

В самом деле, трудно представить себе Лигачева, Романова, Рыжкова или даже Крючкова с Язовым, стоящими на башне танка и, несмотря на кажущуюся безнадежность собственного положения, с задором читающих указы, объявляющие твоих противников вне закона.

Не менее трудно было для первого секретаря обкома с такой непринужденностью "идти в народ", как говорили встарь, или стать "популистом" как любят говорить ныне. А затем из популиста превратиться в первого в тысячелетней истории России всенародно избранного президента, не оставившего ни единого шанса своим многочисленным соперникам.

Можно с уверенностью сказать, что не будь в этот момент у России такого лидера как Ельцин, сама Россия уже вряд ли существовала бы, агонизируя в бесчисленных конфликтах, развязанных тщеславными и не умными мелкими партийными князьками и ханами. Но сохранившийся в них страх, выкованный былой партийной дисциплиной, заставил их признать Ельцина в качестве главы государства. Среди бывших русских правителей никто не имел больших прав на "московский стол", чем он. И это — объективная истина, ибо партийная номенклатура давно перестала быть даже привилегированной аппаратно-чиновничьей верхушкой, а превратилась в сословие со всеми свойственными именно сословию предрассудками. И с точки зрения сословия Ельцин имел все права в силу своей знатности, что даже стабилизировало обстановку наверху.

Что же касается народа, которому впервые разрешили практически свободно высказать свою волю на выборах, хотя обычно мнением народа в таких вопросах совершенно не интересовались, то для него Ельцин стал некоторой смесью бунтаря и мученика, чем-то вроде Ивана-царевича, не побоявшегося (в отличие от других) прыгнуть в кипящий котел, чтобы вылезти из него еще более сильным и красивым, а главное — более легитимным.

История на всех своих самых крутых поворотах проводит естественный отбор национальных руководителей, спасающих свои страны в тот момент, когда, казалось, их уже никто и ничто спасти не может. А развернуть такую огромную страну, загнанную в смертельный тупик бредовыми марксистско-ленинскими заклинаниями и не только развернуть, но и заставить, пусть с лязгом и скрежетом, идти по новому пути — эту задачу никто, кроме Ельцина, не мог бы выполнить. Его либо зарезали бы на следующий день, либо тихо убрали бы в психбольницу, либо он скончался бы в "Кремлевке" от "простудного заболевания".

"Кто еще мог повернуть эту полурелигиозную страну, в которой сплавлены страх с гневом, а лицемерие — с чувством собственного достоинства?" — резонно спросил как-то Геннадий Бурбулис — бывший преподаватель научного коммунизма, а ныне один из ближайших советников Ельцина, которых тот перетащил в Москву из Свердловского областного и городского комитетов КПСС.

Ельцину удалось развернуть Россию в самый последний момент, когда уже казалось неминуемым, что она разделит участь Советского Союза. И удалось это сделать, в отличие, скажем, от Петра Великого, фактически без крови, без массовых казней, без обычной для России беспощадной мстительности властей нынешних властям предыдущим. Даже арестованные члены так называемого ГКЧП были вскоре выпущены из тюрьмы, а суд над ними превратился в какое-то ленивое шоу, никак не напоминающее ту железную поступь военных трибуналов, когда сами арестованные находились у власти.

Однако, никто — ни сам президент Ельцин, ни его ближайшие сотрудники, помогавшие ему на краю бездны развернуть гигантскую страну, — не знал толком, куда рулить дальше. Фарватер, по которому прошла западная цивилизация, казался слишком узким и опасным для России, имевшей другие габариты. Никто не знал, сядет страна на мель на очередном повороте, подорвется ли на mine, которую кто-либо ей услужливо подставит на пути, не выкинет ли на берег, разваливаясь на куски. А другого фарватера, прорытого специально для России, для ее "особого пути", не существовало и прорыть его не представлялось возможным.

Тем большим был искус повернуть назад.

Назад — к добрым старым временам партократии, госплана и тотального распределения, забыв куда эти славные времена завели Советский Союз. По большому счету, те, кто боялся или просто не хотел идти вперед, собственно и слились в непримиримую оппозицию, желая во чтобы то ни стало затормозить, а то и вовсе остановить движение вперед.

А президент желал продолжать движение по избранному пути, отлично понимая, что нет ничего более страшного, чем остановка на минном поле, когда часть его уже пройдена.

Это делало схватку неизбежной, а в такой ситуации никакие писанные (особенно не им) законы не могли остановить президента Ельцина.

Можно вспомнить, как 23 августа 1991 года, когда возвращенный из форосского плена Горбачев что-то невнятно пытался объяснить российским депутатам, Ельцин "в качестве разрядки" объявил свой указ о роспуске КПСС. Разве роспуск КПСС был конституционен? Но общество давно ждало этого, ибо нарыв давно созрел и требовался легкий укол скальпелем,

чтобы его прорвало и избавило организм от опасности общего заражения.

Разве было конституционно Беловежское соглашение? Но опоздай это соглашение на месяц, и республики СССР схлестнулись бы с Россией в войне, которую нельзя было бы назвать гражданской. Никто уже не помнит, как тогда облегченно вздохнули те, кто всего через год стал орать о "Беловежском заговоре", погубившем СССР.

А введение президентства в России непосредственно под Ельцина было конституционно? Но его все хотели, и оно стало реальностью.

Ельцин всегда знал — когда и при каких обстоятельствах с наименьшими потерями он может переступить черту законов.

И сейчас он знал, что Верховный Совет под предводительством Хасбулатова, формально защищенный неприступными статьями Конституции, всем надоел и всех раздражает. Более того, Верховный Совет сплотил вокруг себя все силы, готовые на все, чтобы снова оттащить страну назад — в тот самый тупик, из которого ее как раз удалось вывести.

Представлялась прекрасная возможность прихлопнуть всех одним ударом. А вместе с тем наглядно показать, что в России есть власть, способная в любых условиях навести порядок. Даже в условиях демократического беспредела.

Слабость позиции президента Ельцина заключалась в том, что, искренне не желая возвращения страны в тоталитарно-плановое вчера, он и его советники плохо себе представляли курс, по которому следовало двигаться дальше, ибо уже становилось ясно, что к тому заколдованному замкнутому кругу, в котором билась и конвульсировала огромная страна, нет ключей, и ни один из западных рецептов здесь сработать не может.

Чего еще, видимо, не понимал президент Ельцин, так это то, что страна, которую в течение 70 лет коммунисты держали в замороженном состоянии, вовсе не оттаяла, как надеялись смелые экономисты, проектируя реформы. Привитая народу чудовищным методом массовых убийств иждивенческая психология профессиональных нищих, заставляла каждую клеточку огромного российского организма снова и снова генерировать тоталитаризм в самых разных его проявлениях.

И несмотря на то, что Ельцин, впервые в русской истории, посмеивался над собственными карикатурами в прессе, пытался вдумчиво разобраться в претензиях к нему справа и слева, не обращал внимания на грязные выпады и оскорбления, пытаясь поддержать в стране полную свободу печати, собраний и союзов — основы любой демократии, он оставался тоталитарным лидером, хотя и не понимал этого. Он поймет это позднее, но более дорогой ценой...

На Ивановской площади Кремля, улыбаясь в объектив телекамеры специальной бригады при управлении администрации президента, силовые министры обменивались рукопожатиями с президентом и друг с другом. Грачев и Ерин были в генеральской форме, Галушко и президент — в штатском.

Министры демонстрировали свою верность президенту, давая понять Руцкому, как опрометчиво и глупо он поступил, назначив собственных министров.

— Какое будущее вы видите для Верховного Совета?— спросил президента Ельцина остающийся за кадром голос.

Как обычно, медленно чеканя слова (чтобы до всех дошло), с каменным выражением лица, на котором шевелились только губы, Ельцин ответил:

— Верховного Совета более не существует. Он распущен. Выборы нового парламента состоятся в декабре вместе с референдумом по новой Конституции. Народ сам сделает выбор.

— Что вы скажете по поводу того, что Верховный Совет объявил президентом России Александра Руцкого?— спросил голос за кадром.

Губы Ельцина дрогнули в усмешке:

— Это несерьезно.

Силовые министры почтительно молчали.

— Если Верховный Совет не подчинится вашему указу, вы намерены предпринимать какие-нибудь конкретные меры, чтобы заставить их это сделать?— допытывался голос за кадром.

— Никаких силовых мер против Верховного Совета предпринято не будет,— заверил президент.— Думаю, они сами все поймут. Конечно, если руководство Верховного Совета спровоцирует какие-либо нарушения законности и правопорядка, мы примем соответствующие меры. Но я надеюсь на их разум.

22 сентября 1993, 15:40

Смотря по телевизору интервью Ельцина, Александр Руцкой обратил внимание на то, что Ельцин ничего не сказал о предстоящих в декабре одновременных выборах президента и парламента. Речь шла только о перевыборах парламента и референдуме о новой Конституции.

Хасбулатов, раскурив трубку, заметил по этому поводу, что необходимо проявить инициативу и принять решение: перевыборы парламента и референдум по Конституции проводить только п о с л е новых президентских выборов. Для проведения всех этих мероприятий гражданин Ельцин должен покинуть Кремль, передать до выборов свои полномочия законному президенту Руцкому...

В этот момент погас экран телевизора, потом снова зажегся, мигнул и опять погас.

По старой привычке Руцкой ударил по крышке телевизора кулаком. Эффекта не было никакого. И тут только оба обратили внимание, что погасли и лампы дневного света на потолке.

Хасбулатов нажал кнопку выключателя настольной лампы.

Света не было.

Быстро соединившись со службой хозяйственного обеспечения, руководители мятежа поняли, что огромное здание Белого Дома обесточено.

Через некоторое время пришло сообщение, что в здании отключена и горячая вода.

В принципе, в этом не было ничего страшного. Белый Дом, как и большинство правительственных зданий бывшего СССР, всегда подсознательно готовящихся к осаде, имел собственную электростанцию и автономную систему аварийного освещения. Правда, аварийная система работала от аккумуляторов и поэтому долго действовать не могла. А что касается электростанции, то она была, во-первых, законсервирована, а во-вторых, у нее не было запасов солянки.

Но все это было, как говорится, не смертельно.

Хуже было с самим фактом отключения света и горячей воды. Это означало, что власти во главе в бывшим президентом Ельциным сознательно идут на обострение ситуации.

Они думают подобными методами сломить сопротивление, как будто речь идет о принудительном высе-

лении жильцов из идущего на капитальный ремонт дома. Ельцин и его компания только опозорят самих себя подобными кухонными приемами и ускорят свой бесславный конец.

В это время Руцкому доложили, что телегруппа американской компании "Си-Эн-Эн" прибыла, чтобы взять у него интервью для американской и западно-европейской аудитории. Руцкой сам попросил западных корреспондентов почаще бывать в Белом Доме и показать миру истинную демократию на фоне грубой и вульгарной диктатуры Бориса Ельцина. Корреспонденты вели себя как-то непонятно. Без особого энтузиазма. Совсем не так, как должны вести себя западные корреспонденты, ведя репортажи из стана восставших за демократию против диктатуры. Так скорее берут интервью у подсудимых — опасных преступников, прорвавшись в перерыве судебного заседания через кордон полиции и сунув в клетку микрофон, да так, чтобы никто, упаси Бог, не подумал, что представляемое тобой телевизионное или информационное агенство этому преступнику сочувствует.

Насколько было известно Руцкому, ни одна из записанных им кассет с иностранными журналистами не была полностью показана на Западе. Нарочито демонстрировали его не самые удачные, вырванные из контекста, выражения, снабдив их при этом либо ироническими, либо открыто издевательскими комментариями. Он уже начинал понимать, что против него ведется большая игра, где президент Ельцин всего лишь наконечник копья, в то время как древко находится неизвестно в чьих руках.

Ведущая телекомпании "Си-Эн-Эн" Клер Шифман — хорошенькая женщина лет тридцати, говорящая по-русски с легким акцентом, но вполне прилично, была очень приветлива.

"Как может ваш президент,— набросился на нее с упреками Руцкой,— поддерживать Ельцина, после того как тот самым грубым образом растоптал Конституцию России, ту самую Конституцию, на которой он клялся"

"Мы именно потому к вам и пришли, господин Руцкой,— улыбнулась Клер,— чтобы довести до сведения американцев, в том числе и президента США, вашу точку зрения на происходящие события".

"А потом снова все вырежете и так все преподнесете, что я буду выглядеть круглым дураком или мелким

хулиганом?"— с обидой в голосе поинтересовался "параллельный" президент России.

"Господин Руцкой,— сказала Шифман.— У нас идет сейчас прямой репортаж на Америку. Поэтому вы можете говорить все, что хотите. Миллионы американцев, которые сейчас собираются на работу или уже находятся в своих офисах, включая мистера Клинтона, услышат каждое ваше слово".

Руцкой недоверчиво взглянул на американскую телевизионную бригаду. Не считая Шифман, — три человека с переносной аппаратурой явно автономного питания, поскольку отключена электроэнергия. Опять вранье!

Прямой репортаж на Америку! Рассказывайте сказки. Понесут запись Полторанину, а тот укажет, что вырезать, а что оставить.

Поэтому Руцкой начал недовольным и обиженным тоном:

"Внутри Белого Дома нет никаких бандформирований, как утверждают сторонники Ельцина, и никто не собирается организовывать провокации".

"Никто не плел никаких заговоров против Ельцина,— продолжал Руцкой, подбодренный кивками со стороны Клер Шифман.— Наоборот, именно стремление ублажить президента привело к тому, что мы сегодня имеем. Есть законы и Конституция, которые просто надо соблюдать. Отказ от этого принципа ведет к полному хаосу и станет основой для дальнейших нарушений законности, правопорядка и демократии".

Руцкой перевел дух и продолжил:

"Нужно с сегодняшнего дня объявить, что самое мелкое нарушение законов и демократии должностными лицами будет строго наказываться. Только тогда в государстве будет порядок. Россия попала не просто в деликатное положение — это позор, когда пьяный президент и его окружение довели страну до такого положения. Ельцин уже трижды пытался разыгрывать такие штуки, позорил Россию и все это ему сходило с рук".

"Но есть ли возможность выхода из ситуации?"— спросила Клер.

"Есть,— ответил Руцкой.— Для этого необходимо полностью отменить вчерашний указ Ельцина, сделать обязательными выполнение статей Конституции и одновременные парламентские и президентские выборы в январе-марте 1994 года. Верховный Совет разработа-

тывает новый закон о выборах в парламент. Затем этот закон утверждается съездом народных депутатов. Должен быть создан контрольный наблюдательный совет субъектов Федерации, который во взаимодействии с Конституционным судом будет осуществлять контроль за проведением выборов. Прошедшие дни ясно уже показали, кто есть кто. Я убежден, что сторонники Конституции и закона победят. Нас активно поддерживает провинция, меня там знают. Я всегда говорю то, что думаю, и называю вещи своими именами... Я считаю, что Россия должна пробудиться, но я не хочу, чтобы это сопровождалось кровопролитием, бессмысленным и беспощадным бунтом".

Руцкой помолчал немного и добавил:

"Видите, что творится. Свет отключили и отопление. И это — цивилизованные методы?"

Как бы в ответ на эти слова свет снова зажегся.

То ли власти передумали, то ли удалось наладить автономную энергосистему.

"Спасибо, господин Руцкой,— сказала Шифман.— Мы переключаемся на наружную камеру".

"Вы и снаружи снимаете?"— спросил бывший вице-президент.

"Да,— пояснила Шифман.— Мы развернули круглосуточный мониторинг на крыше одного из небоскребов напротив Белого Дома".

"Да, да,— оживился Руцкой.— Снимайте. Покажите там своим, что у нас в стране творится по вине кремлевской банды. Пусть посмотрят за кого народ".

Американцы ушли. Руцкой снова включил телевизор и опять увидел ненавистное лицо Бориса Ельцина, идущего по Тверской в окружении охраны и трех силовых министров. Время от времени к президенту подпускались корреспонденты с вопросами. Один из них спросил Ельцина — гарантирует ли тот одновременные парламентские и президентские выборы в декабре?

"Я думаю,— ответил президент.— Эти выборы надо разнести по времени. В декабре провести выборы в новый парламент, а президентские, скажем, в июне".

Он улыбнулся и добавил: "12 июня у меня счастливый день".

Руцкой со злостью выключил телевизор.

12 июня 1990 года Ельцин стал президентом России, а он вице-президентом, дав слово офицера, что никогда не подведет своего шефа.

22 сентября 1993, 16:30

Не успели уйти американцы, как Руцкого предупредили о том, что генерал Ачалов начал раздачу автоматов добровольцам, записавшимся в ополчение у представителей "Союза офицеров", стоявших у подъездов Белого Дома.

"Президент" разыскал "министра обороны" в одном из коридоров первого этажа. Окруженный группой людей в военной и полувоенной форме, генерал, от которого за версту несло букетом дорогих коньяков, руководил распаковкой аккуратных зеленых ящиков с металлическими ручками и стальными замками. В открытых ящиках, выложенных поролоном, матово поблескивали новенькие автоматы Калашникова — завораживающе прекрасные, как и все, потенциально несущее смерть.

Руцкой спросил Ачалова, кто распорядился о раздаче оружия?

— Я распорядился!— весело ответил генерал.

Рядом с ним стоял подполковник Терехов, на груди у которого висел автомат с укороченным стволом и откидным прикладом, предназначенный для вооружения десантно-диверсионных групп.

Руцкой онемел от удивления.

— Александр Владимирович,— как ни в чем не бывало спросил Ачалов.— Ты новость слышал? Ростропович приехал. Значит, будет стрельба.

— К нам приехал?— глухо спросил Руцкой.

В августе 1991 года великий виолончелист, прервав свои гастроли в Германии, неожиданно появился в Белом Доме, и Руцкому хорошо было известно, что он сделал это не только для того, чтобы покрасоваться перед объективами с автоматом Калашникова в руках. Поэтому Руцкой с затаенной надеждой и спросил: "К нам?"

Ачалов зло рассмеялся:

— Ну, да, к нам! Держи карман шире! Будет теперь этого алкана услаждать и около него вертеться. Говорят, прямо на Красной площади даст концерт.

Вообще-то связь между приездом Мстислава Ростроповича и раздачей автоматов была очень туманной, и, видимо, отчетливо выглядела только в лихой голове генерала Ачалова. Поэтому Руцкой снова настойчиво поинтересовался, кто разрешил министру обороны

вооружать полупьяных ополченцев боевым смертоносным оружием.

— Ты посмотри, что творится,— сказал Ачалов, увлекая Руцкого к выходу на балкон. Охрана "вице-президента" еле успевала занять нужные позиции, чтобы чья-нибудь хладнокровная пуля, пущенная в окно, не оборвала столь стремительную динамику российской Вандеи.

На площади перед Белым Домом собралось уже не менее 8 тысяч человек. Сменяя друг друга, Бабурин, Анпилов, Константинов, Макашов, Уражцев и Умалатова призывали к оружию, к восстанию, к свержению оккупационного правительства предателя Ельцина. Ораторы с менее известными фамилиями еще меньше стеснялись в выборе выражений, красочно говоря о жидовском иге, которому именно сейчас должен быть положен конец. Так призывать к оружию и его не дать — означает погубить все дело на корню. Люди должны почувствовать наконец, что от слов уже начался переход к делу.

— Но это не значит, что оружие надо выдавать кому угодно,— снова возразил Руцкой.— Ты что, Слава, не понимаешь, сколько в этой толпе обычных уголовников и прочего сброда?

"Савецкий Саюз! Савецкий Саюз!"— скандировала толпа, возбужденная боевыми речами ораторов.

— Мы кому угодно не выдаем,— сказал Ачалов.— Только офицерам, которые записались к Терехову в "Союз". Нам надо же какую-то оборону наладить. Штатная охрана уже выведена из подчинения Верховному Совету, и Ерин потребовал, чтобы они покинули здание и прибыли в МВД. Как они себя поведут, неизвестно.

Генерал снова рассмеялся:

— И какой ты президент, если у тебя нет гвардии. Мы уже сформировали президентский полк. Можешь смотр произвести.

Разговаривая, они подошли к 20-му подъезду, возле которого шла раздача оружия и формировались боевые отряды. Ребята из "Союза офицеров" со звездным орлом на груди все уже были обвешены оружием. У подъезда толпился самый разный народ. Вербовщики спрашивали: "В какой отряд запишешься?" И, получив согласие, интересовались воинским званием. Все представлялись офицерами запаса, некоторые уверяли, что они отставники. Многие, похоже, видели друг друга впервые в жизни, но некоторые приходили уже сплоченными группами. Спис-

ки, накарябанные на каких-то мятых листках неразборчивым почерком, передавались раздатчикам оружия. Офицерам в форме автоматы выдавались даже без проверки документов. Некоторые предъявляли военные билеты. Когда их не было, в дело шли студенческие билеты и заводские пропуска. Сам подполковник Терехов с видом опытного зазывалы кричал проходящим: "Записывайтесь добровольцами. Получите автомат, как у меня" И с удовольствием хлопал рукой по своему короткоствольному вороненому красавцу. Было видно, что сам подполковник радуется автомату, как школьник. Наверное, за годы службы ему редко приходилось видеть оружие, а не то что им пользоваться.

Мимо, чеканя шаг, промаршировал отряд баркашовцев с новенькими автоматами на груди. Вождь, как всегда, оказался прав. Удалось без всяких хлопот и "на халяву" получить столько оружия, сколько и не снилось. По короткой команде отряд остановился, повернулся "на-право!" и поднял руки в нацистском приветствии. К 20-му подъезду уже маршировал новый отряд со свастиками на рукавах еще без оружия.

Большая группа людей явно южного типа, именуемая обычно в сводках "лицами кавказской национальности", издавая радостные гортанные звуки подобные клекоту орлов их родных гор, грузила автоматы и один пулемет в багажники нескольких "вольво" на глазах всего честного народа и редкой цепочки милицейского оцепления. Последним было приказано ни во что не вмешиваться, что они с удовольствием исполняли.

Руцкого, который, что ни говори, в Белом Доме был в достаточной степени новичком, довольно поздно дезертировав туда из команды Ельцина, удивило такое количество оружия, оказавшееся складированным в здании, занимаемым мирным законотворческим органом Российской Федерации. Причем добровольцам выдавались не только пистолеты и автоматы, но и пулеметы и даже гранатометы. Ему сказали, что это — штатное табельное оружие охраны Верховного Совета. Однако, небольшое по численному составу милицейское подразделение, осуществляющее охрану Белого Дома, никак не могло нуждаться в таком количестве и в таком ассорти-

Трое школьников 8-го класса из Калининграда Московской области, фамилии которых известны автору, приехали к Белому Дому и получили автоматы по ученическому проездному билету. Разоружены были только дома, чуть не натворив больших бед.

менте вооружения. В одном из ящиков, к великому удивлению Руцкого, оказались даже зенитные ракеты "Стрела", которые хотя и были менее эффективными, чем "Стингеры", но вполне могли отбить охоту у любого подлетать ближе пяти миль к роскошному зданию российского парламента.

Видимо, здесь уже давно и основательно готовились к нынешним событиям.

У Руцкого впервые появилась мысль, что он стал всего лишь пешкой в чьей-то большой игре с очень сложным сценарием, далеко выходящим за пределы той склоки, которая завязалась между Кремлем и Домом Советов.

Но эта мысль сразу куда-то улетела при виде генерала Макашова, возбужденно идущего по коридору в обществе каких-то молодцов в полувоенной форме, но (к счастью или к сожалению) без оружия.

Руцкого ждал еще один сюрприз. Оказывается, Макашов хотел захватить здание Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям, где была развернута аппаратура спецсвязи. Группе Макашова удалось проникнуть в здание, вскрыть несколько помещений, после чего они были задержаны до этого дремавшей охраной. Одно из помещений оказалось на охранной сигнализации, звонок которой и разбудил охрану, хотя еще не было и четырех часов после полудня. Макашов думал, что сейчас всем им и крышка — арестуют. Но охрана, видимо, парализованная видом трех генеральских звезд Макашова, почтительно всего лишь выпроводила их из здания. "Вообще-то,— докладывал Макашов своему президенту и министру обороны,— взять ГКЧС — не хер делать. Дай мне, Слава, двух автоматчиков и я тебе обеспечу связь со всем светом".

Ачалов обещал подумать и Руцкой понял, что Макашов, как всегда, проявил личную инициативу, что всегда отмечалось в его служебных характеристиках. Также было и в августе 91-го года, когда его войска взяли Самару и готовы были наступать дальше вплоть до Москвы.

"Эти генералы нас могут здорово подставить",— сознался Руцкой Хасбулатову, рассказав, что творится в Белом Доме и вокруг него.

Хасбулатов, занятый подготовкой своей речи, которую он собирался произнести на завтрашнем съезде

народных депутатов, отреагировал без излишней нервозности

— Главное — за нас народ. Из регионов сообщают, что местные Советы коллективно готовят ультиматум Ельцину. Либо он отменяет свой указ от 21-го, либо они назначают крупномасштабную акцию гражданского неповиновения, пока он не уйдет со своего поста.

В кабинете присутствовали заместители Хасбулатова — Юрий Воронин и Рамазан Абдулатипов.

Воронин, бывший партаппаратчик из Казани, спросил Руцкого

— Александр Владимирович, вы говорите, что эти генералы могут нас всех поставить в дурацкое положение. Я с вами согласен. Но вы уверяли нас в течение почти полугода, что армия и даже афганские ветераны за вас. Где же армия? Почему еще ни одна воинская часть не пришла к Белому Дому? Где генералы, которые обещали вам содействие? Если вам не совсем удобно к ним идти, то назовите мне их фамилии, я пойду к ним сам и приведу их сюда вместе с их частями.

— Не надо тревожить генералов пока, — с легким кавказским акцентом вмешался Абдулатипов. — Это правильно — вначале вооружить народ, чтобы власти поняли, что народ намерен защищать свои права на свободу и демократию. Вооруженный народ — лучшее предостережение властям.

Аварец по происхождению, врач по образованию, партийный номенклатурщик по профессии, Рамазан Абдулатипов, некогда заведовавший в ЦК КПСС отделом международных отношений, знал о чем говорил.

С его легкой руки весь Северный Кавказ и Закавказье уже были превращены в сплошную зону кровавого конфликта именно на международной почве, детонатор от которого всегда находился в отделе международных отношений ЦК. Методика была простой и по-ленински четкой: главное — для начала вооружить народ. Причем каждый народ отдельно: ингушей, осетин, дагестанцев, чеченцев, абхазцев и так далее. И народ сам поймет, как ему бороться за свои права.

Абдулатипов, не скрывая своих связей со старыми партийными структурами бывшего Союза и верности коммунистическим идеалам, даже ныне числясь в Социалистической партии трудящихся Роя Медведева, несмотря на это, а может быть именно поэтому, показывал всем образец непотопляемости, спокойно и

элегантно перетекая из одной разгромленной структуры в другую. Из Верховного Совета упраздненного СССР он перетек в Верховный Совет РСФСР, где, естественно, состоял в блоке "Коммунисты России" и даже, как известно, предлагался блоком на ту самую должность, которую ныне занимал Хасбулатов. Из Верховного Совета РСФСР Абдулатипов перетек в заместители — сначала Ельцина, а затем — Хасбулатова и даже оказался одним из той знаменитой "шестерки", выступившей в начале 1991 года против Ельцина, кому это полностью сошло с рук и позволило сохранить свой пост и авторитет в глазах правительства. Подобная непотопляемость служила хорошим примером для других, полагавших, глядя на Абдулатипова, что и им удастся так же легко исполнить "гигантский слалом" на ухабах нынешней российской политики.

Это была ошибка, подобная, по словам Бисмарка, туберкулезу, не видимому на своей начальной стадии.

22 сентября 1993, 18:00

Вернувшись после прогулки с президентом по центру столицы, Николай Галушко немедленно позвонил Евгению Савостьянову. Начальника Управления Министерством безопасности по Москве и Московской области не было на месте.

Оказывается, он принимал корреспонденцию в центре общественных связей Министерства, рассказывая, какие меры принимаются на Лубянке для поддержания правопорядка в Москве вообще и в районе Белого Дома в частности. На вопрос одного из журналистов, известно ли ему, что в Белом Доме началась раздача оружия, Савостьянов, мягко улыбаясь в бороду, ответил, что не надо раздувать слухи. "Мы отслеживаем ситуацию", — успокоил он представителей прессы, смотревших на него встревоженными глазами. Именно в этот момент к нему подошел один из сотрудников центра и подал Савостьянову записку, где говорилось, что его срочно вызывает министр.

Савостьянов извинился, прервал встречу с журналистами, оставив их в тревожном недоумении, и отправился к Галушко.

Министр сидел без пиджака с выражением лица, которое вполне можно было назвать подавленным.

"Президент хочет, чтобы все кончилось побыстрее", — с усталым видом напомнил Галушко, когда

Савостьянов сел за стол для заседаний, перпендикулярно стоявший к столу министра.

— Я говорил с президентом, — ответил Савостьянов, — и подтвердил ему, что необходима минимум неделя-полторы для завершения..."

Галушко сделал нетерпеливый жест рукой:

— Да, да. Но ряд мероприятий необходимо начать уже сегодня.

— Сегодня-завтра, — поправил Савостьянов. — Мне кажется, что слишком спешить не целесообразно.

— И тем не менее, — не согласился министр, — не следует переносить на завтра то, что можно сделать уже сегодня, поскольку президент ждет.

— Мероприятия, приуроченные к конкретной дате или к прихоти конкретного лица, считались одним из главных недостатков прошлого режима, — улыбнулся Савостьянов.

На лице Галушко появилось подобие улыбки:

— Вы так и скажите президенту, Евгений Вадимович.

— Я ему это уже сказал, — подтвердил Савостьянов.

— И что президент? — поинтересовался Галушко.

— Вы знаете не хуже меня, — засмеялся главный "чекист" Москвы, — что президент всегда соглашается с каждым, кого удостаивает беседой.

— Видимо, со мной он говорил несколько позднее, чем с вами, — нахмурился Галушко. — Потому что он особо подчеркнул важность быстрого решения.

— А что вы ответили? — спросил Савостьянов.

— Я заверил президента, что так оно и будет, — вздохнул министр.

— Молча? — снова улыбнулся Савостьянов.

Как не пытался Галушко идти в ногу со временем, его подсознательно раздражала манера Савостьянова вести разговор в таком духе, как будто они оба генерал-полковники и прослужили в госбезопасности всю жизнь.

Конечно, не следует забывать, что Савостьянов — протезе Ельцина, но, вообще-то, неизвестно кто такой, и все-таки и ему не следовало бы забывать, как положено в системе КГБ получать инструкции не просто от начальства, а от самого министра. Правда, и Галушко не следовало забывать, что перед утверждением его на столь высоком, фактически на самом высоком российском посту, Ельцин звонил Савостьянову и спрашивал

его мнение. А то на месте Галушко мог оказаться кто угодно: и сам Савостьянов, и Степашин, и даже Галина Старовойтова.

И еще неизвестно — хорошо это или плохо в такое время оказаться на посту министра безопасности, когда помимо тебя по меньшей мере дюжина твоих подчиненных имеют напрямую выход на главу государства и даже об этом не докладывают. И это при условиях, когда в Белом Доме сидит Виктор Баранников, постоянно напоминающий о своем существовании звонками в Секретариат. "Думает или нет Галушко подчиниться указу законного президента России Руцкого и сдать дела ему, Баранникову. Отдает ли он себе отчет о персональной ответственности за невыполнение указа президента? Ознакомлен ли он с последним законом, принятым Верховным Советом, который предусматривает расстрел именно для таких случаев?" Судя по записи разговора, звонил не сам Баранников, а кто-то из его людей. Но трудно было предположить, чтобы сам Баранников об этом не знал.

И хотя профессиональный "чекист", памятуя о славной истории своей службы, никогда не забывает о расстреле, как о логичном завершении собственной карьеры, Галушко, как, впрочем, и все другие, подобного завершения, естественно, не хотел. Но чувствовал, что поставлен в самое дурацкое положение.

Еще никогда в России не существовало сразу два министра госбезопасности, причем стравленных друг с другом в непонятной игре, где на кону может оказаться голова одного из них, а может быть, и обе.

Новое мышление совершенно не коснулось ни одной из голов в системе безопасности, о чем сокрушался еще Михаил Горбачев.

— Я вас попрошу,— после некоторой паузы проговорил Галушко,— лично проконтролировать все мероприятия, как на стадии подготовки, так и...

Министр снова вздохнул и добавил:

— Вы понимаете?

Савостьянов кивнул головой и попросил разрешения идти.

— Минутку,— сказал Галушко.— А что с грузом?

— Все в порядке,— поднял на него глаза Савостьянов.— Тот, что послан коротким путем, уже прибыл. А тот, что послан длинным путем, ожидается дня через два-три спецавиарейсом.

— Так почему же сегодня такой сбой графика?— министр сунул в рот какую-то таблетку и запил ее водой из старомодного графина времен Виктора Абакумова.

Савостьянов внимательно взглянул на своего шефа, подбирая слова, чтобы ответить понятнее. Старое здание на Лубянке прослушивалось насквозь вдоль и поперек. Даже неизвестно кем. Всеми. Цена слова всегда стоила здесь очень дорого, а сегодня — и говорить нечего.

— Во-первых, амбиции,— как бы в раздумьи произнес Савостьянов.— Вы же знаете нашу армию. Она считает себя очень сильной и хитрой, при планировании просчитывает варианты на компьютерах до пятого знака, а ведет себя всегда, как слон, ловящий мышь в посудной лавке. Лавка разгромлена, а мышь, естественно, сбежала. Это не их вина, это — образ жизни.

Получатель груза знает это не хуже любого другого. Все-таки — генерал-полковник. Все должно быть подчинено логике войны. Это его слова. А логика войны подсказывает, что в конкретной обстановке проиграет тот, кто сделает первый выстрел. Этот выстрел будет очень громким — его услышит весь мир. И, конечно, он его делать не хочет, а потому даже хотел отказаться от гуманитарной помощи, если так можно выразиться. И отказался бы, я уверен, если бы не некоторые слабости его характера, которые он не в силах перебороть...

— Все это очень заумно,— проворчал министр.— Не переиграйте. Впрочем, вы несете персональную ответственность перед президентом и будете отвечать, если...

— Если вас волнует только это,— спокойно, без тени вызова ответил Савостьянов,— то, разумеется, вся ответственность лежит на мне, и я не собираюсь ни за кого прятаться. И прошу только, чтобы мне не мешали.

— Извините,— Галушко, смотревший до этого на полированную поверхность своего стола, поднял глаза на своего дерзкого подчиненного,— но меня волнует не только это.

Министр замолчал и стал нервно протирать очки.

— Я вас слушаю,— почтительно отозвался Савостьянов.

— Евгений Вадимович,— тихо, но очень четко произнес Галушко.— Я не знаю и не интересуюсь тем, какие инструкции вы получили через мою голову или даже относительно моей головы. Но я вас прошу не

подставляйте наше ведомство под удар. Я несколько не удивлюсь, если узнаю, что вся эта кутерьма затеяна главным образом, для того, чтобы уничтожить нас как один из государственных институтов. Независимо от того, кто из них победит, в проигрыше окажемся мы. А наша ликвидация — это очередная ошибка, которую совершит нынешнее государственное ведомство в череде уже очень многих ошибок. Вы меня понимаете?

Савостьянов ответил мягкой улыбкой:

— Я тоже здесь работаю. И, сознаюсь вам, мне тоже не хочется отсюда куда-нибудь уходить, а тем более под суд за нарушение фундаментальных основ государственного права. Хотя, как вы знаете, любое право в нашей стране — это крепостное право.

— Я этого не знаю,— жестко отреагировал министр.— Можете идти.

Вернувшись к себе, Савостьянов обнаружил, что один из стоявших на его столе телефонов, надрывается от звонков. Едва ли в Москве набралось бы два десятка человек, которые знали номер этого телефона, связывающий начальника управления Министерства безопасности Москвы с городской АТС. Все остальные обязаны были пользоваться средствами спецсвязи или через дежурного по управлению. Так что Савостьянов мог бы догадаться, кто ему звонит, даже не слушая голоса автомата, сообщающего номер телефона звонившего.

Он взял трубку и, как ожидал, услышал на том конце провода взволнованный голос Льва Пономарева — депутата от демократов, своего товарища по демократическому движению, которое группировалось в свое время вокруг Гавриила Попова — бывшего мэра Москвы.

— Женя,— спросил Пономарев.— Как дела?

— Неважно,— ответил Савостьянов.

— Ты знаешь, что Ачалов и Макашов уже раздают автоматы в Белом Доме?

По голосу было ясно, что Пономарев изо всех сил старается выглядеть спокойным.

— В самом деле?— переспросил Савостьянов.

— Я тебе точно говорю,— закричал Пономарев.— Там уже все маршируют с оружием. Все: и баркашовцы, и казаки, и кто угодно.

— Интересно,— проговорил Савостьянов.— А откуда у них столько оружия?

— Ты меня спрашиваешь?— взорвался Пономарев.— Я тебя хотел об этом спросить. Вы что-

нибудь думаете делать? Или будете отсиживаться, как обычно?

— Лева,— вздохнул Савостьянов.— Я тебе честно скажу, что макашовские автоматы — это последнее, что меня сейчас волнует. Все даже хуже, чем ты себе представляешь.

— А что такое?— голос у Пономарева дрогнул.

— Непобедимая и легендарная очень хочет сказать свое веское слово и не в нашу пользу,— ответил Савостьянов.— Ты меня извини. По телефону я не хочу обсуждать такие вещи. Да, и права не имею. Но могу тебе посоветовать уехать куда-нибудь из города. Во всяком случае — отослать семью куда-нибудь подальше. Ты меня понял? Все, извини, дела.

Савостьянов посмотрел на часы. Было 19 часов 25 минут. Он протянул руку к кнопке селектора и приказал подать машину к подъезду к восьми часам.

22 сентября 1993, 19:45

Генерал Грачев отличался от всех своих предшественников на посту министра обороны богатой мимикой своего лица. Все его великие предшественники от маршала Ворошилова до маршала Устинова и маршала Язова славились тем, что на их лицах ничего невозможно было прочесть, кроме надменного самодовольства. Генерал Грачев не прошел сталинско-брежневской номенклатурной закалки, когда народу требовалось глядеть на номенклатурное начальство не иначе, как на небожителей, а потому на лице министра обороны вечно мелькали то улыбки, то недовольные гримасы. Словом, настроение генерала было всегда написано на его лице. Новая элита только начинала формироваться и ее повадки были много проще, чем у небожителей ушедшей эпохи, хотя и сохранилось врожденное для России презрительно-пренебрежительное отношение к собственному народу. Но тут уж было решительно ничего не поделать.

"Власть в России всегда была хорошей — ей с народом не везло",— заметил однажды один циничный историк и был, наверное, прав.

Ныне на лице генерала армии Грачева читалось глубокое раздумье в сочетании с недовольством. Генерал молчал. Молчал и сидящий напротив генерал-полковник Громов, бывший начальник Грачева, а теперь — его первый заместитель, один из немногих офицеров,

которому Грачев еще мог доверять, правда, с некоторыми оговорками. То что многие старшие офицеры морочили голову бедняге Руцкому, а потом с той же ретивостью докладывали об это Грачеву, чтобы, не дай Бог, чего не подумали, было скорее не страшно, а противно. Любой из них мог, услышав какое-либо неосторожное слово от самого Грачева, немедленно доложить об этом и самому президенту, не забыв кое-что прибавить от себя. Доносительству учили семьдесят лет и не счесть числа трагедий, обрушившихся на армию вследствие этого. Ныне трагедии превратились в фарс, еще более подогрев желание доносить друг на друга. Благо никого не арестовывают и не расстреливают. Совесть чиста, а сигнализировать нужно.

Грачев, вернувшись после прогулки с президентом, провел переговоры по шифро-спецсвязи с командующими округами и флотами, как на территории нынешней России, так и бывшего СССР. Не везде, конечно, но в большей части так называемого "ближнего зарубежья" удалось сохранить структуру единого армейского подчинения. Некоторые командующие вообще толком не понимали, что опять случилось в Москве. Какое назначение получил Ачалов? Некоторые полагали, что Ельцин снял с должности Грачева и назначил Ачалова. Правда, никто не запрашивал у Москвы разъяснений, считая, что центр их даст сам. Приходилось объяснять долго и противно, что происходит в столице. Командующие округами всегда входили в местные партийно-государственные элиты, будучи, как правило, членами бюро обкомов и депутатами Верховных Советов разных уровней. Как партия прикажет.

Ныне первые секретари обкомов перетекали в областные советы, сохранив на командующих, по большей части, бывшее влияние. И все они, а это уже было ясно, встали на дыбы, узнав об указе президента N 1400.

Некоторые командующие были вполне в курсе дела. Правда, никаких директив они от Ачалова не получали, видимо, потому что у того не было связи. Но были очень раздражены происходящим. Они советовали Грачеву занять позицию самого твердого нейтралитета и ясно дать понять обеим враждующим сторонам, чтобы они оставили армию в покое и никак на нее не рассчитывали в надвигающихся событиях.

Честно говоря, Грачев именно так и поступил, если бы он всего пару часов назад не пообещал Ельцину

полную поддержку вооруженных сил. Во всяком случае, все командующие округами подтвердили, что даже не шелухнутся без приказа, подписанного Грачевым лично. По их настроению можно было понять, что они не шелухнутся даже и получив подобный приказ. С одной стороны, это было вроде бы хорошо. Во всяком случае, все они точно также поступят и с приказами Ачалова, коль он найдет способ им этот приказ переслать. Это было хорошо, но этого было мало. Оставалось, как всегда, надеяться на Московский военный округ и на гарнизон столицы, во многие части которого уже были доставлены ачаловские приказы. Командиры звонили в Министерство обороны, требуя разъяснений.

"Без моего личного приказа,— кричал охрипшим голосом в трубку Грачев,— подтвержденного устно и письменно, не предпринимать никаких действий, даже если на вас будут падать бомбы!"

Коллегия Министерства, куда помимо начальника Генерального штаба, заместителей министра обороны и нескольких высших офицеров аппарата Министерства входили и главкомы видов вооруженных сил, выглядела так же мрачно и угрюмо, как в августе 1991 года, когда маршал Язов пытался воодушевить генералов призывами к спасению социализма и СССР. Даже еще хуже, поскольку августовские события были еще у всех свежи в памяти. Кроме того, хотя с той поры прошло не так уж много времени, армия деградировала с такой быстротой, что ее уже нельзя было сравнить даже с армией 1991 года.

Сформированная по архаичному принципу всеобщей воинской повинности, огромная до абсурда, она являла теперь собой уродливый срез всего российского общества, впавшего, по меткому выражению одной американской газеты, в "состояние социального озверения". Гигантская масса вооруженных людей, сведенных в роты, эскадрильи, дивизионы и эскадры, как и все население страны, боролась за собственное выживание, пройдя за три года по тернистому идеологическому пути "от третьего Рима до третьего мира". Дедовщина, ставшая бичом армии, порождала небывалое для русской и советской армии массовое дезертирство. Любой, сбжавший из части солдат, будучи пойманным, ссылался на "дедовщину", независимо от того имела она место в части или нет.

А официальная статистика — 4500 солдат и матросов, убитых в своих частях в течение неполного 1993 года — создавала для дезертирства крайне благожелательный фон в глазах набирающего силу общественного мнения.

Помимо дезертирства были буквально провалены два последних призыва в армию. Призывники предпочитали отправиться в тюрьму или в бега, чем явиться в военкомат. Их вылавливали чуть ли не на улицах, пытались заткнуть зияющие дыры некомплекта хотя бы в частях стратегического назначения. В армию хлынули целые категории хронически больных людей, признанных якобы годными для службы, умножая число мрачных трагедий.

Едва ли в лучшем положении находился офицерский корпус. В отличие от своих солдат, идущих в армию на до смешного короткий срок в два года, где — по всем правилам российского абсурда — первый год они считались "молодыми", а второй — "дедами", офицеры шли в армию фактически на всю жизнь.

Уровень офицерской смертности в мирное время, хотя и считался официально секретным, был известен всем и примерно равнялся уровню солдатской смертности, хотя офицеров было, разумеется, более чем на порядок меньше. И хотя причины смертности, если не считать самоубийств, были принципиально иными, чем у солдат, от этого легче не становилось. Глобальные выводы войск из восточной Европы и Прибалтики фактически в чистое поле создавали проблемы с размещением и обучением даже офицерских и сверхсрочных кадров. Эти проблемы, как все отлично понимали, решить было совершенно невозможно при всех благих намерениях собственного правительства и Запада.

Офицеры практически были поставлены перед вопросом, где раздобыть хлеб насущный. Денежное содержание, хотя и поднималось время от времени, совсем не могло соперничать с галопирующей инфляцией, приводя привыкший к лучшей жизни офицерский корпус в состояние ярости к тем, кто "развалил страну и затеял эти проклятые реформы".

Если к этому прибавить извечный квартирный вопрос и тот факт, что денежные накопления офицеров за время службы превратились в пыль, то не надо обладать большой фантазией, чтобы представить, с каким энтузиазмом офицеры и солдаты желали бы защищать

президента в его борьбе с Верховным Советом и наоборот

Неминуемое крупное сокращение офицерского корпуса, включая и генералов, которых в Советской армии накопилось едва ли не больше, чем во всех остальных армиях мира вместе взятых, порождало апатию, под покровом которой вызревала лихая мысль: не разогнать ли, пока не поздно, обе ветви власти и самостоятельно выступить врачевателем недугов, терзающих страну.

При всей своей лояльности к президенту генерал Грачев несколько раз даже в публичных выступлениях призывал политиков разного толка оставить армию в покое и не провоцировать ее на наведение того порядка в стране, который она посчитает нужным.

Но армию в покое не оставляли. Пользуясь общим упадком и деградацией общества, ее постоянно будоражили то деятели типа подполковника Терехова, то неуверяемые марксисты товарища Зюганова, то общество "Память", то священники из катакомбных церквей с горящими фанатичным огнем глазами, то авантюристы типа Дэви Марии Христос. И только демократы фактически не вели никакой работы в вооруженных силах, пустив продекларированные военные реформы на самотек и выбрав из всех видов воздействия на армию лишь урезание ее бюджета, не считая смутных угроз ее вообще разогнать. Президент-демократ, он же Верховный главнокомандующий, должен был служить единственным гарантом приверженности армии светлым идеям демократии. Единственное, чем правительство могло утешить армию — это постоянное напоминание о ее подвигах в годы Отечественной войны. Но эта заезженная пластинка, непрерывно играющая в течение 50 лет, с каждым годом становилась все менее эффективной особенно в реальностях сегодняшнего дня.

Из августовского путча армия, по выражению тогдашнего начальника Генерального штаба генерала армии Моисеева, выскочила "ошпаренной" и ни за какие блага, ордена и чины не хотела, чтобы ее снова окунули с головой в выгребную яму политической борьбы тщеславных авантюристов, подогретую расплавленным металлом "социального озверения".

Коллегия высказалась в поддержку президента, но с кучей оговорок:

"Добиться у президента четких социальных гарантий и известных привилегий для кадрового состава

вооруженных сил. Ясно и четко сформулировать военную доктрину с учетом того, что Россия, как правопреемница СССР, сохраняет статус сверхдержавы. Прекратить все попытки урезания военного бюджета и быстрыми законодательными методами обеспечить призыв в армию. И, наконец, что самое важное, принять срочные экономические меры, чтобы спасти от разрушения драгоценный ВПК.

Не вводить ни одного военнослужащего на улицы столицы, если президент не даст своего согласия по всем пунктам их требований".

А выполнение этих требований означало бы резкий поворот в обратную сторону от всех попыток реформировать экономическую и политическую жизнь агонизирующей страны.

Но это никого из коллегии Министерства абсолютно не интересовало.

Всем были известны те посулы, которые давал армии Руцкой, если та поддержит его. Но на лихого "полковника" ставить боялись. Из потока его обещаний становилось ясно, что большую часть удастся воплотить в жизнь только в результате многолетних боевых действий, исход которых был, прямо скажем, проблематичным. Воевать же никому не хотелось, а по большому счету было и нечем. Многие, если не головой, то инстинктом понимали: втянись сейчас страна в какие-либо военные авантюры даже с так называемым "ближним зарубежьем" под флагом восстановления СССР, и страна погибнет окончательно вместе с генеральскими дачами, банями, "Мерседесами", "приватизированной" и "акционированной" собственностью и охотничьими угодьями.

Поддержка же Ельцина означала и дальше сытую и размеренную жизнь, огражденную высоким забором от страны и ее проблем.

В перспективе, конечно.

В заключение наметили, какие части можно быстро использовать, если того потребует сложившаяся обстановка. Пока решили не трогать Таманскую и Кантемировскую дивизии, привести в повышенную готовность 16-ю бригаду спецназа полковника Тишина и 218-й отдельный батальон спецназа подполковника Колыгина.

Было еще одно обстоятельство, которое все присутствующие не могли не принимать во внимание. События, последовавшие после августовского путча от-

носителем персональных судеб высшего военного руководства, напоминали осколки разорвавшегося снаряда, разящие кого попало. Маршала Язова и генерала Вареникова посадили. А вот маршала Ахромеева ликвидировали, заставив всех поверить в то, что старый солдат и ветеран нескольких войн способен повеситься, как забеременевшая десятиклассница. Начальника Генштаба Моисеева — фактически главного заговорщика — с миром и почестями отпустили в отставку.

Министром обороны стал не генерал-полковник Кобец, постоянно мелькавший на экране телевизора как командующий обороной Белого Дома, которого уже все прочили на этот пост, особенно после производства его в генералы армии, а никому тогда неизвестный генерал-майор Грачев, который даже не значился в секретном справочнике ЦРУ "Военное руководство СССР".

Нынешние события, независимо от того, назовут их путчем или нет, также могли очень больно ударить по всем, кто проявил инициативу или ждал приказа, кто действовал решительно и кто решительно ничего не делал. Здесь пригоден был только старый совковый принцип "не высывайся", по крайней мере, до получения гарантий.

Но гарантий никаких не было и никто не думал их давать. Во всяком случае, Грачев уже несколько раз пытался дозвониться до президента после возвращения с прогулки. Президента не было и никто из его аппарата не знал, где Ельцин находится.

На лице Грачева была написана явная растерянность.

22 сентября 1993, 20:35

Министр безопасности Руцкого генерал Баранников сидел в выделенном ему просторном кабинете, подписывая ордера на арест. Сбоку от его стола пристроился Сергей Бабурин со списками лиц, подлежащих аресту и интернированию "за попытку антиконституционного переворота".

Списки были частично отпечатаны, частично написаны от руки с массой помарок и исправлений. Часть фамилий была вычеркнута, а над ними были написаны новые. Депутат Иона Андронов несколько раз звонил по телефону, интересуясь, не забыли ли включить в список Бурбулиса и Козырева. Его успокаивали, уверяя, что эти двое есть во всех списках, но настырный Андронов имел

информацию, что эти фамилии хотя и вносятся в список, но каким-то чудесным образом из всех списков исчезают. Вот и сейчас, диктуя Баранникову фамилии, Бабурин, к своему великому удивлению, обнаружил, что фамилия Бурбулиса в его списке вычеркнута жирными красными чернилами, а поверх нее записан какой-то Фридман. Фамилия Фридман считалась настоящей фамилией министра иностранных дел Андрея Козырева, а настоящей фамилией Бурбулиса считалась именно — "Бурбулис", поскольку лучше и нарочно не придумаешь. Бабурин хотел проконсультроваться с многоопытным Баранниковым, что все это значит, но, подняв голову от списков, увидел, что министр безопасности смотрит на дверь своего кабинета, побледнев так, как будто увидел привидение.

Без стука и без доклада в дверь вошел начальник Управления безопасности по Москве и Московской области Евгений Савостьянов, как всегда интеллигентно улыбаясь в свою аккуратно постриженную бородку. Бабурин также почувствовал сильный дискомфорт и даже прислушался — не происходит ли в приемной какая-нибудь борьба, в ходе которой люди Савостьянова бесшумными стволами ликвидируют охрану генерала Баранникова.

Но все было тихо. Через открытую дверь слышался лишь негромкий гул мужественных голосов, да щелканье пишущей машинки, печатающей приказы Баранникова.

— Женя? Евгений Владимович, ты чего?— хриплым голосом спросил Баранников, опасаясь, что Савостьянов сейчас пристрелит его прямо за письменным столом.

— Сдаваться пришел?— поинтересовался менее впечатлительный и более наглый Бабурин.

Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что всего полчаса назад Баранников своим приказом назначил Бабурина как раз начальником Управления безопасности по Москве и Московской области. Приказ должны были соответствующим образом оформить, утвердить у Руцкого, а затем Бабурин собирался с ним отправиться на Лубянку и вступить в новую должность, с которой было бы гораздо легче проводить в жизнь тот самый замечательный закон о расстрелах, принятый Верховным Советом по предложению Бабурина. Сам составил закон — сам его и выполняй, энергично проводя в жизнь. Все было правильно и логично.

— Сережа,— улыбнулся Савостьянов, усаживаясь в кресло напротив Баранникова,— сходи куда-нибудь погуляй, проветришься. Народ там волнуется у входа, скажи им что-нибудь, подбодри. А то погода портится, еще разойдутся.

Бабурин покраснел, но подчинился, и, закусив губу, вышел из кабинета.

Подойдя к машинистке, он взял с ее стола списки, просмотрел их, зачеркнул фамилию Бурбулиса и вписал поверх "Савостьянов Е.В." Затем последовал полученному совету и отправился на балкон, с которого в этот момент перед замерзшей толпой ораторствовал товарищ Зюганов:

"Товарищи,— кричал в мегафон председатель партии российских коммунистов и сопредседатель Думы русского национального собора.— Товарищи, всмотритесь в одухотворенные лица Сергея Бабурина, Альберта Макашова, Александра Проханова, Виктора Анпилова. Неужели вы не видите, что это люди с настоящим государственным умом и чистыми помыслами!"

Услышав свою фамилию, Бабурин, настроение которого и так уже было испорчено, раздраженно закусил губу, придавая своему лицу провинциального Мефистофеля совершенно злое выражение. Он не любил Зюганова, как не любят друг друга люди с одинаковыми хватками, приобретенными в разных отделах одного и того же ведомства. Зюганову еще в системе КПСС удалось пройти славный путь от инструктора до заместителя заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. Уже была квартира в номенклатурном доме, машина с шофером, право входить в высокие кабинеты, решать чужие судьбы. Его уже знали в лицо даже члены Политбюро.

Именно Зюганов одним из первых догадался, что Горбачев и Яковлев — агенты ЦРУ, губящие партию по приказу из-за океана. Почувяв неладное, в страхе потерять завоеванные привилегии, Зюганов стал одним из инициаторов создания Российской компартии (РКП), надеясь, помимо всего прочего, осуществить мечту, свойственную всем мелким чиновникам из ЦК: стать членом Политбюро. И Зюганов стал им. Пока РКП Зюганова становилась на ноги, лихорадочно отписывая на себя золотишко и имущество умирающей родительницы КПСС, подоспел августовский путч, который Зюганов встретил с восторгом, о чем свидетельствует

масса документов из секретариата РКП и лично от товарища Зюганова, посланных в адрес ГКЧП и в низовые структуры своей партии. После провала августовского путча Ельцин запретил РКП, но через некоторое время, благодаря энергичным усилиям председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, эта преступная организация снова была легализована, дав возможность Зюганову вынырнуть из политического водоворота, увлекающего его и его идеологию в канализацию истории.

Нахальный, но неумный демагог, он, если чем и отличался от Бабурина, то лишь инстинктом хитрой осторожности, приобретенным в коридорах ЦК КПСС. Этот инстинкт, очень похожий на крысиный, почти безошибочно подсказывал Зюганову, когда нужно юркнуть в какую-нибудь щель, чтобы снова оттуда появиться с громкими воплями о нарушении свободы и удушении демократии. Эти крики из уст профессионального партаппаратчика Зюганова, чья партия в течение почти целого века душила свободу и демократию всеми методами вплоть до массовых убийств миллионов ни в чем не повинных людей, выглядели еще более карикатурными, чем в устах Бабурина, который в конечном итоге был всего лишь искалеченным коммунистической системой сибирским мальчиком с несколько повышенным комплексом неполноценности, что никак нельзя считать недостатком.

Между тем Зюганов кончил свою речь с балкона, уступив место последующим ораторам, которые выступали непрерывно. Бабурин подошел к нему и тихо сказал: "Савостьянов в здании"

В глазах Зюганова мелькнул испуг: не задержался ли он в Белом Доме, не будучи депутатом, больше, чем нужно. Но ведь сегодня всего лишь 22 сентября, в то время как..

Сиплым шепотом спросил Бабурина: "Зачем? Не знаешь?"

"К Баранникову пришел. Не знаю зачем", — ответил Бабурин.

"Один?" — спросил Зюганов, оглядываясь по сторонам с выражением тревоги на своем квадратном лице партидеолога, которому он постоянно, но тщетно пытался придать вид важного глубокомыслия.

(Подробнее об этом см. в моей книге "Золото партии")

Бабурин ничего не ответил, а только стрельнул глазами в сторону. Зюганов взглянул в этом направлении и увидел, как на балкон выходит Савостьянов в сопровождении двух человек в одинаковых черных пальто. Шеф столичного КГБ явно кого-то искал, медленно проходя по балкону за спинами вопящих в микрофоны народных трибунов. Те, кто его узнавал, как и Зюганов, начинали испуганно оглядываться по сторонам или прижиматься к стенам. Почти все помнили, что указ президента снял с них депутатский иммунитет, а те, кто им никогда не обладал, имели еще большие основания для беспокойства.

Савостьянов покинул балкон и вышел на пандус огромного здания.

Моросил дождь со снегом, усиливался холодный ветер. В нескольких местах на Краснопресненской площади жгли костры. За пеленой дождя тенями чернели толпы людей. С балкона надрывался громкоговоритель. Где-то исполняли гимн СССР: "Нас вырастил Сталин на верность народу!"

Савостьянов оглянулся по сторонам и наконец увидел того, кого искал.

В обществе нескольких офицеров на пандусе стоял подполковник Терехов. Савостьянов направился к нему и, мягко взяв под руку, увлек за собой. Несколько офицеров из "Союза" бросились было за ним, но сопровождавшие Савостьянова двое преградили им дорогу: "Спокойнее, ребята, ничего страшного"

Савостьянов и Терехов остановились шагах в десяти от них, о чем-то беседуя. Терехов сделал знак своим людям, чтобы те не беспокоились. Разговор продолжался не более трех минут.

Погрозив пальцем Терехову, на что тот сделал жест ладонью типа "все в порядке", Савостьянов и сопровождавшие его люди, перешагивая через обрезки водопроводных труб, доски и сучья деревьев, пошли к машине. К Терехову подскочили его ближайшие соратники: подполковник Федосеенко и майор Никитин. "Что он от тебя хотел?" В голосах офицеров было больше раздражения, чем тревоги.

"Сдаваться приходил,— насмешливо ответил Терехов.— Они сейчас все забегали, как тараканы. Спрашивал, не найдется ли для него какой-нибудь должности. Он уже к Баранникову приходил, да тот его на. послал"

"А ты что ему сказал?"— спросил подполковника Федосеенко своего лидера.

"Я его тоже на... послал!"— отрубил председатель "Союза офицеров".

Терехов хотел еще что-то сказать по этому поводу, но какой-то подбегавший капитан доложил, что его вызывает генерал Ачалов.

Министр обороны был пьян и мрачен. Он сидел, положив локти на стол, глядя куда-то в пространство. Терехов за годы службы хорошо научился понимать настроение начальства, а потому официально доложил: "Товарищ генерал, подполковник Терехов по вашему приказанию прибыл!"

— Ты вот что,— медленно проговорил Ачалов.— Чтобы никаких импровизаций! Понял? Без приказа чтоб ни гу-гу. Все ясно?

Но Терехову было ясно не все.

— Вот так и будем здесь сидеть?— набычился он.— Люди в бой рвутся, товарищ генерал. Обстановка-то какая, посмотрите! Если мы начнем, вся армия сдетонирует и народ поднимется. Ленин о такой обстановке только и мечтал! А так сидеть, что толку. Связи с округами нет. Ни с кем нет. Сидеть и ждать пока задавят?

— Все сказал?— поинтересовался генерал.— А теперь слушай меня. Связь и все такое прочее — это не твоя забота. Я сам разберусь. Но если твои люди сделают хоть шаг без моего приказа, ты крепко ответишь за это. Понял, подполковник? Можешь идти.

Когда Терехов вернулся к своим офицерам, те окружили его, спрашивая, что случилось.

* (Встречу на пандусе Белого Дома Савостьянова с Тереховым видели многие, так что сам Савостьянов вынужден был как-то это объяснить. Выступая позднее на пресс-конференции, шеф МГБ столицы рассказал, что взял с Терехова "слово офицера" о том, что ни он сам, ни его люди не устроят в городе никаких провокаций. К Баранникову же он ходил якобы, чтобы предупредить о последствиях незаконной раздачи оружия. О чем они кратко поговорили в кабинете, неизвестно, но на следующий день Баранников в истерике прибежал к генералу Степашину, заверяя его в своей преданности президенту Ельцину. Баранников, если верить Степашину, уверял его, что пришел в Белый Дом исключительно для того, чтобы воспрепятствовать попаданию оружия в "преступные руки". Неизвестно, чем подбодрил Баранникова Степашин, но после разговора с ним Баранников вернулся в Белый Дом на пожалованную Руцким должность министра безопасности и оставался там до самого конца, т.е. до отправки в Лефортово.)

"Связь нужна,— задумчиво произнес Терехов.— Пропадем без связи. Нужно что-то делать".

Посыпались разные предложения от захвата "Останкино" до штурма узла связи Генерального штаба. Однако, какими силами проводить эти акции, никто не знал.

"Ладно,— сказал Терехов.— Что—нибудь придумаем".

И объявил, что едет домой. Никто не возражал. Все знали, что у подполковника была жена и трое дочерей, которых он искренне и нежно любил. В Белом Доме он уже сидел почти сутки, вызывая естественное беспокойство домашних.

На персональных "Мерседесах" уехали домой и президент Руцкой, и спикер Хасбулатов, чтобы вернуться позднее на ночной чрезвычайный съезд народных депутатов, хотя уже было ясно, что кворум собрать не удастся.

Генерал Ачалов прикорнул на диване в выделенном ему кабинете. Как всякий офицер воздушно-десантных войск, генерал умел пить. Но сегодняшний коньяк был какой-то особый. Он путал мысли и валил с ног, как неочищенная "чача". Хотя сам по себе коньяк был превосходным.

Сразу же после отъезда Руцкого и Хасбулатова в Белом Доме снова погас свет. Запустить автономную станцию не удалось. Замелькали ручные фонари и свечи, запас которых обнаружили в одном из складских помещений.

На площади продолжали гореть костры, у которых дремали люди под пронизывающим ветром и налетающими снежно-дождевыми зарядами.

Замолкли вещающие почти круглосуточно громкоговорители, установленные на балконе здания-монстра.

Кончался день 22 сентября 1993 года, не принесший, казалось бы, никаких особо интересных событий. Но это было только на первый взгляд.

В воздухе уже просвистел МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА. Но никто тогда не заметил этого. Даже сам президент.

Древнее искусство владения мечом никогда не было доступно каждому, кто только имел право или привилегию носить меч.

Виртуозы боя на мечах, которых было одинаково немного на Западе и на Востоке (хотя на Востоке, конечно, чуть больше), умели наносить удар так, что ни

противник, ни присутствующие свидетели не могли заметить ни полета, ни удара меча, а порой и самого меча. Только жертва удара начинала оседать на землю, а подбежавшие к упавшему с ужасом (или с радостью) убеждались, что голова у того уже отрублена, хотя еще и держится на месте — настолько тонким и изящным был разруб. А виртуоз, продемонстрировавший свое высочайшее искусство, либо тихо исчезал с места происшествия, держа под мышкой меч, который все ошибочно приняли за посох странника, либо, напротив, шумно заказывал вина всем присутствующим, которые смотрели на него с восхищением и мистическим страхом. А убитого тихо хоронили, пришив ему голову к телу суровыми нитками, чтобы он в более или менее приличном виде мог предстать перед Творцом.

Искусство владения мечом в огромной степени зависело и от самого меча. Легенды сохранили нам имена нескольких мастеров, умевших ковать воистину волшебные мечи, обеспечивающие их владельцам непобедимость и бессмертие. Но не в любых руках. Совместимость руки и меча — это уже область совершенно глубокой мистики, требующей тщательного изучения...

Выкованный Лениным "Пролетарский Меч" был настоящим волшебным мечом — он срубил столько голов, что ученые до сих пор не могут подсчитать точное число жертв. Неуважающие Ленина говорят о 60 миллионах голов; уважающие вождя уверяют, что голов было 120 миллионов. Пока шел академический спор о достижениях меча, Меч из "Пролетарского" стал "Партийным", а с августа 1991 года превратился в "МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА".

Так, по крайней мере, считал сам Президент, хотя в действительности он не владел мечом, а был всего лишь его рукоятью...

Государственный Меч, который до сих пор красуется на визитной карточке известного ведомства, разумеется, является обобщенным понятием.

Большой государственный меч складывается из тысяч малых мечей, рукоятку которых сжимают руки, направляемые совсем другими головами, рук не имеющими.

В течение 70 лет Большой Государственный Меч остервенело рубил собственную страну, а десятки тысяч малых мечей — слепых, как и всякое оружие, помогали

ему в этой многотрудной работе, расчленив в конце концов страну, как говяжью тушу. А затем началась разделка разрубленных кусков и — в первую очередь — России.

Конечно, в наше время всеобщей деградации, героев этой книги "мечами" можно назвать с большой натяжкой. Это уже не "мечи" и даже не "стилеты", а скорее "заточки". Тем более, что руки, их державшие, больше привыкли именно к "заточкам", чем к архаичным "мечам", в самом названии которых сохранилось известное благородство. Но согласитесь, что назвать эту книгу "Заточки Президента" было бы грубо и не очень литературно, хотя бы уже потому, что "заточки", сложенные вместе, все-таки составляют уже нечто среднее между "мечом" и "ломом". Такой вот наполовину "лом", наполовину "меч". "Лом Президента"? Тоже не звучит. Пусть останется "Меч Президента", поскольку в государственных руках любой лом превращается в меч, будь то "Пролетарский Меч" или "Лом Правосудия".

23 сентября все "мечи-заточки" пришли в действие.

Пока в Белом Доме при свечах и аккумуляторных лампах проходил чрезвычайный съезд народных депутатов, на котором с большими речами выступили Руцкой и Хасбулатов, выдержав свои речи в лучших традициях былых партийных съездов; пока генерал Ачалов получал медицинскую помощь после вчерашнего коньяка, в который, как показал анализ, чья-то "добрая" рука подмешала сильнейший наркотик; пока, вернувшись в Белый Дом, генерал Баранников (объявивший свою встречу со Степашиным "гнусной клеветой") согласовывал с народными депутатами списки на арест (Иона Андронов вскочил с места и заорал: "Бурбулиса не забудьте включить!"); одним словом, пока происходила вся эта рутинная "партийно-хозяйственная" работа, толпа перед Белым Домом росла и "мечи-заточки" продолжали накалять атмосферу, пытаясь довести ее до состояния неконтролируемой истерии.

Поздно вечером перед толпою с балкона выступил генерал Макашов, в очередной раз призвав собравшихся на подвиги во имя нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Толпа послушно скандировала: "Савецкий Саюз! Савецкий Саюз!" В этот момент неожиданно появившийся Виктор Анпилов нахально отпихнул генерала от микрофона и сообщил, что подполковник Терехов со своим "Союзом офицеров" взял

штурмом здание штаба объединенных вооруженных сил СНГ (ОВС СНГ), где идет бой. Анпилов призвал всех собравшихся идти к штабу ОВС СНГ и закрыть своими телами доблестных офицеров Терехова, чтобы никто не смог блокировать это "первое освобожденное народом правительственное учреждение".

Возможно, что по какому-то сценарию "анпиловских" бомжей решено было покрошить из автоматов именно в подобной ситуации, а затем уже разобраться с остальными.

В первое мгновение генерал Макашов оторопел. Оторопел настолько, что публично, на всю площадь обозвал Анпилова "provokatorom" и призвал собравшихся не трогаться с места. Стратегический ум генерал-полковника сразу же охватил ситуацию: Анпилов уводит толпу с площади на Ленинградский проспект в заранее расставленную ловушку, Белый Дом оголяется и его (вместе со всеми обитателями) берут голыми руками.

Генерал Грачев уже объявил, что для его людей требуется всего час работы, чтобы очистить здание Верховного Совета "от всей нечисти"

Но Анпилов был не из тех людей, кому легко можно было заткнуть глотку. Он продолжал звать народ на штурм, и неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы не появился один из добровольных адъютантов Макашова, доложивший, что штаб ОВС СНГ взят, и никто в помощи не нуждается.

Макашова и Ачалова просят прибыть туда и воспользоваться узлом связи для передачи сообщений в округа и гарнизоны от "законного" президента и его министра обороны.

Надо сказать, что это сообщение озадачило генерала Макашова еще сильнее, поскольку генерал-полковник отлично знал, что в штабе ОВС СНГ никакого узла связи нет и, в сущности, это даже и не штаб вообще, а гостиница, где останавливаются высокие военные чины, прибывающие в Москву из дальних округов и так называемого "ближнего зарубежья".

В это же время мэр Петербурга Собчак погнал с должности своего вице-мэра адмирала Щербакова. Разъяренный адмирал устроил пресс-конференцию, где, наряду с угрозами в адрес Собчака, поведал, что штаб ОВС СНГ — всего лишь гостиница, где он неоднократно останавливался, и словом офицера заверил всех присутствующих, что "попытка захвата здания — чистой воды провокация". Никто и не спорит. Только провокации всегда устраивают провокаторы.

Какого черта Терехову понадобилось штурмовать именно это здание? И кто ему приказал?

Собравшейся толпе, призвав ее никуда с площади не уходить, объявили радостную новость, что штаб ОВС СНГ взят. Последовали громкие крики восторга и "Ура!" Вдохновленная победой, площадь грянула: "Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!"

Полковник Терехов, увы, не слышал столь восторженной оценки своих героических действий. Когда его офицеры на двух микроавтобусах подъехали к штабу ОВС и начали разоружать охрану, состоящую из солдат, у которых на 15 человек было пять пистолетов (из них только два с патронами), они были перехвачены нарядом патрульной милиции, у которого на всех было тоже два пистолета. Вооруженные десантными автоматами люди Терехова, продемонстрировав "высочайшую" боевую подготовку, свойственную всем замполитам, в завязавшейся перестрелке убили патрульного милиционера капитана Валерия Свириденко и пенсионерку-домохозяйку 63-х лет Веру Малышеву, подскочившую на звуки выстрелов к окну собственной квартиры в доме N 54-а по Ленинградскому проспекту, что находился напротив штаба. После чего разбежались, но вскоре были выловлены, все, разумеется, свалив на Терехова.

Сам же подполковник Терехов, руководя сражением, успел отдать только одну команду: "Ну-ка, взять их!", имея в виду появившихся милиционеров. Однако недостаток полководческого опыта не позволил Терехову использовать преимущество внезапного нападения. Бросив свою армию на произвол ОМОНа, подполковник покинул поле боя. Хотя по предварительной договоренности вся его группа в случае потери контакта друг с другом должна была снова встретиться в Белом Доме, Терехов, по вполне понятным причинам, в Белый Дом не явился, а вскоре в совершенно подавленном состоянии председатель "Союза офицеров" был обнаружен часовыми... на территории Главного Разведывательного Управления Министерства обороны (ГРУ). Территория ГРУ — это не парк культуры, на территорию которого может попасть человек, даже не помнящий себя от расстройства. Да и не во всякий парк культуры можно пробраться в ночное время, а уж тем более на территорию ГРУ. Посторонний человек, обнаруженный на территории ГРУ — это ЧП огромного масштаба, требующее специального тщательного расследования.

Однако, на все вопросы о том, как он оказался на территории Главного Разведывательного Управления, Терехов утверждал, что попал случайно, а как — не помнит. "Был очень расстроен и бежал".

Ему задали вопрос, зачем он организовал нападение на здание штаба, не представляющее никакой стратегической ценности с какой бы точки зрения на это ни смотреть. Сначала Терехов упорно отвечал: "Так приказал генерал Ачалов". Спрашивайте, мол, у него.* У Ачалова спросили. Специальный следователь генеральной прокуратуры имел возможность задать этот вопрос генералу уже утром следующего дня. Следователя не только пропустили в Белый Дом, но и допустили к министру обороны.

Ачалов был разъярен действиями Терехова, употребляя фамилию лихого подполковника только в длинных очередях матерных ругательств. Он наотрез отказался от своей причастности к этому "совершенно идиотскому и бессмысленному поступку", который следователь квалифицировал как "разбойное нападение, повлекшее человеческие жертвы". Генерал был совершенно не согласен с подобной оценкой и добавил, что "этот мудака" (подполковник Терехов) действовал исключительно по собственной инициативе. Однако, оправданий Ачалова уже никто не услышал. "Узнаю Ачалова,— прокомментировал происшедшее генерал армии Грачев.— Это типично его почерк!"

Первая боевая операция, проведенная подполковников Тереховым и его "Союзом офицеров", в результате которой были убиты патрульный милиционер и пожилая домохозяйка (кто-то действительно ведь не поленился выстрелить по силуэту женщины в окне дома на противоположной стороне достаточно широкого Ленинградского проспекта), привели к целому водопаду необратимых событий.

Результаты этих событий (когда пылала телестудия "Останкино", а в центр Москвы снова ворвались гвардейские танковые дивизии и легендарная дивизия имени Дзержинского, которые незадолго до этого были осчастливлены личным визитом президента) хорошо

* (Позднее Терехов изменил свои показания и признал, что "это было сделано для того, чтобы активизировать действия нового министра обороны генерала Ачалова", который вел себя слишком пассивно.)

известны и нет нужды вести хронику, как мы это делали до сих пор.

Горящий Белый Дом; грохот танковой артиллерии, расстреливающей этот дом прямой наводкой; трупы людей на площади; трупы в Белом Доме; возглас Клер Шифман с боевого поста "Си-Эн-Эн" на крыше высотного дома "Боже мой!", когда американцы получили информацию о пятистах убитых в здании; вопли Руцкого, призывающего авиацию бомбить Москву; арест руководителей "парламентского мятежа" и многое другое навсегда останутся в памяти тех, кто это видел, как очередная и даже не самая трагическая страница в кровавой российской истории. Новым во всем этом деле было то, что впервые русские убивали русских при стечении огромного количества зевак, пришедших на эту трагедию, как на какое-то небывалое театральное шоу.

Под пулями и осколками, восхищаясь и сопереживая, стояли женщины с колясками, пожилые люди, гуляющие с собаками, школьники целыми классами, туристы и много прочего люда, обобщенно именуемого зеваками. Торговали ларьки, работали магазины, падали чуть ли не под аплодисменты и крики восторга убитые и раненые, танковые снаряды рикошетом залетали в окна жилых домов, сыпались стекла в посольстве США, по которому с особым удовольствием палили с обеих сторон, выли сиренами "Скорые помощи", не успевая эвакуировать раненых; убитых складывали на газонах. "Меч президента" рубил все вокруг, по-русски, от души.

Телекомпания "Си-Эн-Эн" напрямую демонстрировала очередной позор России на весь мир, и нет необходимости этот позор подробно пересказывать.

Поговорим о тех "мечах-заточках", кто дал возможность "Большому Мечу" обрушиться на русские головы. Поименно вспомним их, как национальных героев.

СЕРГЕЙ БАБУРИН

Он первым предложил выбрать собственных силовых министров и тем самым обеспечил полную преданность президенту со стороны существующих силовых министров, дав возможность Грачеву, Ерину и Галушко, не колеблясь, принять любые меры по отношению к Верховному Совету, который в начале событий находился в более выигрышной позиции, чем президент.

Бабурин выступил с инициативой принятия подрастельных законов, поставив руководство Верховного

Совета в идиотское положение и сделав его заложником событий, лишив всякой позитивной инициативы.

Бабурин лично составлял списки подлежащих аресту и делал все возможное, чтобы об этом узнали за пределами Белого Дома.

Назначенный начальником Управления госбезопасности по Москве приказом Баранникова, он приехал на Лубянку, чтобы вступить в должность, угрожая сотрудникам своим законом о расстреле, побудив их, тем самым, приложить все усилия в обратном направлении.

"Я пришел не просить о чем либо,— объявил Бабурин на Лубянке,— а руководить вами". Фраза почти библейская при почти евангелистическом поступке, благодаря которому агент "Николай" сумел передать своим кураторам нужную информацию.

И получить нужные инструкции.

Ибо Бабурин первым известил всех обитателей Белого Дома, что дивизия имени Дзержинского перешла на сторону Верховного Совета, чего она, как известно, и не думала делать. (В связи с этим интересно отметить, что в то же время депутат Лев Пономарев, позвонивший своему другу Евгению Савостьянову, услышал от начальника московского КГБ ту же новость: дивизия имени Дзержинского перешла на сторону Руцкого-Хасбулатова). Это событие инициировало буйные беспорядки.

Сергей Бабурин с просветленным лицом сообщил с балкона ликующей толпе: "Войска отказываются служить Грачеву! И для них лучше будет, если отсидятся в казармах. Мы сами способны арестовать всех негодяев!"

Подбадривая толпу накануне рейда на "Останкино", Бабурин орал с балкона: "С "Останкино" вопрос решен. Эту наркотическую игру средств массовой информации мы должны прекратить в течение суток. Победа будет за нами. К нам переходят воинские части и ОМОНовцы..."

Во всех речах Бабурина сквозит одна и та же тема: армия и ОМОН перешли на сторону Белого Дома, когда ничего подобного не было и в помине.

Позднее Бабурин раздавал защитникам Белого Дома ксерокопии выкладок "астролога" Павла Глобы, где на основании движения небесных светил делался безапелляционный вывод, что Ельцин вскоре умрет насильственной смертью, а Руцкого и Хасбулатова ждет резкий политический взлет. (У них было время поразмыслить в Лефортово об астрологии как о науке).

Прохаживаясь с важным видом между мальчишками в военной и полувоенной форме, видя их испуганные и тоскливые взгляды, Бабурин успокаивал обреченных: "Осталось уже недолго, скоро этому кошмару придет конец". И был совершенно прав. Танки и десантники президента Ельцина уже окружали Белый Дом.

Сразу же после сдачи Белого Дома распространился слух, что Бабурин был схвачен и расстрелян. Затем слух видоизменился: Бабурин был зверски избит и брошен в тюрьму. Умные люди только посмеивались и были совершенно правы. Белый Дом еще горел, когда живой и невредимый Бабурин с той же наглой улыбкой появился на экранах телевизоров, заявив, что слух о его расстреле "был несколько преувеличенным". Равно, как и об аресте. Покинуть казенную квартиру народного депутата Бабурин наотрез отказался и вскоре объявился в новом парламенте, то бишь в Думе, вместе со своим старым дружкой Владимиром Исаковым.

Он основал партию "Русский национальный союз", от которой собирается выдвинуть свою кандидатуру в президенты на выборах 1996 года. Россию ждет великое будущее.

ВИКТОР АНПИЛОВ

Поставив впереди своих "бомжей", пожилых женщин Анпилов начал уличные беспорядки в Москве, прорвал цепь милиции в районе Белого Дома, а затем на брошенных милицейских грузовиках с оставленными ключами зажигания повел "Трудовую Москву" к "Останкино", имея военным советником генерала Макашова. Они ехали по улицам столицы с поднятыми красными знаменами мимо стоявших на обочине бронетранспортеров спецотряда "Витязь" дивизии имени Дзержинского, которым командовал подполковник Сергей Лысюк. С бронетранспортеров махали руками проезжающим анпиловским машинам, что еще раз подтверждало сообщение Бабурина и Уражцева о том, что дивизия восстала против "диктатуры Ельцина"

Сам подполковник Лысюк руками не махал, а слушал радиопереговоры штаба дивизии с подразделениями, ожидая, когда в эфире появится его позывной. Лысюк был "122-м". Наконец, начальственный баритон, принадлежавший кому-то, кто может в боевой обстановке называть подполковника на "ты", изрек: "122-й! Они мимо тебя проехали?"

"Так точно", — ответил подполковник.

"122-й, — продолжал баритон, — поезжай за ними. Медленно поезжай. Ни в коем случае не обгоняй. Встань там неподалеку. Жди команды. Без команды ничего не предпринимай. Ты меня понял?"

"Понял", — ответил Лысюк, и бронетранспортеры медленно покатали по залитым солнцем столичным улицам.

Между тем, Анпилов и Макашов подъехали к теле-студии "Останкино", где Анпилов начал свой очередной митинг. Нет нужды его цитировать, поскольку кроме слов "уничтожить", "гнездо сионистов", "захватить", "на виселицу" словарный запас "народно-рабочего вождя" состоял из одних завываний.

Между тем Макашов инструктировал боевиков, как им действовать дальше. Генерал еще не остыл от штурма мэрии, где он дал историческую команду: "Гоните всех чиновников на... на улицу! Обрежьте все линии связи!" А затем подытожил содеянное, заявив повернувшемуся телекорреспонденту: "Отныне у нас не будет ни мэров, ни сэров, ни пэров, ни хэров". У генерала было еще приподнятое настроение, когда, подойдя во главе анпиловской толпы ко входу в "Останкино", Макашов взял у Анпилова громкоговоритель и объявил: "Даю десять минут на капитуляцию. Тем, кто добровольно сдастся, тому гарантирую оставить..." Генерал засмеялся и закончил: "Оставить одно яйцо!"

Генерал довольно захохотал, а от его истинно народной шутки засмеялся и Анпилов, а также все их воинство, ошестинившееся автоматами и гранатометами.

Отметим, что в этот момент Анпилов и Макашов находились впереди своего войска. Срок предъявленного им ультиматума стремительно истекал и Макашов выстраивал с помощью Анпилова свое войско в боевой порядок таким образом, чтобы оно попало под перекрестный огонь бронетранспортеров Лысюка, дремавших на другом конце площади.

Генерал распорядился, чтобы один из грузовиков протаранил двери телецентра, а вторые двери были бы разбиты выстрелом из гранатомета.

Приказ был столь же бездарным, как и приказ обрезать телефоны в уже захваченном здании мэрии. Грузовик не пролез в дверь по габаритам, застрял и создал защитникам прекрасную баррикаду.

Но приказ — есть приказ. Пока готовились его выполнять, выяснилось, что Анпилов и Макашов уже покинули поле боя. И как раз, когда их машина мчалась обратно к Белому Дому, некий герой из "Союза офицеров" подошел с гранатометом к стеклянным дверям телецентра и прежде, чем быть застреленным охраной, выстрелил. В другие двери врезался грузовик. В грохоте, огне и дыму посыпались стекла и затрещали автоматные очереди.

В этот момент заработала радиостанция на БТРе подполковника Лысюка: "122-й! Кто там стрелял? Они? Вот они сами себя и благословили! Начинай, 122-й!"

Кинжальный перекрестный огонь крупнокалиберных пулеметов с БТРов отряда "Витязь" в буквальном смысле слова выкосил всю площадь. Лишь немногим удалось спрятаться в ближайшей парковой лесополосе. Несколько очередей БТРы дали и по окнам телецентра, чтобы пустые глазницы окон стали молчаливыми свидетелями ожесточенного боя...

Анпилов же в это время уже снова выступал с бална Белого Дома, призывая толпу сражаться с "диктатурой" до последней капли крови.

Разумеется, не своей, а их.

Когда первые отряды спецназа ворвались в Белый Дом, их взорам предстала страшная картина. Весь первый этаж и лестничные марши одного из боковых крыльев здания были забиты трупами, лежащими вповалку.

Это были "бомжи" Виктора Анпилова, расстрелянные в упор из автоматов. Они набились здесь, спасаясь от огня танков и БТРов снаружи. Танковые снаряды сюда не залетали. Подозревать в этом ворвавшихся в здание десантников из состава 106-й воздушно-десантной дивизии или 218-го батальона в этом нельзя. У них просто не было времени на проведение подобной акции, поскольку все их действия подчинялись логике боя.

Тот, кто заманил сюда этих несчастных, тот, безусловно, и уничтожил их. Наверняка видя, что дело напрочь проиграно, была запланирована новая гнусная провокация: подвесить на Ельцина гору трупов, с одной стороны, и присвоить себе причитающиеся этим людям деньги — с другой, а также — избежать ненужных разборок, неизбежных после поражения, а вместе с тем и уменьшить количество деклассированных элементов на улицах столицы.

Трое суток, полностью изолировав Белый Дом от внешнего мира, власти эвакуировали оттуда трупы несчастных бродяг, клюнувших на громовые лозунги Анпилова, и хоронили их на отдаленных кладбищах. У бомжей не было родных и их никто не искал.

Разумеется, Анпилова среди них не было. Не получив даже царапины, он скрылся после сдачи Белого Дома (еще до первого выстрела) и пытался укрыться на одной из явок КГБ в Тульской области. Выданный одним из своих сообщников местной милиции, не посвященной в подробности высокой миссии Анпилова, он был арестован и для собственной безопасности помещен в Лефортово. 26 февраля 1994 года без суда и следствия ему была дарована амнистия и Анпилов вышел на свободу с полной готовностью подставить под стволы автоматов снова любую толпу, у которой хватит ума за ним последовать.

А если вспомнить, что еще 21 сентября именно Анпилов истерично требовал немедленно "раздать народу оружие", то страшная и кровавая роль этого человека станет понятной даже тем, кто ничего понимать не желает. Так пусть хоть побережет собственную голову.

ВИТАЛИЙ УРАЖЦЕВ

Получив разрешение на митинг 2 октября, Уражцев вместо его проведения направил толпу на милицейское оцепление, которое быстро рассеялось. После этого возглавляемая им толпа направилась к Белому Дому, прорвав жидкое оцепление, и таким образом "деблокировала" здание, создав предпосылки для захвата мэрии и похода на "Останкино".

На состоявшемся по этому поводу митинге помощник Уражцева Братищев кричал народу, указывая на отставного полковника: "Вы видите перед собой национального героя. Он первым повернул массы с Садового кольца и направил не на митинг, а прямо на штурм оцепления Белого Дома!"

К новому национальному герою бросились корреспонденты. Уражцев уже видел себя крупным политическим деятелем, говорил снисходительно, как и подобает настоящему победителю. Скромно признав: "Да, это я повел массы на прорыв блокады", — он подчеркнул, что массам всегда нужен вождь, явно имея в виду самого себя.

"Сейчас важно сохранить законность", — продолжал Уражцев, когда уже посыпались стекла из мэрии под грохот автоматных очередей. "Обойдемся без самосуда", — обещал он, глядя, как его люди буквально линчуют захваченных милиционеров и избивают работников мэрии. "Важно сохранить законность", — продолжал Уражцев, повторяя свою мысль. — Никакой расправы с побежденными. Поступим "по-благородному" с Ельциным и его генералами, когда их арестуем. Мы не должны допустить, чтобы плодами нашей победы снова воспользовались шахраи и гайдары. Мы должны лучше, чем в августе 1991 года, распорядиться тем человеческим материалом, которым мы обладаем. Враг хитер и еще опасен!"

После завершения инспирированных им кровавых событий, Уражцев — живой и невредимый — скрылся. Был назначен его розыск. Уражцев через газеты объявил, что ушел в подполье "для организации всенародного революционного восстания". Подполье, где скрывался Уражцев, находилось в его собственной квартире, откуда в белой рубашке с галстуком "подпольщик" давал многочисленные телеинтервью, идущие в эфир по государственным телеканалам. Ему было не стыдно устраивать подобную клоунату на всю страну.

21 января 1994 года Уражцев неожиданно вышел из "подполья" и появился на заседании государственной Думы, объявив, что "ордер на его арест аннулирован", и он собирается и в дальнейшем заниматься "революционной деятельностью"

ИЛЬЯ КОНСТАНТИНОВ

"В самое сердце России проник враг, — вопил Константинов с балкона Белого Дома, когда Анпилов и Уражцев прорвали "блокаду". — Твердым шагом сметем все на своем пути. Наше дело правое — мы победим!" И отдал команду на захват мэрии.

Один из помощников Александра Баркашова вспоминает: "До штурма мэрии был образцовый порядок. А затем начался хаос. Мы, бойцы "Русского национального единства", уже не принадлежали сами себе. Константинов и Макашов стали нами командовать. Генерал и "перекрасившийся еврейчик" хорошо знали, что делали — они отняли у Руцкого и Хасбулатова последний шанс победить".

Когда натравленная Константиновым толпа, ведя хаотичный огонь из автоматов, бросилась на штурм здания мэрии, из кабинета выскочил бледный, как смерть, генерал Баранников. Взглянув с балкона на происходящее, министр безопасности прохрипел: "Это катастрофа!"

Напрасно генерал Ачалов надрывался, крича через громкоговоритель. "Министр обороны приказал никому ни при каких обстоятельствах не стрелять! Всем оставаться на местах! Это провокация! Занять оборону согласно боевым расчетам!"

К генералу подошел улыбающийся Бабурин и с покровительственной надменностью произнес: "Теперь дело за вами, народ пришел к вам на помощь".

А бывший христианский демократ Константинов уже воздвужал на здании мэрии красный флаг с серпом и молотом, чтобы ни у кого не было сомнений, от имени кого делается революция.

Сам Константинов, не получив ни царапины, скрылся. Поговаривали, что он укрылся в посольстве Ирака и даже, что сбежал в Сербию через Тирасполь. В действительности, Константинов никуда из Москвы не уезжал и подобно Уражцеву сидел дома. Был опознан прохожими, когда выгуливал собаку на Садовом кольце и от греха подальше отправлен в Лефортово.

Сидя в тюрьме, писал стихи и публиковал их в прохановской газете "Завтра" которая тоже выдавала себя за подпольную.

25 февраля 1991 года Константинову была пожалована амнистия и в своих первых выступлениях он объявил, что был и останется сопредседателем "Фронта национального спасения" Другими словами, Константинов снова готов выполнить "любой приказ Родины"

АЛЕКСАНДР БАРКАШОВ

Группа Баркашова, на которую позднее обе стороны пытались списать все что угодно и представить ее виновной во всем, что произошло, на самом деле играла важную, но, по большей части, — декоративно-наглядную роль. Люди Баркашова постоянно маршировали перед камерами, строились, перестраивались с неизменным поднятием рук в нацистском приветствии. Их постоянно демонстрировали по телевидению, причем таким образом, чтобы в объектив попадали не лица, а свастики, как на руках, так и на огромном знамени.

Цель была достигнута. Возможно, что евреи были сильно напуганы подобной демонстрацией, но и русские еще не забыли, как свастика искрошила своими паучьими лапками-гильотинами 30 миллионов их соотечественников. Баркашовские парады не только оттолкнули от Белого Дома многих людей, которые в другом случае встали бы на его защиту, но, что самое главное, оттолкнули многих генералов, уже готовых отдать команду вверенным им войскам спешить на помощь мятежному парламенту. Для глаз бывших советских генералов вид свастики столь же невыносим, как для черта вид креста. Советский генерал не поведет своих людей сражаться ни за какое дело, пусть самое благородное, если над этим делом развеивается знамя со свастикой. Это понимали все, и я нисколько не удивлюсь, если это понимал и Баркашов. И тут дело совсем не в убеждениях, а в магической силе символики.

Видимо, каким-то шестым чувством авантюриста, Баркашов понимал, что его втягивают в дело для того, чтобы подставить, используя именно символику его группировки и связанные с ней ассоциации населения. В вихревом водовороте раскрученных провокаторами кровавых событий трудно проследить за действиями отдельных людей, но за действиями группировок с некоторой погрешностью можно проследить достаточно точно.

Кроме задачи "по демонстрации флага", если выражаться военно-морским языком, все остальные действия отряда Баркашова выглядят несколько странными. Странными, если смотреть на их действия с точки зрения того, что от них ожидалось. Наличие в группировке достаточно большого количества офицеров КГБ и МВД, скромно именующих себя "бывшими", стало, видимо, основной причиной того, что баркашовцы оказались практически единственным подразделением у Белого Дома и в нем, не поддавшимся стихийному хаосу, а вопреки ему продолжающим четко выполнять поставленную перед ними задачу

Баркашовцы предотвратили разграбление здания мэрии и гостиницы "Мир" Хотя они и задавали, если верить показаниям перепуганных женщин из аппарата гостиницы, коронный фашистский вопрос: "Нет ли здесь евреев?" и даже избили какого-то армянина, приняв его за еврея, тем не менее они же не подпустили разъяренную пьяную толпу к помещениям банковского синдиката

"Мост", половина капиталов которого принадлежит прямо или косвенно еврейским банкирам. Они блокировали все этажи огромного здания, где располагались различные коммерческие конторы, добрая часть которых напрямую связана с Израилем.

В самом Белом Доме баркашовцы несли на нескольких этажах охрану спецпомещений, выходящих во двор огромного здания. Когда во время боя туда проникла группа санитаров с носилками, то их оттуда выпроводили со словами: "Здесь раненых нет и не будет!"

Баркашовцы находились в здании до последнего момента и ушли подземными переходами, плана которых, как выяснилось позднее, не было ни у работников Министерства безопасности, ни у работников Министерства внутренних дел, ни тем более у Министерства обороны, у которого, к великому удивлению всего мира, не было даже "под рукой" карты Москвы.

Таким образом, будучи совместным детищем КГБ и МВД, отряд Баркашова фактически выполнял и функции охранного подразделения, стремящегося свести к минимуму материальный ущерб, а также охранять и при необходимости уничтожить огромные залежи секретной документации, которой были забиты несколько этажей Белого Дома.

Предполагались ли какие-либо еще задачи для баркашовцев. Видимо, да. Например, в кабинете Сергея Бабурина были найдены целые залежи нарукавных повязок со свастикой. На кого намеревались их надеть — неизвестно, но ясно то, что их надели бы на людей, не входящих в группу Баркашова, а их действия списали бы на него.

После завершения штурма Белого Дома Баркашов, естественно, исчез. Сначала пополз слух, что он убит, затем, что тяжело ранен. Затем был пущен слух, что Баркашов со своими "соратниками" расстрелян на стадионе "Асмарал". Параллельно ходили слухи, что он сбежал в Сербию, укрылся в иракском посольстве, что его видели выходящим из посольства Ливии. Циники уверяли, что он укрылся в посольстве Израиля и вскоре улетит обратно в свой родной кибуц, откуда его и заслали в Россию. Между тем по Москве стали ходить видеокассеты с заявлением Баркашова о том, что он жив и здоров, временно находится в подполье и готов к новым

боям. Прохановская "подпольная" газета печатала широкополосные интервью с Баркашовым, где он несколько наивно пытался объяснить, что он, собственно говоря, вообще делал у Белого Дома в компании Руцкого и Хасбулатова.

А тем временем пресса, что и ожидалось, вешала на Баркашова, как говорится, всех собак, делая его чуть ли не единственным виновником кровопролития в Москве.

Он и "Останкино" штурмовал, он и мэрию захватил, он и Белый Дом поджег. Некоторые средства массовой информации даже серьезно утверждали, что весь политический кризис возник из-за Баркашова, который хотел им воспользоваться, чтобы захватить власть в стране. Смею утверждать, что, если бы даже все это обреченное на провал мероприятие, названное "октябрьским путчем", каким-то чудом увенчалось успехом, то Баркашова ликвидировали бы в течение недели за полной ненадобностью. Из всех мелких лидеров, принявших участие в событиях, именно Баркашов был наименее самостоятельным и, надо отдать ему должное, наиболее дисциплинированным.

В действительности, как и все вышеперечисленные "герои" бурных октябрьских событий, Баркашов никуда из Москвы не уезжал. Пока его искали в Ираке, Ливии, Израиле и Германии, он эвакуировал занимаемые его штабом помещения в здании Свердловского райсовета столицы. Представители правоохранительных органов появились там лишь 16 октября и, даже не производя обыска, опечатали пустое помещение. Исчезло все, включая и двухметровый штандарт со свастикой, на фоне которого так любил фотографироваться Баркашов. Исчез и председатель райсовета Семенов, оставив записку "Не ищите. Сам позвоню". Комментируя это событие, хорошо информированная газета "Известия" (N 198/93) отмечала:

"Компетентным органам еще предстоит разобраться, как откровенно профашистская организация могла долгое время действовать в центре столицы. Причем вполне легально: летом РНЕ было зарегистрировано в московском Управлении Минюст РФ... Похоже, в силовых структурах существовало мощное профашистское лобби. В списках боевиков из подразделения РНЕ, "защищавших" Белый Дом, несколько десятков офицеров (некто-

рые, правда, бывшие) из МВД, органов безопасности и даже армейской разведки.

Может быть, именно этим объясняется странная пассивность правоохранительных органов, не удосужившихся за две недели посетить фашистский штаб. А также тем, что Баркашову позволили беспрепятственно вывезти свои документы, могущие пролить свет на пикантные взаимоотношения с властями. По информации из достоверного источника, московский штаб РНЕ переехал в район станции "Петровско-Разумовское". А большинство боевиков передислоцировалось в Красноярск".

Последнее утверждение авторитетной газеты было явной ошибкой. Никто никуда не "передислоцировался". Все, как были, так и остались в Москве, переодевшись только в "цивильное платье".

У самого Баркашова оказался новый задушевный друг по фамилии Коган — один из несостоявшихся лидеров русского народа еще в Верховном Совете СССР, а ныне открывший на Профсоюзной улице какое-то липовое агенство социальных исследований, в помещении которого Сергей Бабурин начал свою новую предвыборную кампанию. Посещал заведение и Баркашов. Видимо, вопреки советам своего мудрого деда, ему не удалось избежать непосредственных контактов с евреем.

Конец у этой истории оказался совершенно неожиданным.

В канун Рождества, 22 декабря 1993 года, Баркашов шел пешком по тихой дороге одного из московских пригородов. Было 4 часа ночи. Баркашов шел один, без телохранителей. В этот момент в него выстрелили из проезжавшей мимо автомашины. Баркашов упал в снег с раздробленным бедром. Через 10 минут другая машина (хотя по этой дороге и за год не проезжает более пяти машин) подобрала Баркашова и отвезла его в таинственную номенклатурную клинику, куда простых людей не подпускают даже в приемный покой. Там он был якобы опознан и отправлен в больницу МВД.

Кинувшимся туда журналистам заявили, что никакого Баркашова у них нет. Не оказалось его и в находящейся неподалеку больнице КГБ. Пока журналисты искали Баркашова, Министерство внутренних дел официально подтвердило факт задержания Баркашова и факт его огнестрельного ранения. Эти факты подтвердила и Лари-

са Дементьева — адвокат Баркашова, которая добавила, что жизнь ее клиента находится в опасности и что ему предъявлено обвинение в незаконном ношении оружия и организации беспорядков.

Это породило новую волну слухов и вопросов. Что делал и куда направлялся Баркашов в 4 часа ночи на этой глухой дороге? Почему он был не на машине и без охраны? Кто находился в первой машине, из которой в него стреляли, и во второй, которая отвезла Баркашова в больницу?

Первым был запущен слух, что Баркашов решил распустить свою гвардию и в качестве первого шага похитил из партийной кассы 2 миллиона долларов. Затем — что Баркашов и его люди причастны к убийству Поляничко. Нет смысла перечислять все слухи, но совсем не исключено, что именно Баркашов оказался в нашем списке единственным порядочным человеком, чьими предрассудками и административными способностями просто воспользовались. Во всяком случае, он оказался единственным пострадавшим из всех перечисленных.

ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ

Действуя в лучших традициях своей партии, товарищ Зюганов занимался подстрекательством, как громогласным с балкона Белого Дома, так и келейным — в зале заседаний и около него.

Как только запахло жареным, Зюганов из Белого Дома смылся по-английски, не прощаясь. После событий его компартия была в очередной раз запрещена. По этому поводу товарищ Зюганов поднял визг, обвиняя власти в попрании демократии и свободы, в уничтожении легальной оппозиции и прочих смертных грехах.

Наивная демократическая пресса с возмущением отмечала: "Преступники именуют себя оппозицией и желают на равных участвовать в выборах... Еще не подведена черта под скорбным списком жертв коммунофашистского мятежа, еще не все его организаторы арестованы, еще витает над Россией призрак гражданской войны, а лидеры партий, сеющих ненависть, злобу, насилие, уже рвутся на выборы. Возмущены "попранием своих прав". Желают вновь предъявить обществу свои программы, кровавое воплощение которых мы наблюдали в ночь с 3 на 4 октября".

Товарищ Зюганов деликатно не назывался по имени, но приведенный выше комментарий был напечатан в ответ на зюгановскую статью "Коммунисты имеют право на место в парламенте".

Демократическая пресса, полыхающая священным гневом, явно не понимала происходящих в стране процессов, пытаясь подобными выражениями остановить товарища Зюганова. В то время как его возмущение было совершенно искренним. Он, правда, не маршировал, как Баркашов, не нападал на штаб СНГ, как подполковник Терехов, не таранил массами милицейские цепи, как Уражцев и Анпилов, не штурмовал мэрию, как Константинов, не претендовал на должность министра безопасности, как Бабурин, но его заслуги, возможно, не так эффектно выглядящие, тем не менее огромны и требуют признания.

Именно об этом и напомнил Зюганов министру юстиции Калмыкову Растроганный министр лично отменил указ президента о запрещении компартии и товарищ Зюганов, ко всеобщему изумлению, вновь обрел легальный статус, еще раз подтвердив свою непотопляемость. В итоге Зюганов и его приятель Иван Рыбкин, бывший лидером фракции "Коммунисты России" в Верховном Совете и приложивший немало сил, чтобы дать президенту повод этот Верховный Совет разогнать, оказались выбранными в Думу. Причем Рыбкин стал ее председателем, а товарищ Зюганов — лидером фракции коммунистов.

Снова попав в родную номенклатурную обойму товарищ Зюганов немедленно начал проводить в жизнь священные идеи коммунизма, поставив на обсуждение Думы, по его мнению, наиважнейший вопрос о предоставлении депутатам привилегий, связанных с их высоким положением. А именно министерские оклады (750 тысяч рублей с постоянной индексацией), автомобиль с шофером для круглосуточного использования, телефоны-вертушки, ежегодное пособие в 3000 долларов, дипломатические паспорта, бесплатный проезд и пролет в любую часть мира, спецполиклиники, спецдачи и многое другое, без чего не мыслит своего существования настоящий коммунист.

Фракция Зюганова оказалась единственной в Думе, проголосовавшей за эти привилегии е д и н о г л а с н о. Все 45 депутатов-коммунистов проголосовали "за". Даже у либералов-жириновцев трое были

против, равно как и у "аграриев" — трое. А коммунисты все были за, еще раз подтвердив, что являются законным авангардом рабочего класса.

Это как раз именно те "бессмертные идеи", за которые товарищ Зюганов готов сражаться всю жизнь до последней капли н а ш е й крови.

"Мечи-заточки" хорошо поработали. Тем более, что они были как бы маленькими и не очень заметными людишками. Расходным материалом большой политики.

А те, кто возомнили себя крупными государственными деятелями, что прежде всего предполагает умение правильно представлять и анализировать обстановку, оказались полными ничтожествами, позволившими обыграть себя в наперсток. "Мечи-заточки" не только провоцировали хаос, но и дезинформировали свое любимое руководство.

Мы уже говорили о роли Бабурина, который на последней стадии событий стал председателем комитета по курированию силовых министров, снабжая их информацией, говорящей о неперемнной победе и побуждающей на дальнейшие действия 2 октября, когда уже все капканы и ловушки были расставлены, готовые захлопнуться от одного неосторожного движения (что и произошло).

Интересно взглянуть, как себе представляли обстановку люди, имевшие смелость претендовать на руководство государством.

Вечером 2 октября "президент" Руцкой давал очередное интервью корреспондентам. На вопрос: "Как будут развиваться события в связи с ультиматумом, который предъявлен президентом?", — Руцкой в своей зоинственной манере ответил:

— Если человек вне закона, какой он может ставить ультиматум?

— И все-таки за власть — сила, — предположил корреспондент "Московских новостей"

— Пусть только попробуют сюда сунуться, — зарычал в ответ Руцкой. — Они все здесь лягут. Мы будем отстаивать Конституцию до последнего патрона...

— Можно ли надеяться, — поинтересовался журналист, — что вы и Ельцин найдете общий язык?

— Это исключено, — резко заявил Руцкой. — Этот человек потерял совесть, честь и достоинство. Я никогда не соглашусь, что мною руководили такие вот ублюдки..

Если сюда кто-то сунется, я нарублю столько, что им и не снилось.

Весь мир слышал зажигательные призывы Руцкого ко всем, кто может носить оружие, идти на "Останкино" и "быть готовыми к захвату Кремля".

Затем Руцкой впал в истерику, забыв о "последнем патроне", визжал, требуя международных гарантий своей личной безопасности, ругался матом и сдался в плен. Он шел, спокойно переступая через трупы молодых людей, почти мальчишек, погибших из-за того, что не разглядели под пышными "а ля Чапаев" усами, за дешевой бравадой об "офицерской чести" и "последнем патроне" трусливое и глупое ничтожество, профессионального предателя, предавшего и их молодые жизни, злобного маньяка пытавшегося вызвать авиацию для ковровой бомбежки Москвы.

Отправленный на пять месяцев в Лефортово, Руцкой был выпущен на свободу по амнистии. И что вы думали? Он появился (единственный) на воле в полной генеральской форме (даже Ачалов, Макашов и Дунаев были в штатском) со звездой Героя Советского Союза и тут же заявил, что желает выставить свою кандидатуру в президенты на выборах 1996 года.

Нетрудно предугадать, что будет, если Руцкой станет президентом.

Обыгранный гораздо более опытными "наперсточниками", он заведет страну в очередной смертельный тупик, призовет всех сражаться до последнего патрона, немножко побомбит наши города за недостаток преданности, затем потребует международных гарантий своей личной безопасности и сдастся в плен. Голосуйте, люди русские!

Хасбулатов 2 октября громогласно вещал с балкона Белого Дома: "С фашистом и диктатором Ельциным пора кончать. Сейчас под руководством исполняющего обязанности президента (Руцкого) готовится штурм Кремля Кремль сегодня должен быть взят!"

Пройдут сутки, и Хасбулатов будет арестован и вместе с остальными отправлен в Лефортово. Через пять месяцев его выпустят на свободу без суда и следствия.

Министр внутренних дел Белого Дома генерал Дунаев, комментируя слова министра внутренних дел Ерина о том, что весь личный состав МВД поддерживает Ельцина, сказал: "Я не знаю, откуда Ерин взял сведения

о всеобщей поддержке сотрудниками МВД Ельцина. Я созвонился со всеми начальниками главков МВД, и каждый из них заявил: "Андрей Федорович, я за вас... но вы меня пока не называйте".

Дунаев даже не знал, что накануне все начальники главков МВД были произведены в следующий чин, а министр Ерин стал генералом армии. Ему еще предстоит стать Героем России, а Дунаеву отправиться в Лефортово (впрочем, не надолго).

Министр госбезопасности Баранников, как и подобает человеку его должности, заявил: "Мы очень внимательно следим за тем, кто как реагирует на антиконституционный указ Ельцина, и, смею вас заверить, что люди, его выполняющие, будут привлечены к ответственности" (По подрасстрельному закону Сергея Бабурина).

— Все?!— ужаснулся корреспондент.

Баранников пояснил, что он, главным образом, имеет в виду журналистов, "которые без конца врут, подавая информацию в одностороннем порядке".

Будучи спрошенным, зачем он встречался со Степашиным и Черномырдиным и клялся в верности Ельцину, Баранников резко ответил: "Это была очередная ложь. Никому ни в чем я не клялся... Это мерзкая подтасовка". Баранникова первым выпустили из Лефортово, когда у него поднялось артериальное давление. А затем амнистировали вместе с остальными.

Отпустили и подполковника Терехова, который решил больше политикой не заниматься, а продолжить научные исследования в области государственного права. Слава Богу, что он пока не собирается баллотироваться в президенты.

В Белом Доме был задержан и тут же отпущен вместе с именованным пистолетом полковник Колосков, прибывший 28 сентября на защиту Белого Дома вместе с батальоном "Днестр". Сам батальон как прилетел в Москву, так спокойно и улетел, как будто прибыл на туристскую экскурсию. Правда, потерял пару человек в перестрелке.

Вместо эпилога

"Ворон ворону глаз не выклюет!"— это старое правило, применяемое почти во всех без исключения

послесталинских аппаратных разборках, восторжествовало и на этот раз. Во имя принятия новой Конституции и общенационального примирения всем участникам октябрьских событий была дарована амнистия. Заодно она пожалована и всем участникам августовского путча.

Спрашивается, а кто ответит за сотни убитых, раненых и искалеченных, за огромный материальный ущерб? За моральный ущерб, который понесли все мы и вся наша страна, в который уже раз выставленная на потеху всему свету? На такую потеху, что даже президент США Клинтон не прервал своей поездки в отпуск в Сакраменто и только посмеивался, читая сводки из Москвы. (В отличие от президента Буша, который в августе 1991 года не спал ночей, ожидая информации из Москвы).

Кто ответит? Да, никто.

Кто в свое время ответил за миллионы и миллионы убитых, по трупам которых шагали учителя товарища Зюганова? Никто не ответил. А о таких мелочах, как какие-то там полторы тысячи убитых и искалеченных, и говорить-то стыдно. Ибо у наших руководителей простая психология: мы, все остальные, рождаемся на свет только для того, чтобы, когда прикажут, умереть за них.

После амнистии в стране, которая уже прожужжала уши всему миру, что стала правовым государством, сложилась уникальная юридическая ситуация: целая гора трупов есть, а виноватых нет.

Мне жаль мальчишек, которые так любят носить портупеи и камуфляж, чью юношескую доблесть и обостренное чувство справедливости так любят эксплуатировать разномастные злобные и амбициозные авантюристы и хитрые провокаторы, бросая их на смерть и скрываясь затем за их окровавленными трупами, успевая при этом еще откусить кусок от пропитанного чужой кровью политического пирога.

Мне, повторяю, одинаково жаль этих мальчишек, которые пытались взять "Останкино" и защищали Белый Дом, как и тех, кто от них так же доблестно отбивался и погиб, штурмуя Белый Дом.

Об их трупы с одинаковой непринужденностью вытерли ноги, как те, кто их использовал, чтобы вскарабкаться на новую ступеньку власти, так и те, кто боялся соскользнуть с уже занятой ступеньки.

Мне жаль нашу страну, где даже кандидатами в президенты могут быть такие люди, как Руцкой, Бабурин или

Зюганов, не говоря уже о Жириновском, потому что о нем разговор особый.

Не за горами новые президентские выборы, и уже ясен расклад претендентов. Это — Руцкой, и чего от него можно ожидать, уже подробно описано. Это — Бабурин, который, еще будучи депутатом, мечтает о массовом терроре. Это — Жириновский с его "Последним броском на юг" и "Последним поездом в тундру".

А это значит, что нас ждут новые аппаратные разборки за перераспределение собственности и денег покойной КПСС.

Конечно, можно было закончить эту книгу какой-нибудь эффектной фразой типа "Белый Дом горел всю ночь. Красно-коричневое зарево вставало над Москвой и всей Россией". Справедливость же требует иного завершения.

Октябрьские события в Москве открыли дорогу новой эпохе, небывалой даже в искаленной истории нашей Родины.

Это — эпоха ПОЛИТИЧЕСКОЙ КЛОУНАДЫ.

Но КЛОУНАДА — это особый жанр, который, как хорошо известно, кроме чисто развлекательной, имеет и другие функции.

Когда на политической авансцене визжат, воют, ругаются и дерутся клоуны, отвлекая на себя внимание общества, в глубине затемненной сцены происходят смена декораций, смена актеров или подготовка к следующему акту.

Либо и то, и другое. Будьте внимательны! Не дайте следующему отделению со смертельными трюками застать вас врасплох.

Санкт-Петербург, декабрь 1993 — март 1994.

КЕЙС
ПРЕЗИДЕНТА

В весенний день 1991 года у здания ЦК КПСС остановился блестящий черный лимузин. Выскочивший адъютант открыл заднюю дверцу машины. Стоявшая у дверей охрана вытянулась по стойке "смирно". Офицеры взяли под козырек. Резкие звонки призвали к вниманию охрану внутри здания. Массивные двери бесшумно открылись, пропуская в здание, где определялась вся внешняя и внутренняя политика огромной страны, одного из самых высших должностных лиц СССР — Председателя Комитета Государственной Безопасности генерала армии Крюкова.

Толстые ковровые дорожки заглушали шаги в широком коридоре, ведущем в комплекс помещений, занимаемых Генеральным Секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым. Последнее время, став президентом СССР, Горбачев редко посещал свой кабинет на Старой площади, но Крюков настоял, чтобы встреча произошла именно здесь. Перед президентом страны он испытывал нечто, напоминающее комплекс неполноценности. Президент! Что за президент СССР? Такого еще не было. А Генеральный секретарь — это понятнее и ближе, роднее даже. Брежнев, Андропов, Черненко, царство им небесное, были настоящими генсеками, а не лезли в какие-то там непонятные президенты, как на Западе. С генсеком и говорить проще, и понимания больше, особенно если учесть, что сам Крюков — член Политбюро ЦК, приехал доложить Горбачеву сообщение чрезвычайной важности: ближайший сотрудник генсека-президента, такой же член Политбюро как и Крюков — Александр Яковлев — оказался старым и матерым американским шпионом.

Новость ошеломила Горбачева.

— Колумбийский Университет!— почти воскликнул генсек-президент, сразу догадавшийся, где могло произойти грехопадение Яковлева. Ведь тот учился в Колумбийском Университете Соединенных Штатов Америки.

Крючков скорбно кивнул. Да, именно там завербовали одного из главных идеологов КПСС и прорабов перестройки.

Горбачев сел на свое место за огромным столом из красного дерева, привезенным в свое время с дачи Орджоникидзе. Ходили слухи, что за этим столом сиживал сам Николай I. Взгляд президента стал строгим:

— Доказательства есть?

Лицо Крюčkова вытянулось.

— Да... То есть какие нужны доказательства, Михаил Сергеевич, когда и так все ясно

— Что ясно?

— Что шпион.

— Вам ясно. Мне нет. Представьте документы. Вынесем на закрытое заседание Политбюро

— Колумбийский Университет,— напомнил Крючков.

— Да, Университет,— согласился Горбачев — Вот мы с вами, Владимир Александрович, Колумбийских Университетов не кончали...

Что-то резануло Крюčkова по сердцу. Внимательно взглянул на генсека, но не нашел ответного взгляда. Куда-то вверх смотрел Горбачев, откуда хитро прищурился Ильич с портрета. А уж его-то где только ни могли завербовать: и в Германии, и в Австрии, и во Франции.

— Доказательства есть?— снова спросил Горбачев, с каким-то непонятным интересом рассматривая шефа КГБ. шутит он или серьезно? Наверное, переутомился, но снимать его с должности нельзя. Именно на реакции Крюčkова основан весь план, который уже нельзя изменить.

Садясь в машину, шеф КГБ не мог отделаться от мысли, что думает о том, сколько времени провел за границей президент-генсек...

В июле 1991 года только что выбранный президент Российской Федерации Борис Ельцин и его верный соратник Руслан Хасбулатов уединились в помещении, которое, как они надеялись, не прослушивалось КГБ.

— Они уходят и уничтожают Союз,— сказал Ельцин, протягивая Хасбулатову ксерокопию секретного совещания на старой площади.

— Да,— согласился тот,— указ о департизации уже не успеет сработать.

— Может быть, еще успеет,— не согласился Ельцин,— если удастся нейтрализовать Крючкова и его команду.

Ельцин всегда был идеалистом. Разве можно нейтрализовать монстра, который подчинялся собственным инстинктам, а вовсе не Крючкову.

Взгляд Хасбулатова засветился каким-то странным огнем. Так неожиданно светятся заснеженные вершины гор его родины, которая столько лет жила надеждами на свободу.

— Мы уже ничего не успеем сделать,— покачал головой Хасбулатов,— нам не сорвать их выступление. Да и нужно ли это?

Президент России взглянул на часы. Приближалось время играть в теннис, а Ельцин еще со времен свердловского обкомства любил жить по строгому распорядку.

В августе 1991 года молодой, широкоплечий, подтянутый десантный генерал с золотой звездой Героя Советского Союза стоял перед председателем КГБ СССР Крючковым. Генерал нравился Крючкову, с такими парнями не страшно начинать любое дело.

— Задачу поняли? Всю эту сволочь арестовать и отвезти на одну из наших баз. А там посмотрим.

— Так точно,— ответил Генерал,— задача понятна. Не в первой нам. Все будет в лучшем виде...

В сейфе у генерала уже лежал приказ: по получении сигнала немедленно изолировать КГБ и арестовать Крючкова. Подпись под приказом не оставляла сомнений в том, что он будет выполнен.

Коммунистическая империя агонизировала. Военно-конспиративная по сути, кровожадная по духу, вскормленная на идеологии мирового господства океанами народной крови — она умирала долго и мучительно.

Предсмертные судороги и конвульсии издыхающего монстра, продолжающего держать в своих звериных лапах несметный ядерный потенциал, будоражили и тревожили мир. И тем не менее оставалась надежда, что былой авторитет и ответственность ядерной сверхдержавы даже на смертном одре предотвратят вспышку предсмертного безумия. Мир надеялся, но напрасно. Великая ядерная сверхдержава и экономически, и нравственно стремительно деградировала до уровня "банановой республики".

Перестройка, задуманная в середине восьмидесятых годов в недрах политбюро и ЦК КПСС, ставила две основных задачи: как заставить рабов лучше работать, ибо были уже безрезультатно перепробованы все возможные методы принуждения вплоть до расстрела, и как получить остро необходимую помощь с Запада, ибо к этому времени фактически ни одна страна свободного мира не желала иметь никаких дел с "империей зла"

За семьдесят лет своего существования внутренняя жизнь в СССР приняла все черты классического платоновского социализма. Общество четко разделено: немногочисленная, купающаяся в роскоши партийно-государственная элита, давно уже построившая для себя ежедневно обещаемый народу "коммунизм"; карательная и идеологическая стража, способная на любые преступления против собственного народа во имя права быть допущенной поближе к элитарной кормушке, на которую номенклатурная стража взирала с горящими от жадности глазами, многомиллионный, раздавленный, оболваненный, люмпенизированный народ, чье материальное и духовное обнищание стремительно двигалось к тому же самому беспределу, что и роскошь элиты.

Зажатый между колючей проволокой лагерей, где томился цвет нации, и колючей проволокой границ, беспощадно обиравый, сознательно спаиваемый народ, лишенный свободы любого творческого порыва, впал в социальную летаргию и фактически не имел уже никаких желаний кроме инстинктивного желания выжить. Огромная армия которую режим считал одной из своих главных опор, чьи трубы и барабаны по поводу побед полувековой давности заглушали любое живое слово в стране, преступно втянутая в афганскую авантюру, терпела унижительные поражения, демонстрируя свою полную беспомощность во всем диапазоне современного военного дела

Стагнировала промышленность и ее "святая святых" — Военно-промышленный комплекс, безнадежно отставая от мировых стандартов и пожирая сам себя. Резкое понижение мировых цен на нефть — единственный продукт, за который еще можно было получать иностранную валюту — и сокращение объема ее добычи из-за в прах устаревшего оборудования болезненно уменьшили приток твердой валюты в страну, угрожая уже благосостоянию самой элиты, привыкшей купаться в долларах наподобие саудовских принцев

Совершенно секретные сводки ложились на стол перед маразматическими старцами из Политбюро, взывая к действию. Самая высокая в мире детская смертность, самая низкая продолжительность жизни, катастрофически падающая производительность труда. Коррупция, пронизавшая все общество по вертикали и горизонтали. Глобальное воровство всего: от с трудом полученных иностранных займов до тарелок в рабочих столовых. Одни воруют, чтобы выжить, другие уже просто не могут не воровать, закапывая в землю трехлитровые банки, наполненные золотыми монетами и бриллиантами. Вооруженные отряды партии — КГБ и Армия требуют десятикратного увеличения своей численности и ассигнований, грозя выйти из-под контроля. Партийно-чекистскую и военную верхушку раздрают интриги, разлагает коррупция и вседозволенность, делая ее совершенно недееспособной. Один за другим мрут престарелые генсеки.

Эта эпоха получила весьма мягкое название "период застоя", хотя ее скорее можно назвать "эпохой самопожирания". Ноги страны подломились под тяжестью ее окаменевшего, заполненного трупным ядом организма и стало отчетливо видно, что уже невозможно двинуться ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево. Эпоха закончилась с появлением на сцене нового, небывало молодого, умного, хитрого и энергичного генерального секретаря КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

Начиналась новая эпоха — эпоха Перестройки. Элита, сумевшая понять, что дряхлые и вставшие в прострацию кремлевские старцы своим нежеланием и неумением что-либо предпринимать для оживления режима ставят под угрозу сами условия существования элиты — те самые роскошные условия, которые партия большевиков построила для себя на народных костях и которые менять отнюдь не собиралась, выдвинула нового генсека в затаенной, но твердой надежде, что тот оживит систему, не меняя ее.

Горбачев — плоть от плоти партийно-чекистской номенклатуры, выдвигенец знаменитого партгромила Андропова, сунувшего его в политбюро на освободившееся место убитого заговорщика Кулакова, казалось, отвечал всем требованиям разлагающейся элиты и не мог не оправдать ее доверия. С бесстыдством и безответственностью, свойственным всем коммунистическим лидерам, начиная с Ленина, Горбачев начал новую эпоху

с новых непродуманных авантюр. "Жилище-2000", анти-алкогольная компания, грозившая перерасти в новый виток массового террора, всевозможные интенсификации и ускорения окончательно добились большую страну. Но новый генсек полон сил, его энергия подобна энергии вулкана. Стоит лишь обновить партийную и государственную номенклатуру и все проблемы решатся сами по себе.

Один за другим выгоняются в отставку первые секретари республиканских компартий, крайкомов, обкомов, горкомов. Идет чистка до уровня секретарей первичек. Остывшие от роскоши и безделья, они почти не сопротивляются, тем более, что Горбачев заручился поддержкой почти всех членов возглавляемого им всемогущего политбюро. Но на смену выгнанным мерзавцам и казнокрадам приходят новые, со всеми врожденными инстинктами своих предшественников, но более молодые и энергичные. Дорвавшись наконец до настоящей кормушки и не зная отпущенного им срока, они позволяют себе такое, на что не решались даже их разжиревшие предшественники в эпоху "застоя". Генсек не сдается, он гонит и их, но на смену приходят еще худшие негодяи. Партийные инкубаторы уже создали стойкий генетический тип руководителя. Казалось, что уже ничего сделать нельзя, но в молодом генсеке неожиданно просыпается настоящий политик.

Вслед за ПЕРЕСТРОЙКОЙ объявляется ГЛАСНОСТЬ. Сообщники по политбюро категорически против, но Горбачев доходчиво им объясняет, что иначе совершенно невозможно получить западные кредиты, без которых, как хорошо известно товарищам, не обойтись. Из лагерей со скрипом и неохотой освобождаются политические заключенные. Гласность выплескивает на страницы книг, журналов и газет, на экраны телевизоров всю страшную правду о семидесятилетнем владычестве банды преступников, именуемой себя коммунистами, над раздавленной и изнасилованной страной.

КПСС — в панике. Сначала отдают на растерзание Сталина, которого обглаживают до костей, и съедают сами кости. В ужасе КПСС пытается укрыться под черной дымовой завесой антисемитизма, отдавая толпе на растерзание не только давно уже съеденного Троцкого, но и Свердлова, чье имя еще носили города, заводы и боевые корабли. Но вместе со "зловещими евреями" из ленинского окружения мгновенно разрывают на куски и

самого вождя мирового пролетариата. Далее отступить было некуда. Перепуганная партия, отказавшись от 6-й статьи Конституции, спряталась "в окопы", пытаясь сформулировать какую-то новую идеологию "во спасение" и выдвинув в сторожевое охранение уже совершенно карикатурных деятелей вроде Нины Андреевой и Ивана Полозкова.

Армия, униженная Афганистаном и оплеванная при возвращении на Родину, открыто брюзжала, чугунно сопротивляясь каким-либо переменам и гласности. Сенсационный полет немецкого пилота Руста, пролетевшего через все зоны ПВО и посадившего свой самолет прямо на Красной площади в Москве, позволил Горбачеву сменить всю военную верхушку во главе с маршалом Соколовым. Новым министром обороны был назначен генерал Язов, никому ранее не известный командующий Дальневосточным округом и чем-то приглянувшийся Горбачеву во время поездки во Владивосток. Вместе с новым назначением Верховный Совет подписал Указ о ликвидации звания "маршал Советского Союза" в мирное время, дававший понять общественности мира, что бывшее значение армии в новом перестроенном обществе значительно понижено. Именно поэтому во главе ее и поставлен генерал, не принимавший ранее участия в военно-аппаратных играх и интригах и "незамазанный афганской авантюрой".

Однако и ссориться со старой армейской верхушкой Горбачев не захотел. Оставшийся не у дел бывший начальник Генштаба маршал Ахромеев был назначен на специально созданный пост военного советника при Горбачеве, а рьяный исполнитель откровенных военных авантур, генерал Громов, командующий войсками в Афганистане, вместо отдачи под суд был произведен в генерал-полковники и назначен командовать Киевским военным округом.

Но если партия, идеологически уйдя "в окопы", сохранила незыблемой всю свою структуру от ЦК до райкомов, если потрясенная и взбудораженная армия вынуждена была пожертвовать своей верхушкой, но сохранила свои мощные политорганы и прямое подчинение партии, то КГБ — самая зловеющая из опор режима — не подвергся даже косметическим преобразованиям.

Глава этого заведения генерал армии Чебриков по доброй сталинско-брежневской традиции был членом всемогущего Политбюро, постоянно напоминающего

своему генсеку, что с ним будет, если он не оправдает оказанного ему доверия. Пытаясь вырваться из железных объятий своих сообщников, Горбачев, смело маневрируя, придумывает "институт президентства" и становится первым Президентом СССР. Должность выборная, и уже никакой чрезвычайный пленум не может его с этой должности снять, если он "не оправдает доверия Политбюро".

Генерал Чебриков — правая рука покойного Андропова — идет с "повышением" в группу генеральных инспекторов, оставляя пост Председателя КГБ своему заместителю Владимиру Крючкову.

Как и большинство его предшественников Крючков прошел закалку в сталинском комсомоле и бериевском МГБ. В 1956 году во время народного восстания в Венгрии, будучи секретарем (от КГБ) советского посольства в Будапеште, вместе с послом Юрием Андроповым сделал все для кровавого подавления восстания. Особой его заслугой, первенство в которой, разумеется, досталось самому Андропову, было завлечение в советское посольство и арест венгерского премьера Имре Надя-первого, сделавшего попытку порвать с тоталитарной сталинской империей. (Ходили слухи, что Надь был повешен прямо на территории советского посольства, чему Андропов и обязан своей дальнейшей головокружительной карьерой. Так это было или иначе, но Андропов не забыл своего сообщника, и став в 1967 году шефом КГБ, немедленно назначил Крючкова сначала начальником Первого Главного Управления КГБ (внешняя разведка), а затем одним из своих заместителей.

Профессиональная деятельность Крючкова на вверенном ему поприще руководителя воспетой дешевыми детективами и телесериалами советской разведки ознаменовалась небывалым количеством провалов и повальным бегством огромного числа наших "штирлицев" на Запад. Однако, это нисколько не отразилось на его карьере. Напротив, после организованного им убийства брежневского шурина генерала КГБ Цвигуна, Крючков с Андроповым вторично повязались кровью гнусного антиправительственного заговора.

Став с подачи Горбачева Председателем КГБ и, естественно, членом Политбюро, произведенный в генералы армии, Крючков, казалось, сохранял в общем хаосе полное хладнокровие. Он не устраивал истерик, как многие партаппаратчики, не срывался на рык, как

представители вооруженных сил, а молча и целенаправленно продолжал свою деятельность.

Осведомительные сводки ясно говорили, что оснований для паники нет. Все партийные и государственные структуры остались незыблемыми. Демократические крикуны слабы и немногочисленны. Это очень даже хорошо, что они проявили себя. Списки наиболее опасных — составляются и корректируются, закладываются в компьютеры и рассылаются во все региональные управления. К сожалению, констатируют сводки, старая коммунистическая идеология и фразеология, так и не обновленная из-за общей деградации идеологических структур ЦК КПСС, действительно перестала действовать на широкие массы, чем и пользуются "так называемые демократы", воспевая совершенно чуждый нашему народу образ жизни. Для спасения режима необходима новая идеология, которую можно было бы противопоставить воплям о свободе, демократии и частной собственности.

Пока в КГБ ломали голову над новой идеологией, понимая, что на одном антисемитизме далеко не уедешь, события стремительно начинали выходить из-под контроля. Как ветром сдуло марионеточные коммунистические режимы в Восточной Европе. Рухнула Берлинская стена, и объединилась Германия. На телевизионных экранах всего мира калейдоскопом пошли кадры: трупы застреленных супругов Чаушеску, гебистские генералы с сорванными погонами, дающие дрожащими голосами показания следователям, плачущие от страха недавно еще всемогущие генеральные секретари и партаппаратчики, арестованные или тайно вывезенные в СССР на военных самолетах.

Гролом прогремел указ нового президента Польши знаменитого Леха Валенсы о лишении профессиональных партийцев пенсий и конфискации незаконно принадлежащей им недвижимости. Все это показывало парализованному от шока коммунистическому аппарату в нашей стране, что его ждет в самом ближайшем будущем, если он будет продолжать трусливо отсиживаться в "окопах".

Но генсек-президент еще в их руках. Обласканный президентом США и западно-европейскими лидерами, он получает, как и обещал, миллиардные кредиты, которые КПСС, молча и сопя от удовольствия, спешно распихивает по своим многочисленным бездонным карманам.

В каждом своем выступлении президент-генсек подчеркивает свою приверженность социалистическому выбору и уверяет, что прячущаяся за его спиной партия может быть реформирована на основе обновленного марксизма. Это повергает в шок уже почти весь мир, но дает возможность партаппарату чувствовать себя увереннее. Отчаянные крики демократов, что надо спасать не партию, а страну, президент-генсек не слышит. И это вызывает недоумение, ибо страна действительно гибнет, а партия продолжает процветать.

Начиная со страшной Чернобыльской катастрофы, погибающая сверхдержава сотрясается экономическими, политическими и стихийными катастрофами. Взрываются шахты, заводы и поезда, тонут атомные подводные лодки и шикарные океанские лайнеры, разбиваются самолеты. Страшные землетрясения накрывают Армению, Грузию и Азербайджан. Отовсюду идут сообщения об оползнях, смерчах, наводнениях и эпидемиях. Но и это не самое страшное. Империя начинает рассыпаться.

Первыми поднимают голову Прибалтийские республики, объявляя преступным давний сговор Молотова-Риббентропа, лишивший их независимости. Закавказские республики вторят им, напоминая, что они были оккупированы и лишены независимости в 1921 году. То же творится и в Молдавии, и в республиках Средней Азии.

Все это дает шанс издыхающему режиму продлить свое существование. На смену затасканным марксистско-ленинским догмам приходят громкие фразы "о тысячелетней русской государственности", "о незыблемости Союза ССР", о "Великой России". Коммунисты быстро перекрашиваются в "державников" и страну потрясает новый поток хотя и плохо продуманных, но хорошо организованных преступлений. В Азербайджане в страхе перед приходом к власти демократического Народного фронта партия и КГБ организуют страшную резню армян. Диверсанты из КГБ взрывают телецентр. Под предлогом наведения порядка в Баку врывается армия, убивая всех подряд и приводя к власти члена ЦК КПСС Муталибова. В Тбилиси армия откровенно расстреляла мирную демонстрацию у здания местного ЦК, применив при этом разрывные пули и боевые отравляющие вещества.

Резня начинается и в средней Азии — страшная, азиатская резня друг друга, что помогает старому пар-

таппарату сохранить власть под грубо перелицованными вывесками.

Растет напряжение в Прибалтике, куда стягиваются войска специального назначения. Прибалтика — это не Кавказ и Средняя Азия. Она близка к Европе и географически, и по духу — здесь нельзя действовать методами резни и погромов. Но по-другому действовать режим не умеет...

Мрачными памятниками сталинской псевдоархитектуры во всех городах страны высятся огромные здания ЦК и обкомов. Зашторенные зеркальные окна, массивные казенные подъезды, охраняемые солдатами КГБ и ОМОНа с автоматами наперевес. Партия ушла в "окопы". Что творится за этими окнами? Какие указания передают телетайпы, какие приказы передаются по незаконно контролируемой правительственной спецсвязи? Куда спешат черные "Зилы", "Чайки" и "Волги"? Чем занимается миллионная армия аппаратчиков, инструкторов, лекторов? Какие сигналы идут через щупальца огромного спрута, парализовавшего всю экономическую жизнь страны? "Я знаю, чем они занимаются! — воскликнула по этому поводу мужественная московская журналистка Татьяна Иванова, — они бастуют!", но была права лишь отчасти.

Потерпев сокрушительное поражение на выборах, обанкротившаяся КПСС вместо того, чтобы публично покаяться и тихо уйти с политической сцены, занялась откровенным саботажем по старому сталинскому сценарию организации всенародного голода. Магазины даже в столицах бесстыдно сверкали абсолютно пустыми прилавками. В провинции выстраивались огромные очереди за хлебом. Исчезли и промтовары — от тканей до холодильников и телевизоров. В аптеках исчезли даже анальгин с аспирином. С партийных трибун в этом открыто обвинялись первые робкие кооперативы, затерроризированные налогами и милицией.

Пришедшие номинально к власти Советы были бессильны что-либо противопоставить партийному монстру. Мужественные журналисты прорывались на переполненные товарами склады, снимали свалки с выброшенными тоннами продуктов, в советах требовали расследования, нити которого обрывались на порогах обкомов.

КПСС ждала, когда отчаявшийся народ позовет ее обратно к власти. Народ голодал, но "родную партию" обратно к власти не звал и становилось ясно, что и не

позовет. Более того, выбранные народом советы стали формировать какие-то хулиганские комиссии, которые вместе с телеоператорами прорывались на роскошные дачи партийных бонз, демонстрируя нищему, ограбленному народу двухэтажные особняки, теннисные корты и плавательные бассейны за высокими непроницаемыми заборами. Депутатов арестовывали, выгоняли, избивали. Армия развернула на подъездах к дачным комплексам бронетранспортеры и вооруженных солдат.

Генерал-историк Филатов напомнил всем заинтересованным лицам, что и дело маршала Тухачевского начиналось с прибытия какой-то комиссии для проверки его дачи. Слушавшие грозно задвигали скулами.

А из советов всех уровней от местных до Верховного неслись требования о департизации, деидеологизации, о национализации и разделе партийного имущества. Не реагировать уже было нельзя. Последовал приказ выйти из "окопов". Надвигались выборы первого Президента России и партия, ничему не научившись на предыдущих выборах, снова решила проверить свои силы в политической борьбе.

Став Президентом, Горбачев совершенно справедливо учредил и пост вице-президента, как это водится во всех цивилизованных странах. По Конституции вице-президент автоматически становится президентом в случае гибели или смерти президента, его болезни или изоляции.

"Я хочу, — объявил Горбачев, — чтобы вице-президент стал как бы дополнением к президенту, беря на себя определенную часть работы. Это должен быть умный, деловой и пользующийся большим авторитетом человек".

Зал Верховного Совета СССР затаил дыхание, ожидая, кого же Горбачев порекомендует на эту высокую должность. Шум, хохот и даже свист были реакцией зала, когда Горбачев ко всеобщему изумлению предложил утвердить вице-президентом Геннадия Янаева, ибо большего ничтожества даже было трудно придумать.

Выросший в недрах аппарата ВЛКСМ Янаев славился повсюду как виртуозный матерщинник, постоянно напевающий песенку "Мимо тещино дома просто так я не хожу", и умением завалить любую поручаемую ему работу. Он был настолько безнадежно туп, что КГБ, питающий свои кадры комсомольскими аппаратчиками, не решился взять его к себе, но, всегда лояльный к сво-

им осведомителям и отдавая должное исполнительности Янаева, сделал Янаева председателем Комитета молодежных организаций. Однако для этого комитета, который был всего лишь "крышей" для действий КГБ за границей, Янаев из-за своей серости совершенно не годился, а потому был передвинут на совершенно синекурную в СССР должность председателя ВЦСПС, сменив заворовавшегося и отправленного на пенсию Шибаева.

Опомнившись от удивления, депутаты, невзирая на свои политические расхождения, дружно прокатили Янаева и предложили Горбачеву подобрать другого кандидата. Каково же было потрясение всех собравшихся в зале высшего законодательного органа страны, когда президент, поразмыслив, вышел на трибуну и... снова порекомендовал Янаева. Наступила гробовая тишина, ибо все пытались сообразить, что бы могло означать подобное нарушение всех процедурных норм со стороны президента-генсека. Простое неуважение к парламенту страны или нечто большее? Какой-то "народный" акын в тубетейке выскочил на трибуну и стал, завывая по всем правилам, убеждать депутатов не нарушать счастья президента, поскольку президент беззаветно любит Янаева, ибо вторгаться в чужую любовь и опасно, и безнравственно, о чем свидетельствует весь народный эпос Калмыкии. Зал еще не пришел в себя, когда зычный голос Анатолия Лукьянова, назначенного Горбачевым Председателем Верховного Совета страны, предложил голосовать.

Однокашник президента по Университету, где они оба по путевке сталинского МГБ учились на юридическом факультете, Лукьянов всей своей карьерой был обязан Горбачеву. По мере собственного продвижения к вершинам власти Горбачев неизменно тащил Лукьянова за собой, сделав его членом ЦК, членом Политбюро и добившись его назначения сперва заместителя председателя Верховного Совета, а затем — Председателем Верховного Совета, когда сам занял должность президента. Вскормленный и вспоенный аппаратом ЦК, Лукьянов руководил Верховным советом грубо и произвольно, проводя все решения, нужные партийной номенклатуре и блокируя неудобные.

Предложив снова голосовать за Янаева, Горбачев и Лукьянов бросили открытый вызов законодателям, видимо отдавая себе отчет, что почти половина депутатов пришли в Верховный совет от КПСС без выборов, факти-

чески по назначению, как представители родовой аристократии в средневековых парламентах Европы. Но и результаты повторных выборов оказались неясными. Горбачев и Лукьянов пошли на подлог выборов, изъяв более 400 бюллетеней "против", чтобы провести это заведомое ничтожество на должность второго лица в государстве. И правые, и левые недоумевали: зачем? Неужели именно так Горбачев реализует свое обещание "обновить руководство за счет наиболее авторитетных представителей общества"?

И мало кто знал, что назначить Янаева на этот пост приказал Крючков звонком на Старую площадь. Понимая, что ему самому неэтично становиться при его должности главой государства, всемогущий шеф "государства в государстве" готовил себе будущее подставное правительство. И Горбачев ответил: "Есть!" Он с малого детства боялся КГБ и никогда не забывал, что и охранники, дежурившие ночью у дверей его спальни, подчиняются Крючкову. Но зачем Крючкову понадобился Янаев? Президент еще не понимал...

Между тем в "подвалах ЧК" родилась новая идеология, имперская по форме, национальная по духу и социалистическая по содержанию. Другими словами — национал-социалистическая. На Старой площади новая идеология была встречена с восторгом. Структуры коммунистов и фашистов всегда были братьями-близнецами, поэтому верхушка партии не очень комплексовала при ничтожном сдвиге — от интер-национализма к национализму

Как грибы после дождя, стали появляться всевозможные патриотические издания, громко требующие "наведения порядка в стране", который невозможен при нынешнем составе правительства. Им вторили бесчисленные советы ветеранов, состоящие главным образом из отставных офицеров армии и КГБ.

Радиостанции с территорий воинских частей нагнетали напряжение в Прибалтике, в Армении и Молдове, провоцируя антирусские настроения. Поток русских беженцев хлынул из национальных республик в Россию. Здесь их никто не ждал и не было никакой возможности в условиях прогрессирующего экономического паралича оказать прибывшим какую-либо помощь.

Сенсацией стало выступление по телевизору командующего Приволжским военным округом генерал-полковника Альберта Макашова, открыто призвавшего разо-

гнать советы всех уровней и выразившего готовность немедленно под его личным руководством взять штурмом Верховный Совет РСФСР.

Генерал знал, что говорил. Он только что вернулся из Багдада, где провел совещание группы советских военных советников при иракском диктаторе Саддаме Хусейне. Активная внешняя политика, которую Горбачев вел с твердой последовательностью, привела к нормализации и значительному потеплению отношений с Соединенными Штатами и НАТО, размыла складывавшийся десятилетиями образ врага. А без врага коммунистическая система не могла существовать и начинала сразу задыхаться, как выброшенная на мелководье акула. Необходимо было что-то предпринять, чтобы резко дестабилизировать международную обстановку.

Саддам Хусейн — самый гнусный из оставшихся на земле диктаторов, правивший Ираком с такой жестокостью, которой страна не знала со времен калифов, давно с нарастающей тревогой и без всякого удовольствия следил за переменами в СССР. В течение десятилетий Советский Союз снабжал его современным оружием и обучал огромную армию. Ведя восьмилетнюю войну с соседним Ираном, Саддам Хусейн, хотя и не добился значительных успехов, но надежно обеспечил с юга советскую авантюру в Афганистане. Теперь, все поняв с полуслова, он с готовностью принял план Макашова, который полностью соответствовал его собственным устремлениям. Южный сосед Ирака Кувейт, обладающий несметными нефтяными богатствами, но фактически беззащитный, должен был стать той естественной целью, удар по которой со стороны Ирака отвлечет внимание Соединенных Штатов и всего мира от событий в СССР.

Так и случилось. В течение нескольких часов огромная армия Саддама Хусейна оккупировала Кувейт, объявив его своей провинцией и отказавшись вести какие-либо переговоры относительно законности своего поступка. Поставленный перед свершившимся фактом новой акции международного разбоя, потрясенный мир несколько ослабил внимание к событиям в СССР, чем и воспользовались сообщники генерала Макашова. Реакция грозно поднимала голову.

Образованная в Верховном Совете так называемая депутатская группа "Союз", якобы обеспокоенная перспективами целостности страны, обнаглевшая от

прямой поддержки аппарата КПСС, армии и КГБ, стала устраивать истерики на съездах и заседаниях Верховного Совета, обвиняя Горбачева и его ближайших сотрудников чуть ли не в государственной измене. Плечом к плечу с ними стояли всевозможные коммунистические фракции, из которых наиболее крикливой и разнузданной оказалась партия коммунистов России, возглавляемая Иваном Полозковым. "Патриотические" газеты громко вопили о неизбежной гибели страны, стонущей "под игом сионистов и демократов". Уход войск из Восточной Европы рассматривался как национальная катастрофа.

Истерика, умело раздуваемая партийными структурами, сопровождается какими-то странными передвижениями войск вокруг Москвы. Танки, бронетранспортеры, десантники в полном боевом снаряжении группируются и сосредотачиваются на подступах к столице. На все официальные запросы Министерство обороны отвечает, что войска подняты для сбора картошки, не собранной по вине демократов не подмосковных полях. Абсурдность этого утверждения понятна всем, но шеф КГБ Крючков на официальный запрос публично отвечает на сессии Верховного Совета: "...По данным военной контрразведки, никаких передвижений войск, которые бы настораживали, не наблюдается".

Все ждут реакции Президента. И она последовала: генералу Язову указом Горбачева присваивается звание маршала Советского Союза, которое Горбачев совсем недавно упразднил для мирного времени также своим специальным указом.

Окрыленные поддержкой президента-генсека, боевые отряды партии, сосредоточившиеся в группе "Союз", переходят в решительное наступление на 4-м внеочередном съезде народных депутатов СССР. Выдвинув вперед двух наиболее воинственных и крикливых из своих членов-полковников Алксниса и Петрушенко, они открыто обвиняют представителей демократического движения страны в прямых связях с ЦРУ США.

Ледяным холодом тридцатых и сороковых годов повеяло в зале. Полковник Виктор Алкснис, внук расстрелянного Сталиным знаменитого комкора, таинственно закатывая глаза и ссылаясь на имеющийся у него доступ к секретной информации Главного разведывательного управления Генерального штаба, сообщает, что в одной из прочитанных им шифровок говорилось о встрече рези-

дента ЦРУ с руководителями демократических движений Прибалтики, Белоруссии, Украины и России "в одной из восточно-европейских стран". Резидент проводил совещание на тему "Как развалить СССР и образовать Балтийско-Черноморский союз". Получив указание "шефа", демократы-агенты ЦРУ разъехались по своим республикам, чтобы продолжить свое "грязное дело".

Насладившись эффектом от своей разоблачительной речи, полковник переходит к открытым угрозам в адрес министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе, обвиняя его в "капитуляции" перед империализмом, выразившемся в уходе советских войск из Восточной Европы, а затем берется за самого Горбачева. "Президенту пора определиться, с кем он,— рычит с трибуны Алкснис,— иначе мы будем ставить вопрос персонально о вас, Михаил Сергеевич!"

Президент сидит с непроницаемым лицом. Он только что вернулся из-за границы, где, излучая улыбки, уверял западно-европейских лидеров в неизменности своего курса на реформы и преобразования, о необратимости происходящих в СССР процессов демократизации.

После возвращения из-за рубежа Горбачеву пришлось выслушать массу нотаций от своих сообщников на Старой площади, куда приехал из своей резиденции на Лубянке сам Крючков. Преобразования и реформы зашли слишком далеко! Пора остановиться, ибо под угрозу уже ставится сам социалистический выбор, о неизменной приверженности которому президент говорит при каждом удобном случае. Серые глаза Крюčkова буравят его насквозь. Президент молчит. Он молчит и на съезде, никак не реагируя на злобные нападки завравшегося полковника, на которого с отцовской гордостью благодушно смотрит новоиспеченный маршал Язов.

Но тут лопается терпение у Шеварднадзе. Министр иностранных дел поднимается на трибуну и заявляет о своей отставке, открыто предупреждая прикишующую к телеэкранам страну о готовящемся военном перевороте и наступлении диктатуры. Шеварднадзе подчеркивает, что воинственные полковники — всего лишь визгливые шавки, за которыми прячутся гораздо более грозные силы. Информационная служба МИДа может соперничать с любой разведструктурой, а сам Шеварднадзе — бывший генерал КГБ и первый секретарь ЦК Компартии Грузии — имеет и личные, абсолютно надежные каналы информа-

ции, чтобы непродуманно не бросаться словами. Но президент молчит.

Отставка Шеварднадзе принимается. Его заменяет Александр Бессмертных — бывший посол СССР в США, известный даже в своем ведомстве под прозвищем "Бесхребетных", более занятый своей третьей молоденькой женой и убранством роскошного особняка, нежели проблемами страны. Такой сделает все, что ему прикажут.

Однако этого мало наступающим после выхода из своих комфортабельных окопов коммунистам. Их уже не устраивают ни премьер-министр страны Николай Рыжков, ни министр внутренних дел Вадим Бакагин.

Николай Рыжков, хотя и является верным слугой партаппарата, в новых конкретных условиях проявил себя трусливым и нерешительным. Это стало ясно по его поведению во время шахтерских забастовок и в громком скандале с разоблачением опекаемого премьером кооператива АНТ. Подчиняясь приказу, Рыжков, симулируя сердечный приступ, уходит в отставку. Он охвачен более всего страхом за судьбу собственной дачи, которую благодарная партия подарила ему в пожизненное пользование; мелкая возня вокруг дачи вызвала бурю возмущения в демократической печати.

На место премьера выдвигается ранее мало кому известный Валентин Павлов, бывший министр финансов, выпускник Московского финансово-экономического института. Активный комсомольский работник, уже тогда обратил на себя внимание жестким прагматизмом и любовью цитировать и к месту, и не к месту живых "классиков" марксизма. КГБ обратил внимание на расцветающего экономиста, но не взял его к себе из-за непомерной самовлюбленности и слишком сильной склонности Павлова к сибаритству.

Начальству на Лубянке импонировала фарсовая самонадеянность Павлова, его активные выступления на партсобраниях, где похожий на раздувшегося упыря финансист боевито доказывал, что "в белых перчатках политику не делают", и если ты настоящий коммунист, то главный твой принцип — активное нападение. На кого? Это было ясно, когда в КГБ прочли и одобрили рукопись книги Павлова "О налогах с населения" (вышла в 1990 году).

Внедренный в министерство финансов и перемещенный в нужный момент на пост министра Павлов вделал очень много, чтобы экономически перестройка буксо-

вала на месте или откатывалась вспять. В стране наступил финансовый хаос. Арестовывались и блокировались счета. Сотни невнятных и противоречивых инструкций, поступающих в банки, не давали возможности работать не только зарождающимся малым предприятиям и кооперативам, но, порой, и государственным индустриальным гигантам. Срывалась земельная реформа. Налоги и система их сбора превращали любую экономическую деятельность в бессмысленную мастурбацию. Но это было только начало. Основную свою задачу, оказавшуюся не по силам вялому Рыжкову, предстояло еще выполнить. С ужасом взглянув на нового премьера, Горбачев махнул рукой — делайте, что хотите. Промолчал и ут-вердил.

Министр внутренних дел Вадим Бакатин, несмотря на свое партаппаратное прошлое, вызвал ненависть со стороны своих старых друзей со Старой площади, обвиняющих его в бездействии власти и потакании экстремистам. Лукьянов, уже задавивший своими аппаратными методами и ловкими ротациями Верховный Совет, обвинил Бакатина виновным в параличе исполнительной власти, поскольку министра внутренних дел никак нельзя было подбить на разгон и арест верховных советов Прибалтийских и прочих республик, упорно принимающих законы о собственной независимости, что естественно, противоречило законам СССР, принятым еще в славные времена Иосифа Виссарионовича.

В своем обращении к Лукьянову 19 ноября 1990 года Вадим Бакатин разумно писал: "Зря мы ищем причины паралича власти в недостатках милицейских структур. Это уже следствие. Есть немало причин более высокого порядка, но одна из главных в том, что у нас за 73 года не создан, да и не мог быть создан правовой и исполнительный механизм, пресекающий беззаконие власти..."

Если Бакатин и хотел что-либо доказать своим посланием, то доказал только то, что с такими мыслями ему совсем не место на занимаемом посту. Его с треском гонят с занимаемой должности и из Президентского совета.

На пост министра внутренних дел назначается Борис Пуго. Начав свою карьеру на комсомольской работе в 60-х годах, Пуго своей почти садистской жестокостью обратил на себя внимание КГБ, куда и перешел в 1976 году, стремительно продвигаясь по скользкой от грязи и

крови чекистской служебной лестнице. Всего через четыре года — в 1980 году — он стал уже председателем КГБ Латвии, а в 1984 году — первым секретарем ЦК Компартии Латвии, совмещая по андроповской задумке оба поста. Начавшиеся в стране перемены сделали положение Пуго в Риге, где он беспощадно подавлял всякое инакомыслие, распикивая тысячи людей по концлагерям и спецпсихушкам, несколько шатким. Он был отозван в распоряжение ЦК КПСС и вскоре всплыл на Старой площади в качестве председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

То, что Старая площадь делегировала своего "старого бойца" на пост министра внутренних дел, говорило о подготовке "последнего и решительного боя", который загнивающая партия считала себя еще в силах дать новорожденному демократическому движению. И чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений, что времена либеральной говорильни заканчиваются, заместителем Пуго был назначен знаменитый "афганский герой" генерал Борис Громов, карьерист самого худшего пошиба, прославившийся холодной беспощадностью как к собственным солдатам, так и к гражданскому населению.

Командуя армией в Афганистане, Громов лелеял мечту получить за свое бездарное руководство Золотую Звезду Героя. В высоких коридорах министерства обороны ему дали понять, что он может рассчитывать на "звезду", если деблокирует Хост — крупный афганский город, который партизаны держали в осаде уже в течение нескольких лет. Все попытки советских войск прорвать кольцо осады приводили лишь к большим потерям, но не давали никакого результата. И тут выяснилось, что деблокировать Хост не так уж сложно.

Командиры партизанских отрядов и старейшины племен, блокирующих Хост, заявили, что за деньги они готовы увести свои отряды в горы и освободить ведущие в город дороги. Все зависит от суммы. Сумма была названа. Вожди и старейшины, посоветовавшись, заявили, что за названную сумму они готовы деблокировать Хост на две недели. Этого было вполне достаточно для получения вожденной звезды героя. "Но, — предупредили честно представители партизан, — все дороги заминированы итальянскими и американскими минами. Мин — тысячи, и как их разминировать, знают только инструкторы в Пешеваре".

Специалисты в штабе Громова быстро подсчитали, что нужно минимум месяца четыре, чтобы очистить дороги от такого количества мин, устройство которых в советской армии знали считанные профессионалы. "Это ваши дела", — сказали представители партизан и, забрав деньги, удалились. Ни минуты не колеблясь, генерал Громов погнал свои войска на мины.

Это была старая традиция, восходящая к временам Великой Отечественной. Вечный дефицит необходимого саперного снаряжения и презрение к человеческой жизни делали подобный способ разминирования оперативно быстрым и тактически наиболее эффективным. Хост был деблокирован, о чем с упоением, под звуки фанфар, сообщила вся Советская пресса. Генерал Громов — уже с Золотой Звездой Героя — вскоре был вынужден увести остатки своей измученной и деморализованной бесконечными неудачами армии из Афганистана, что было представлено средствами массовой информации, как очередная великая победа. Теперь генералу предстояло применить отработанные в Афганистане методы на собственном народе. (Киевляне еще когда-нибудь оценят, как им крупно повезло, что генерал Громов был убран с поста командующего Киевским военным округом в Москву на полицейское поприще.)

Наступление реакции тем временем продолжается. Из президентского совета с шумом и улюлюканием гонят Бакатина, Шаталина, Примакова, Шеварднадзе, Яковлева — всех, с кем Горбачев начинал свои реформы. На их место приходит классическая советская тройка — Крючков, Пуго и Язов — два генерала КГБ и маршал, Зюганов и Дзасохов — от ЦК КПСС, Павлов — выпестованный ими премьер и мало кому известный, предпочитающий пока держаться в тени — Олег Бакланов. Последний, по-своему, особенно интересен. Секретарь ЦК КПСС, в прошлом генеральный директор крупного оборонного завода, а затем министр общего машиностроения, в это время он курирует от ЦК Военнопромышленный комплекс страны — тот самый непосильный груз, который страна уже нести не в состоянии.

Задуманный еще Лениным в мечтах о мировой революции, возведенный Сталиным на крови и костях миллионов человеческой жизни, Военно-промышленный комплекс представлял из себя всю работоспособную промышленность страны. Военная индустрия постоянно

модернизировалась и расширялась, продолжала ковать оружие, заваливая им страну и весь мир.

Страна в страшном экономическом кризисе. Останавливаются хлебозаводы, мясокомбинаты, текстильные, прядильные и обувные фабрики, фармацевтические предприятия, мукомольные комплексы. Построенные до революции, некоторые — еще в царствование Александра III, они ни разу не модернизировались, отремонтировать их невозможно, поскольку уже нигде в мире нет запчастей к французским и немецким машинам начала века. А ВПК продолжает заваливать страну оружием. Новые реактивные истребители и бомбардировщики, продемонстрированные в Бурже, вызывают восхищение всего мира. Советские подводные лодки — самые бесшумные среди существующих. Танков уже столько, что не хватает экипажей, чтобы их обслуживать, но конвейеры, работая круглосуточно, продолжают ежемесячно добавлять в огромный арсенал все новые и новые сотни боевых машин.

Положение становится нелепым до предела. В стране нет продовольствия, одежды, лекарств и жилищ. По дорогам Европы идут колонны автомашин с западной продовольственной помощью. В аэропортах садятся камуфлированные военно-транспортные самолеты США и НАТО, набитые ящиками с макаронами и банками с тушенкой. С экранов телевизоров раздаются призывы дать валюту для умирающих детей, чтобы они могли лечиться за границей, Их много — они повсюду. Вымирающее будущее нашей страны. На Родине для них нет ни лекарств, ни больниц, ни врачей. Киевский ЦК КПСС сорвал эвакуацию детей Чернобыля, но поступиться хоть чем-нибудь из своих несметных богатств уже даже не для спасения, а для облегчения их смерти, не хочет, даже не слушает.

И в это же самое время, впервые в нашей истории (гласность!) все видят, как со стапелей Николаевского завода спускаются на воду огромные авианосцы, от стапелей Ленинградских заводов уходят в море атомные крейсера, превышая по своим размерам бывшие линкоры, а президент с супругой идут по пирсам Полярного вдоль строя чудовищных по размеру подводных лодок. Мир недоумевает.

Уже пять лет Горбачев бегает по миру с сумой, вымаливая кредиты для своей нищей страны. Во имя этих кредитов он ввел гласность в тоталитарной стране, по-

жертвовал спутниками из Восточной Европы, пообещал (подумать только!) восстановить дипломатические отношения с Израилем. И при этом продолжает строить авианосцы, атомные лодки и несметное количество другой вполне современной военной техники.

"Может быть стоит ее выпускать чуть меньше?" — осторожно советуют деликатные лидеры европейских стран. Есть такое понятие — конверсия, когда военные заводы, отдавая должное обороне, выпускают также и товары широкого потребления. Однако первые же робкие упоминания о конверсии вызывают бурю в Военно-промышленном комплексе. Директора военных заводов, увешенные лауреатскими медалями и учеными степенями, решительно отказываются выпускать какие-то нелепые инвалидные коляски (тысячам афганских инвалидов коляски поступают из ФРГ) и утюги. Их куратор в ЦК КПСС — Бакланов — полностью согласен со своими подопечными. Зачем народу коляски, утюги и разные там кастрюли, когда у него столько танков, самолетов и даже авианосцев! Он устраивает президенту встречу с директорами военных предприятий. Несокрушимым фронтом директора убеждают Горбачева, что страна идет к гибели. Пора кончать с либерализмом и гласностью, а прежде всего — хватит заигрывать с Западом. Те же слова звучат на совещании первых секретарей обкомов и крайкомов. Стая буквально рвет на куски своего вождя. Прежде все необходимо отменить гнусный закон о печати, распустивший средства массовой информации; пора кончать с реформами и признать, что они провалились.

На совещании звучат выпендренные завывания по поводу "идеалов социализма", "завоеваний социализма", "исторического выбора нашего народа" и прочие речитативы в жанре партийного плача. Президент уверяет собравшихся, что не только он, но еще и его дед сделали "социалистический выбор", с которого он никогда не свернет. Он не решается отменить закон о печати, хотя и заикается об этом на весь мир, давая понять немногочисленным демократическим газетам и журналам, что они все печатаются в партийных типографиях и на бумаге, выделяемой КПСС. Его ставленник Леонид Кравченко блокирует телевидение и радио, разгоняя журналистов и ведущих, запрещая ненавистные партаппарату программы.

В здании ЦК на Старой площади в огромном кабинете генсека проходят секретные совещания Государст-

венного совета обороны Председательствует Горбачев. Присутствуют его товарищи по партии: секретари ЦК Зюганов, Шенин и Бакланов (официального зама генсека — Ивашко — не допускают. Личность бутафорская). От КГБ. естественно, сам Крючков, его заместитель генерал Грушко. От армии: маршал Язов, начальник генерального штаба Моисеев и начальник ГРУ генерал Михайлов.

Обстановка складывается более чем благоприятно. Американцы попались на наживу, которую им товарищ Саддам Хусейн подсунил, захватив Кувейт. Наши прогнозы оправдываются. Соединенные Штаты, снимая корабли и войска с многих направлений, стягивают их в Персидский залив, пытаясь оказать давление на Багдад. Но Саддам Хусейн тверд и смел. Он смеется над американскими угрозами. Его армия огромна и прекрасно оснащена самым современным нашим оружием, обстреляна восьмилетней войной с Ираном и рвется в бой, чтобы окончательно сокрушить империализм и сионизм. Кроме того, Ирак имеет большие запасы химического и бактериологического оружия, а также находится на пути к созданию атомной бомбы. В таких условиях американцы вряд ли решатся на конфликт, а если и решатся, то потерпят сокрушительное поражение. Это означает, что Хусейн захватит и Саудовскую Аравию и будет контролировать более половины мировых запасов нефти. Итак, американцы зажаты между перспективой полной потери лица в случае невмешательства и нового Вьетнама — в случае развязывания войны.

Это открывает перед нами широкие возможности. Не следует забывать, что мы связаны с Ираком договором о Дружбе и союзе. Итак, американцы, стягивая войска к заливу, ослабили многие направления, что коренным образом изменило обстановку в Центральной Европе и создало предпосылки... "Насколько точны эти сведения?" — интересуется президент. Генералы раскрывают свои секретные, номерные папки. Колонки тщательно выверенных цифр, графика, диаграммы. Последние данные и анализы, обработанные на современных компьютерах, тайно вывезенных из США и Японии. Расчеты огневой мощи, оперативной насыщенности, пропускной способности дорог, стратегических ресурсов. Разведанные о боевой подготовке армии США, ее моральном состоянии, ее проблемах, связанных с материальным обеспечением, наркоманией, алкоголизмом и расовыми отношениями. Их вывод основан не на пусто-

звонстве, не на слепом пренебрежении к потенциальному противнику, а на строго научном анализе: в случае конфликта американцев ждет весьма чувствительное поражение.

Генералы совершенно искренни. Они далеки от мысли обманывать генсека-президента или как-то вводить его в заблуждение. Как и все сидящие в кабинете на Старой площади они еще не понимают, что время отсчитывает им последние часы, безвозвратно уходя в историю. Что общая деградация страны очень сильно коснулась и их самих и созданной ими военной науки. Привязанные собственными мифами ко второй мировой войне, они во многом думают и планируют по давно устаревшим критериям, не заметив революции в военном деле, сделавшей всю их огромную военную машину совершенно бессмысленной и устаревшей.

Генерал Макашов, чей доклад (после возвращения из Ирака) лег в основу этого совещания, — не только безответственный политический экстремист, призывающий штурмовать и разгонять советы всех уровней. Он прежде всего генерал, окончивший с золотой медалью две академии, и дело свое, военное дело, знает превосходно. Он все проверил сам и его план захвата Кувейта, несмотря на несколько упрощенное его выполнение иракским командованием, был блестяще воплощен в жизнь.

Несметные богатства Кувейта захвачены за несколько часов и без всяких потерь. Все это хорошо, но президент не давал санкции на проведение подобной акции. "Это, товарищи военные, знаете ли, чревато", — пытается на ходу сформулировать свои мысли президент; что у него всегда плохо получается, — это, знаете ли, самодеятельность..." "Почему самодеятельность? — обижаются генералы. — С Ираком действуют двусторонние договоры о дружбе и союзе, секретные протоколы к которым предусматривают и сотрудничество в ситуациях, подобных обсуждаемой..." Договор заключен в стародавние брежневские времена и о нем как-то забыл Горбачев в водовороте своей кипучей деятельности, а о протоколах просто ничего не знал, равно как и о протоколах к пакту Молотова-Риббентропа.

Секретарь ЦК КПСС Зюганов берет генералов под защиту. Товарищ Зюганов, отвечающий за международные связи КПСС, напоминает генсеку, что создание в мире режимов наподобие саддамовского осуществля-

лось в так называемых рамках "радикализации" мирового рабочего движения с целью ускорения ликвидации прогнившей системы империализма, дни которой, как известно, сочтены.

Президент обдумывает ситуацию, мысленно прикидывая, сколько удастся "содрать" с президента Буша за нейтральную позицию Советского Союза, ибо валютные поступления — главное, что ныне интересует Горбачева. Именно это он обещал своей партии. Однако такая распущенность военного руководства совсем его не радует. Беспокойство генсека разделяет и Крючков.

В армии, благодаря предательской деятельности группы "Щит" и ряда народных депутатов — агентов ЦРУ, падает авторитет политорганов и парторганизаций, а вместе с тем и дисциплина. Безусловно, необходимо создать параллельную структуру вооруженных сил, независимую от министерства обороны и способную нейтрализовать любые неожиданности, которые может преподнести армия. Крючков предлагает перевести в подчинение КГБ три воздушно-десантные и две танковые дивизии. Подобные мероприятия, наряду с уже находящимися в подчинении КГБ сухопутными, морскими и воздушными частями погранвойск, многочисленными отрядами спецназа и подчиненными Пуго внутренними войсками и милицией, создадут надежный противовес армии

"Может быть, информируем Верховный Совет?" — произносит Горбачев, подписывая необходимые распоряжения. Презрительные усмешки играют на лице Крюкова и его заместителей. Лукьянов еще не до конца выдрессировал депутатов, чтобы им можно было доверять подобную информацию, которая неизбежно тут же попадет к противнику.

Кого имел в виду шеф КГБ под словом "противник", он не уточнял. Впрочем, никто уточнения не требовал. Противник был хорошо известен. Более семидесяти лет он вызывал панический страх своей многочисленностью и ненавистью. Именно он заставлял огромную военнокарательную машину действовать в условиях постоянной конспирации, бесстыдно лгать, изрыть все крупные города системами подземных ходов на случай непредвиденного бегства, держать вертолеты на крышах официальных зданий и заграничные паспорта в сейфах. Против этого противника вели все виды войн. Войну на истребление — подвергая его массовому уничтожению,

войну электронную, тратя миллиарды на глушилки, войну психологическую, оболванивая его всеми возможными способами, войну биологическую, вызывая мутацию продуманными рецептами "бормотух" и продовольствия и даже ядерную с химической, как показал опыт Чернобыля и Киришей. А противник все не сдавался. Пять лет уже бурлил огромный концлагерь, занимающий шестую часть суши с 300 миллионами то ли заключенных, то ли военнопленных.

Опасения Крючкова были не напрасны. Как ни старался член Политбюро ЦК КПСС Анатолий Лукьянов, протасенный Горбачевым на пост председателя парламента (а именно это слово употреблялось все чаще), в Верховном Совете, пусть редко и слабо, но еще звучали голоса протестующих и требующих разъяснений. Кто санкционировал более чем странные передвижения крупных воинских контингентов в Прибалтику, в Закавказье и в Молдову? Что делал генерал Макашов в Ираке? Почему Витебская десантная дивизия переподчинена КГБ? Почему не расселяются отравленные Чернобылем села Украины и Белоруссии?

Слабые голоса тонут в рыке воинственных полководников, визге "народных учительниц" и в завываниях "акынов". Меняется и тон самого Горбачева. В его лексикон прочно входит определение "так называемые демократы", которых президент открыто обвиняет в развале страны и в параличе экономики. Верный Лукьянов волком смотрит на депутатов, умело пресекая любые попытки неповиновения. Куда-то исчезли Шеварднадзе, Бакатин, Петраков и Шаталин. Затравлен экономист Явлинский вместе со своей программой выхода из экономического кризиса. На экранах телевизоров все чаще появляются Крючков, Пуго, Язов, Янаев и Зюганов с Дзасоховым. Режут слух уже почти позабытые формулировки: "Пребывание члена Политбюро ЦК КПСС товарища Зюганова в "

В подобной обстановке взоры измученного народа все более и более устремляются к мощной фигуре Бориса Ельцина.

Бывший первый секретарь одного из крупнейших обкомов — Свердловского — Ельцин на заре перестройки был вызван Горбачевым в Москву, включен в Политбюро и назначен первым секретарем МГК с фантастической задачей реформировать партию в лице ее боевого авангарда — московского горкома разжирев-

шего до полной бесформенности на воровстве и взятках. О бывшем шефе МГК Гришине ходили легенды как об Гарун-аль-Рашиде. Приняв порученное ему дело за чистую монету, Ельцин начал с того, что позакрывал горкомовские спецраспределители, посадил аппаратчиков на зарплату, назначил ряд финансовых расследований и стал преследовать тех, у кого обнаружилось более трех дач и пяти автомобилей.

Эти действия совпали по времени с сенсационными разоблачениями следственной группы Гдляна и Иванова, раскрывшей хищения государственной собственности в таких масштабах, что вся страна стала копаться в справочниках, вспоминая, какая цифра идет после миллиарда. Из полуфеодальных среднеазиатских республик следы преступников явно вели в Кремль. В печати замелькали фамилии партийных вельмож вроде Лигачева, Соломенцева и Чебрикова.

Следственную группу немедленно разогнали, а московские аппаратчики взбунтовались против своего первого секретаря. На XIX партконференции Ельцина со скандалом выгнали со всех партийных постов и запрятали куда-то на должность замминистра по строительству. Однако даже не подтвержденные слухи о том, что он пытался закрыть спецраспределители и нескрываемая ненависть со стороны партийной верхушки создали ему такую популярность, что на выборах народных депутатов Ельцин набрал огромное количество голосов, а несколько позднее буквально пробился в яростной борьбе с лидером РКП Иваном Полозковым на пост Председателя Верховного Совета России.

Ельцин немедленно вышел из КПСС, увеличив свою популярность еще больше, хотя со всех сторон был обложен хищными и беспринципными партийными функционерами, пробившимися на посты его заместителей. Все это происходило под аккомпанемент самого грязного шельмования Ельцина всеми партийными газетами от "Правды" до журнала ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия". Центральная "Правда" поведала читателям, что Ельцин, как и всякий русский человек, является пьяницей, пьет непрерывно с утра до вечера, а во время недавнего визита в США в состоянии смертельного опьянения даже выступал по телевидению. Видимо боясь, что подобное заявление, не дай Бог, еще пуще увеличит популярность Ельцина, журнал "Молодая гвардия", редактору которого Анатолию Иванову позавидовал бы и сам Юлиус

Штрейхер, не будь он повешен в Нюрнберге, помещает целое "научное" исследование, доказывая, что фамилия Ельцин не более, чем сознательно измененная еврейская фамилия Эльцер...

Как председатель Верховного Совета России Ельцин фактически не имеет реальной власти. Добрую половину депутатов составляет так называемая группа "Коммунисты России" во главе с Иваном Полозковым. К ним примыкает группа "России" — шовинисты, возглавляемые молодым, нахальным авантюристом Сергеем Бабуриным. Демократы весьма настороженно присматриваются к Ельцину, не забывая его обкомовское прошлое. Совсем недавно демократическая Россия проводила в последний путь свое знамя — великого русского гуманиста академика Андрея Сахарова, безвременно умершего от издевательств и пыток в застенках КГБ. Сейчас они разобщены, лишь изредка выступая единым фронтом против полозковцев. Но положительной программы у них нет. Нет и общепризнанного лидера.

А между тем обстановка становится все более напряженной. Огненные зигзаги, пройдя через Алма-Ату, Фергану, Душанбе, Ереван, Тбилиси, Баку и Кишинев, перемещаются на север. Прибалтийские республики упорно стремятся к независимости. Все тверже и тверже звучат голоса, требующие роспуска компартий и национализации партийной собственности. На защиту своей собственности партия вызывает войска, которые захватывают типографии, издательства и радиостанции. Десантники, под предлогом поиска дезертиров и уклоняющихся от воинской повинности, врываются в литовские дома, хватают литовских парней прямо с больничных коек. На демонстрации протеста устраиваются контр-демонстрации спешно созданных на партийные деньги "интерфронтов", требующих покончить "с экстремизмом и национализмом". В лексиконе Горбачева появляется новое выражение "деструктивные элементы", с которыми будет вестись самая решительная борьба.

9 января 1991 года по каналам советской военной разведки и КГБ пришло экстренное сообщение: правительственные и военные структуры США заактивировали боевые средства связи и управления. Анализ агентурной и спутниковой информации убедительно показывал, что в понедельник 14 января американцы намерены начать боевые действия против Ирака.

Несколько месяцев уговоров Саддама Хусейна уйти из Кувейта не привели ни к чему. Багдадский диктатор становился все более воинственным, грозя Америке страшным ответным ударом и обещая на белом коне въехать в Иерусалим. На Лубянке царило радостное возбуждение: вскоре американцы, втянутые в жестокие кровопролитные бои, терпя унижительные поражения, потеряют свой мировой престиж и не смогут уже давить на СССР, ставя свою финансовую помощь в прямую зависимость от проведения демократических реформ в коммунистической империи. Они будут платить только за то, что мы не вмешиваемся в конфликт на стороне Хусейна. А пока настал час навести, наконец, порядок в стране.

Начать решено было в Прибалтике — в его двух наиболее горячих точках: Вильнюсе и Риге. Командующий Прибалтийским военным округом генерал-полковник Кузьмин, получив все указания из Министерства обороны, отнесся к затее без всякого энтузиазма. Он пытался возражать маршалу Язову, убеждая его "не подставлять армию". Пусть партия и КГБ разбираются сами. Договорились, что армия "окажет содействие" внутренним войскам и ОМОНу в наведении и поддержании порядка. Крючкову становилось ясно, что части Прибалтийского округа не слишком надежны и вовсе не горят желанием закрывать своими телами загнивающую партию от народного гнева.

Шеф КГБ принимает решение прислать в Вильнюс спецкоманду КГБ "Альфа" — отряд профессиональных убийц, созданный еще в андроповские времена и подчиненный наиболее секретному 7 управлению КГБ. Правда, командир "Альфы" полковник (позднее генерал) Карпукhin с некоторой озабоченностью докладывал Крючкову, что общее "разложение" общества коснулось и его людей. Дистанционно управляемые работы, запрограммированные только на "выполнение задачи", стали последнее время задавать своему командиру вопросы, наличие которых "программой" не предусматривалось. В частности, среди вопросов были и такие позорные, как вопросы "о низкой зарплате" и "отсутствии жилья". Крючков пропустил мимо ушей слова Карпухина — "Альфа" недавно вернулась с юга, где парни проявили себя прекрасно, убивая всех, кого было приказано убить.

Партия, самая трусливая из правящей триады (партия — КГБ — армия), в последний момент испугалась действовать открыто. В Вильнюс и Ригу со Старой пло-

щади полетели шифрограммы в адрес местных первых секретарей ЦК Бурокаявичюса и Рубикса спешно сформировать "Комитеты национального спасения", которые должны быть анонимными и действовать от лица "трудящихся" с задачей захвата власти в республиках после разгона ненавистных народных фронтов.

Напрасно Крючков и начальник Главного Политуправления Вооруженных сил генерал-полковник Николай Шляга, в недавнем прошлом руководящий работник секретариата ЦК, брошенный в ГлавПУР "для усиления кадров", пытались убедить перетрусивших вождей действовать открыто, а не скрываться, подобно террористической организации, под масками анонимных комитетов. ЦК был непреклонным, поскольку обстановка была, мягко говоря, весьма деликатной; с тех пор как в Прибалтийских республиках к власти пришли Народные фронты, а компартии потеряли практически все влияние, именно этот регион привлекал внимание ЦК, поскольку там было очень трудно организовать беспорядки. Слишком высок был уровень почти европейской цивилизации.

В отличие от других союзных республик, где уже во время перестройки почти повсеместно пролилась кровь (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Армения, Грузия, Белоруссия), где совершались погромы, поджоги, убийства, террористические акции, в Прибалтике за все время существования новой власти не было ни одной жертвы, ни крупных беспорядков, ни погромов. Оснований для силового вмешательства, как ни крути, просто не было. Но и терпеть все эти безобразия дальше не было никакой возможности. Причем, речь уже шла не только о Прибалтике, но и о всей стране.

Близость Литвы к Европе позволяла проверить реакцию Запада, глупость и гуманизм которого пока позволял беспрепятственно получать валюту, оседающую на партийных счетах. После падения цен на нефть партия не брезговала никакими средствами для получения валюты, участвуя активно даже в мировом наркобизнесе через товарища Фиделя Кастро. Все богатства огромной страны были "экспроприированы" загребущими лапами КПСС.

Правда, и расходы предстояли немалые. Товарищ Саддам Хусейн, например, потребовал за свои услуги три миллиарда долларов. Собрали секретариат, заслушали товарищей Дзасохова и Шенина, постановили:

удовлетворить. На товарища Саддама сейчас много надежды. Доверие ему оказано большое.

Могло ли быть такое решение принято без ведома генерального секретаря в партии, организованной по образцу ордена "меченосцев", зажатой жесточайшими связями железной дисциплины? Не поддавайтесь на соблазн простых ответов...

11 января группа "Альфа", переодетая в форму внутренних войск, прибыла на военный аэродром под Вильнюсом. Карпухин объявил задачу: необходимо захватить телецентр, а затем — здание парламента. Надо было, конечно, обе акции проводить одновременно, но не хотелось дробить силы.

Генерал-полковник Кузьмин согласился только содействовать, а затем взять "объекты" под охрану, но участвовать в вооруженных акциях он войскам разрешения не даст. Кроме того, у него нет никакого конкретного приказа от министра обороны на применение оружия. Ладно, чистюли, содействуйте. Обойдемся без вас.

Карпухин предупреждает своих людей, что здания телецентра и парламента оцеплены вооруженными боевиками "Саюдиса". Надо их убить как можно больше по бакинскому варианту. Карпухин не видит никакого восторга на лицах вымуштрованных исполнителей. Мало того, происходит совершенно неслыханная вещь: лейтенант Шацких решительно отказывается принимать участие в акции, связанной с убийством людей. Такого еще не бывало за всю историю существования группы "Альфа", хотя мудрые инструкции предусмотрели возможность и такого события, естественно считая "расстрел на месте" единственным выходом из подобной ситуации. Что и было немедленно сделано. В душе Карпухин даже был доволен: труп лейтенанта Шацких было решено подкинуть к зданию телецентра в качестве доказательства существования "вооруженных боевиков". Завернутый в брезент труп мужественного офицера грузили в машину. Перепуганный представитель военного округа — генерал ВДВ Сергеев случайно увидел эту картину и спросил Карпухина: "У вас груз-200?" Тот ничего не ответил и сел в машину...

Кровавые события в Вильнюсе, помимо всего прочего, продемонстрировали весьма низкий профессионализм участников провокации. Полностью отсутствовала радиодисциплина. На каналах УКВ открыто переговаривались безответственные и откровенно пьяные армейские начальники, даже не подозревая, что их

Ночью 13 января группа "Альфа", убив 13 человек и ранив более ста, захватила здание телецентра в Вильнюсе. Их действия поддерживал армейский танк, который стоял вблизи здания, грозно крутя башней с задраным вверх орудием, но активного участия в событиях не принимал, если не считать одного задавленного им человека. Передав охрану телецентра десантникам, "Альфа" кинулась к парламенту, где ее ждал сюрприз и весьма неприятный. Здание парламента по призыву президента Литвы Ландсбергиса окружили десятки тысяч людей. Становилось ясно, что без армии здесь не справиться. Армейские танки и бронетранспортеры шли по ночным улицам литовской столицы, паля для устрашения холостыми, но никаких других действий предпринимать не желали. Карпухин бросился к коменданту города, прося батальон десантников. Доведенный уже до истерики, генерал-полковник Кузьмин просто заорал на коменданта, требуя немедленно убрать боевую технику с улиц города, даже не услышав о просьбе представителя Лубянки. Операция провалилась.

В Риге уже не решились на подобные действия. Была спорадическая стрельба на улицах, но не более того. И в довершение всего оскандалилась в очередной раз советская разведка, клюнув на подsunутую американцами дезинформацию: военные действия в Ираке не начались 14 января. Военные действия не начались, но начался грандиозный скандал.

прослушивают и записывают на пленку. "Альфу" называли: "полосатенькими, что впереди", "те, что впереди", "те, что штурмовали здание", "те, что из Москвы прилетели". Причем, всем тут же растрепали, что они везут "груз-200", как на армейском сленге называется труп. Командиры подразделений не понимали друг друга и переспрашивали: "Полосатенькие? Это чекисты из Москвы?" "Груз-200? Что за груз?" "Ну вспомни Афганистан. Черные тюльпаны. Понял?" "Покойник, что ли? А откуда он у них?" и т.п.

Труп лейтенанта Шацких был обнаружен среди убитых у здания телецентра. Никто вначале не знал даже — солдат он или офицер, десантник или из внутренних войск. И ВДВ, и ВВ хором публично клялись, что у них никто не погибал. Поскольку "Альфа" ходила на дела не как государственная структура, а как банда террористов, никаких документов или других признаков идентификации на трупе обнаружено не было. Фотография убитого была помещена в газетах — и, что значит гласность, почти сразу установили, что он офицер КГБ. Труп несчастного лейтенанта был отправлен в Москву, где и похоронен в присутствии чиновника из отдела кадров с Лубянки.

На срочно собравшемся Верховном Совете был задан конкретный вопрос: кто дал приказ открыть огонь в Вильнюсе? Растерявшийся маршал Язов мямлил что-то совершенно невнятное об уставе караульной службы. Борис Пуго был более откровенен, заявив, что "комитет национального спасения Литвы направил в Верховный Совет республики группу из ста человек с требованием прекратить антисоветские телеи радиопередачи". Их отказались слушать и даже избili.

"Сторонники здоровых сил и народные дружинники,— продолжал вещать Пуго с трибуны Верховного Совета,— пытались у здания радио и телевидения пресечь клеветническую кампанию, но охранники встретили их палками и кастетами. Тогда "Комитет национального спасения" обратился за помощью к командиру гарнизона Советской Армии в Вильнюсе, и он отдал приказ направить воинский контингент с танками и бронетранспортерами. Со стороны представителей "Саюдиса" началась стрельба. Был убит один военнослужащий... После этого воинские формирования открыли стрельбу вверх, потом на поражение. В результате убиты 13 человек... 163 человека обратились за медицинской помощью. Внутренние войска взяли под охрану радио и телецентр... Ни Президент СССР, ни кто-либо из центра руководства страны не давал распоряжений о применении армейских подразделений в Вильнюсе. Это инициатива командира гарнизона, выполнившего просьбу комитета национального спасения".

"Однако,— закончил свое яркое выступление министр внутренних дел,— вооруженные силы действовали правомерно". Это уже была чистая "подлянка", подставляющая армию.

Уже тогда многие из слышавших речь Пуго генералов начали делать правильные выводы, какие планы имеются у "родной партии" относительно самой большой армии в мире. Командующий гарнизоном Вильнюса пригласил журналистов и твердо заявил, что подчиненные ему подразделения не только не открывали огня, но и не имели боевых патронов, ибо на выдачу боевых патронов необходима санкция министра обороны. Никто ему тогда не поверил, но вопросы посыпались один за другим. Что это за анонимные комитеты национального спасения, имеющие право вызывать войска из-за того, что им не нравятся телепередачи? Имеют ли право только коммунисты вызывать армию или армия откликнется на при-

зыв и других политических партий? Что за лица входят в комитет? Вызванный на заседание Верховного Совета президент-генсек Горбачев был на даче и не знал ничего. Тогда вопрос был поставлен так: если президент знал, а значит, разрешил, то он преступник, если же не знал, то он не президент, если может позволить вооруженным силам страны откликаться на призыв каких-то анонимных "комитетчиков" и заниматься подобной самодеятельностью. Многие уже забыли, что президент еще и генсек...

Пока мировая и наша общественность требовала отчета о случившемся побоище в Вильнюсе, в ночь с 16 на 17 января американская авиация нанесла первый удар по товарищу Саддаму Хусейну. Это немного отвлекло от внутренних скандалов, тем более что прогнозы генералов о неминуемом поражении США уже обошли почти все советские газеты, как правого, так и левого толка.

Но уже первые дни войны показали, что непобедимый маршал Саддам Хусейн не в состоянии оказать американцам ни малейшего сопротивления. Он был разгромлен вдребезги настолько быстро и с такими ничтожными потерями со стороны сил союзной коалиции, что в СССР наступило тягостное молчание.

Все помнили, что иракскую армию готовили советские военные специалисты и что она была вооружена нашим оружием. Военная империя оказалась несостоятельной даже на своем самом любимом поприще. Встал вопрос, что за оружие кует наш мощный ВПК, если оно в реальных условиях или вообще не стреляет, или стреляет, но не попадает.

В Генеральном штабе прятали в сейфы совершенно секретные сводки, докладывающие с тревогой о том, что, когда американцы в далеком Персидском заливе включили на боевой режим свои средства радиопротиводействия, оказались "забытыми" все средства связи, контроля и управления Закавказского и Одесского военных округов. Но этим уже заниматься было некогда.

События в стране развивались со стремительностью падающего на землю самолета с отказавшими двигателями. 19 февраля Ельцин, пробившись после долгих усилий на экраны телевизоров, не тратя времени на выбор выражений, открыто называет врагами все центральное руководство, призывая народ подняться на борьбу. Он объявляет о своем полном недоверии к Гор-

бачеву и призывает его немедленно уйти в отставку и назначить общенародные выборы нового президента.

Реакция не замедлила себя ждать. Шесть партийных функционеров, занимавших должности заместителей Ельцина на его посту председателя Верховного Совета, выступают с заявлением, шельмующим Ельцина. Бывший прокурор Светлана Горячева чеканными фразами, составленными в стиле лучших образцов партийных доносов, громогласно требует призвать Ельцина к ответу и объявить ему недоверие как Председателю Верховного совета России.

Из семи заместителей Ельцина только Руслан Хасбулатов не подписал этого заявления, но и его позиция пока недостаточно ясна. Но призыв Ельцина был услышан. Демократы, позабыв прежние подозрения и собственные распри, решили сплотиться вокруг него. Шахтеры Воркуты, Донбаса и Кузбаса грозят начать политическую забастовку в случае отстранения Ельцина.

По сигналу Крючкова в дело вступает новый премьер Павлов, развязывая против народа финансовый террор, извечный предшественник террора политического. Народ — это быдло — надо поставить на место. Он ни о чем не должен думать, кроме как о куске хлеба. Достигнув полной внезапности, как союзная авиация в Персидском заливе, Павлов объявляет о замене сторублевых и пятидесятирублевых купюр на новые, давая два дня на обмен. Нищие люди, сжимая свои последние гроши, бросаются к сберкассам. По всей стране образуются длинные, страшные очереди, где люди падают в обморок и умирают от инфарктов. Мотивировка, разработанная в КГБ гласит, что западные банкиры, набрав огромное количество старых сторублевок, готовились скупить весь Советский Союз. До такого не додумался бы и сам Ленин, будь он жив. Западные банки, кормящие уже пять лет Советский Союз, с возмущением требуют объяснений от Горбачева. Улыбающийся президент успокаивает банкиров, говоря, что "слова премьера не следует понимать обобщенно".

Между тем Павлов делает следующий шаг, вздувая все цены в среднем в четыре-пять раз. В один миг нищими становятся почти все граждане, поскольку предусмотрительный премьер принимает меры, чтобы заморозить зарплату. Хотя всем ясно, что повышение цен не имеет под собой никакой экономической подоплеки, а используется в качестве средства террора против распоясавше-

гося народа, премьер, гнусно улыбаясь с телевизионных экранов, объясняет населению, что расчет, произведенный аппаратом минфина, показывает, что вполне можно прожить на 140 рублей. Вводятся новые налоги и таможенные правила, губя на корню малые предприятия и первые ростки частного бизнеса.

Партия вышла из окопов. Увы, семидесятилетняя монополия на власть лишила КПСС каких-либо навыков конкурентной политической борьбы. Партии просто нечего сказать народу, а переходить на обычные марксистско-ленинские заклинания и завывания уже нельзя. Остается только то, что партия всегда умела делать прекрасно — наносить неожиданные и страшные удары по народу.

В разгар всех этих событий собирается III внеочередной съезд народных депутатов России, созванный коммунистами с целью свержения Ельцина. Страх перед собственным народом, никогда не покидавший коммунистов, на этот раз их сильно подводит. Перепуганные, они от имен своих депутатов просят ввести в Москву войска, чтобы обеспечить собственную охрану (от кого?) и не допустить митингов. Колонны БТРов оцепляют парламент. Депутаты проходят в зал между шеренгами солдат в касках и бронежилетах, с автоматами, дубинками и щитами.

В ответ на это десятки тысяч людей выходят на улицы Москвы, объявляя о своей солидарности с Ельциным и демократами. Шахтеры начинают политическую забастовку, требуя ухода в отставку союзного правительства во главе с Горбачевым и Павловым. Проведенный правительством референдум "О единстве Союза" объявляется жульническим и не имеющим силы. В результате на съезде впавшие в панику коммунисты не только не осмеливаются поднять вопрос о недоверии к Ельцину, но по призыву своего перепуганного "вождя" Полозкова послушно голосуют за предоставление Ельцину дополнительных полномочий и о введении президентского правления в России. Выборы президента — первого свободно выбранного президента в тысячелетней истории России — назначаются на 12 июня 1991 года.

Экономический паралич страны, политические бои и шахтерские забастовки очень способствуют умело распускаемым слухам о возможном военном перевороте. Недавние события в Вильнюсе и Москве заставляют в эти слухи верить. Армия заблаговременно снова под-

ставляется под удар общественного мнения, совершенно не понимающего истинного положения вооруженных сил, зажатых между особыми и политическими отделами ЧК и КПСС.

Провокатор Алкснис, давая интервью чехословацким журналистам, со свойственной ему наглостью открыто излагает якобы собственную позицию. Путь из кризиса в СССР полковник Алкснис видит в использовании чрезвычайных мер, конкретно — в создании комитета общественного спасения. В стране есть силы, утверждает он, способные объявить чрезвычайное положение: МВД, КГБ и армия. Армия будет играть главную роль, первую скрипку. Ряд политических партий, разъясняет Алкснис мечту ЦК КПСС, уйдет при этом в подполье и начнет нелегальную деятельность, против чего придется применять "законные меры". Полковник подтверждает журналистам свои ранее сказанные слова о том, что комитеты национального спасения в Прибалтике были созданы по инициативе Горбачева, который, затем трусливо от них отказавшись, потерял право на свой пост...

В стране продолжает литься кровь. Война в Закавказье начинает принимать все зловещие формы второго Афганистана. Войска внутренней службы Бориса Пуго и отряды ОМОНа обрушивают на армянские села огонь реактивных минометов, обстреливают их с воздуха, давят танками. Солдаты жгут деревни, убивают и куда-то угоняют жителей. Армянские партизаны совершают ответные налеты, убивая военнослужащих и захватывая их в плен. Распоряжение Ельцина, принятое после событий в Вильнюсе и говорящее о том, что военнослужащие, призванные на территории России, не могут использоваться в межнациональных конфликтах, никто не собирается выполнять. Русские мальчики продолжают проливать свою и чужую кровь во имя кувшинорылых аппаратчиков со Старой площади.

В Прибалтике бесчинствует ОМОН. Горят таможенные посты, безоружные люди лежат лицом вниз на асфальте под дулами автоматов, гибнут журналисты и полицейские. Телерепортер Невзоров, ободренный змеиными улыбками первого секретаря обкома Бориса Гидаспова, прославляет распоясавшихся бандитов, подстрекая их на новые бесчинства.

В Москве первый секретарь МГК Прокофьев организует на предприятиях столицы цикл лекций, разъясняющих трудящимся, что слова демократия и сионизм

являются синонимами. В это же время на дремлющий Крючков вносит в Верховный Совет СССР проект нового закона о КГБ, предоставляющие его ведомству такие легальные права, о которых тайная политическая полиция не смела мечтать даже во времена незабвенного Лаврентия Павловича. Лукьяновский парламент почти без возражений проштамповывает новый закон. Сам Крючков неожиданно оказывается в эпицентре вспыхнувшего политического скандала. В кабинете Ельцина обнаруживается подслушивающая аппаратура. Привыкший рубить с плеча Ельцин приказывает вскрыть смежные с его кабинетом секретные помещения КГБ и демонстрирует аппаратуру журналистам. Крючков, не моргнув глазом, объявляет все это "гнусной клеветой" — аппаратура не подслушивания, а "информационной защиты". После этого дело быстро похоронили в какой-то очередной депутатской комиссии.

Крючкову некогда заниматься подобными мелочами. Его ведомство охвачено мощным творческим порывом. Неблагодарные скоты, которых вели к светлому будущему, слишком сильно возомнили о себе. Придется их пропустить через еще одну мясорубку массового пролетарского террора, чтобы еще на сто лет отбить охоту вопить на митингах, ставя под сомнение священное право КПСС править ими — рабами по духу, рабами по уровню жизни, рабами по рождению.

Однако под такое мероприятие как массовый террор необходимо подвести известную идеологическую базу, понятную всем. Былое определение "враг народа", несмотря на свою гениальную простоту и доходчивость, сегодня уже несколько устарело и потеряло от частого употребления былую остроту. Секретно — политический отдел КГБ любовно оттачивает и передает на утверждение Крючкову новый "ярлык" — "агент влияния". Крючков в восторге. Это как раз то, что нужно.

Если говорить честно, то это блестящее определение государственных преступников не является совершенно новым. Еще в 1977 году Андропов, вечно страдающий от того, что в стране невозможно установить дисциплину без ясного осознания каждым своей преступной деятельности и вытекающих отсюда последствий, приказал подготовить документ с весьма поучительным заголовком "О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан". "Агентом влияния", разъясняя документ, мог оказаться каждый советский

гражданин, который вольно или невольно своей деятельностью или поведением способствует распространению влияния западной идеологии или образа жизни в Советском Союзе. Другими словами, посадить можно было любого, кто, скажем, ходил в американской футболке, влияя на всех остальных тем, что в СССР такие футболки не выпускаются.

Захватив в 1982 году власть Андропов, втянутый в водоворот смертельных кремлевских игр, сгинул в этом водовороте, так и не успев дать этому документу ход. Теперь он, слегка переработанный, чтобы соответствовать духу времени, лежал на столе Крючкова, готовый к действию.

Задуманное мероприятие требовало подготовки, на которую уже не хватало времени, съедаемого митингами и рабочими забастовками. На ряде заводов был спешно размещен заказ на срочное производство 250 тысяч наручников. С большим трудом и путем блестяще произведенной дезинформации необходимый для этого металл удалось получить у Министерства сельского хозяйства. Тысячи тонн бумаги, изъятой в основном из партийных запасов, завезены в ведомственные типографии, где в сотнях тысяч экземпляров печатаются новые ордера на арест, бланка протоколов обысков и допросов, бланки на депортацию, постановления на высылку, распоряжения на создания трибуналов. Тайно вывезенные из Америки компьютерные системы уже начали распечатку списков лиц, подлежащих уничтожению, аресту, интернированию, депортации, высылке, задержанию. Не хватает бумаги и времени для составления поименных списков. Поэтому многие циркулярные и директивные документы имеют общий характер: "Всех авторов выступлений и публикаций, всех членов партий демократическая Россия, Демократический Союз, всех депутатов межрегиональной группы, всех, ранее отбывавших наказание по ст.70 и 190-прим... Всех советских граждан, работающих на западные радиостанции и другие средства массовой информации, всех, дававших интервью западным средствам массовой информации в негативном к существующему строю аспектах, всех членов стачкомов..." ВСЕХ!

В лагерные комплексы Мордовии и Перми летит секретное указание подготовиться к приему "контингента". Из всех тюрем и следственных изоляторов затребованы справки о количестве посадочных мест "при

максимальном наполнении". Дымятся компьютеры, гнутся от перегрузки линии закрытой связи...

Пока на Лубянке трудятся в поте лица, президент-генсек перестает вообще появляться в Кремле, деля свое время между поездками за границу и пребыванием в своей загородной резиденции на подмосковном курорте в Ново-Огарево. Все крепче Горбачева сжимают щупальцы партии, КГБ, военно-промышленного комплекса и армии. Очухавшиеся от шока, вызванного результатами войны в Персидском заливе, генералы требуют денег на новый виток конки вооружений для достижения утраченного паритета с Америкой. Им вторит Военно-промышленный комплекс. Родная партия близка к истерике из-за отсутствия твердой валюты. Их можно понять — одно хорошее сафари в Кении стоит 50 тысяч долларов, а не очень шикарный особняк на Лазурном побережье тянет почти на миллион.

Товарищи Шенин, Дзасохов и Ивашко вкупе с генералами Шлягой и Овчинниковым из ГлавПУРа с тревогой отмечают падение влияния армейских парторганизаций, деморализованных постоянными слухами о департизации, деполитизации государственных структур и прочим взором, распространяемым безответственными средствами массовой информации. Принимается решение о создании еще невиданного органа — Всеармейского парткома. В присутствии президента-генсека собирается Первая Всеармейская партконференция, единогласно принимающая решение о создании Суперпарткома. Горбачев сидит в огромном зале среди партаппаратчиков, напяливших военную форму, украшенную высшими воинскими знаками и колодками боевых орденов, полученных неизвестно за что. Секретарем Всеармейского парткома назначается (выбирается?) генерал-лейтенант Михаил Суроков — член Политбюро ЦК КПСС. Ему ставится главная задача: во взаимодействии с особыми отделами искоренить всякое инакомыслие в вооруженных силах на основе высокой партийности.

Президент одобряет эти "совершенно своевременные меры", но весь занят своей главной задачей — добиться новых кредитов для своего ненасытного трехглавого дракона, чтобы тот не сожрал его самого. По дипломатическим каналам он начинает зондировать почву для своего участия в предстоящей встрече глав правительств семи ведущих западных стран. Такого еще не бывало.

На Западе реагируют сдержанно и удивленно. Зачем? Всем, впрочем, ясно зачем: будет снова просить денег. Недавно, не поставив в известность ни Верховный Совет, ни руководство России, Горбачев дал команду продать на Запад 300 тонн золотого запаса. На какие нужды? Информация просочилась, но ее объявили клеветнической. Министр Внешних Экономических связей Катушев — старый партаппаратчик, уцелевший еще с раннебрежневский времен, в телеинтервью категорически опровергает "все измышления" по поводу продажи золота. А что он может еще сказать?

Сразу после его интервью на экранах светятся буквы бесчисленных отчаянных призывов: "Помогите собрать 10000 долларов, чтобы спасти детей, спасти парней, искалеченных в Афганистане..." и до бесконечности...

На таком фоне в России проходит первая в ее истории избирательная кампания по выбору президента. Единым строем против ренегата Ельцина — выступают все партийные структуры. Целая шеренга партийных кандидатов на этот пост брошена партией в бой с единственной задачей отобрать нужные Ельцину голоса и сорвать выборы. Но Ельцин, одержавший уже несколько крупных побед в Российском Верховном совете, слыша ободряющий гул рабочих забастовок, держится твердо и с достоинством. В качестве вице-президента он неожиданно предлагает довольно уже известного в стране полковника Александра Руцкого.

В прошлом боевой пилот, дважды сбитый в Афганистане (первый раз — партизанским "Стингером", второй — пакистанским истребителем), познавший предсмертный туман реанимационных палат и унижение плена, Руцкой примкнул к полозковской банде. Однако быстро разобравшись, что ему совсем не место среди свиноподобных рыл первых и вторых секретарей комитетов КПСС, составлявших костяк полозковской партии, Руцкой, лихо совершив левый разворот, сколотил собственную депутатскую группу, дав ей совершенно сказочное название "Коммунисты за демократию". Группа "Коммунисты России" оказалась расколотой; перетрусивший Полозков, дав сигнал к отступлению, закончил тем самым свою политическую карьеру. Ельцин не забыл этой услуги, оказанной в трудное время Внеочередного съезда, и предложил Руцкому идти вместе и дальше. Тот согласился. Тандем получился серьезный и боевой.

Главным в предвыборной программе был пункт о немедленной департизации всех государственных и военных структур на территории России. На старой площади понимали, что это отнюдь не шутка, и мобилизовали все силы и средства, чтобы Ельцин президентом не стал. Но, увы, к этому времени изолгавшаяся и заворовавшаяся партия не имела ни одного кандидата, который мог бы серьезно противостоять Ельцину.

В бой против Ельцина был брошен Рыжков — бывший премьер, уже показавший свою полную несостоятельность в качестве руководителя "Забыв" о недавнем инфаркте, он выдвинул свою кандидатуру, а пост будущего вице-президента предложил генералу Борису Громову, восседавшему на должности заместителя Пуго.

Вторым противником Ельцина, неожиданно для многих, оказался генерал Макашов, собиравшийся совсем недавно разгонять советы всех уровней. Не поскупившись на затраты, КПСС создала впопыхах буффорскую команду, назвав ее "Либерально-демократической" партией. Численности новой "партии" не знал никто, но ее лидер Владимир Жириновский сразу привлек к себе внимание талантом незаурядного клоуна.

Собирая митинги по всей стране, он обещает отобрать у турок Дарданеллы, вернуть Финляндию в лоно России, учредить губернии и ликвидировать само понятие "Прибалтийские республики". А равно резко понизить цены на водку. Весь этот бред, по крайней мере, излагал с жаром по всем правилам жанра клоунады. Слушатели хохочут до слез, задают вопросы, аплодируют.

А что может сказать слушателям Рыжков? Он что-то мямлит о "немеркнущих ценностях социализма", путается в показаниях относительно собственной дачи. На вопросы о здоровье (все помнят инфаркт) отвечает уклончиво, мол, сейчас ничего, а там посмотрим. Сразу же проигрывается ситуация: став президентом, Рыжков немедленно уйдет в отставку "по состоянию здоровья" и президентом станет генерал Громов. Это уже страшно. Громов говорить не горазд. Он волком смотрит на избирателей, прищурившись, как через прицел.

Рубленные фразы о порядке, дисциплине и повышении производительности труда уже только пугают. Настораживает и то, что вся номенклатура высшего уровня — от Горбачева до председателя комиссии по парламентской этике профессора Денисова — усиленно агитируют за Рыжкова. Оторванные от жизни, они не по-

нимают, что своей поддержкой отнимают у бывшего премьера последние шансы.

А программа генерала Макашова с превращением России в огромный танкодром, где демократы и космополиты будут копать окопы, вызывает хохот. Нежность Невзорова, с какой он сообщил о том, что Макашов горел в танке, заставила журналистов внимательно взглянуться в лицо генерала, но они не обнаружили ничего кроме сходства Макашова с Гитлером. "Нынешнее поколение,— передавал в те дни из Москвы корреспондент радио "Свобода" Дмитрий Волчек,— поставленное перед выбором между казармой и бардаком, безоговорочно выбирает бардак"...

12 июня Ельцин уверенно побеждает в первом же туре выборов и становится первым в истории Президентом России.

В тот же день проводились выборы мэров Москвы и Ленинграда. К руководству столицами пришли соратники Ельцина: Гавриил Попов и Анатолий Собчак. КПСС потерпела новое сокрушительное поражение, но не сдаётся. На экранах телевизоров возникает искажённое ненавистью лицо ленинградского обкомовского идеолога Белова. Куря сигарету за сигаретой, срывающимся от злости голосом он предупреждает, что любая попытка протянуть руку к партийной собственности приведет к гражданской войне. Они еще уверены, что кто-то пойдет воевать за то, чтобы они спокойно продолжали пьянствовать за глухими заборами своих особняков...

"Свободные выборы победили социалистический выбор!"— ликует демократическая пресса и совершенно напрасно. Ничего не изменилось.

13 июня газеты публикуют заключение Прокуратуры СССР по поводу кровавых январских событий в Вильнюсе. Генеральный прокурор СССР Трубин, подводя итог событиям 13 января, приходит к тому же выводу к которому его высокое правоохранительное учреждение приходило и ранее, разбирая обстоятельства трагедии в Новочеркасске в июне 1962 и бойни в Тбилиси в апреле 1989 года. Прокуратура считает, что "применение оружия против неселения в Вильнюсе оправдано". Виноваты сами погибшие. Сами пострадавшие. Не надо было бунтовать, сопротивляться, толкать друг друга под танки...

14 июня на трибуну Верховного Совета СССР прорывается Элла Памфилова — секретарь Комиссии Верховного Совета по вопросам привилегий и льгот. "Мы не

первый раз рассматриваем недостатки и злоупотребления в Министерстве обороны,— заявляет она.— Первое слушание было посвящено дачам и заповедникам этого ведомства. Наша комиссия приняла постановление о нарушениях, допущенных Министерством обороны в их использовании, а Министерство финансов провело ревизию, которая подтвердила наши выводы. На последних слушаниях о злоупотреблениях транспортной авиацией фигурируют в основном уже знакомые нам по "дачным делам" имена маршалов и генералов. Это те же люди, что раскупали по дешевке мебель с освобождаемых дач. Барство пышно расцвело среди генералитета. Оно и подрывает армию изнутри".

Сидящие в зале многочисленные маршалы и генералы гневно сверкают глазами, возмущенно переговариваясь. Последнее время их просто травят. Почему все комиссии прорываются именно к их дачам?! Почему телевидение еще не показало ни одного сюжета, а Комиссия по привилегиям даже не заикалась о партийных дачах — гораздо более шикарных и дорогих? Почему Павлов, на которого они возлагали столько надежд, натравливает на них ревизоров из своей бывшей вотчины — Министерства финансов. Им невдомек, что родная партия, отведя армии роль сторожевого пса, дрессирует их по методике, разработанной для сторожевых собак.

На ноги вскакивают представители группы "Союз" с воплями: "Не трогайте армию!", "Не будоражьте народ!", "Прекратите очернительство!"...

Под шумок начавшегося скандала на трибуну поднимается премьер-министр Павлов. Спокойно и ненавязчиво он просит у Верховного Совета дополнительных полномочий и законодательный прав. Его дружно поддерживают Лукьянов и выпестованная им группа "Союз".

Проснувшиеся депутаты недоумевают: зачем премьеру полномочия, которые уже имеет Президент? "Для введения чрезвычайных мер в промышленности",— докладывает Павлов. Мало кто возражает, но многие не понимают — почему это должен делать Павлов, а не Горбачев?

Анатолий Лукьянов прекращает полемику и объявляет, что в понедельник, 17 июня, будет проведено закрытое заседание в Верховном Совете. Перед депутатами выступят Язов, Крючков и Пуго с докладами "О положении в стране"..

15 июня в продажу поступает отдельный оттиск статьи маршала Сергея Ахромеева "Быть или не быть Советскому Союзу", ранее опубликованный газетой "Советская Россия" — рупором национал-большевизма. (В ходе предвыборной кампании "Советская Россия", ничего не говоря о программе Ельцина, требовала от будущего Президента России отчета: почему у его жены такое странное отчество — "Иосифовна").

Маршал Ахромеев, в прошлом начальник Генерального штаба, один из тех, кто подбил больного и впавшего в детство Брежнева на афганскую авантюру, уверяя, что она не продлится более двух недель, ныне занимает пост военного советника президента Горбачева. Отмечая в своей статье, что мы жили и живем при самом прогрессивном строе и в самой справедливой политической системе, маршал уверяет, что все стоящие перед страной проблемы могли быть успешно преодолены, если бы не злокозненное вмешательство и подрывная работа империалистов, антикоммунистов, сепаратистов, националистов, продажных демократов... Сейчас они сосредоточили огонь против последней опоры государственности и социализма — армии. Добейся они успеха — и государство развалится, страна окажется в империалистической кабале, народ в капиталистическом рабстве.

Маршал, по его словам обнаружил заговор, источающий смертельную угрозу Отечеству и, со свойственной ему солдатской прямоотой, называет злейших врагов государства по именам: Ельцин, Попов, Собчак, Афанасьев. Сферы деятельности врагов четко разделены. Ельцин сеет хаос в стране. Попов расчленяет Советский Союз. Собчак громит КПСС. В заключение Ахромеев, с той же прямоотой, призывает: защитить армию от нападков и очернительства, бюджетных сокращений, разрушительной конверсии, легкомысленных договоров о выводе войск с зарубежных плацдармов, потери классовых ориентиров в определении стратегического противника. И, наконец, открытым текстом звучит уже не призыв, а почти приказ: опираясь на армию и другие здоровые силы общества, восстановить в стране старый порядок. Президент Горбачев никак не прокомментировал слова своего ближайшего советника, которого он совсем недавно делегировал в США как человека, имеющего полномочия говорить от имени Президента.

17 июня на трибуне Верховного Совета перед притихшими депутатами появляется сам Крючков. Идет за-

крытое заседание. Голос шефа КГБ звучит зловещеспокойно: "ЦРУ США разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентов влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза... Одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи..."

В зале гробовая тишина. Крючков открывает глаза на страшные вещи. Раньше за кадровую политику в стране отвечала КПСС — и все было в порядке. А сейчас, оказывается, — ЦРУ (не считаясь с затратами!), и огромная созидательная работа нашего народа, шедшего под предводительством партии от успеха к успеху, пошла насмарку. Куда же смотрит президент? "Мы пишем обо всем в наших документах президенту", — подчеркивает Крючков, пожимая плечами и давая понять, что тот палец о палец не ударяет. "Полвека назад, — трагическим голосом продолжает Крючков, — началась война против Советского Союза — самая тяжелая война в истории наших народов. Вы, наверное, сейчас читаете в газетах о том, как разведчики информировали наше руководство о том, что делает противник, какая идет подготовка и что нашей стране грозит война. Как вы знаете, тогда к этому не прислушались. Очень боюсь, что пройдет какое-то время и историки будут копать в сообщениях не только Комитета госбезопасности, но и других наших ведомств и будут поражаться тому, что мы многим вещам, очень серьезным, не придавали должного значения... Скажу больше — есть прямые данные о разработке планов умиротворения и даже оккупации Советского Союза..."

Притихшие парламентарии слушают шефа КГБ с разными чувствами. Многие еще помнят, как совсем недавно "всеведающий и всевидящий" Крючков "разоблачил" западных хлеботорговцев, уже много лет в счет кредитов кормящих Советский Союз. По уверению шефа

КГБ, "они" продают нам за золото зараженное, отравленное зерно. Разразился скандал, от Советской стороны требовали подтвердить или опровергнуть обвинение. В ответ Советский Союз хранил суровое молчание. Мы бедные, но гордые...

Выступившие следом за Крючковым маршал Язов и министр Пуго подчеркивали правильность выводов Крюčkова, предрекали национальную катастрофу и призывали к чрезвычайным мерам, проводя аналогии с беспечностью общества накануне 22 июня 1941 года. Становилось ясно, что конец партийного всевластия оказался для них даже страшнее кровавой грозы Великой Отечественной. То очевидное обстоятельство, что их система давно обанкротилась, обрекла великий народ на унижение и нищету, их нисколько не волновало. Все беды от саботажников и ЦРУ, а также от порочной политики Президента.

Речь Крюčkова считалась секретной, но КГБ сам же организовал "утечку" информации, передав кассету с речью своего шефа сначала своему прямому агенту Невзорову, а затем и редакторам некоторых финансируемых их ведомством газет вроде "Пульса Тушино", "Народного слова" и "Русского Клича". Неизвестно, какую цель ставил Крючков, организовывая "утечку" своей секретной речи, но политические обозреватели как в СССР, так и за границей увидели в ней прежде всего попытку компрометации курса Горбачева, что было весьма странно, если учесть, что и Крючков, и Язов, и Пуго были членами президентского совета безопасности.

Главный редактор еженедельника "Новое Время" Александр Пумпянский в статье "Все ЦУ дает ЦРУ" высказал свое мнение весьма резко и открыто. "Глава такого сугубо государственного ведомства, как КГБ,— подчеркивал Пумпянский,— не может бросать тень на главу государства... Во всем мире достоинства секретных служб лежат совсем в иной области. Там ценится умение добывать информацию и держать язык за зубами. И, конечно, абсолютная лояльность. Госбезопасность — дело не политическое и не идеологическое, а профессиональное. Еще в 60-е, 70-е годы мы слышали об анализах и прогнозах ЦРУ. Тогда КГБ помогал разоблачать злобные выдумки классового врага о якобы наступающем на нас кризисе. Сейчас, когда кризис превзошел все худшие предсказания, выяснилось, что виновато именно ЦРУ. Вот что происходит, когда в

профессиональном деле занимаются идеологизированием. Нарушив законы собственной службы и бросив вызов президенту, В.А.Крючков не оставил выбора. Теперь он должен подать в отставку. Либо президент должен его уволить..."

Но не происходит ни того, ни другого. Президент молчит, вообще никак не реагируя на "бунт" трех ведущих министров. Напротив, в газете "Правда" в защиту Крюčkова выступает ближайший помощник Горбачева по партии Олег Шенин — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК по идеологии. Статья члена Политбюро называется "Мнение по поводу" и содержит грубый окрик в адрес зарвавшегося еженедельника. "Главный редактор еженедельника,— раздраженно отмечает секретарь ЦК,— по-видимому решил, что Президент страны М.С.Горбачев не сможет без его помощи определить, кто из членов Совета Безопасности СССР и в какой степени соответствует занимаемой ими должности, о чем и поведал в достаточно бестактной форме союзной и мировой общественности". Напротив, считает вельможа со Старой площади, — речь Крюčkова была мудрой, взвешенной и совершенно не оскорбительной по отношению к президенту. И вообще, советует Шенин, не лезьте не в свое дело...

Президент молчит, но введенный Крючковым новый термин "агент влияния" неожиданно берется прокомментировать полковник Алкснис.

Агент-provokator с удовольствием разъясняет, что если кто-то — "агент влияния", это не значит, что человек является агентом ЦРУ, шпионом, который под одеялом ночью фотографирует секретные документы. Нет, агент влияния — это просто человек, с которым налаживаются добрососедские отношения, и ему советуется, рекомендуется — не за деньги, конечно, — поступать тем или иным образом". Знал ли "всезнающий" Алкснис, имеющий, по его собственным словам, доступ к секретной информации, что компьютеры КГБ уже ведут распечатку сотен тысяч "агентов влияния" на бланках "Депортация", "Интернирование", "Профилактика" и даже "Нейтрализация", что это может означать все — вплоть до ликвидации?

А Горбачев молчит. На экранах телевизоров вместо него все чаще мелькает пьяная физиономия вице-президента Янаева. Горбачев явно сторонится своего вульгарного, вечно в подпитии, комсомольца-вице-президента.

Они никогда не появляются вместе, даже когда этого требует протокол. Не так давно Янаев, принимая делегацию бастующих шахтеров, видимо, по-пьянке, но с комсомольской искренностью воскликнул: "Ребята, если я не решу ваших проблем до 25 мая, назовите меня козлом!" И, естественно, ничего не решил. В шахтерских городах и поселках выходят газеты и листовки с огромными заголовками "Янаев — КОЗЕЛ!". Рабочий класс уже давно перестал уважать свой "боевой авангард".

Шахтерские забастовки грозят парализовать весь энергетический комплекс страны. На грани остановки металлургические заводы и транспорт. Но Янаев, преисполненный государственной мудрости, заявляет корреспондентам: "Если они (шахтеры) считают меня козлом, то я с ними вообще больше разговаривать не буду!" Он продолжает принимать какие-то делегации, вручать какие-то награды, улыбаться послам из стран третьего мира..

21 июня Горбачев неожиданно появляется на сессии Верховного Совета СССР. Впервые с момента пребывания на посту президента он гневно обрушивается на депутатскую группу "Союз", обвиняя ее в попытках "дестабилизации" как всего общества, так и сотрудничества республик и президента. Он с гневом и яростной жестикуляцией называет фамилии Алксниса, Петрушко и Блохина. Он высмеивает поползновения Павлова на дополнительные полномочия. Премьер сидит, как побитый щенок. На осторожные вопросы о том, что думает президент о недавней речи трех его ведущих министров на закрытом заседании Верховного Совета, Горбачев отвечает: "Мы побеседовали с товарищами. Все в порядке.. и с Павловым у нас никаких разногласий нет". Все понимают — впереди Лондон, встреча с европейской семеркой — президент снова перешел на крутое маневрирование. Западная пресса отмечает, однако, что рассказы "вооруженных" министров о заговоре ЦРУ и угрозе нападения звучат все напористее и чаще..

Тревогу заглушает торжественное вступление Ельцина в должность президента России. Его приветствует народ и благословляет патриарх. Давно уже разочарованный, запутанный Горбачевым народ ждет от Ельцина быстрых и решительных действий. Остановив шахтерские забастовки и договорившись с Горбачевым о новой форме союзного договора по схеме "9 + 1", он объявляет свой Указ о департизации

Все партийные структуры ждали этого указа, но его объявление вызвало шок в КПСС, которая солидно, как и в старые времена, готовилась к пленуму своего ЦК, убеждая себя в том, что она — правящая партия, рассуждая о том, как править и куда, а тут оказалось, что с ней просто управились указом. Управились грубо и похозяйски — без обсуждения в Верховном Совете, без изнуряющих голосований, без аппаратных утрясок и согласований, не оставляя никаких иллюзий, кто действительно правит.

В принципе, указ Ельцина не содержал в себе ничего страшного для КПСС. Он не касался ни ее структур, ни ее собственности, а лишь запрещал — только на территории РСФСР — иметь парторганизации в системе промышленных предприятий, государственных организаций и вооруженных силах. Но у КПСС аж дух захватило от обиды и возмущения. Посыпались ссылки на статьи Конституции, апелляции к международным пактам о правах человека, обращение в Комитет конституционного надзора. "Удар по миллионам коммунистов, которые не мыслят себя вне трудовых коллективов!" — истерично вопила партийная пресса, сознательно передергивая факты, тогда как на самом деле это был удар по параллельной государственной структуре. Удар по неконституционной структуре, подмявшей законную власть и явочным порядком захватившей право управлять и решать.

Огромным мешком мокрого песка висела КПСС на парализованной стране, не давая ни шелохнуться, ни вздохнуть. И уступать не собиралась, грозно намекая, что собирается отстаивать свои права и свое имущество танками. Имущество партии: дворцы и небоскребы обкомов, горкомов и райкомов по всей стране, типографии, санатории и больницы, специальные обкомовские цеха на мясокомбинатах, кондитерских фабриках и хлебозаводах. Обкомовская колбаса, обкомовские конфеты, обкомовское молоко. Партия создала отделенный от страны материальный мир, этакое Зазеркалье внутри СССР, роскошный оазис посреди нищеты, где иначе едят и пьют, иначе летают и ездят, иначе отдыхают и лечатся, иначе умирают и иначе сходят в могилу. Можно было еще выбить себе визу куда-нибудь в Париж, но в это Зазеркалье — никогда. Оно охраняется тщательнее государственных границ и никто, кроме избранных, не имеет туда доступа.

Однако все это — лишь небольшая часть принадлежащего партии. Главная же собственность партии — все, что есть в нашей стране, вся промышленность, весь транспорт, все колхозы и совхозы, все учреждения культуры — практически все, что есть на одной шестой планеты, включая, естественно, и население. Именно в ЦК КПСС, а не где-нибудь, утверждались все главные руководители, не только партийные, но и хозяйственные, и даже выборные советские. Над каждым министром дамочным мечом висел соответствующий заводчиком из ЦК. Его имени не знал никто в стране, но его власть была безгранична. Огромные суммы перечислялись, переводились, тратились с таинственной ссылкой: "По указанию директивных органов". Директивные органы — одна из подпольных кличек КПСС. И теперь это все отдать вот так — по Указу какого-то там Президента?! Извините.

Никто всерьез не собирается выполнять приказ Ельцина, понимая, что выполнение будет началом конца. Партия апеллирует к своей последней надежде — к своему генсеку.

Но тот собирается в Лондон на встречу с семеркой. Ему не до партийных интриг. Впрочем, на спешно собравшемся пленуме, Горбачев выражает готовность сложить с себя должность генсека, "если товарищи так настаивают". "Товарищей" охватывает паника. Президент соглашается и улетает в Лондон.

Давно уже Президент чувствует себя на западе гораздо спокойнее, чем дома. Сколотилась уже своя компания: президент Буш, Джон Мэйджер, Миттеран, канцлер Коль. Все уже давно на "ты". "Как твои дела, Майк?" Сочувствующие взгляды, сердечные улыбки, крепкие рукопожатия. Но денег не дают. Под обещания — больше ни цента. Под конкретные программы дадим. Но конкретных программ нет. "Я не понимаю, Майк, — спрашивает президент США, — почему ты так цепляешься за устаревшие структуры? Они же прогнили насквозь. Дунь — и они рассыпятся". Последние аналитические выводы ЦРУ объемно показали ситуацию в СССР, и Буш внимательно их прочел перед отлетом в Лондон. Горбачев бледнеет, красное родимое пятно на его лбу становится ярким, как пятно крови. За его спиной стоит начальник его личной охраны генерал КГБ Медведев, его личные переводчики — офицеры КГБ. Он нигде не может позво-

лить себе ни одного лишнего слова. "Дунуть некому", — улыбается он в ответ, хотя ему совсем не до смеха.

Впервые за шесть лет Горбачев возвращается в СССР с пустыми руками. И товарищи из Политбюро могут правильно поставить вопрос, что кредит доверия к нему исчерпан. Буш пытается подбодрить его. На конец июля назначен визит американского президента в Москву для подписания договора о сокращении стратегических вооружений. "Все будет О'Кей. Только не прячьте ракеты за Урал, как вы уже это сделали с танками"...

В здании ЦК КПСС идет совещание. Присутствуют члены Политбюро товарищи Шенин и Дзасохов и; конечно, Крючков. На этот раз один. Крючков уже знает результаты переговоров Горбачева с семеркой. Впрочем, эти результаты можно было предвидеть заранее. Но была некоторая надежда на личное обаяние президента — генсека. С сообщением выступает шеф КГБ. Положение критическое. Есть информация, что Горбачев дал обязательства Западу покончить с КПСС и социализмом в нашей стране. Пока он экспериментирует руками Ельцина, но вскоре подключится и сам. Он предал партию. Необходимы решительные меры.

Горбачев должен быть устранен от руководства страной, передав, как и положено по конституции, президентскую власть Янаеву. Конечно, Янаев не годится даже для простого представительства. Это понятно. Но он объявит о введении в стране чрезвычайного положения и, сославшись на недостаток опыта или на здоровье попросит об отставке, и опять же — по конституции — передаст президентскую власть Анатолию Лукьянову. Члены Политбюро согласно кивают. Именно так. На ближайшем пленуме Лукьянов будет выбран генсеком и, сохранив за собой должность председателя президиума Верховного Совета, вернет страну на проверенный путь, существовавший до 1988 года.

Олег Шенин напоминает, что нужно покончить вообще с институтом президентства, как с чуждыми нашему обществу. Товарищ Дзасохов напоминает, что на первом этапе необходимо действовать строго в конституционных рамках. Собрать Верховный Совет. Никаких сбоев не предвидится — Анатолий Иванович не зря трудился все это годы.

Что делать с Ельциным? Крючков склонен его арестовать еще до начала активных действий и пристре-

лить при попытке к бегству, объяснив затем его кончину какой-нибудь болезнью, тем более, что у него их полно. Члены Политбюро категорически против. Ни в коем случае! Из первого списка в 176 человек, подлежащих ликвидации, в первые дни не трогать никого. Не забывают, что нам придется дальше жить в мировом сообществе. И кредиты получать тоже. Ельцину будет оказано недоверие на российском съезде, где преобладают наши товарищи, а разные там мэрии и префектуры — можно просто запретить. А убирать их всех потом — быстро, но без шума: болезни, самоубийства и все такое прочее.

Хорошо. А что делать с Горбачевым? Как заставить его передать власть добровольно? Тут в принципе, поясняет Крючков, проблемы вряд ли возникнут. В начале августа Горбачев собирается в отпуск на свою дачу в Форосе. Место легко блокируется. В охране мои люди. Предполагается, что его удастся убедить объявить чрезвычайное положение в стране даже от своего имени, благо он набрал себе достаточно полномочий. Затем он заболит, ну, а дальше видно будет. Рейтинг у него сейчас в стране нулевой, плакать никто не будет.

Крючков имел время изучить Горбачева и знает, как легко убедить президента в самой нелепой информации, если она проходит по каналам его ведомства. 28 марта, когда коммунисты лелеяли надежду согнать "законным" путем Ельцина с поста председателя Верховного Совета РСФСР, Крючков, убеждая Горбачева дать разрешение на ввод войск в столицу, сообщил президенту страшную информацию: демократы запаслись канатами с абордажными крючьями, чтобы штурмовать Кремль. Вид тысяч людей, взбирающихся по канатам на кремлевскую стену, ужаснул Горбачева и он дал просимое разрешение..

Больше проблем вызывал народ, которого по устоявшейся партийной фразеологии называли "населением". Анализ стекающей со всей страны информации, обработанный по всем правилам современной науки, показывал, что народ, то есть население доведено продуманными и эффективно проведенными мероприятиями до такого уровня нищеты и бедствия, что одним инстинктом выживания обрадуется любым переменам, откуда бы они не исходили. Немедленно надо будет объявить о повышении зарплат и понижении цен (особенно водку). Товарищ Стародубцев — председатель созданного месяц назад Крестьянского Союза СССР,

состоящего из секретарей сельских райкомов и работающего под строгим теневым надзором знаменитого Егора Лигачева, получит указание наконец открыть ломящиеся от продовольствия склады и слегка подкормить изголодавшееся население.

Товарищ Стародубцев — колхозный "бунтарь" 70-х годов, неожиданно показал себя решительным и инициативным товарищем, которому можно оказать достаточно большое (не любое, конечно) доверие. Все эти годы шли бесконечные разговоры о формах собственности на землю, сопровождаемые воплями демократов о полной несостоятельности изжившей себя рабовладельческой колхозной системы. Был проведен даже закон о земле и с опасной быстротой, разрушая колхозную систему, стали плодиться разные арендаторы и фермеры. Глядя на этих новых "кулаков", и другие сельские жители начали копить деньги, мечтая в будущем работать на земле самостоятельно и свободно. Повышение закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и подскочившие рыночные цены позволили вчерашним рабам увериться в том, что их мечты не так уж беспочвенны. Вот тут-то товарищ Стародубцев и совершил свой подвиг, восхитивший всех на Старой площади.

Дело в том, что в отличие от городского населения, сельские жители не хранили деньги в сберкассах, которых в сельских районах было мало, да и добираться до них было мытарно, а то и просто невозможно. Стародубцев и подал Павлову идею замены крупных денежных купюр новыми, обрушив страшный новый удар на робко поднимавшее голову после десятилетий геноцида русское крестьянство. Кампания по раскулачиванию прошла быстро и эффективно, а главное — почти совершенно незамеченной для страны, поскольку у крестьян не было другого рупора, кроме самого товарища Стародубцева и стоящего за его спиной Егора Лигачева.

Доказав, что с ним можно работать, Стародубцев должен был держать под контролем колхозно-совхозную систему и быстро ликвидировать разные арендные и фермерские глупости. Конечно, необходимо было предусмотреть, что какая-то часть антисоциальных и уголовных элементов (только в одной Москве, по докладу Пуго, более 200 тысяч лиц категории БОМЖ и 3) попытается организовать в какой-то форме протеста. Вероятнее всего, в виде стихийных демонстраций и митингов, которые быстро смогут перерасти в массовые

беспорядки. Чтобы этого не случилось, во все крупные города страны необходимо сразу же ввести войска с видимыми атрибутами силы: танками и БТРами. Это даст понять, что мы не шутим. В случае необходимости ввести в городах режим комендантского часа. Огонь по толпе открывать в случае крайней необходимости, помня однако знаменитые слова Микояна, сказанные им после расстрела рабочих в Новочеркасске: "Необходимо было произвести небольшое кровопускание, чтобы успокоить народ и избежать большой крови".

Насколько надежна армия? В ушах товарища Шенина еще звучит набатная медь военных оркестров. Несколько дней назад Шенин с Баклановым в сопровождении генералов Шляги, Овчинникова и Варенникова инспектировали Таманскую и Кантемировскую дивизии, а также подчиненную Крючкову знаменитую дивизию им.Дзержинского, переросшую по своему численному составу и насыщенности техникой общевойсковую армию. От КГБ присутствовали: первый заместитель Крюčkова генерал Шебаршин и начальник управления особых отделов КГБ генерал Каземир.

По случаю пятидесятилетия я начала Великой Отечественной войны в частях проводились бесконечные парады и смотры. Части проходили церемониальным маршем перед трибуной с генералами и партийными вождями, послушно кричали "Ура". Генерал-полковник Овчинников неожиданно прокричал в микрофон: "Да здравствует наша родная коммунистическая партия — организатор и вдохновитель всех наших побед!" В ответ последовало громкое "Ура!" Оркестр, игравший марши, грянул гимн Советского Союза: "Партия Ленина — сила народная — нас к торжеству коммунизма ведет". Генералы и полковники еще не забыли и старые слова гимна: "Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил!" Веяли красные флаги, гремела медь оркестров, заглушая салют. Громкое "Ура" служило гарантией выполнимости задуманного. Вид у солдат и офицеров был бодрый, в глазах восторг и никаких сомнений.

Позднее Шенин и Бакланов разговаривали в Министерстве Обороны с руководителями вооруженных сил страны. Присутствовали: сам маршал Язов, начальник генерального штаба генерал армии Моисеев, главком Сухопутных войск генерал армии Варенников, начальник оперативного управления Генштаба генерал-пол-

ковник Денисов, начальник Главного штаба Войск ПВО страны генерал-полковник авиации Мальцев и бывший командующий воздушно-десантными войсками, ныне заместитель министра обороны по экстремальным ситуациям генерал-полковник Ачалов. Хотели пригласить и начальника ГРУ генерала Владлена Михайлова, но КГБ был категорически против.

В КГБ и ГРУ давно уже культивировалась, мастерски подогреваемая десятилетиями (из страха перед возможным объединением двух могущественных контор) взаимонеприязнь, переросшая в ненависть. Крючков не без оснований опасался, что Михайлов сорвет все дело, только чтобы напакостить КГБ.

Генералы молча слушали Шенина и Бакланов. Это были не партаппаратчики в военных мундирах, а боевые генералы. Большинство из них мальчишками, со школьной скамьи, были брошены в огонь второй мировой войны. Учеба в училищах и в академиях, долгий путь по крутым служебным лестницам, возрастающая ответственность не давали им не только возможности, но и времени усомниться в том, что им с детства вдалбливали в голову политруки, замполиты, особисты и партийные секретари. Привыкшие к суровой дисциплине, поклонники совершенно необходимого в армии строго порядка, они меньше всех понимали происходящее в стране. Для них давно срослись понятия "партия" и "государство", которому они присягали и которое клялись защищать. Они свято верили в миф о капиталистическом окружении, об американских поджигателях войны, стремящихся уничтожить страну, которую им доверили защищать. Недавние поездки самого Язова, Моисеева и Ахромеева в Соединенные Штаты и Европу только убедили военных в собственной правоте: Америка и НАТО вооружены до зубов. Молниеносный разгром огромной армии Хуссейна встревожил их не на шутку.

А что же творится в стране? Варшавский пакт прекратил свое существование, но НАТО существует. Гордость армии — Западная группа войск, дислоцированная на территории Германии, фактически разгромлена и разложена. Южная группа, грозно нависавшая над правым флангом НАТО, уже выведена в Союз. Ее негде размещать. Летчики-перехватчики — высочайшие профессионалы своего дела — живут с семьями в бараках, неотопливаемых и грязных. Их детям негде учиться, женам — работать. Остальных разместили где попало: в

палатках и землянках. В национальных республиках солдат открыто называют оккупантами. Задергали и их самих назойливыми проверками дач, автомашин и садовых участков. Маршал Соколов купил старый холодильник не по той цене — вся пресса подняла вой, какбудто тот сдал противнику целую армию. После стольких лет мытарства по частям и гарнизонам неужели они не заслужили право на дачу или свое охотничье хозяйство. Никто не может измерить тяжесть их ответственности, бессонные ночи и бесконечные рабочие дни. Никто не имеет права попрекать их возможностью поохотиться или поудить рыбу в тишине и покое. Что у них было в жизни: служба, спорт, охота и рыбалка. Все. И было, и осталось. Они согласны с Шениным и Баклановым. Консервативные, как и все пожилые военные, они согласны: страна гибнет и их долг страну спасти. Сделать ее такой, какой она была до Афганистана: могучей и уважаемой миром атомной сверхдержавой, руководимой коммунистической партией страны. И судить именно их строго нельзя...

Гораздо больше тревог вызывала возможная реакция мира. Товарищ Дзасохов пояснил, что реакция, конечно, будет неоднозначной, но все постепенно наладится. Примером может служить Китай. Когда танки в Пекине утопили в крови студенческие демонстрации, а затем начались массовые аресты и расстрелы активистов демократического движения, Запад сначала поднял крик ("А разве мы с вами, товарищи, позволим вмешиваться в свои внутренние дела?"), затем успокоился, а отношения США с КНР, в принципе, никак не изменились. Помните, как гениально сказал Ильич: "За деньги они продадут нам даже веревку, на которой мы их же и повесим".

В конце совещания встал вопрос о публикации какого-либо заявления, обращенного к здоровым, патристическим силам общества. Крючков сомневался в целесообразности этого. Настанет час — тогда и опубликуем. Однако товарищи Шенин и Дзасохов, поддержанные генералами из ГлавПУРа, не согласились с мнением товарища Крючкова, еще раз продемонстрировав наличие демократического централизма в партии. Обращение нужно. Здоровые силы обществ должны быть предупреждены. Крючков согласился, но предупредил, что никто от его ведомства обращение подписывать не

будет. Не будет — и не надо — подпишет кто-нибудь от Пуго ..

Генерал Шляга немедленно соединился по телефону с главным редактором совместно финансируемой армией и КГБ газеты "День" Прохановым, который еще во время афганской войны получил кличку "Соловей генштаба", и приказал составить "Слово к народу". Писать сам Проханов не умел и позвонил своему другу Бондареву, достаточно владеющему пером для выполнения поставленной задачи. Но работа не клеилась. Тогда к ней привлекли Распутина — талантливого писателя, непонятно как попавшего в эту компанию графоманов и проходимцев...

23 июля "Слово к народу" появилось в "Советской России", "Московской правде" и в гидасповской "Ленинградской правде". На следующий день "Слово" перепечатали региональные партийные и военные газеты, а также финансируемые ими газеты "патриотов" "Слово" подписали двенадцать человек. Никого не удивили подписи Проханова, Бондарева и Распутина. Удивляло скорее то, что из их группы примерно в 50 человек подписалось всего трое. Где Василий Белов? Где Станислав Куняев? Видимо, за них подписались Клыков и Володин. Стояла подпись и известной певицы Зыкиной. Что случилось в рядах патриотов, которые, обычно труся и страхуя друг друга, подписывают свои истерические письма количеством не менее пятидесяти чело век? Почему они испугались на этот раз?

Наибольшее удивление вызвало то, что под "Словом" к народу стояли подписи заместителя министра обороны, главкома сухопутных войск генерала армии Варенникова, заместителя министра внутренних дел неудавшегося рыжковского вице-президента генерал-полковника Громова, ближайшего сотрудника Бакланова по ВПК Тизякова (которого, кстати, почти никто не знал), председателя Крестьянского союза Стародубцева и члена Политбюро РКП Зюганова.

"Слово к народу" по содержанию было прямым призывом к свержению законно избранной демократической власти в России. По форме — это было нечто эпическое, метко названное журналистами "большеви́стско-аппаратным плачем". "Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники! — взывало "Слово" — Случилось огромное небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое гибнут, ломаются погружаются во

тьму и небытие". (Термин "небывалое горе" последний раз употреблялся газетами, когда умер Андропов. Даже Чернобыльская катастрофа не возродила этот термин, скромно называясь "аварией". Что же случилось сейчас? Догадаться было нетрудно — указ Ельцина о департизации и предстоящее подписание нового союзного договора, ликвидирующего гигантские бюрократические структуры центральной власти.)

"Братья, — взывает "Слово", — поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырех углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Власть в России попала в руки "лукавых и волеречивых властителей", "умных и хитрых отступников", "жадных и богатых стяжателей", "губителей и захватчиков", "фарисеев", "безответственных политиканов", "безнравственных лукавцев", "губителей Родины", "алчущих нуворишей"."

Армия и народ призывались подняться на борьбу с захватчиками, используя все средства вплоть до топора. Русь призывалась к топору! И хотя практически никакого общественного резонанса "Слово" не вызвало — народ уже не реагировал на партийные плачи — сам факт, что под прямым призывом к мятежу стояли подписи заместителей министров обороны и внутренних дел и члена Политбюро компартии, не остался незамеченным. Все ждали реакции Президента, но тот не проронил ни слова.

В конце июля в Москву с официальным визитом прибыл президент США Джордж Буш. Он провел с Горбачевым очередные переговоры по сокращению стратегических вооружений. На совместной прессконференции Буш заметил, что его очень беспокоят акты насилия в Прибалтике и он надеется на мудрость президента Горбачева и на его умение находить компромиссы. Горбачев заверил гостя, что полностью контролирует обстановку и работает в нужном направлении.

Через несколько часов после прессконференции, 31 июля, весь мир облетела страшная новость: на одном из литовских таможенных пунктов вблизи белорусской границы расстреляны в упор из автоматов семь сотрудников таможни и полицейских. Их разоружили, поставили на колени и убили выстрелами в голову. Добивали ножами. Убийцы скрылись. Потрясенный Буш, скомкав свой визит, улетел домой, сказав на прощание: "Так кто же, черт возьми, правит в этой стране?" Горбачев заве-

рил, что лично возьмет следствие под контроль, но на следующий день уехал в отпуск на свою дачу в Форосе.

4 августа вступил в силу Указ Ельцина о департизации, который никто не собирался выполнять. За нарушение Указа полагался штраф. В райкомах посмеивались: "Заплатим, если надо. Даже больше заплатим".

Верховные советы разъехались на каникулы. Вслед за Горбачевым уехал в отпуск министр иностранных дел Бессмертных. Вместе со своей молодой женой и восьмимесячным сыном глава дипломатической службы решил отдохнуть в белорусских лесах у озера Нарочь. ЦК КПСС исключил из партии бывшего члена политбюро и советника президента Александра Яковлева, а член Политбюро товарищ Дзасохов "пребывал" в Донецке, ожидая сигнала к выступлению. Заместитель генерального секретаря ЦК КПСС (заместитель Горбачева по партии) товарищ Ивашко, благодаря болтливости своих подчиненных и шестому чувству старого аппаратчика, понял, что творится что-то неладное и лег в больницу, оставив за себя товарища Шенина.

Выгнанный с поста первого секретаря ЦК РКП Иван Полозков осваивался на посту замминистра сельского хозяйства, а его преемник Валентин Купцов уже успел продемонстрировать свои бойцовские качества Крючкову: коммунисты России насмерть заблокировали избрание нового председателя Верховного совета РСФСР Руслан Хасбулатов их не устраивал в связи "с нерусским происхождением", а своего кандидата Бабурина провести не удавалось. Купцов демонстрировал Крючкову возможность "законного" устранения Ельцина. Разгоралась война в Закавказье. Следствие по убийству литовских таможенников, как и ожидалось, моментально зашло в тупик, как и во всех предыдущих случаях. Президент США Буш отдыхал в своей резиденции в штате Мэн.

Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов изучал новый союзный договор, находя его "недоработанным". Он ждал своего часа. Сорок лет Горбачев считал его своим другом, таща за собой по смертельно опасным горным тропам высшей партийной иерархии. Он был обязан президенту всем: и членством в Политбюро, и должностью председателя. И сорок лет он завидовал "ставропольскому выскочке", считая себя умнее и талантливее очень провинциального Президента. Крючков знал это и не ошибся. Лукьянов должен был повернуть страну на обратный курс, став одновременно

генсеком и председателем президиума ВС, каковыми были Брежнев, Андропов и Черненко. Он должен был вернуть всю полноту власти КПСС и КГБ, загнав народ обратно в стойло, а недовольных — по лагерям и психушкам. Такова была незатейливая идеология заговора, главным идеологом которого был даже не столько сам Лукьянов, сколько сама умирающая система. Это была утопия, но никто из них не понимал этого, как не понимает умирающий значения своих предсмертных конвульсий...

В огромное здание на Лубянке стекается информация со всей страны. В Москве сосредотачиваются боевики, вооруженные автоматами и даже ракетами "Стингер". По каким-то, известным только ему каналам, Израиль высылает в СССР огромное количество автоматов "Узи", производство которых в самом Израиле подскочило в пять раз. В Нагорном Карабахе с армянской стороны начали действовать английские бронемашины "Салладин". Афганские партизаны переправляют в СССР часть своих огромных арсеналов, включая тяжелые пулеметы и ракеты. Недавняя бомбежка афганскими самолетами советской территории — совсем не трагическая ошибка, как пытается всех уверить Наджибулла. В мусульманских республиках резко увеличилась активность духовенства, призывающего правоверных сплотиться под зеленым знаменем пророка. Мечети набиты коммунистами, поющими хором, что нет Бога кроме Аллаха... На полях страны гибнет урожай. Никто не работает и не желает заставлять работать. Сорван призыв в армию. Вспыхивают странные пожары на боевых кораблях. Сгорел дотла ракетный крейсер "Севастополь", с трудом удалось погасить пожар на авианосце "Киев". Эсминец "Безбоязненный", идя с визитом дружбы в Антверпен, врезался в причал. Оказалось, что на вахте все пьяны, включая командира. Под шумок один из членов экипажа — секретчик — сбежал с корабля, прихватив всю имеющуюся на борту валюту...

Ельцин и Силаев прибыли в Алма-Ату. Просочилась информация, что туда съедутся все президенты республик, кроме Горбачева, и будут подписывать какой-то свой "договор" вообще без какой-либо власти центра.

На прямой вопрос журналистов министр иностранных дел России Козырев, улыбнувшись, ответил: "Можете считать, что здесь очень шумно, и я не слышу, о чем вы спрашиваете".

На грани забастовки "Аэрофлот" и железнодорожники, угроза транспортного паралича. Грозят забастовкой металлургические заводы, снова детонируют угольные шахты...

Обо всем этом Крючков постоянно докладывает президенту в Форос. "Что вы предлагаете?" — неизменно спрашивает президент. "В стране необходимо ввести чрезвычайное положение", — неизменно отвечает шеф КГБ. Президент, в принципе, не возражает. Он вернется из отпуска и можно будет поставить вопрос на Верховном Совете. Но зачем вводить по всей стране? Можно ограничиться рядом районов и некоторыми отраслями промышленности. Крючков начинает выходить из себя. Президент либо не понимает обстановки, либо делает вид, что не понимает. Разве речь идет о промышленности? Необходимо вернуть полную власть партии, вернуть шестую статью конституции, отменить закон о печати. Хорошо, разберемся, добродушно отвечает президент всякий раз и вешает трубку.

Через несколько часов Крючков снова вызывает Форос. Обкомы и горкомы бездействуют. 18 миллионов коммунистов ждут каких-то указаний, но ЦК не может принять решений без своего Генерального секретаря. Безобразии, соглашается президент, товарищи просто самоустранились от политической жизни. Это, знаете ли, чревато. От народа отрываться нельзя. Это еще Ильич предупреждал. Где Ивашко? В больнице? Нашел время.

Президент обещает, вернувшись из отпуска, радикально изменить настроения в партии. Возьмите, например, Купцова. Какой энергичный товарищ. Стоило только сменить Полозкова — и видите! Прав был Ильич: главное — подбор кадров. Вы не согласны? В голосе президента сквозит раздражение. Товарищ Крючков, если у вас по Садовому кольцу бродят боевики с американскими ракетами, то зачем вам чрезвычайное положение? Вы председатель Комитета Государственной Безопасности. Вот и действуйте. Свяжитесь с Пуго, посоветуйтесь с военными. У вас достаточно власти и так. Если же вы не можете даже установить, по каким каналам Израиль засылает к нам оружие, то ведь можно поставить вопрос о вашем соответствии? Обеспечьте порядок в столице. Это ваша обязанность. Свяжитесь с Шениным и Дзасоховым. Дзасохова нет в Москве? А где он? В Донецке? Зачем он туда поехал? Не знаете? Как это вы не знаете, зачем член Политбюро выехал из Москвы?

Это, знаете ли... Указ Ельцина о департизации взбудоражил всю страну? Да, да. Мы говорили с Борисом Николаевичем. Конечно, указ недостаточно продуман. Ну, вы же знаете Ельцина. Он всегда с плеча рубит, а потом уже думает. Что? Отменить указ? Как же я могу отменить указ? Я могу поправить, посоветовать, поставить вопрос на съезде. Да, ничего, все образуется. Подпишем новый союзный договор...

У президента легкий приступ радикулита. Он просит Крючкова не беспокоить его по мелочам. Он работает над большой статьей о будущем Советского Союза и должен сосредоточиться. Вернется из отпуска и во всем разберется.

Крючков вешает трубку. Его заместители Грушко и Шебаршин скорбно покачивают головами. И это Горбачев? Тот самый молодой первый секретарь Ставропольского крайкома, которого им представлял сам Андропов, рекомендуя будущего президента в Политбюро, как совершенно надежного и своего человека. Он, что, — действительно возомнил себя Президентом? У многих уже готово сорваться с языка страшное слово: "Предатель!" Но старые чекисты знают цену словам и молчат, сжав зубы. За них говорит Нина Андреева, спешно собравшая съезд основанной ею партии большевиков-ленинцев.

Скромная преподавательница химии одного из ленинградских ВУЗов, известная ранее только склоками и анонимками, не выходящими за пределы института, Нина Андреева с начала перестройки получила почти всемирную известность своей статьей, опубликованной, конечно, "Советской Россией", с громким заголовком "Не могу поступиться принципами". Анализ статьи мгновенно показал, что Андреева — запрограммированная кукла, через которую, как через громкоговоритель, вещают пока желающие остаться анонимными мощные силы партийного и чекистского аппаратов. Любые робкие шаги Горбачева по пути демократизации страны вызывали буйную "пролетарскую ярость" Андреевой и предводимых ею большевиков-ленинцев. "Самый яростный оппонент Горбачева" — констатировала западная пресса. После указа Ельцина о департизации Андреева собрала чрезвычайный съезд своей партии в Минске — заповеднике марксизма, как его стали называть, поскольку Москва и Ленинград (уже почти переименованный в Петербург) запретили съезд на своей территории. Игнорируя все

законы о защите чести и достоинства президента, Нина Андреева в истерике ревела в микрофон: "Горбачев сорвал с себя маску. Это классовый враг! Это предатель! Это агент ЦРУ!"

Президент всесоюзной телекомпании Кравченко, уверявший, что он личный друг президента, а первая программа ЦТ — это президентский канал, с удовольствием транслировал речь Нины Андреевой на всю страну через программу "Время". Плюрализм мнений...

Оставшийся за генсека КПСС Шенин уже не тратил времени на разговоры со своим генсеком в Форосе. На все вопросы Горбачев отвечал трафаретно: осенью соберем съезд и обсудим. Получая информацию от Крючкова и имея собственную, Олег Шенин понимал, что КПСС загнана в угол. Все предыдущие попытки "выхода из окопов" кончались поражениями и сдачей новых позиций. Сейчас, при действующем законе о департизации, КПСС боялась проронить слово, понимая, что уже любое слово может ее окончательно погубить. Надеясь еще на КГБ и армию, Шенин не разделял оптимизма Лукьянова, что все пройдет гладко, как в 1964 и 1982 годах. Кроме того, его совсем не радовала перспектива иметь упрямого, капризного и амбициозного Лукьянова генсеком партии. А то, что тот пишет стихи (и даже публикует их под псевдонимом Осенев), даже пугало: Сталин, Мао и Андропов тоже баловались стихами. Поэтому Шенин дал команду в обкомы уничтожить наиболее секретные документы.

В течение уже нескольких месяцев шла гигантская работа по приватизации партийной собственности. Маскировались с помощью Павлова партийные счета, валюта переводилась на личные вклады в зарубежные банки. Между Европой и Москвой сновали "золотые" курьеры, как в последние дни Третьего Рейха. Все было настолько сложно и запутанно, что сам Шенин и его коллеги по Политбюро перестали уже четко соображать, что и куда удалось распахать. На это существовал Управляющий делами ЦК КПСС Николай Кручина — все знающий и все фиксирующий, помнящий наизусть номера и шифры счетов даже в банках Кейптауна...

На душе у Крючкова было беспокойно. Казалось, все было организовано и пора начинать. Но оставались вопросы, вызывающие беспокойство. Во-первых, Горбачев перед отлетом в Форос о чем-то в течение двух часов беседовал с Ельциным, прогуливаясь с ним по парку

в Ново-Огарево. Разговор пытались прослушать, но аппаратура оказалась "забитой" какой-то штукой, находящейся то ли у Ельцина, то ли у Президента. Было известно, что американцы передали охране Ельцина, насчитывавшей 300 человек, какие-то новые средства защиты информации. Часть аппаратуры удалось перехватить, но специалисты еще в ней не разобрались.

Во-вторых, появилась информация от руководителя аппарата президента — Болдина — что у Горбачева есть какие-то средства связи, не контролируемые КГБ. Сведения пришли из аппарата президента, руководитель которого Болдин, подчиненный Крючкова, проделал очень большую работу, специально отбирая информацию для президента и дозируя ее по прямым указаниям с Лубянки.

Выводит из себя и поведение Янаева. Несмотря на приказ, с Горбачевым он связи не держит — не любит с ним разговаривать. Ждет, когда тот позвонит сам, а тот не звонит — Горбачеву тоже не о чем разговаривать с Янаевым. В субботу, 17 августа, вице-президент просто пропал. К телефонам везде подходили помощники, уверяя, что им ничего неизвестно. Пришлось искать как следует. Нашли на одной закрытой точке ЦК ВЛКСМ, где вице-президент плескался в бассейне с какими-то голыми девками и был, по обыкновению, пьян. На вопрос о здоровье стереотипно ответил: "Жена не обижается" и, подмигнув девкам, пьяно засмеялся.

Увезли на Лубянку, девок забрали. Проверили девки оказались случайными — подарок благодарных московских фарцовщиков, которых Янаев опекал еще в годы бурной комсомольской молодости. Девок допросили. Оказывается, Янаев хвастался, что скоро будет президентом. Удручало то, что девок, как выяснилось, было четыре, а взяли троих. Одна тихо исчезла. Может быть, случайность, но приходилось считаться, что за Янаевым следит и чья-то другая служба. Но кто? ГРУ или ЦРУ? Или Ельцин успел создать что-то свое? Доложили Крючкову. Тот только вздохнул, но Янаеву не сказал ничего, кроме главной новости: "Завтра начинаем". У Янаева задрожали руки. Попросил стакан коньяка. Выпил, клящая зубами о стекло. Сделали укол, чтобы поспал..

Утром 18 августа вице-президент Янаев позвонил в Форос. Поинтересовался у Горбачева, когда тот собирается вернуться в Москву. Президент ответил не сразу, подумал и сказал, что вернется во второй половине дня

19 августа, то есть завтра, и приказал Янаеву оповестить через Павлова кабинет. Кроме того, заметил президент, он не может дозвониться до Болдина. Необходимо его разыскать, чтобы связался с республиками и вызвал в Москву их президентов или председателей верховных советов для подписания Союзного договора.

Янаев звонил из Кремля, где в этот момент шло бурное совещание. За огромным столом сидели, стояли, нервно ходили высшие должностные лица огромного государства: вице-президент Янаев, председатель КГБ Крючков министр обороны маршал Советского Союза Язов, его заместитель генерал армии Варенников, заместители Крюčkова генерал-полковники Грушко и Шебаршин, министр внутренних дел генерал-полковник Пуго, премьер-министр и глава кабинета Павлов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС по идеологии Шенин, руководитель аппарата президента Болдин, начальники управления охраны КГБ (бывшего 9-го управления) генерал-лейтенант Плеханов и его заместитель Генералов. Неизвестно, председательствовал ли по привычке Лукьянов на этом совещании, но сидел он во главе стола рядом с Крючковым. Не было министра иностранных дел, отдыхавшего в Белоруссии, но за ним уже послали самолет. Обсуждался старый российский вопрос: "Что делать?"

Мнения разделились. Многие считали, что лучше попытаться действовать через самого Горбачева. Пусть объявит о введении в стране чрезвычайного положения и о создании Государственного Комитета по Чрезвычайному положению. Обсуждали, кого включить в новый комитет персонально: Янаева, Язова, Пуго, Крюčkова, Павлова, Бессмертных, конечно, Лукьянова и Шенина. "С ума сошли,— грубо отреагировал Лукьянов.— Я же председатель Верховного Совета. Мне же придется утверждать и ваш комитет и режим чрезвычайного положения". Вспомнили о генеральном прокуроре Трубине, который находился на Кубе. Решили не включать, но информировать через первого заместителя Васильева. Шенин тоже взял отвод, заметив, что партии не следует прямо участвовать в этом деле и вообще, по возможности, в заявлениях и постановлениях избегать упоминаний о КПСС и коммунизме.

В этот момент на совещании появился еще один член Политбюро ЦК КПСС Бакланов. Он не только согласился быть вписанным, но и попросил вписать и

своего вписать и своего заместителя Тизякова — председателя созданной в июне 1990 года Ассоциации директоров предприятий, устроившей позднее громкий скандал Горбачеву. По аналогии вспомнили Стародубцева, который куда-то исчез. Вписали его заочно.

В спешке составлялись тексты "Обращения к народу" и "Постановления ГКЧП". Еще было не совсем ясно, на каком основании президент передает власть Янаеву, Шенин исправлял и редактировал тексты, пуская их по кругу. Лукьянов делал замечания, по которым спорили, но, в конце концов, принимали.

Язова вызвали к телефону. На проводе был начальник генерального штаба генерал армии Моисеев. Из Крыма докладывали генерал-полковник авиации Мальцев и генерал-полковник Денисов. Взлетная полоса, с которой мог бы взлететь самолет президента, блокирована тягачами. Севастопольский полк КГБ поднят по тревоге и оцепляет район президентской дачи. Морские части пограничных войск КГБ направляют в район дачи четыре дополнительных сторожевика. Генерал Мальцев просил Моисеева быстрее "решить вопрос", пока информация не просочилась.

После возвращения Язова стали думать, кого послать в Форос. Решили на удивление быстро. Полетят Болдин, Шенин, Бакланов и главком сухопутных войск Варенников. Последний напросился сам, уже, видимо, видя себя министром обороны. С ними полетели Плеханов и Генералов со своими людьми. Генерал Плеханов отвечал за охрану всех государственных и партийных деятелей, а также за охрану объектов государственной важности. Без него всю делегацию могли просто не пропустить на дачу Горбачева, а Плеханов имел право ходить куда угодно и с кем угодно. Начальник личной охраны президента подчинялся непосредственно ему...

После отъезда делегации, направленной к президенту, оставшиеся в Кремле продолжали обсуждать тактику действий. Быстрый ввод войск в крупные города. Мобилизация коммунистов и возвращение к власти партийных структур. Наведение порядка на предприятиях. Мобилизация народа на общественные работы и уборку урожая. Возвращение республикам старых названий. Восстановление Союза Социалистических Республик. Приостановка, а затем и отмена закона о печати. Закрытие ряда газет. Полное взятие под контроль радио и телевидения. Восстановление через Верховный Совет

шестой статьи конституции. Прекращение заигрывания с Западом, восстановление утраченных позиций в Восточной Европе.

В этот момент пришло сообщение, что в Москву из Казахстана прилетел Ельцин вместе со всей своей командой и последовал в Архангельское, где находилась его резиденция. Начался спор, а не арестовать ли всю эту банду прямо сегодня ночью. Там, кстати, и Собчак — новоиспеченный мэр Ленинграда. Крючков был склонен поступить именно так, но Шенин и Лукьянов с сомнением покачивали головами. Нет, нет, нет. Это никогда не поздно сделать, но начинать с этого не следует...

Язов сидел размякший и какой-то добродушный, совсем не напоминая ни маршала Жукова, оказавшегося примерно в такой же ситуации в 1954 году, ни тем более Пиночета...

На своей даче в Форосе президент Горбачев работал в кабинете на втором этаже. С ним находился его ближайший помощник Черняев. Из окон кабинета открывался вид на искрящуюся под солнцем рябь Черного моря. Черняев обратил внимание, что вместо одного сторожевика пограничной охраны стоит уже шесть — целая эскадра. Он не решился отвлекать внимание Горбачева подобными мелочами. Анализируя возможности выхода страны из кризиса, Горбачев гипотетически описывал ситуацию, способную привести к военному перевороту, и ее последствия.

Отпуск с президентом проводили: его жена, раздражавшая всю страну Раиса Максимовна, дочь Ирина, зять Андрей и внучка Настя. В отдельном домике жила охрана под командованием неотлучного Медведева, личный враг президента Игорь Борисов, повар и водители. В соседнем санатории жили: советник президента Шахназаров, стенографистка Ланина и несколько референтов. Президент приказал подготовить на завтра свой самолет. Его отпуск завершался и он предполагал вернуться в Москву.

Около половины шестого вечера в кабинете раздался звонок телефона внутренней связи. Докладывал заместитель Медведева полковник Голенцов. Из Москвы приехала группа товарищей и просит их принять. Президент удивился: он никого не вызывал. Кто такие? Голенцов назвал: Шенин, Бакланов, Болдин и Варенников. Горбачев и Черняев переглянулись. Что же могло случиться, чтобы так бесцеремонно, нарушая строгую этику

общения с главой государства, на Форос прибыла такая странная компания? Президент схватил трубку телефона прямой связи с Москвой. Телефон не работал. Напрасно Горбачев поднимал трубки многочисленных аппаратов прямой и экстренной правительственной связи. Вся связь была отключена. Сопровождаемый Черняевым, он вышел из кабинета, но прибывшая из Москвы делегация уже поднималась по лестнице. Ни Голенцов, ни выскокивший к воротам Медведев не могли не пропустить на территорию дачи своего начальника Плеханова.

Увидев Плеханова и Генералова, Горбачев побледнел.

— В чем дело, Олег Семенович?— встревоженно спросил он Шенина.— Что случилось?

— Случилось, Михаил Сергеевич, случилось,— нервно ответил главный идеолог ЦК КПСС.— Пройдемте в кабинет.

Шипя и разбрасывая искры, загорелся бикфордов шнур, подсоединенный не знающими обстановки авантюристами к такому детонатору, которому вскоре суждено будет взорвать тысячелетнюю империю...

Разговор в кабинете Президента получился нервный. Начал Шенин. Обстановка критическая. Надо спасти страну и партию, а для этого немедленно объявить чрезвычайное положение. Немедленно. Горбачев взглянул на Бакланова. Тот кивнул головой: другого выхода нет.

— Если Верховный Совет...— начал было Горбачев, но Болдин — руководитель его собственного аппарата перебил Президента:

— Ждать созыва Верховного Совета уже нет времени. Москва набита вооруженными боевиками. Готовится захват власти. Надо действовать незамедлительно.

Шенин поддержал сообщника:

— Верховный Совет дал все необходимые полномочия Горбачеву, чтобы тот мог сам ввести в стране режим чрезвычайного положения. Вот текст — его надо только подписать.

Президент пробежал текст глазами.

— Нет,— сказал он. — Я этого не сделаю.

— Вы — президент, вы — генеральный секретарь партии,— жестко произнес Бакланов,— и вы должны спасти страну на краю гибели.

— Поймите,— ответил Горбачев.— Так делать нельзя. Вы все погубите.

— Что погубим?— зло спросил Шенин.— И так уже все погублено. И если еще что-то можно спасти, то только с помощью мер, которые мы предлагаем.

— Как хотите,— твердо ответил Горбачев.— Но я этого делать не буду.

— Тогда уходи в отставку!— неожиданно заревел генерал Варенников.— Погубил страну и еще сидит здесь, поучает!

Главком сухопутных сил громко, по-солдатски, выругался матом.

Президента взорвало.

— Вы мудаки!— по-русски заявил он присутствующим.— И я с вами больше говорить не намерен. Завтра я вернусь в Москву и поставлю вопрос о...

— Никуда ты не вернешься!— продолжал орать Варенников.— Или ты сейчас уйдешь в отставку или...

— Успокойтесь, генерал,— раздраженно сказал Бакланов и обратился к Горбачеву: — Михаил Сергеевич, вы должны передать полномочия вице-президенту и подписать заявление об отставке.

— Это кто же решил?— поинтересовался Горбачев, стараясь выглядеть спокойным.

Никто не ответил, не желая брать ответственности. Все отчаянно трусили.

— Где Лукьянов? Где Крючков? Где Язов?— быстро стал задавать вопросы Горбачев, надеясь перехватить инициативу — Почему прилетели сюда вы, а не они?

— Вы подпишете Указ?— вместо ответа спросил Бакланов.

— Что с ним разговаривать!— снова заорал Варенников.— Только время теряем. Пусть сидит здесь, если такой трус...

— Товарищ Варенников,— псморщился Шенин,— подождите. Дайте поговорить спокойно...

— Вы авантюристы,— повысил голос президент,— если вы решили погубить себя, то и х.. с вами — это ваше дело. Но вы погубите страну и много людей. Все надо было делать на съезде...

Нет, он не слышит, что ему говорят.

— Так вы подпишете Указ?— снова спросил Бакланов

— Если вы не согласны с моим мнением,— продолжал президент,— то должны были потребовать срочного созыва съезда и...

— Он над вами издевается,— вставил слово Болдин, хорошо знавший привычки своего шефа.— Он вас сейчас заговорит так, что вы забудете, ради чего приехали.

— Так подпишешь ты приказ или нет?— снова рыкнул генеральским басом Варенников.— Или подписывай, или пиши заявление об отставке!

— Нет, как хотите, но я вам ничего не подпишу,— твердо сказал Горбачев и добавил,— у вас есть Янаев — к нему и приставайте!

— Значит вы передаете свои полномочия Янаеву? — поинтересовался Бакланов.— Тогда подтвердите это письменно.

— Все,— отрезал Горбачев,— я с вами больше разговаривать не намерен. Соедините меня по конференц-связи с Лукьяновым, Язовым и Крючковым.

Президент встал. Встали и все прибывшие, направляясь к выходу с красными от злости и возбуждения лицами. Президент выходил за ними, но путь ему преградил генерал Плеханов:

— Посидите пока здесь.

Люди Плеханова собрали все средства президентской связи и погрузили их в машину. Туда же посадили и начальника охраны Медведева. Плеханов с завидной непринужденностью подошел к полковнику КГБ Быстрову, у которого находился кодовый чемодан Президента, и, жестом предложив полковнику сесть в машину, взял чемодан из его рук.

Этот чемодан или, как его называют на американский манер, "КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА", содержал специальную аппаратуру для активации и постановки на боевой взвод ядерного оружия и программу шифрованных команд в ракетные части стратегического назначения, включая и подводные лодки. Сигнал, передаваемый этой аппаратурой, означал войну, а будучи перехваченным противником, немедленно подставлял страну под ответный или упреждающий удар. После начала работы "КЕЙСА" время до атомной катастрофы начинало измеряться минутами. Где бы не находился глава государства Горбачев, "КЕЙС" постоянно находился при нем. На всей территории СССР не было более важного и тщательнее охраняемого объекта. Полковник Быстров по уставу должен был умереть, но не передавать "КЕЙС" в чужие руки. Но порядки в бывшем 9-ом управлении КГБ были таковы, что генерал Плеханов отобрал у своего подчи-

ненного "КЕЙС", как будто в этом чемодане лежали термос с чаем и бутерброды. (Такие же "КЕЙСЫ" имелись у министра обороны маршала Язова и начальника генерального штаба генерала армии Моисеева. Их чемоданы охраняли полковники из ГРУ.)

После отъезда незваных гостей помощник Горбачева Черняев и полковник Голенцов, подойдя к воротам дачи, обнаружили там караул из незнакомых офицеров, получивших приказ никого с территории дачи не выпускать. Плеханов перед отъездом предупредил Голенцова, что район дачи оцеплен спецназом КГБ из Севастополя. Внутренние телефоны дачи также оказались отключенными. Но на даче оставался полковник Голенцов и 32 офицера охраны, вооруженные автоматами и пистолетами.

Личный врач президента в домике обслуживающего персонала имел беседу с заместителем Плеханова — Генераловым, который убеждал Борисова составить медицинское заключение, свидетельствующее о недееспособности Горбачева.

— Посильнее составьте, — советовал генерал, — Горбачев, видимо, скоро будет арестован. Медицинская справка ему пригодится...

Врач отказался, но в свою очередь спросил Генералова, что ему делать, если кому-нибудь из оставшихся на даче понадобятся лекарства, которых нет в наличии. Может ли он съездить в Севастополь или хотя бы до ближайшего телефона, чтобы их заказать.

— Нет, — твердо ответил Генералов. — Отсюда никто не выйдет!

По дороге на аэродром Плеханов передал "КЕЙС" именно Генералову, а тот — одному из своих подчиненных, даже не сообщив, что это за чемодан. Чемодан был слишком тяжелым, чтобы доставлять удовольствие, и офицер, зайдя в самолет, сунул его в отсек между туалетом и салонами.

Между тем в Москве события развивались своим чередом. В Кремле продолжалось совещание. Генеральный штаб передал оперативным дежурным в округа короткий сигнал, предупреждавший, что в ближайшие несколько часов возможно повышение степени готовности вооруженных сил. В принципе, в этом сигнале не было ничего особенного, если бы не договор с американцами, предусматривавший информирование друг друга о подобных мероприятиях.

Сигнал был перехвачен разведкой США, о чем было немедленно доложено президенту. Президент Буш играл в гольф на лужайке своего дома в штате Мэн. Выслушав сообщение, что русские повышают готовность вооруженных сил, президент отреагировал вяло. "О'Кей, — сказал он, — держите меня в курсе, но ничего не предпринимайте"

Возвращающиеся с дач москвичи были удивлены невиданно большим количеством патрулей ГАИ на дорогах, ведущих к столице. Вопреки обычной практике гаишники были вооружены автоматами. Буквально на каждом километре машины останавливались и осматривались. На удивленные вопросы следовал стереотипный ответ: "Разыскиваем машины в угоне"...

Около 10 часов вечера в Кремль вернулись посланные на горбачевскую дачу в Форос.

— Он отказался с нами разговаривать, — доложил Шенин.

— Вот как? — удивился Крючков. — А с кем он будет разговаривать?

— С Вами, Язовым и Лукьяновым, — сообщил член Политбюро ЦК.

Крючков поинтересовался — привезли ли они какие-нибудь документы, подписанные президентом? Нет, не привезли. Кто-то высказал мнение: не слетать ли к Горбачеву тем составом, о котором шла речь. Слетаем, согласился Крючков, но позднее. Сейчас уже поздно.

Опять встал вопрос, что делать? Умный Лукьянов придумал замечательно: пока объявить Горбачева больным. Это даст возможность для маневрирования в любую сторону.

— Даже в Кремлевскую стену, — сострил злой Варенников.

Никто не смеялся: все хорошо знали правила подобных игр. Плеханов отвел своего шефа в сторону и доложил ему об обстановке в Форосе. Крючков слушал и кивал головой. За делами и волнениями Плеханов как-то забыл о "КЕЙСЕ" президента, а Крючков не вспомнил. Зато вспомнили, что в Москве остался пресс-атташе Горбачева Игнатенко и не плохо было бы установить за ним наблюдение..

Около полуночи доставили Бессмертных, вынутого прямо из леса, где министр иностранных дел собирал чернику.

Своей быстрой карьерой Бессмертных был во многом обязан Крючкову. Впрочем, весь МИД был отчасти филиалом КГБ, отчасти — ГРУ Бессмертных был из крючковского филиала. Осмотрев встревоженным взглядом присутствующих Бессмертных спросил, что случилось. Серьезно заболел Горбачев, сказали ему. Где он? На даче в Форосе. Инсульт или инфаркт — точно неизвестно. Медицинское заключение будет позднее — тогда узнаем точно. Туда уже летали Бакланов и Шенин. Раиса Максимовна в полуобморочном состоянии. Даже Володе Медведеву стало плохо — пришлось привезти его в Москву.

Крючков отвел Бессмертных в другую комнату и сообщил о планах введения в стране чрезвычайного положения. Он показал министру список комитета, где уже стояла его фамилия и попросил расписаться. У Бессмертных потемнело в глазах.

— Это необходимо — пояснил Крючков — Известные силы ждут только известия о болезни или смерти Горбачева, чтобы насильственным путем захватить власть.

Бессмертных стал просить вычеркнуть его фамилию. Ему нужно руководить дипломатической службой, а не заседать в комитетах. Крючков пристально на него посмотрел, подумал и вычеркнул.

Бессмертных поехал к себе в Министерство. Еще по дороге почувствовал себя плохо. В кабинете лег на жесткий кожаный диван, стоявший там еще со времен Громыко. Начались печеночные колики. Приехал врач из лечебно-оздоровительного объединения при кабинете министров СССР. Сделал укол, предложил госпитализировать. От госпитализации Бессмертных отказался, но попросил больничный.

Бикфордов шнур продолжал гореть, приближая огонь к мощному детонатору.

Около часа ночи уехали Лукьянов и Язов. Затем — Шенин, Бакланов и Павлов. Янаев и Крючков остались в Кремле. Самонадеянные, привыкшие к безграничной власти, деградировавшие до полного ничтожества, они не подозревали, что взрывчатка, которой они хотели взорвать страну, подложена под них самих. Их время давно ушло, но они не понимали этого. Они не понимали и того, что более молодые и энергичные общественные силы страны могут оказаться и умнее и хитрее их, что они, желая поймать своих противников врасплох, сами

идут в подготовленных для них капкан. Они не понимали, что их мотивы и реакции понятны и легко прогнозируемы, как реакция пса, которому наступают на хвост, чтобы получить повод его пристрелить. Отрезанные дубовыми стенами своих кабинетов от жизни и истинной информации, не зная ни фактического соотношения сил в стране, ни настроений народа, не зная даже толком собственных сил, они были обречены...

Ровно в час ночи заработали телетайпы ЦК КПСС, КГБ и Министерства обороны.

"Совершенно секретно. Копий не снимать. N 36/3. 19 августа 1991 года. Всем секретарям республиканских ЦК, первым секретарям областных и краевых комитетов КПСС. В связи с введением в стране чрезвычайного положения и образованием Государственного Комитета по Чрезвычайному положению (ГКЧП) важнейшей задачей партийных комитетов всех уровней является обеспечение содействия претворению в жизнь решений ГКЧП, созданию на местах комиссий по чрезвычайному положению, срыву митингов и демонстраций, направленных против мероприятий ГКЧП, разъяснению трудящимся необходимости принятых мер и мобилизации их на созидательный труд. Всем коммунистам выявлять и передавать в руки правоохранительных органов лиц, зарекомендовавших себя антисоциалистической и деструктивной деятельностью, а также оказывать содействие органам МВД, КГБ и Прокуратуры СССР по розыску антисоциальных и уголовных элементов. Организовать для этой цели рабочие дружины. Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС О.С.Шенин. Секретариат ЦК КПСС".

"Секретно. Генеральный Штаб Вооруженных Сил СССР Шифротелеграмма N 8825. Заместителям министра обороны СССР (всем); Главнокомандующим войсками направлений и Дальнего Востока (всем); Командующему Воздушнодесантными войсками; Командующим группами войск, войсками округов и флотов (всем); Начальникам Главных и Центральных управлений Министерства обороны СССР.

В связи с обострившейся внутривнутриполитической обстановкой в стране ПРИКАЗЫВАЮ:

Объединения, соединения, части и учреждения всех видов Вооруженных сил СССР на территории СССР привести в повышенную боевую готовность. Руководящий состав округов, флотов, армий, флотилий, корпусов,

эскадр, соединений и учреждений из отпусков отозвать. Постоянно отслеживать обстановку в районах ответственности и принимать безотлагательные меры по наведению должного порядка. Организовать взаимодействие со здоровыми силами местных органов власти, с органами КГБ СССР и МВД СССР. О всех случаях изменения общественного порядка и противоправных действий немедленно докладывать по командной линии штабов и линии оперативных дежурных.

В городах МОСКВА и ЛЕНИНГРАД комендантами гарнизонов назначить командующих войсками военных округов, в остальных гарнизонах — начальников гарнизонов. Министр Обороны СССР маршал Советского Союза Д.ЯЗОВ".

"Секретно. Снятие копий запрещается. Подлежит возврату в 4-й отдел 1-го Управления ГШ ВС. Исходящая шифротелеграмма N 8826. Заместителям Министра обороны СССР; Главнокомандующим Войсками направлений и Дальнего Востока, Командующим войсками военных округов, флотами; Командующему ВДВ. В целях консолидации всех здоровых сил общества по сохранению Союза Министр Обороны СССР ПРИКАЗАЛ:

Резко активизировать работу по разъяснению военнослужащим, служащим Советской Армии и местному населению истинных замыслов оппозиции, направленных на дезинформацию и раскол общества, дестабилизацию обстановки в стране, на компрометацию и развал армии.

Принять решительные меры по пресечению агитации среди военнослужащих, не допускать проникновения агитаторов и подстрекателей на территории воинских частей, учреждений и на корабли.

В целях перекрытия каналов поступления информации и агитации, направленных против мер, принимаемых ГКЧП, учесть и при необходимости взять под охрану все объекты технических средств передачи информации независимо от их ведомственной принадлежности (телевидение, радио, звуковещательные станции, средства связи МПС, гидрометеослужбы, диспетчерские пункты метрополитена, таксопарков и другие).

Максимально использовать все средства и методы работы по разъяснению правильности проводимых ГКЧП мер по стабилизации обстановки в стране, а также воспитания личного состава частей, подразделений и

учреждений в духе патриотизма и их ответственности за судьбу Советского Союза.

Постоянно поддерживать высокую степень готовности соединений, частей и подразделения к решению задач в условиях чрезвычайного положения и экстремальных ситуациях. № 312/27. Начальник Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР

Генерал армии М.Моисеев"

"Совершенно Секретно. Копий не снимать. Председателям республиканских комитетов государственной безопасности, Начальникам областных и краевых управлений КГБ, Начальникам УКГБ Москвы и Ленинграда...

В связи с введением в стране режима чрезвычайного положения вскрыть секретные пакеты с пометкой "ЧП" и, взаимодействуя с органами МВД СССР, партийными комитетами и здоровыми силами общества, принять меры по интернированию лиц, указанных в списках. Оперативно и четко реагировать на сигналы трудящихся по выявлению и изъятию лиц, замеченных в антисоциалистических настроениях, лиц, ранее отбывавших наказания по ст.70 и 190-прим. УК РСФСР или по соответствующим статьям союзных республик... Находиться в готовности к принятию аналогичных мер к лицам, списки которых будут направлены к вам по каналам телесвязи... Личный состав управления и служб до особого распоряжения перевести на круглосуточный режим работы... Объявить всему личному составу о повышении зарплаты в четыре раза... Крючков, Грушко".

В начале второго часа ночи президент Всесоюзной телерадиокомпании Леонид Кравченко был разбужен длинным и властным звонком в дверь. В подъезде дома всегда сидел дежурный милиционер и обычно о всех визитах предупреждал Кравченко по внутреннему телефону. Последнее время Кравченко подвергался яростной критике и даже угрозам за свою слишком "верноподданническую" политику на телевидении. В передвижениях по городу его даже сопровождала охрана, выделенная генералом Плехановым. Холодея от страха, Кравченко открыл дверь. Его срочно вызывали в Кремль. Машина у подъезда.

В Кремле Кравченко приняли Крючков и Янаев. Кравченко обратил внимание, что вице-президент сидит в дымчатых очках, а Крючков очень бледен. В двух словах ему объяснили обстановку. Президент тяжело заболел. Антигосударственные и антисоветские силы хотят

воспользоваться этим, чтобы свергнуть существующий строй. Поэтому в стране вводится режим чрезвычайного положения, главным образом, для спасения Союза. Вот пакет документов, которые Кравченко с шести утра должен объявить по всем каналам телевидения и радио. Все каналы перекрыть. Передавать только текст этих документов и классическую музыку, ожидая распоряжений. В студию ехать немедленно. По дороге один комплект документов просьба закинуть в ТАСС.

Крючков отдал приказ с шести часов утра начать глушение западных станций. Его начали отговаривать, убеждая, что сразу это делать нецелесообразно. Надо подождать реакции Запада и не бросать ему с первых же минут столь недвусмысленный вызов. Пока шла дискуссия на эту тему, выяснилось, что станции глушения, по крайней мере в Москве, выведены из строя, все оборудование разворовано. Это конечно, не беда — можно использовать армейские средства РПД...

На другом конце Земли президент США Буш, закончив свою традиционную прогулку верхом, принимал душ, когда его вызвали к телефону. Накинув халат, президент взял трубку и услышал голос генерала Пауэлла — председателя Объединенного Комитета Начальников Штабов Вооруженных сил США: "Похоже, что в России что-то происходит, сэр. Такое впечатление, что там заработали сразу все телетайпы закрытой связи и резко возрос уровень радиообмена. Может быть, ткнуть моих ребят в бок, чтобы они не так крепко спали?" Президент пообещал связаться с госсекретарем Бейкером, прояснить обстановку по дипломатическим каналам, а затем дать указания. Однако не сделал ни того, ни другого. Настоящие президенты всегда знают гораздо больше своих генералов...

В два часа ночи Кантемировская и Таманская дивизии были подняты по тревоге. В слепящем свете прожекторов и фар открывались тяжелые ворота ангаров и гаражей, ревели моторы танков и бронетранспортеров. Никто ничего не знал толком. Поступил приказ идти на Москву. Задача, не раз проработанная на штабных и командных учениях и достаточно часто выполняемая на практике в послевоенной истории прославленных дивизий. На этот раз неразбериха началась сразу. Грузить или нет боезапас. Поступил приказ — наоборот — выгрузить, если он есть. Выдавать ли боевые патроны к табельному оружию? Брать ли с собой части химзащиты

и санитарные подразделения? Выяснилось, что Генеральный штаб эти вопросы не проработал. Подразделениям в страшной спешке ставилась задача "по оседланию" московских улиц. Тверская. Что за Тверская? Бывшая ул. Горького. Калининский проспект, Арбат, Краснопресненский мост. Конечно, Кремль. Красная и Манежная площади. Что случилось? Слухи летели по ротам и батальонам: убит президент, в столице антисоветское восстание, сброшен американский десант. Тогда почему идем без боезапаса? Боезапас подвезут в Москву. Главное сейчас — взять под контроль Кремль и другие правительственные здания.

Штаб дивизии знал немногим больше. "Оседлать магистрали" и "противостоять действиям". Через 20 минут (вместо положенных восьми) танки и бронетранспортеры выехали на шоссе. Короткие команды, заглушенные грохотом двигателей, — и две гвардейские танковые дивизии устремились к Москве.

Сигнал боевой тревоги сорвал с коек солдат и офицеров Тульской воздушно-десантной дивизии. Огромные транспортные самолеты, прогревая моторы, раскрыли свои гигантские грузовые люки, поглощая поток людей в полном боевом снаряжении и технику. Приказ гласил: высадиться на подмосковном аэродроме Кубинка и ждать дальнейших приказаний. Генерал-майор Лебедь успокаивал офицеров своего штаба — обычные учения. Такое бывало уже не раз.

Рязанская дивизия ВДВ, Псковская дивизия ВДВ, Витебская дивизия ВДВ, подчиненная КГБ, ОМОНЫ, спецназы, боевые группы по борьбе с терроризмом, голубые, черные, краповые и зеленые береты разбежались на боевые посты, перекрывая, оседлывая, охватывая, блокируя, контролируя...

Начальники пограничных секторов и отрядов вскрывали секретные пакеты. В пограничных районах вводился особый режим, означающий закрытие границ. В пакетах оказались и списки лиц, подлежащих немедленному задержанию в силу особого статуса пограничных зон.

Пограничные зоны СССР по своей общей площади превышают территорию всей Европы. Для управления этой территорией при КГБ существовала почти миллионная армия пограничников, вымуштрованных столь же тщательно, как и их свирепые овчарки. Зазвенели теле-

фоны, заработала связь. Под лай овчарок заставы поднимались "в ружье!"...

Славший в своем служебном кабинете командующий войсками Московского Военного округа генерал-полковник Калинин был разбужен порученцем. Из КГБ прибыли бланки, он должен расписаться в получении. "Что за бланки?" — не сразу понял генерал-полковник. Одна пачка лежала уже на его столе. Калинин вскрыл ее и вынул лист бумаги:

"Распоряжение Коменданта г.Москвы об административном аресте

В соответствии со ст.9 Закона Союза Советских Социалистических Республик "О правовом режиме чрезвычайного положения" санкционируется административный арест гражданина _____ сроком на тридцать суток. Комендант г.Москвы генерал-полковник Н.Калинин 19 августа 1991 года."

Генерала удивило, что на бланках уже стоит его подпись и печать...

Начальник Управления КГБ по Москве и Московской области генерал Прилуков с радостью потирал руки. Все секретные пакеты были уже вскрыты, списки распечатаны, райотделы оповещены. Собрав своих заместителей и начальников отделов, Прилуков обратился к ним с краткой, но проникновенной речью. Перестройка, слава Богу, закончилась. Впрочем, пояснил он, перестройка закончилась еще в 1987 году, а затем началась махровая контрреволюция. Поздравив своих подчиненных с повышением окладов, генерал выразил надежду, что они будут действовать с той же решимостью и беспощадностью, что и в былые времена. Феликс Эдмундович с гордостью смотрел со стены на продолжателей его великого дела...

В Ленинграде первый секретарь обкома Борис Гидаспов уже несколько суток не покидал своего кабинета в штабе революции — Смольном, выполняя директивы Шенина по сортировке и уничтожению секретных документов. Около четырех часов ночи Гидаспову доложили расшифрованную телеграмму из ЦК КПСС. Гидаспов ждал этого часа давно, нагнетая обстановку в городе всеми средствами: через контролируемую им программу "600 секунд", через свой официоз "Ленинградскую правду", через финансируемую обкомом антисемитскую газету "Народное слово". Чтобы подготовить народ к этому светлому дню, он лично дал распоряжение

опубликовать "Слово к народу" в "Ленинградской правде" и приказал создать новую "Народную правду", поскольку газета "Народное слово", погрязшая в жидоборстве, уже не отвечала нуждам момента...

Вместе с циркулярными документами из Москвы прислали и список лиц, из которых необходимо сформировать в Ленинграде комиссию по чрезвычайному положению. Кроме самого себя и командующего округом, Гидаспов с удивлением увидел в списке фамилии вице-мэра города Щербакова и председателя Облсовета Ярова. Однако, вспомнив, что первый является до сих пор контр-адмиралом действительной службы, а второй до недавнего времени был членом бюро обкома, подавил в душе сомнения. (Списки в Москве составлялись в страшной спешке с включением туда, порой совершенно случайных сомнительных личностей, которых удавалось вспомнить по ходу дела.)

Вместе с директивой от Шенина пришла директива от ЦК РКП "всячески оказывать содействие всем мероприятиям ГКЧП". Однако у Купцова и Зюганова хватило ума или не хватило храбрости подписей своих под директивой не поставить. В конце документа стояло: Секретариат ЦК РКП.

Несколько минут Гидаспов обдумывал ситуацию. Мэр города Собчак в Москве. Контр-адмирал Щербаков — вице-мэр — отдыхает на юге. Это хорошо. Приказав своему идеологу Белову собрать на 11 утра бюро обкома, Гидаспов снял трубку и позвонил в штаб Ленинградского военного округа. Командующий округом генерал-полковник Самсонов был немногословен. Да, округ приведен в повышенную боевую готовность. Больше он пока ничего не знает. Связь работает. Он ждет приказов из Москвы. Секретарь обкома позвонил начальнику управления КГБ города генералу Куркову. Ему ответили, что генерала нет на месте — он дома. Гидаспов набрал домашний телефон. Молодой женский голос сообщил, что товарищ Курков на даче, откуда отправится прямо на службу.

Кипучая энергия Гидаспова не находила выхода. Он не понимал, почему в такую ночь — ночь великой реставрации — кого-то нет на месте, а кто-то так вяло реагирует. Неужели нельзя было все подготовить более организованно?

В Киеве первый секретарь ЦК Компартии Украины Гуренко также находился на своем боевом посту. Полу-

чив шифрограмму Шенина, Гуренко облегченно вздохнул. Последнее время все работники аппарата ЦК ходили встревоженные и нервные, как собаки перед землетрясением — чуяли беду, а откуда она придет, не знали.

Гуренко сразу стал звонить председателю верховного совета Украины Кравчуку. Тот спал, а дежурный референт отказался его будить. Авторитет ЦК уже слишком упал. Гуренко пытался объяснить ему ситуацию, но референт не понимал ничего. Кравчук любил поспать, и все его подчиненные знали это. Никто не умрет если подождет до утра.

Гуренко стал звонить командующему округом генерал-полковнику Чичеватову. Ответил какой-то полковник — заместитель оперативного дежурного. Оказалось, что командующий на рыбалке вместе со своим начальником штаба. Кто остался за него? Командующий воздушной армией генерал Морозов, но он на учениях, оперативная связь занята.

Генерал Чичеватов — преемник Громова — на рыбалке не был. Получив шифротелеграммы от Язова и Моисеева, он приказал ни с кем себя не соединять и, запершись в кабинете, обдумывал со своим начальником штаба ситуацию. Решили выполнить букву приказа и ввести в округе повышенную готовность. Пока не предпринимать ничего. На 8 утра командующий приказал собрать Военный совет...

В шесть часов утра по Московскому времени, как обычно, заработали радио и телестанции Советского Союза. Одновременно с этим, пугая спешащих на работу людей и создавая мертвые транспортные пробки, в Москву ворвались танки Таманской и Кантемировский дивизии. С миллионов телеэкранов, из динамиков приемников и трансляционных точек, из громкоговорителей на площадях и улицах гигантского города в непрерывной записи лился поток сообщений, обрушиваясь на людей как водопад.

"Обращение советского руководства.

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127, пункт 7 Конституции СССР полномочий Президента Союза СССР вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу, в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической,

межнациональной гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитета, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества, исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик, руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, заявляем:

1. В соответствии со статьей 127, пункта 3 Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР "О правовом режиме чрезвычайного положения", и идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечению законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок шесть месяцев с 4 часов по Московскому времени 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе:

БАКЛАНОВ, первый заместитель председателя Совета обороны СССР.

КРЮЧКОВ, председатель КГБ СССР.

ПАВЛОВ, премьер-министр СССР.

ПУГО, министр внутренних дел СССР.

СТАРОДУБЦЕВ, председатель крестьянского союза СССР.

ТИЗЯКОВ, президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР.

ЯЗОВ, министр обороны СССР.

ЯНАЕВ, исполняющий обязанности Президента СССР.

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории СССР.

Москва, 18 августа 1991 года".

Люди собирались толпами у громкоговорителей, у автомобильных приемников, возле случайных прохожих, имевших с собой транзисторы. Мимо потоком шли танки и БТРы. Стволы орудий и пулеметов грозно смотрели в окна домов. Покрытые камуфляжными пятнами боевые машины, черные шлемы танкистов, пятнистые масхалаты и комбинезоны, рев моторов, белые дымки выхлопов — все это каким-то страшным фантастическим образом выглядело на солнечных улицах города.

А громкоговорители продолжали надрываться:

"Обращение к советскому народу".

Все, читающие до этого "Слово к народу", уловили знакомые фразы:

"Соотечественники, граждане Советского Союза! В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся к вам. Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность. Начатая по инициативе Михаила Сергеевича Горбачева политика реформ... в силу ряда причин зашла в тупик... Власть на всех уровнях потеряла доверие населения... Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства, страна по-существу становится неуправляемой..."

Визг гусениц на поворотах, перепаханный асфальт, стоящие без движения трамваи, троллейбусы и автобусы. Танки быстро занимают указанные позиции. Также быстро и четко они действовали в 1968 в Праге и в 1989 в Кабуле. Теперь они оккупируют собственную столицу.

Толпы у громкоговорителей растут. Многие даже думать забыли о работе. Что с Горбачевым? Где Президент? Толпу пронизывает слух: убили. Кто-то уже слушал Би-Би-Си: нет не убили, умер сам от инфаркта. А что за ГКЧП? Многие не могут выговорить, плюются.

Помои продолжают литься грязным потоком в уши людей: "Постановление N 1 Государственного Комитета по Чрезвычайному положению в СССР..."

1. Всем органам власти и управления Союза ССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения в соответствии с... постановлениями ГКЧП. В случаях неспособности обеспечить выполнение этого режима полномочия соответствующих органов власти и управления приостанавливаются, а осуществление их функций возлагается на лиц, специально уполномоченных ГКЧП..."

Огромные толпы уже запрудили улицы. Люди лезут на танки, спрашивают солдат и офицеров, что случилось. Никто из них ничего не знает. Где Горбачев, что с ним? Никто ничего не знает. Приказано было войти в Москву и встать вот на этом месте, где стоим. Командиры танковых батальонов даже не знают, где их дивизионные штабы, которые заблудились где-то в лабиринте московских улиц. Связь в городе работает плохо. Зажатые бастионами домов танки чувствуют себя неудобно. Из любого окна в любой момент может вылететь бутылка с горючей смесью, а то и граната. Их предупреждали о боевиках с гранатометами и "Стингерами" и бросили в Москву без боезапаса.

Сквозь шум толпы и урчание работающих на холостом ходу танковых двигателей продолжает что-то капать и литься из громкоговорителей:

"...4. Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений... Проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается. В необходимых случаях вводить комендантский час, патрулирование территории, осуществлять досмотр, принимать меры по усилению пограничного и таможенного режимов... Решительно пресекать распространение подстрекательских слухов, действий, провоцирующих нарушение правопорядка, неповиновение должностным лицам, обеспечивающим соблюдение режима чрезвычайного положения..."

На заводах и в учреждениях закончилась ночная смена. Люди хлынули на улицы. Где президент? Убит, арестован, умер, убежал в Штаты, погиб при катастрофе?.. Появляются портреты Горбачева. Горбачев — разочаровавший всех, предмет насмешек и анекдотов, политик с нулевым рейтингом, которому давно уже никто не верил и не доверял, вдруг сплотил своим именем народ. "Горбачев! Горбачев!" — скандирует толпа в стихийном протесте против случившегося. Люди еще толком не поняли, что произошло, но мерзкое звучание фраз из репродукторов напомнило всем о временах, возвращения которых не желает никто. Горбачева убили за то, что он хотел уничтожить эту гнусную систему. Верните нам нашего президента!

"...8. Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП..."

В Архангельском — резиденции президента России — Борис Ельцин и группа его сотрудников слушали поток сообщений по радио. Среди них были и мэры Москвы и Ленинграда — Попов и Собчак. "Все ясно, — сказал Ельцин со своей странной улыбкой. — Началось..." Попытки связаться с Горбачевым ни к чему не привели. Линия правительственной связи не работала. Было решено пробиваться в здание правительства России на Краснопресненской набережной и действовать по обстановке. Охрана проверяла оружие. Она не собиралась сдавать своего президента, как сдали своего мордастые гебисты генерала Медведева. Около 8 часов утра машина Ельцина выехала в Москву. Впереди и сзади, включив сирены, неслись машины с охраной, откровенно выставив автоматы наружу. Лавируя между танками — на Москву лавиной продолжала двигаться бронетехника — кавалькада въехала в Москву и под вой сирен, мимо молчаливо стоящих танков и безразличных солдат, направилась к "Белому Дому" России, которому вскоре суждено будет стать одним из самых знаменитых зданий в мире.

В Ленинграде первый секретарь обкома Борис Гидаспов, слушая сообщения по радио, даже закрыл глаза от удовольствия, как будто из репродукторов лилась райская музыка. Взглянув на часы и увидев, что уже 8 часов утра, он понял, что больше не в праве сидеть вот так в Смольном, ничего не предпринимая. Машина первого секретаря выскочила из ворот Смольного и помчалась в штаб военного округа. Генерал-полковник Самсонов встретил его без всякого восторга. Да, он начнет действовать, если в городе начнутся беспорядки и акты насилия. В его распоряжении есть достаточно сил и средств. А зачем он сейчас будет нагнетать обстановку, если все спокойно. В полученных им приказах нет ни слова о том, что он должен пугать армией народ. "Но в стране объявлено чрезвычайное положение! — настаивал Гидаспов. — О нем надо хотя бы объявить!" Зачем? Москва уже два часа ничем другим не занимается, как объявляет. И вообще неизвестно, на чрезвычайном положении город или нет. В указе сказано: в ряде местностей СССР. А о Ленинграде ни слова.

В этот момент к ним присоединился начальник управления КГБ Курков. К великому удивлению Гидаспова, чекист поддержал Самсонова.

— Вы с ума что ли походили оба? — зло спросил Гидаспов. — На этот счет есть специальное постанов-

ление ЦК КПСС, а вы не объявляете в городе чрезвычайное положение?

— А почему собственно это должен делать я, — не сдавался генерал-полковник. — Вы секретарь обкома, вы и объявляйте!

— Товарищ Самсонов, — играя своими змеиными улыбками, произнес Гидаспов, — вы член бюро обкома. Я не понимаю вашей позиции. Вы назначены комендантом города, вы и должны объявить населению о чрезвычайном положении.

Гидаспов совал Самсонову уже готовый текст, грозил позвонить самому Шляге, но командующий округом и его заместитель генерал-майор Миронов держались твердо. Курков сидел молча, дав только короткую справку, что он подчиняется председателю КГБ РСФСР генералу Иваненко, а тот пока никаких распоряжений не давал. Подъехал и Крамарев — начальник УВД Ленинграда. Тот также заявил, что он подчинен министру внутренних дел России Баранникову и ничьих других приказов выполнять не будет. Налицо был явный саботаж. Взбешенный секретарь, пообещав с одной из своих зловещих улыбок сделать "оргвыводы", уехал в Смольный. Все понимали, что сейчас Гидаспов будет названивать в Москву, и не ошиблись.

Примерно в половине десятого Самсонову позвонил заместитель министра обороны Говоров и приказал зачитать гидасповский текст. Генерал-полковник побагровел. Сейчас он зачитает текст и будет отвечать за все, что произойдет в городе после этого. Он уже ненавидел этих хитрожопых партаппаратчиков. Гидаспов, конечно, выкрутится, как выкручивался до сих пор, и все шишки полетят на армию, которая, естественно, будет одна во всем виновата.

В 10 часов утра звенящим от волнения голосом генерал-полковник Самсонов зачитал по городской радиотрансляционной сети гидасповский текст, слегка его изменив. С самого начала в словах командующего звучали какие-то оправдательные нотки:

"Товарищи! В связи с введением на территории Советского Союза чрезвычайного положения на меня, как на командующего войсками Ленинградского военного округа, возложены обязанности военного коменданта города Ленинграда".

Пересказав далее своими словами заявление ГКЧП, где чисто гидасповским нововведением было запреше-

ние увольняться с работы по собственному желанию, генерал перечислил созданную для управления городом комиссию по чрезвычайному положению: Самсонов, Щербаков, Храмцов, Яров, Гидаспов, Викторов, Курков, Саввин. Анатолия Собчака в комиссии не было, но был его ближайший заместитель Щербаков. Это удивляло, но вместе с тем и успокаивало возбужденных ленинградцев, которые, бросая работу, стали толпами собираться на улицах, стихийно формируясь в колонны и направляясь к Мариинскому дворцу — резиденции Ленсовета и мэрии.

Гидаспов снова стал звонить Самсонову, требуя ввода войск на улицы города. Самсонов потребовал письменного распоряжения. Гидаспов бросил трубку и стал звонить морскому начальнику ВМБ Ленинграда вице-адмиралу Селиванову. Адмирал сообщил Гидаспову, что вообще не в курсе дела — у него нет никаких распоряжений. Надо обращаться к командующему флотом адмиралу Иванову в Калининграде. Гидаспов пробовал уговорить адмирала вывести на улицу хотя бы морские училища города и учебные отряды Кронштадта, как в 1917 году. Адмирал заверил секретаря обкома, что просто не имеет права этого делать — он так, администратор, вроде завхоза. Гидаспов снова позвонил Куркову, но оказалось, что генерал на совещании и подойти не может. Потеряв терпение, шеф боевого питерского обкома, связался по спецсвязи с Шениным и сообщил, что город саботирует все указания из Москвы. Шенин пообещал принять срочные меры...

Но если в Ленинграде дела шли на удивление вяло из-за явного нежелания должностных лиц брать на себя какую-то ответственность в столь непонятной обстановке, то подобным образом события развивались далеко не везде.

В недалеком Пскове ни у кого сомнений не было. Местные обком и горком партии, дружно взаимодействуя с командованием гарнизона, быстро задавили слабые советы, провели аресты, разогнав хилую демонстрацию, и даже предложили в верноподданническом порыве к ГКЧП послать знаменитую Псковскую дивизию в поход на Ленинград, чтобы расшевелить нерешительного генерала Самсонова...

Еще круче события развивались в Самаре. Командующий Приволжско-Уральским военным округом знаменитый генерал-полковник Макашов — друг Саддама

Хуссейна и оскандалившийся кандидат в российские президенты — понял, что его час настал. Территория округа была огромна, охватывая пространство от Свердловска до Нижнего Новгорода. Не тратя времени на консультации с обкомами — Макашов хорошо знал цену этим разжиревшим трусам — командующий округом стал действовать с той быстротой и решительностью, которые неоднократно подчеркивались в его служебных характеристиках. В Самару сходу ворвались танки и боевые машины пехоты, имевшие на борту полный боезапас. Пилоты бомбардировщиков и истребителей заняли места в кабинах в пятнадцатиминутной готовности к взлету. Игнорируя КГБ и МВД, Макашов сам распорядился о необходимых арестах и интернированиях. Камуфлированные десантные "джипы", набитые спецназом, ринулись по улицам Самары по указанным адресам. Облачившись в пятнистый комбинезон, сопя от нетерпения и возбуждения, Макашов, не доверяя столь важного дела штабным, лично продиктовал свой приказ N 337, который, растиражированный в тысячах экземпляров, полетел во все города огромного округа. Приказ гласил:

1. Всеми формами работы среди военнослужащих разъяснять политику ГКЧП по спасению страны.

2. Эмиссаров, космополитов, предателей Родины, Союза задерживать, проводить допрос, сдавать правоохранительным органам.

3. Усилить патриотическую работу среди солдат, офицеров. Основная теоретическая база для работы — "Слово к народу" в "Советской России".

4. Продолжать поддерживать высокую боевую готовность, подготовить технику и вооружение к боевым действиям"

Кризисы всегда рождают Наполеонов... В Киеве первый секретарь ЦК КПУ Гуренко, возбужденный влетел в кабинет председателя Верховного Совета Украины Кравчука. На номенклатурном лице Кравчука — в недавнем прошлом крупного партийного функционера — появилось надменное выражение гетмана Скоропадского, на губах заиграла улыбка Петлюры, в глазах зажегся огонь Степана Бандеры.

— Москва пусть там делает, что хочет. Нас это не касается

Гуренко взорвался.

— Как это не касается?! Как это не касается, если есть постановление ЦК КПСС!

— Кто подписал? — поинтересовался Кравчук.

Помявшись, Гуренко продал Шенина, назвав его фамилию.

— Кто такой? — спросил Кравчук, хотя отлично знал.

Гуренко стал сбивчиво объяснять.

— Не-е, — протянул Кравчук. — Такие документы должен подписывать генеральный секретарь, а не какая-то шпана.

Гуренко помчался в ЦК и стал звонить в республиканское КГБ. Его бодро заверили, что все, касающееся поддержания строгого порядка, будет сделано Командующий округом генерал-полковник Чичеватов долго не мог понять, что от него хочет партийный босс Украины. Он не получал никаких указаний из Министерства Обороны о введении войск в Киев или какие-либо другие города республики. У него есть приказ повысить боевую готовность войск. Она повышена. Вот и все. В отчаянии Гуренко позвонил в Москву Шенину. Тот заверил его, что меры будут приняты.

В Риге командующий Прибалтийским военным округом генерал-полковник Кузьмин, закончив изучение прибывших ночью документов, выругался и выпил стакан коньяка. Ему предписывалось взять на себя всю исполнительную власть членов правительства. Затем он должен был восстановить прежние структуры власти во главе с центральными комитетами компартии на платформе КПСС. После январских событий, когда его сделали козлом отпущения за действия, в которых его подчиненные практически не участвовали, он стал и умнее и хитрее. Штурмовать парламенты окруженные тысячами вооруженных людей и бетонными заграждениями — это значит развернуть в центрах Риги Таллина и Вильнюса настоящее сражение с тысячами жертв и огромными разрушениями. Что в конце концов, что с ним сделают? Снимут с должности? Пусть снимают, но он не намерен ничего предпринимать. Связавшись по телефону с президентами Эстонии и Литвы, а также с Председателем Верховного Совета Латвии, генерал уведомил их, что он получил приказ взять на себя всю полноту исполнительной власти в республиках. Со свойственной прибалтам сдержанностью генералу ответили, что это решение незаконно и они будут протестовать. Кузьмин

вздыхнул и повесил трубку. Затем командующий дал приказ по всем частям округа: не выпускать ни одного военнослужащего за пределы гарнизона без его личного разрешения...

В Соединенных Штатах президент был поднят с постели. "В Москве переворот. Президент Горбачев либо убит, либо отстранен от власти".

Вертолет быстро совершил посадку на лужайке перед Белым Домом. Президент вышел из него прямо на жерла телекамер и микрофонов целой толпы журналистов.

"Как вы относитесь к произошедшему в СССР, г-н Президент?"

"Я удручен", — последовал ответ.

"Как вы оцениваете это событие?"

Идя своим быстрым, упругим шагом через толпу корреспондентов, Буш неожиданно остановился.

"Это переворот, — твердо сказал он и, помолчав секунду, добавил со своей знаменитой улыбкой. — Но не все перевороты бывают удачными".

То, что обычно осторожный в выражениях Буш сделал сразу столь резкое заявление, удивило многих, хорошо знавших президента Соединенных Штатов...

В Москве Председатель КГБ СССР Крючков мучился от чувства какой-то неосознанной неудовлетворенности. Конечно, нужно было дать приказ об аресте Ельцина и всей его компании. И он этот приказ отдал, но оказалось, что это легче сказать, чем сделать.

Дело в том, что за последние десятилетия славные чекисты деградировали, как и все общество, а пожалуй, даже и сильнее. Имея постоянно дело с диссидентами, евреями-отказниками, валютчиками и контрабандистами, чекисты приобрели невероятный апломб, цинизм и нахальство, но совершенно растеряли бойцовские качества. Одно дело — идти вшестером обыскивать и арестовывать какого-нибудь бородатого очкарика за чтение Солженицина, а потом год кормиться на его следственном деле, другое — идти арестовывать человека, которого охраняют три сотни обученных головорезов, вооруженных, по уверениям самого Крюčkова, гранатометами и "Стингерами". Никому не хотелось, да и было некому. Для подобной операции нужно было человек 500 минимум, обученных и вооруженных до зубов. Бой должен был стать ожесточенным и с совершенно непрогнозируемыми результатами. Тут бы и "Альфа" не

справилась из-за своей малочисленности. Кроме того, "Альфа" сидела на всякий случай прямо на Лубянке, поскольку Крючков не без оснований опасался, что какой-нибудь лихой комбат, войдя в Москву, тут же поведет свои танки на штурм именно Лубянки. Поэтому он и просил Язова, чтобы танки были без боезапаса. Что-что, а любовь армии к своему ведомству он знал хорошо. Крючков обратился к Пуго, но все ОМОНЫ гонялись по Москве, отключая радиостанции и опечатывая газеты по "Постановлению N 2 ГКЧП", которое еще не было опубликовано.

В этот момент из Архангельского сообщили, что какие-то три БТРа без опознавательных знаков подъезжали к резиденции Ельцина минут через двадцать после отъезда президента России в Москву. Оттуда выскочили люди в комбинезонах, ворвались в помещение, но тут же выскочили обратно и уехали в сторону Москвы. Хотелось бы думать, что они приезжали арестовать Ельцина, хотя уверенности в этом не было никакой. Но главным из утренних сюрпризов Крюčkова было открытие, что в Москве существует параллельная радиовещательная слаботочная сеть, имеющая возможность отключать официальную трансляцию. Где находятся ее передатчики, было неизвестно. Крючков вызвал Прилукова и спросил шефа московского управления, что это значит?..

Из радиоточки в кабинете Крюčkова отмодулированный бархатный голос диктора вещал:

"Сотраждане! В стране произошел военный переворот. Никакого подчинения незаконной хунте, именующей себя ГКЧП. Через несколько минут мы передадим обращение президента России Ельцина к народу! Сотраждане, группа аппаратчиков свергла законного президента..."

Затем в эфире снова появилась радиостанция "Эхо Москвы", уже трижды разгоняемая с раннего утра, когда одновременно с "Заявлением" ГКЧП объявила, что в стране произошел антиконституционный переворот, а президент Горбачев сидит под арестом в Форосе. За станцией гонялись три спецназа разного подчинения, арестовывали дикторов, крушили аппаратуру, отключали ток. Но станция снова оживала и сейчас выяснилось, что она вещает уже из Белого Дома России.

Крючков вдруг понял, что внезапность не удалась. Какие-то силы и структуры, о которых даже он не знал, оказались прекрасно подготовленными к событиям. Содержание передач радиостанций говорило об их пре-

красной осведомленности, заставляло предполагать, что источники информации находятся где-то в недрах его собственного ведомства и Генштаба...

Между тем танки и транспортеры двух дивизий, брошенные на улицах столицы, продолжали стоять без действия и без всякой пользы. Не евшие со вчерашнего дня солдаты нервничали. Обещанные кухни, конечно не прибыли. Даже если кто-нибудь о них вспомнил, то пробиться к Москве уже не было никакой возможности. Все дороги, ведущие в столицу со всех направлений, были забиты войсками. Танки, бронетранспортеры, боевые машины пехоты, десантные танкетки, противотанковые джипы, подвижные радиолокационные станции, мобильные пункты связи, грузовики с патронами — все это грохотало и двигалось на столицу. Никто уже не мог разобраться в том, кто их вызвал, кто дал приказ, кто уточнял маршруты. Части перемешивались между собой, становясь огромным, неуправляемым броневым стадом. Окружная дорога мгновенно оказалась забитой, а войска все напирала и напирала... При этом продолжали по расписанию ходить пригородные электрички, отходили и подходили поезда дальнего следования, летали самолеты "Аэрофлота".

В аэропорту Шереметьево в зале депутатов Верховного совета ждал вылета на Ленинград мэр города на Неве профессор Собчак — один из ближайших сотрудников Ельцина. Его немногочисленная охрана нервничала, ожидая "гостей" с Лубянки. Но вместо ожидаемых гостей к Собчаку пробился корреспондент радио "Свобода" Максим Соколов. Собчак — блестящий оратор и правовед — всегда с готовностью давал интервью западным радиостанциям. Не отказался он этого сделать и на этот раз. Еще никогда радио "Свобода", чье "грязное, бандитское гнездо" находилось в Мюнхене, не имело столько слушателей в СССР. Во всех домах необъятной страны радиоприемники были настроены на волну "Свободы". Она вещала в Белом доме России, развернув свой корпункт на 11-м этаже, ее слушал Крючков в своем кабинете и президент Горбачев на своей даче в Форосе.

"Это антиконституционный переворот, — звучным голосом университетского профессора разъяснил Собчак. — Режим Чрезвычайного положения в нашей стране может быть объявлен только Верховным Советом при наличии объективных данных. Как-то..." Аудиторией профессора Собчака был весь мир... На вопрос, что ему

известно о судьбе Горбачева, Собчак, без тени колебаний, отвечает: "Разговоры о болезни Горбачева — ложь. Президента пытались заставить отказаться от своего поста. После его отказа была использована версия о его болезни". Корреспондент не стал интересоваться у мэра Ленинграда источниками его информации. Собчак никогда не кидает слов на ветер и не пользуется слухами. Если он говорит, то, значит, так оно и есть...

Голодные солдаты начинают бродить по московским улицам в поисках пищи. Некоторые суются в магазины, которые, как правило, закрыты. Открытые зияют уже привычными пустыми прилавками. Танка, БТРы и БМП окружены толпами людей. На танках гирляндами висят дети. Девушки обнимают солдат и офицеров. Сердобольные бабушки и домохозяйки суют в танки батоны и всякую снедь. В жерлах орудий букеты цветов. Некоторые матери находят среди экипажей танков своих призванных в армию сыновей. Слезы, объятия. Прижавшись к своим мамам, плачут несчастные мальчики, почти дети, оторванные от них той же силой, которая сейчас бросила их убивать собственных матерей. Офицеры отводят глаза. Почти весь офицерский корпус армии славянский: русские и украинцы. То что получалось в Средней Азии, в Закавказье и даже в Прибалтике, начинает буксовать в Москве. Ведь все русские!

Что же творится? На танках поднимаются русские трехцветные флаги и они медленно ползут по улицам столицы, древней столице Руси и России. Начинает твориться что-то невообразимое. Люди кричат, обнимаются, целуются, бегут вслед за танками, направляющимися к Белому Дому. Многие плачут, не стыдясь слез. И хотя танков всего десять, хотя остальные еще мрачно и безучастно стоят вдоль улиц, не уже что-то произошло. Лица! Изменяются лица людей, превращенные семидесятилетней тиранией в нечто тупое и безликое. Какие прекрасные русские лица. Такие можно встретить наверное только во время катаклизмов и только в Москве.

Уже никто не слышит и не слушает, что вещают громкоговорители, но они продолжают работать:

"Постановление N 2 ГКЧП СССР.

О выпуске центральных, московских и областных газет...

1. Временно ограничить перечень выпускаемых центральных, московских городских и областных общественно-политических изданий следующими газетами: "Труд", "Рабочая трибуна", "Известия", "Правда", "Крас-

ная звезда", "Советская Россия", "Московская правда", "Ленинское знамя", "Сельская жизнь".

2. Возобновление выпуска других центральных газет и общественно-политических изданий будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР. Москва, 19 августа 1991 года..."

Танки с поднятыми на башнях трехцветными флагами вползают на площадь перед Белым домом России, окруженном несметными толпами людей. Из дома выходят Ельцин, его вице-президент Руцкой, Руслан Хасбулатов и Иван Силаев. Кругом вооруженная охрана. Высоко на крыше снайперы зорко следят за крышами соседних домов. Народ ревет: "Ельцин! Ельцин!"

Президент России залезает на башню танка Таманской дивизии. И хотя по аналогии это напоминает легенду о Ленине на броневике, поведение Ельцина больше, до мелочей похоже на действия Генриха IV Бурбона в период борьбы с легистами, а Москва — это уже Париж то ли до, то ли после Варфаломеевской ночи. Вот так, окруженный только кучкой преданных сторонников с благородными сердцами и длинными шпагами, мужественный король-гугенот бросил вызов всему европейскому католицизму и победил...

С башни танка Ельцин зачитывает обращение к народу:

"К гражданам России. В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом... Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета..."

Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам... Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным законам и Указам Президента России... Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и беззаконию потерявших всякий стыд и совесть путчистов. Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участие в реакционном перевороте..."

Крючков выключил радио. Неизвестная станция продолжала транслировать речь президента России и обнаружить ее не удавалось. Результаты уже начинали

сказываться. Генерал Прилуков, идя после крючковской головомойки по коридорам своего управления, обнаружил, что все его оперы, изнывая от безделья, пьют чай по кабинетам, хотя им было приказано начать работу по спискам. Оказалось, что приказ Прилукова отменил председатель КГБ РСФСР Иваненко, сославшись на распоряжение Ельцина. Московское управление КГБ подчиняется РСФСР, а не СССР. Это уже было что-то новое. А где сам Иваненко, никто не знал. Ходил слух, что где-то около Ельцина. Кроме того, проводить оперативные мероприятия, когда улицы забиты военной техникой и толпами народа, просто невозможно. Вероятны всякие эксцессы. Прежде всего надо убрать народ с улиц, разгромить это осиное гнездо в Белом доме, а затем начинать спокойно работать. А для этого надо объявить Москву на чрезвычайном положении, ввести комендантский час и интернировать ельцинскую банду. Он призывает население к бессрочной забастовке. Бывший секретарь обкома! Какой позор!

Пока Крючков обдумывал свои дальнейшие шаги, Янаев, Пуго, Бакланов, Тизяков и Стародубцев, опять же по идее Крюčkова и при согласии Лукьянова, давали в пресс-центре МИД СССР пресс-конференцию для "советских и иностранных журналистов". На удивление, пропускали всех журналистов, кто был аккредитован в Москве, да и своих не обижали — пропускали даже тех, чьи газеты уже были официально закрыты постановлением ГКЧП. Сразу же бросилось в глаза, что отсутствуют Язов и Крючков, а остальные очень сильно нервничают. Даже железный Пуго все время то снимал, то одевал очки, то протирал их, то клал на стол. У Янаева так дрожали руки, как будто он давал пресс-конференцию накануне смертной казни. Бакланов и Тизяков также выглядели удрученными. Расплывался в улыбке только один Стародубцев, имея на общем фоне весьма дурацкий вид. Открывший пресс-конференцию Янаев говорил сбивчиво, да и никто его толком не слушал, полагаясь на магнитофоны.

Когда исполняющий обязанности президента закончил, посыпались вопросы, где Горбачев и что с ним? Янаев, то снимая, то одевая свои дымчатые очки, участливым голосом стал объяснять, что Михаил Сергеевич Горбачев находится на отдыхе в Крыму. За эти годы он очень устал, и требуется какое-то время, чтобы он поправил здоровье.

— Полагаю, — пообещал Янаев, — в свое время медицинское заключение о состоянии здоровья Михаила Сергеевича Горбачева будет опубликовано.

— Почему, полагаю? — посыпались вопросы.

— А как ваше здоровье? — спросил итальянский корреспондент.

Все затихли, ожидая стереотипного янаевского ответа: "Жена не жалуется", но вице-президент ответил иначе:

— Вот, посмотрите, двое суток неспамши

Но выглядел Янаев неважно. На вопрос, почему нет Язова и Крючкова, ответил уклончиво.

В прямой эфир пресс-конференцию не пустили Телевидение Кравченко по всем программам передавало классическую музыку, прерывая ее только для оглашения постановлений ГКЧП. Крючков, как мы знаем, не появился на пресс-конференции, поскольку был занят подготовкой к введению в Москве чрезвычайного положения, которое бы облегчило работу его людям по наведению в столице революционного порядка. Но Язов отсутствовал по совсем другой причине.

В шесть часов утра Язов собрал на совещание главкомов видов вооруженных сил. Поднятые в половине пятого главкомы выглядели сумрачно, а по мере того, как говорил министр обороны, становилось все мрачнее. Маршал был краток. Он сообщил, что президент Горбачев болен и Янаев выполняет его обязанности, что нужны чрезвычайные меры по наведению порядка. Главком ВМФ адмирал флота Чернавин спросил, что случилось с Горбачевым. Язов ответил, что что-то серьезное, но он сам толком ничего не знает — медицинское заключение будет позднее. Главком ВВС генерал-полковник Шапошников и Главком ракетных войск стратегического назначения генерал армии Максимов выразили Язову недоумение по поводу танков на улицах. Танки на улицах, пояснил министр, нужны для обеспечения порядка. Есть данные, что в Москве готовились крупные вооруженные провокации. Радости по поводу случившегося не скрывал только главком войск ПВО генерал-армии Третьяк. ПВО имело личные счеты с Горбачевым, когда после полета Руста этот вид Вооруженных сил был публично опозорен на всю страну. В штабе ПВО искренне считали, что весь полет Руста является провокацией президента для расправы с руководством армии, а

секретное расследование, проведенное по приказу Третьяка, только подтвердило эти подозрения.

Вернувшись к себе, главком ВМФ Чернавин и его заместитель адмирал флота Капитанец отдали приказ командующему Балтийским флотом адмиралу Иванову блокировать порты Прибалтийских республик. Так было приказано Язовым. Затем Чернавин снял трубку и позвонил в Севастополь командующему Черноморским флотом адмиралу Хронопуло. "Что у тебя там случилось с Горбачевым, Хронопуло?" — поинтересовался Чернавин. Командующий флотом доложил, что с Форосом почему-то нет связи. Командир Балаклавской бригады сторожевых кораблей капитан 1-го ранга Алферьев доложил ему, что связь пропала вечером 18 августа. Отключилось электропитание, прекратила работу аппаратура обнаружения. Но поскольку эти вопросы всегда находились в компетенции органов, он не вмешивался. В Крыму находятся генерал Мальцев из ПВО и генерал Денисов из Генштаба. Они устанавливают новый режим подъезда, подлета и подплыва к даче Президента. Он связался с ними и получил информацию, что президент тяжело болен. У него инсульт в очень тяжелой форме. Однако со сторожевых катеров видели Горбачева на пляже с семьей. Он купался в море. Так что непонятно, что происходит.

В Варне стоит американский ракетный крейсер "Белкнэп", пришедший туда 17 августа. С него потоком идет какая-то информация через канал спутниковой связи. Вся электроника "американца" включена на боевой режим.

Чернавин повесил трубку и сказал Капитанцу: —

Что-то не нравится мне вся эта история Иван Матвеевич

Посоветовавшись, приняли решение. флоту никакие приказы ГКЧП не выполнять без санкции главкома Кораблям оставаться на базах по дислокации. Блокаду Прибалтийских портов отменить. Морякам и частям, подчиненным флоту, ни в каких действиях не участвовать. Кораблям, находящимся в открытом море, продолжать выполнение задач. Флот объявил нейтралитет. Адмирал флота Чернавин — в прошлом командир атомной подводной лодки, облучившийся и страдавший от приступов лучевой болезни, сделал все, что мог..

Главком ВВС генерал-полковник Шапошников, вернувшись в свой штаб, немедленно дал команду не

поднимать в воздух ни одного самолета без его приказа. Самолетам стратегической авиации, находящимся на круглосуточном боевом дежурстве, продолжать выполнение задачи.

Карьера Шапошникова была стремительной. В прошлом отчаянный летчик-истребитель, он в 37 лет был уже генералом, а в 1990 году сменил на посту главкома ВВС престарелого маршала Ефимова. Военно-воздушные силы страны имели собственные традиции. В частях почти не было дедовщины. Поддерживалась строгая, но разумная дисциплина, которая сама образуется в коллективах, где от действий каждого зависит жизнь всех.

Возвращаясь от министра, Шапошников был потрясен количеством танков и солдат на улицах. Казалось, что столица была оккупирована не своими войсками, а каким-то неведомым противником. Остановив машину у одной колонны, главком ВВС приказал порученцу найти командира и привести к нему. Через несколько минут порученец вернулся в сопровождении молодого капитана в лихо сдвинутом на затылок танковом шлеме. Увидев генерал-полковника, капитан отрапортовал, что является заместителем командира танкового батальона какого-то полка Кантемировской гвардейской дивизии. На вопрос, кто приказал им войти в город, капитан ответил, что не знает. Командир батальона поехал разыскивать штаб полка и пропал. Что происходит в стране, он тоже не знает. Говорят, умер президент и американцы могут сбросить десант на Москву.

Шапошников понимал, что происходит что-то невиданное еще в истории страны, когда рушатся все стереотипы выработанных годами правил поведения и ориентиров. Из задумчивости главкома вывел резкий телефонный звонок. Шапошников взял трубку и услышал взволнованный голос своего заместителя, командующего стратегической авиацией дальнего действия генерал-полковника Петра Дейникена.

— Евгений Иванович! Товарищ командующий! — захлебываясь от волнения, почти кричал всегда спокойный почти до флегмы генерал. — У нас пропал сигнал с "первого"!

— Что?! — считая, что он что-то не понял, в ужасе переспросил главком ВВС.

— Пропал сигнал с "первого"! — подтвердил командующий АДД. — Его нет уже несколько минут!

"Первым" на сленге высшего военного руководства назывался "КЕЙС" президента. Специальные круглосуточные особо секретные посты постоянно следили за связью стратегических систем с "КЕЙСОМ".

— Петр, ты меня слышишь? — мгновенно среагировал главком. — Немедленно всех, у кого на борту "дыни", — на посадку. Освободи все полосы. Все КДП на аварийный режим! Отключить все РЛС дальнего наведения!

Ни одного из перечисленных приказов Шапошников не имел права отдавать самостоятельно. Вся ситуация стала ему совершенно ясной. Президент свергнут, а возможно, и убит. Власть в руках авантюристов, безответственных настолько, что в погоне за своими политическими выгодами они не постеснялись поставить и свою страну, и весь мир на грань ядерной катастрофы.

Обиваясь холодным потом, Шапошников схватился за трубку прямой связи с Язовым. Линия была занята. В этот момент зазвонил другой телефон и Шапошников услышал в трубке густой бас генерала армии Максимова — командующего ракетными частями стратегического назначения.

— Шапошников, — спокойно сказал Максимов, — у меня пропал сигнал с "первого" и у тебя, наверное, тоже. Я уже доложил Язову. Тот растерян и ничего не может сказать толком. Я убираю мобильные ракеты с позиций и разъединяю цепи на шахты. Звоню тебе вот по какому вопросу. Что происходит, Евгений Иванович? Позвони Язову, ты его лучше знаешь. Вразуми его, что его втравили в очень пакостное дело. Мы же ядерная держава!

Вместо Язова, линия которого была по-прежнему занята, Шапошников позвонил Янаеву. В таких ситуациях главкомы имеют право обращаться непосредственно к главе государства. Его долго соединяли, наконец в трубке зазвучал звонкий, комсомольский голос вице-президента.

— Где "КЕЙС" Горбачева? — не тратя времени на какие-либо вступления, спросил Шапошников.

Янаев растерялся:

— Что за "КЕЙС"? — и, видимо, не поняв в чем дело, раздраженно ответил. — Не знаю, генерал. Сейчас есть дела поважнее!

Он хотел еще что-то сказать, но Шапошников повесил трубку и снова стал звонить Язову. Министр был на месте.

— Где "КЕЙС" Президента? — повторил вопрос Шапошников.

— У Крючкова, — немного помолчав, ответил Язов.

— Как так у Крючкова? — не понял Шапошников. — Как он попал к Крючкова? Разве Крючков глава государства? Почему он отключил сигнал? Они перешифровывают схему, не предупредив вас? Что происходит, Дмитрий Тимофеевич?

— Не знаю, — устало ответил Язов, — я уже ничего не знаю. Я знаю, что мой "КЕЙС" ("второй") еще при мне. Я понимаю тебя, Евгений Иванович. Действуй, но будь бдительным.

Маршал повесил трубку и приказал соединить себя с генералом Моисеевым. Он сообщил начальнику Генштаба, что очень плохо себя чувствует и немного отдохнет, и уехал на дачу. У него только что был разговор с Крючковым. Получив доклад генерала Максимова, Язов немедленно соединился с шефом КГБ.

— Где "КЕЙС" Горбачева? — спросил министр обороны.

— У меня, — ответил Крючков. — А в чем дело?

— С него перестал поступать сигнал на наши системы, — объяснил Язов.

— Вот как? — удивился Крючков. — Любопытно.

Голова Председателя КГБ была занята совсем другими делами и он туго соображал, что он него хочет Язов и пообещал разобраться. Язову стало ясно, что и Крючков не знает, где "КЕЙС". Тем более, что Крючков тут же перевел разговор на другую тему: все ли готово для введения в Москве режима комендантского часа? Язов, вздохнув, сказал, что дал все указания коменданту Москвы генералу Калинину.

Поле того, как министр обороны повесил трубку, до Крючкова стал доходить смысл сказанного. Он вызвал Плеханова. В первый момент начальник всесоюзной охраны не мог ничего вспомнить, но когда Крючков на него заорал, грозя немедленно пристрелить в подвале, вспомнил сразу. Вызвали полковника, которому Плеханов передал чемодан. Тот побледнел, потому что забыл чемодан своего начальника (как он думал) в самолете. Что это "КЕЙС" Президента, полковнику было знать не положено. Помчались во Внуково. "КЕЙСА" в багажном отсеке не было. Плеханов приказал полковника немедленно арестовать. Тот покорно подставил руки под наручники — у Плеханова, наверное, были какие-то цен-

ные вещи в этом проклятом чемодане, раз он так осерчал. Надо было предупредить.

Крючков уже начал понимать, что сделал крупную ошибку, не арестовав Ельцина. Из Белого Дома потоком сыпались постановления и угрозы, начинавшие уже раздражать. Посовещались и все-таки решили послать сегодня ночью "Альфу" захватить этот рассадник. Ельцина, Хасбулатова, Руцкого и Силаева — либо захватить, либо убить — как получится. Хватит миндальничать. Итак уже доминдальничались до ручки. Карпухин осмелился напомнить, что вокруг Белого Дома "тусуется" огромная толпа народа. "Толпу разметать!" — приказал Крючков. У "Альфы" было достаточно средств. Прикинули план. Одна группа высаживается с вертолетов на крыше, вторая начинает огонь из гранатометов по окнам первого и второго этажей, используя осколочные гранаты и гранаты с нервно-паралитическим газом. Где находится сам Ельцин, уточним по ходу дела — в здании достаточно наших людей.

Но проклятый горбачевский "КЕЙС" уже не уходил из головы Крюčkова. Еще не хватает, чтобы на Москву стали падать водородные бомбы. Самое время. Он вызвал начальника 15-го (бункерного) управления и приказал привезти подземный бронированно-бетонный бункер, где вожди надеялись отсидеться в случае ядерной войны, в боевую готовность. Хотя приказ был секретный, он немедленно стал известен всей Лубянке.

Началась паника. Все руководство уходит в подземный бункер. Тут же распространился слух, что взбунтовались ракетные части стратегического назначения, грозя обстрелять Москву атомными ракетами, если немедленно не вернут Горбачева. Личный состав столичных управлений КГБ (как, впрочем, и везде) состоял из блатников, попавших в "контору" по путевкам партии и комсомола, из МИМО и прочих элитарных заведений. У них не было никакого желания даже рисковать карьерой, а уж тем более погибать за честолюбивые планы своего начальства. Многие стали потихоньку покидать здания, ссылаясь на оперативные дела. Весь день на Лубянке непрерывно звонили телефоны. Огромная армия "стукачей" непрерывно сообщала об обнаружении все новых и новых "агентов влияния", которых необходимо было фиксировать. Напрасно сам Крючков выступал по внутреннему телеканалу, успокаивая сотрудников. Никто ему не верил. У рядовых чекистов не было своих бунке-

ров. Те, кто был поумнее, понимали, что случилось что-то неожиданное, если Крючков вспомнил о бункере, и тоже нервничали.

Тут с Крючковым со Старой площади связался Шенин и стал сообщать очень неприятные новости. Главный идеолог был подавлен. Партийные директивы, переданные ночью, спустились до райкомов, а дальше идти уже было некуда. Мобилизовать коммунистов не удалось. Первички либо уже были разогнаны на предприятных, либо сидели тише мыши, парализованные страхом. На требование первого секретаря МГК Прокофьева к Моссовету и мэрии явиться, как в старые добрые времена, в горком для получения инструкций, ответили матом. Пуго — изменник. Подчиненный ему ОМОН охраняет Моссовет, имея приказ здание захватить, но это еще были цветочки.

В Ленинграде прилетевший из Москвы Собчак просто разогнал местную комиссию по чрезвычайному положению, сформированную первым секретарем Гидасповым. Неожиданно явившись на заседание комиссии, Собчак напомнил всем присутствующим, что они государственные преступники, и их ждет суд похлеще Нюрнбергского, перечислив при этом все соответствующие статьи и сроки. Его поддержали не только Самсонов, но и Курков с Крамаревым. Более того, во главе омовцев и чекистов-предателей Собчак явился на ленинградское телевидение, отстранил в очередной раз от должности местного начальника — подлого труса Петрова (бывшего работника обкома) и объявил всему городу, что в ГКЧП сидят преступники, чьи приказы нельзя выполнять, а тот, кто это собирается делать, сам автоматически становится преступником. Обком просил прислать откуда-нибудь войска, чтобы навести порядок.

Из Риги звонил Рубикс. Он уже провел пресс-конференцию, объяснив, что отныне будет существовать только КПСС, а остальные партии запрещены. Не очень умно, конечно. Но дело в другом. Генерал Кузьмин ничего не предпринимает. Флот исчез. В других республиках все тоже самое.

Из Киева звонил Гуренко. Кравчук — изменник и сепаратист. Генерал Чичеватов ничего не предпринимает. В городе идут митинги. Снова готовятся встать все шахты в стране и не только шахты.

Крючков выслушал Шенина спокойно и позвонил Язову. Подошел Моисеев. Выслушал. Взглянул на карту

— электронную карту обстановки — гордость Генерального штаба. Подумал. Из Пскова на Ленинград можно двинуть примерно 150 танков и 50 БТР Псковской дивизии. Остальные пойдут на Таллин. Неплохо бы сейчас переподчинить Витебскую дивизию снова Министерству обороны. Она составит второй эшелон в действиях на Ленинградском и Прибалтийском направлениях. Позвонил Кузьмину в Ригу. Командующий Прибалтийским округом стал объяснять, что не имеет достаточных сил, чтобы выполнить возложенную задачу. Подойдут танки из Пскова и Витебска — начнем действовать. Необходима будет поддержка флота, а с моряками весь день не установить связи. Никто не знает, куда девались адмиралы. Похоже, что все вызваны в Москву к Чернавину.

В Киеве Чичеватов стал объяснять, что не понимает задачи. В Киеве все спокойно. Зачем ему туда вводить свои части?! К тому же против этого все руководство республики. Нет, он не возьмет на себя такой ответственности. Присылайте кого-нибудь из Москвы — пусть распорядится. В Киев вылетел главком сухопутных войск Варенников.

Ожидая результатов переворота, в Кремле сидел будущий генсек и председатель президиума Верховного Совета Лукьянов. Немногочисленные депутаты Верховного Совета, сумевшие пробиться к нему, ничего толком не могли понять, кроме того, что сессия Верховного Совета назначена на 26 августа. На вопросы о Горбачеве Лукьянов одним отвечал, что президент тяжело болен — у него инфаркт, обширный инфаркт, Раиса Максимовна в обмороке. Другим — что президент здоров, он в курсе дела и ожидает развития событий на даче. Вы же знаете Горбачева...

Сам Президент в Форосе слушал радио "Свобода". В кладовке "нашли" старый приемник, сменили батарейки. Узнав, что объявлено о его тяжелой болезни, Горбачев все понял. Он тяжело болен, а завтра объявят о его кончине. Быстро приняли решение не принимать извне никаких продуктов — могут отравить. (О, наше средневековье!) Справились у повара — продуктов оказалось на три дня. Решили продержаться. У зятя нашлась (?) телекамера. Записали на пленку заявление о случившемся на даче и стали думать, как передать пленки "на волю"...

Радио "Свобода" слушал с не меньшим удивлением и майор Владимир Дегтярев — замполит спецподразделения пограничников, охраняющих дачу Горбачева по

периметру колючей проволоки, опоясывающей несколько квадратных километров дачной территории. Ссылаясь на какие-то источники в Москве, "Свобода" сообщала о двух полках КГБ оцепивших дачу Президента. Личный состав этих полков — настоящие "зомби" — убивают каждого, кого прикажут. Это было странно. Никаких дополнительных команд спецподразделение, вооруженное только штык-ножами, не получало. Не получало и подкреплений. Режим охраны оставался прежним. На трассе Севастополь-Ялта тоже все было спокойно. Два милицейских поста, как обычно. Никаких войск.

Дегтярев позвонил начальнику пограничной заставы Форос майору Виктору Алымову, чтобы узнать обстановку. Видимо, Алымов тоже слушал радио, поскольку спросил Дегтярева, что это за "Севастопольские полки КГБ"? Никто о них ничего не знал, но КГБ — есть КГБ — может быть, и существуют какие-то спецчасти. Но в районе дачи их нет. Это точно. Дегтярев спросил Алымова, что с Горбачевым? Он болен или арестован? Если арестован, ответил Алымов, то собственной охраной. Но не похоже. Не похоже, что и болен. Люди Алымова, расположившись на высотах, наблюдали дачу и подходы к ней в мощные бинокли. Президент гуляет по территории и выходил даже на пляж. Однако, как люди военные, оба майора понимали, что не всегда нужно где-то ставить мины, чтобы блокировать дорогу или пролив. Достаточно объявить, что они поставлены. Мало найдется охотников проверить это на себе...

Не меньшее удивление царило и в Москве на Ходынке в огромном "Аквариуме" Главного разведывательного управления. Сообщения сыпались на стол генерала Михайлова одно за другим: стратегические бомбардировщики с ядерным оружием на борту покидают зоны боевого дежурства и один за другим следуют на посадку. Мобильные стратегические ракеты уходят с позиции в парки, ракетные лодки уходят из зон боевого патрулирования, держа курс на базы. СССР можно брать голыми руками.

Что случилось? "Похоже, что эти "педерасты" потеряли "КЕЙС" президента или захватили его". "Педерасты" — это КГБ. "Мы предупреждали, что им нельзя доверять ни одного "КЕЙСА" из трех!" Михайлов долго говорил по телефону с Шапошниковым и Максимовым. В его подчинении были небольшие, но прекрасно обученные группы знаменитого спецназа ГРУ, подготовленные

для действий в глубоком тылу противника в случае войны. "Надо все это вырубать! — приказал Михайлов. — Ребята, найдите "КЕЙС" президента, а то будет страшный скандал. Нам никогда уже не удастся отмыться как ядерной державе. А по дороге скажите Крючкову, что он придурок". (Ядерный код Горбачева — президентский "КЕЙС" был найден на следующий день в автоматической камере хранения аэровокзала. "КЕЙС" был открыт — точнее взломан. Открывавшие не знали шифра замков. Такой вариант был предусмотрен создателями "КЕЙСА" — сработало ликвидационное устройство, уничтожившее схему.)

После разговора с Язовым генерал Шапошников не терял времени. Он послал одного из адъютантов, на которого мог положиться, в Белый Дом с приказом во что бы то ни стало разыскать там вице-президента России Александра Руцкого и попросить его, если это возможно, прибыть к нему, сказав, что едет, скажем, в Кремль или куда-нибудь в другое место. Он хорошо знал Руцкого по прежней службе того в авиации и был рад, что именно такой человек сейчас находится около Ельцина.

Пока искали Руцкого, Шапошников связался с командующим воздушно-десантными войсками генералом Грачевым. Не тратя времени на зондирование настроения главкома ВДВ, Шапошников напрямик спросил Грачева:

— Как тебе все это нравится, Павел?

Они хорошо знали друг друга, и Грачев административно подчинялся главкому ВВС.

— Совсем не нравится, — сознался Грачев.

Приехав в штаб ВВС, Грачев застал у Шапошникова Руцкого. Через двадцать минут Руцкой уехал обратно в Белый Дом, а оба командующих быстро, как на войне, стали принимать решения. В Кубинке находится воздушно-десантная бригада генерала Лебеда. Сейчас наиболее важная задача — обеспечить безопасность правительства России и захватить еще пару аэродромов, куда вызвать все имеющиеся в наличии части десанта. Нейтрализовать штабы находящихся в Москве подразделений, а если понадобится — и сам генштаб. Вернуть запрудившие Москву войска в казармы и освободить Президента. Пальцы генералов чертят по карте Москвы и Московской области одни им понятные кривые линии и кружки. Офицеры штаба кивают головами, иногда встав-

ляя замечания. Быстрый просчет времени с вводом возможных случайностей и накладок — 27 часов.

Прямо из кабинета Шапошникова Грачев соединяется со своим сослуживцем по Афганистану и бывшим начальником генералом Грозовым — заместителем Пуго, ведающим внутренними войсками и ОМОНОм.

— Боря, — говорит Грачев, — сиди тихо. Понял?

— Понял, — глухим голосом отвечает несостоявшийся вице-президент России.

Он уже много понял. ОМОНЫ, столь свирепые в Закавказье и Прибалтике, ничего не хотят делать в Москве и заливаются слезами при виде русского трехцветного флага. Это был просчет. Столько твердили через все патриотические газеты: русские, русские, русские. Вот дотвердились, что все и вспомнили — они русские и вокруг русские. Хорошо было в Афганистане. Там были интернационалисты...

Вернувшись в Белый Дом, Руцкой немедленно отозвал Ельцина, и они заперлись в кабинете Президента. Вскоре туда были вызваны Хасбулатов и юридический советник президента России — Шахрай.

Через полчаса был обнародован Указа Президента РСФСР N 63. Он гласил:

"Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР — Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР,

Вице-президент СССР — Янаев Г.И.,

Премьер-министр СССР — Павлов В.С.,

Председатель КГБ СССР — Крючков В.А.,

Министр внутренних дел СССР — Пуго Б.К.,

Министр обороны СССР — Язов Д.Т.,

Председатель Крестьянского Союза — Стародубцев В.А.,

Первый заместитель председателя Государственного комитета по обороне — Бакланов О.Д.,

Президент Ассоциации промышленности, строительства и связи — Тизяков А.И. и их сообщники совершили тягчайшее государственное преступление, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64, 69, 70, 70-1 и 70-2 Уголовного кодекса СССР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик.

Изменив народу, Отчизне и Конституции, они поставили себя вне Закона. На основании вышеизложенного, ПОСТАНОВЛЯЮ:

Сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития, дается право действовать на основании Конституции и закона СССР и РСФСР. Как Президент России от имени избравшего меня народа гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку. Судьба России и Союза в ваших руках. Президент РСФСР Борис Ельцин. Москва, Кремль, 19 августа".

Проклятая радиостанция, изводившая Крючкова весь день, кажется, была наконец обнаружена, поскольку уже два часа молчала. Голова у шефа КГБ шла кругом. Этот проклятый "КЕЙС" президента... Отправившийся на его поиски Плеханов куда-то пропал. Пропал и Язов. Моисеев явно утратил управления войсками, хотя и не признается, продолжая уверять, что все в порядке. Но более всего удручало то, что во всех городах и весях бездействуют комитеты госбезопасности, на которые возлагалась основная надежда. Ссылаются на приказы Иваненко и его заместителя Поделякина. Копия одного из приказов была доставлена Крючкову. Это была шифрограмма генерала Иваненко, разосланная во все территориальные управления КГБ РСФСР с требованием не оказывать никакой поддержки самозваному ГКЧП. Самих этих предателей нигде не найти. Мелькнули в Белом Доме и куда-то пропали. Службу знают. За весь день пришли донесения только об аресте Гдяна, Уражцева, Комчатова и Проселкова. Последний, бывший полковник авиации, забаррикадировавшись в квартире, огрел одного из оперов топором. Избитого, в наручниках, Проселкова привезли в Балашиху. Народный депутат топором от чекистов отмахивается. Дожили!

Таинственная радиостанция неожиданно ожила. Диктор, точно понимая, что его слушает Крючков, с каким-то садистским смаком стал зачитывать Указ Ельцина № 63 об объявлении ГКЧП, включая Крючкова, вне закона и перечислять статьи Уголовного кодекса, по которым полагался расстрел. Да, это была громадная ошибка, что сразу не уничтожили Ельцина. А почему? Надо честно признаться, что он сам никогда к Ельцину

серьезно не относился и был уверен, что, попав подобную ситуацию, президент РСФСР покорится судьбе и вспомнит, что он не более как бывший секретарь обкома. Надо с этим делом кончать.

Крючков вызвал Карпухина. Ночью захватить Белый Дом. Захватим, пообещал Карпухин. Зачем сто раз повторять одно и то же? Задача поставлена — выполним.

Позвонил из машины Плеханов:

— Не нашли.

— Ищите, — приказал Крючков, — и на глаза мне не показывайся, пока не найдете.

В этот момент появился Грушко с бланком шифрограммы, пришедшей из Киева от генерал Варенникова. Крючков пробежал глазами: "Промедление смерти подобно тчк Немедленно берите Ельцина тчк Обстановка выходит из под контроля тчк Варенников". Что-то у него там в Киеве не клеится, наверное. У Грушко тоже были новости не радостные. Радиостанция "Голос России", которую Крючков приказал запустить в эфир для дезинформации общественности, обнаружила, что ее частота заглушается. Судя по "почерку", работает военная глушилка из района Кубинки. Там крупный аэродром и центр сосредоточения Воздушно-десантных Войск. Затем пошли рапорты, что по всей Москве солдатам раздают Указ Ельцина. Позвонили Моисееву. Начальник Генштаба явно нервничал. У него пропала связь со штабом Таманской дивизии...

Темнело. Продолжали поступать сведения, что огромные толпы заперли улицы, перегораживая их баррикадами. Для этого используются главным образом автобусы и троллейбусы. Армия бездействует. Обнаружено несколько брошенных экипажами танков, БТР. В них сидят какие-то длинноволосые "панки" и нюхают бензин, бренча на гитарах. Попутно выяснилась весьма интересная новость: постовые милиционеры сознательно направляли танковые колонны в ложном направлении не на те улицы. В итоге никто не знает, где какая часть. Выходит и Пуго — предатель? Пуго ответил, что он вынужден заниматься Прибалтикой из-за преступного бездействия армии. В Прибалтийских столицах действует только его ОМОН, но одному ОМОНу явно не справиться с обстановкой. Кузьмин все ждет каких-то танков из Пскова. Московскими милиционерами командует генерал Миркин. Пуго знал о пропаже "КЕЙ-

СА" и позволял себе с укоризной глядеть на Крючкова, покачивая головой.

Только к полуночи пришли более-менее радостные новости. Со стороны проспекта Калинина к Белому Дому, прорывая баррикады и стреляя в воздух боевыми патронами, движется колонна БМД (боевых машин десанта). На бортах машин парашюты и крылья — опознавательные знаки ВДВ. Их около двадцати. Наконец армия зашевелилась. Крючков взглянул на часы. Было 00:25, 20 августа 1991 года...

Машина генерала Плеханова с притушенными фарами мчалась из Внукова в Москву. Поиски ничего не дали, но удалось выяснить имена и координаты всех, кто имел доступ к самолету. С их адресами Плеханов мчался в Москву, позвонив из машины Крючкову, чтобы тот подготовил группу из десяти толковых оперативников. С самим генералом, не считая арестованного полковника и шофера, их было трое. Неожиданно машина резко затормозила. Поперек дороги стоял БТР. Его башня была направлена на машину Плеханова.

Выросшие из-под земли люди в пятнистых комбинезонах окружили плехановский "Мерседес". "Всем выйти из машины! Руки на затылок!" — последовала резкая команда, которую, понятно, не мог выполнить только полковник в наручниках. "Что это все значит?" — спросил упавшим голосом Плеханов, считая, что арестован по приказу потерявшего терпение Крючкова. "Следуйте за мной!" — прозвучал голос какого-то человека в комбинезоне без знаков различия, в голубом берете десантника. Всю компанию не очень вежливо затолкали в БТР, который, взвыв дизелем, помчался куда-то в ночь...

Генерал Карпухин перестал что-либо понимать. Ровно в два часа ночи группа "Альфа", выйдя на исходные позиции и начав охват Белого Дома со всех сторон, неожиданно дала сигнал, означающий резкую негативную перемену обстановки. Карпухин примчался лично. Спрашивать, что случилось, не было нужды. Вокруг дома Российского парламента, оцетинившись пушками и тяжелыми пулеметами, стояли десантные бронемшины. На их башнях были подняты трехцветные флаги России. Под их защитой бушевала ликующая толпа. Карпухин решил подождать подлета вертолетов, которые должны были обстрелять здание неуправляемыми реактивными снарядами и высадить десант на крышу, а затем действовать по обстановке. Неожиданный удар из гранато-

метов по БТРах мог быть эффективным. Да, но ему напомнили, что за машинами, кроме вооруженной до зубов ельцинской охраны, может быть и батальон десантников. "Альфе" совершенно не хотелось лезть в атаку на пушки и пулеметы.

Лазутчики в здании прояснили Карпухину обстановку: это батальон Тульской Воздушно-десантной Дивизии, приведенный лично командиром дивизии генерал-майором Лебедем. По чьему приказу действовал Лебедь, пока было не совсем ясно. Не исключено, что просто по собственной инициативе.

И в довершение всего не прилетели вертолеты. Оказалось, что прекратили внезапно работу наведения и радиомаяки, подчиненные ВВС. Перестал работать и радиомаяк наведения, размещенный предварительно в самом здании. Чувствовалась рука предателей...

"Да что за бардак творится в нашей армии?" — совершенно справедливо воскликнул Крючков, звоня в 4 часа ночи Моисееву. Язов еще отдыхал. Отдыхал уже подозрительно долго. Моисеев, как и подобает настоящему генералу, был спокоен. У него уже была потеряна связь с Кантемировской дивизией, но Крючкову это было знать не обязательно. На вопрос, почему десантники вместо того, чтобы захватить Белый Дом, его охраняют, Моисеев ответил, что его это удивляет так же, как и Крючкова. Десантники не получали никаких приказов входить в Москву вообще. Утром разберемся. Моисеев знал, что в Кубинке один за другим садятся военнотранспортные самолеты, набитые десантниками, но почему — не знал. Это была очень интересная ситуация — начальник генерального штаба Вооруженных сил страны не знал, чьим приказом перемещаются такие крупные армейские контингенты.

Радиомаяк, установленный в машине Плеханова, показывал, что генерал тоже поехал куда-то в Кубинку. Крючков позвонил ему по телефону в машину, но никто не ответил. В машине было и радио. Пытались связаться. Снова без результата. Однако и сигнала тревоги из машины не было.

Крючков понимал, что введенные в Москву лучшие правительственные, "придворные", как их называли, армейские части — распропагандированы и толку от них не будет. Их надо выводить из столицы и вводить спецназы КГБ. Но вывести такое количество войск из Москвы было еще сложнее, чем ввести. Он позвонил в Балаши-

ху, где квартировалась целая бригада спецназа и приказал быть готовыми к походу на Москву. Там все поняли и ответили "есть". Спросили, что делать с арестованными Гдяном и прочими. Пока пусть сидят, ответил Крючков, понимая, что этой бригады будет совершенно недостаточно.

Серое, дождливое утро, встававшее над Москвой, блеклым светом проявляло оккупированный город. На мокром асфальте чернели танки, улицы были загорожены опрокинутыми троллейбусами и строительным мусором. Через громкоговорители передавался Указ за подписью Янаева, объявлявший Москву на чрезвычайном положении:

"В связи с обострением обстановки в г.Москве — столице Союза Советских Социалистических Республик, вызванным невыполнением постановления ГКЧП по чрезвычайному положению в СССР N 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан... ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в г.Москве..."

Генерал Калинин ввел в Москве комендантский час с 23:00. Обстановка была напряженной до предела и мало кто понимал тогда, что все уже было кончено. Путч провалился.

Уже взорвался возмущенный мир. Приостанавливались программы помощи, обрубались кредиты, отзывались послы. Уже снимали со стен портреты Горбачева; уже трусливый павловский кабинет полностью одобрил переворот, как это сделали почти все советские послы за границей; уже на имя Янаева пришли три поздравительные телеграммы — от Саддама Хусейна, Муамара Каддафи и Неира Арафата; уже Станислав Кунаев в порыве вдохновения читал свои стихи:

"От объятий швейцарского банка,
Что простерся до наших широт,
Защити нас ЦК и Лубянка,

А иначе никто не спасет!"; уже, как клопы из щелей, во всех газетах и издательствах снова появились цензоры... Но все уже было кончено.

Четыре дня оставалось генералу Шапошникову до назначения на пост министра обороны СССР, но он уже доказал, что вполне соответствует этой должности. Де-

сантники окружили Москву, захватив все ключевые объекты жизнеобеспечения столицы. Захват генерала Плеханова открыл без выстрелов неоткрываемые двери многих узлов связи и управления. Совсем без шума повязали штабы Таманской и Кантемировской. Отключили знаменитую электронную карту генерала Моисеева. Уже утром 20 августа растерявшийся Язов был готов дать приказ об отводе войск в места постоянной дислокации. На подступах в Ленинграду были остановлены войска. Куда не доставали приказы министра, там действовали указы Ельцина.

Командиру танковой колонны, входящей в Таллин, был предъявлен указ Президента России, и он послушно увел танки из города. Еще по инерции хулиганили прибалтийские ОМОНЫ, еще бушевал генерал Макашов, еще президент Акаев раздавал населению автоматы, призывая к восстанию, но это уже все была инерция

Генерал Шапошников вовсе не желал делать из себя спасителя Отечества. Он не собирался делать из себя ни Вашингтона, ни Бонапарта и, видимо, посоветовавшись с Ельциным и Руцким, дал возможность народу самому почувствовать себя победителем

Конечно, были совершены ошибки, неизбежные в таких ситуациях. Попытки вывести войска из столицы приводили к совершенно обратным результатам. Стоило танкам начинать движение, как наэлектризованные толпы преграждали им движение, ложась под гусеницы, блокируя траки, а то и пуская в ход бутылки с горючей смесью. Солдаты зверели, офицеры психовали. Ничего не помогало. Слухи степным пожаром распространялись по столице, достигая пика у Белого Дома. Рокот танковых моторов, доносящийся с ближайших улиц, приводил огромную толпу, окружившую Российский парламент, в неистовство. Танки идут чтобы раздавить их свободу. Перед микрофонами и видеокамерами возникали встревоженные лица и звучали тревожные голоса генерала Кобеца и Бэллы Курковой, радио "Свобода" на весь мир передавала предсмертную, можно сказать, исповедь своих мужественных корреспондентов Андрея Бабицкого и Михаила Соколова.

Распространялись точные данные, что сегодня ночью будет штурм Белого Дома. Охрана следила за вентиляционными отдушинами и канализационными люками — ходил слух, что знаменитая "Альфа" прошла подготовку по программе японских "ниндзя" — людей-

призраков, умеющих материализоваться где угодно. Разворачивались медицинские пункты первой помощи. Священники причащали молодых ребят с автоматами и в бронезилетах, готовых драться до конца. С площади просили удалиться женщин.

Плечом к плечу стояли вооруженные пенсионеры, афганские ветераны, рабочие, студенты, сбежавшие из частей офицеры и солдаты. Работали видеокамеры всех крупнейших телекомпаний мира. Вздymались русские флаги, вздымались руки с автоматами. Так делается история, так рождается нация, символизируя, что раздавленный народ встал с колен. "Они не пройдут — Но пасаран!" С балконов читались указы Ельцина, объявившего себя до возвращения Горбачева Верховным главнокомандующим Вооруженными силами.

К Краснопресненскому мосту время от времени подъезжали танки и уезжали обратно, простояв некоторое время под прицелом телекамер. Посты на крышах с тревогой поглядывали на небо, давая на ходу интервью журналистам, что в случае появления вертолетов, они не продержатся и 10 минут. В такие моменты с балкона звучали командный голос вице-президента Руцкого: "Внимание, охрана! Огонь открывать без предупреждения!" Вдали продолжали рокотать танковые моторы — танкисты-гвардейцы выполняли утренний приказ о возвращении в места постоянной дислокации.

Обстановка у Белого дома, накаленная до предела, накалялась еще более. Штурм начнется через полчаса, через 10 минут, он уже начался.

А в самом здании собрался цвет столицы: мэр Попов, Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев, Елена Боннер... Ельцина постоянно звали к телефону. Звонили президенты Буш и Миттеран, премьер-министр Мэйджор и канцлер Коль. Звонила и Маргарет Тетчер. Разговоры были длинными и выражаясь дипломатическим языком, "полезными и конструктивными" (Давая через несколько дней интервью, Борис Ельцин, на вопрос, какой из зарубежных лидеров вызывает у него наибольшее восхищение, без колебаний ответил: "Президент Буш"...).

Трагическое биополе нагнетаемое у Белого Дома, становилось уже осязаемым. Тысячи людей готовились к неизбежной гибели. Депутаты Верховного Совета СССР, находившиеся в здании, звонили Лукьянову, прося его использовать свое влияние, чтобы предотвратить кровопролитие. Лукьянов ответил, как и подобает истинному

партийцу: "Ельцин сам спровоцировал эту ситуацию... Еще надо разобраться, откуда у его людей столько оружия!" Не понимал обстановки умнейший Анатолий Иванович. Но не все были такими дураками.

Премьер-министр Павлов понял все гораздо лучше. Беседуя с Янаевым, он печально сказал:

— Влипли мы с тобой как два дурака.

— Не бзди! — сказал исполняющий обязанности президента СССР. — Прорвемся!"

Янаев был полон оптимизма. Несколько часов назад он встречался с лидерами автономных республик, призывая их поддержать ГКЧП. Представители автономий потребовали объяснений и прежде всего: где Горбачев и что с ним? Суть случившегося Янаев изложил так: группа руководителей попросила Горбачева навести порядок в стране. На что тот ответил: "У меня есть заместитель Янаев, пусть он и наводит порядок".

Но Павлов больше не хотел участвовать в наведении порядка. Теряя сознание от страха, он поехал в больницу. Диагноз врачей был однозначным: острый гипертонический криз. Переволновался за судьбу страны.

Заместитель Павлова — Щербаков — в ужасе и в полном бездействии сидел у себя в кабинете, слушая сыпавшиеся со всех концов мира сообщения о приостановке помощи и кредитов СССР. Он-то знал самое страшное, чего не знали другие участники событий: 40% потребностей страны в самом необходимом удовлетворялось до сегодняшнего дня импортом. Это конец! С огромным трудом в Москве удалось собрать банкиров, доказывая им, что страна изменилась, положение стабильное и вполне благоприятное для инвестиций. Банкиры, заблокированные в гостиницах, со страхом смотрели в окна: стабильность была налицо!

Собравшийся в Москве в эти дни "Конгресс соотечественников" из потомков родовой российской знати тоже оказался в центре событий. Долгие годы эти люди — Голицыны, Шереметьевы, Воронцов, Толстые — боялись возвращаться на Родину. Их уговаривали, убеждали, стыдили — демократия необратима. Сейчас, шарахаясь от танков, вздрагивая от визга гусениц и рева моторов, они поняли, что приехали вовремя. Милая Родина преподнесла им очередное чудо. Умом Россию не понять...

В Белом Доме появился Гдлян и другие ранее арестованные депутаты. Гдлян доложил Ельцину, что

спецназ КГБ в Балашихе блокирован, сидит без связи и не собирается ничего предпринимать. Ельцин уже знал это лучше Гдяна.

В этот момент произошла сенсация — в Белом Доме появился сам Мстислав Ростропович — великий музыкант, изгнанный в свое время из СССР.

Ростропович давно приобрел всемирную известность и как первая виолончель мира, и как негибаемый борец за права человека. Он и его жена — певица Галина Вишневская — давно уже были гражданами США, гордостью Америки. Неоднократно их принимали в Белом Доме президенты Соединенных Штатов. Будучи на гастролях в Берлине, Ростропович узнал, что делается в Москве и бросился в аэропорт. Он прилетел в Москву и, оформляя визу, заявил, что прибыл на "конгресс соотечественников".

— Вас на конгресс? — спросил шофер заказанной машины.

— Плевал я на этот конгресс! — ответил Ростропович, направляясь в Белый Дом, на этот раз Российский. К нему была приставлена специальная охрана, поклявшаяся погибнуть, но защитить великого соотечественника...

Получив сообщение, что в Белом Доме появился Ростропович, Крючков побледнел; наверняка — это личный посланник президента Буша. Посол США в Москве Метлок как раз накануне путча уехал в Вашингтон, завершив выполнение своих обязанностей. Новый посол — Страус еще находился в Вашингтоне, заявив, что не собирается вручать верительные грамоты "хунте". Что привез Ростропович Ельцину? Какие инструкции? А может быть и не инструкции, а что-нибудь почище?

Из сообщений и по радио, и из собственных источников Крючков знал, что вокруг Белого Дома и в самом здании нагнетается истерия неизбежного нападения на резиденцию Ельцина его людей. Революции нужна кровь, нужны мученики. Циничный ум председателя КГБ уже предвидел, чем это кончится. Где-нибудь "случайно" взорвется граната или прозвучит из темноты автоматная очередь. Погибнет человек десять, а остальные разнесут Москву по кирпичику. Нападать Крючкову на Белый Дом было уже нечем.

"Альфа" после событий прошедшей ночи взбунтовалась. Зомби-роботы оказались людьми. Часть исчезла, а остальные, собравшись в спортзале на своей базе, на-

отрез отказались больше участвовать "в этих играх". У них хватало воспоминаний о Вильнюсе, и складывалось впечатление, что вчерашняя операция (неожиданное появление десантников у Белого Дома и неприбытие вертолетов) была задумана специально, чтобы уничтожить их всех как опасных свидетелей. На секретных частотах их передатчиков звучали угрозы и призывы сложить оружие.

Связь со спецназами в Балашихе и других подмосковных базах была прервана. Что там случилось, Крючков еще не знал, но внезапное появление Гдляна и Уражцева в Белом Доме говорило о том, что в лучшем случае спецназы объявили нейтралитет.

Пропал Плеханов. Три оперативные группы, посланные на его поиски, еще не вернулись. Сама собой выстраивалась логическая цепь: Плеханов нашел "КЕЙС" Президента и был захвачен противником. Прошибал холодных пот. Если же его захватили люди Ельцина, то это, пожалуй, еще хуже. Крючков понимал, что попал в ловушку.

Крючков дозвонился до Язова. Маршал был подавлен: он отдал приказ отводить войска в места постоянной дислокации. Он постеснялся сказать Крючкову, почему от так поступил. Все центры связи министерства обороны уже контролировались Шапошниковым. Именно этому на бесконечных учениях обучались десантники генерала Грачева и спецназ генерала Михайлова. Быстро, без шума захватить все средства контроля, управления и связи потенциального противника.

Главкомы видов вооруженных сил и командующие направлениями звонили Язову, врывались в его кабинет, убеждая маршала порвать с "хунтой". Это испанское слово было у всех на языке.

— Но я же не мальчик, — не поднимая глаз, отвечал Язов, — чтобы бегать туда-сюда. Буду отвечать...

Кровь у здания Белого Дома, как и предполагал Крючков, уже не могла не пролиться и она пролилась. Откуда-то из темноты появились несколько БТР. Водители были пьяны. Часть из них успела остановиться, но один, с бортовым номером 306, врезался в баррикаду. Когда он дал задний ход, на него впрыгнули добровольцы, пытаясь ослепить обезумевшую бронемашину брезентом. В суматохе солдаты открыли стрельбу (двое суток они ждали нападения боевиков со "Стингерами"). В

итоге от пуль и под гусеницами погибли три человека, обессмертив навсегда свои имена...

Военные патрули, поддерживающие режим комендантского часа, испуганно жались к стенам домов. На неосвещенных улицах горели танки. Слышалась стрельба.

Потерявший голову генерал-полковник Калинин понимал, что его песенка спета. Связь с войсками округа и комендантами районов пропала (десантники перестарались). Понимая, что именно его сделают ответственным за происходящее на улицах Москвы, Калинин сел писать рапорт, обвиняя в случившемся "хулиганские элементы, находящиеся в нетрезвом состоянии". В этот момент к нему прибыл порученец от Язова. "Комендантский час отменить, войска с улиц убрать". "У меня нет связи," — сказал Калинин. Связь обещали наладить.

В кабинете Крючкова мигнул и погас свет. Он сразу же включился снова, но красная лампочка на табло обстановки показала, что заработала внутренняя электростанция Лубянки. Электроэнергия, идущая из города, была вырублена. Селекторная связь с запасным КП пропала, по каналу связи с райотделами доносились чьи-то крики и матерная ругань.

Крючков стал понимать, что все кончено. Точнее все кончено на этот раз. Кому-то удалось парализовать КГБ. Но он еще в этом разберется. Может быть, были использованы какие-нибудь новые и неизвестные ему психотропные средства? Недаром ближайший советник Ельцина — генерал-полковник Кобец до недавнего времени занимал пост командующего войсками химзащиты. Он отбросил эту идиотскую мысль и постарался успокоиться.

Пока нет оснований для паники. Не получилось на этот раз — получится позднее. Есть системы связи и базы, о которых не знает и Плеханов. На секретных складах в СССР и за границей лежат сотни миллиардов рублей и десятки миллиардов долларов. Экономика страны приведена в хаос. И наш час еще настанет. Конечно, нужно ликвидировать несколько ненадежных людей из партаппарата и армии. В первую очередь — Николая Кручину — тот знает все счета на Западе. Впрочем, зачем впадать в панику. Все что он хотел сделать — это спасти страну и партию, стабилизировать экономику. Кто может поставить ему подобные действия в вину? Надо срочно всем собраться и обсудить ситуа-

цию Он позвонил Пуго. Оказалось, что министр внутренних дел почувствовал себя плохо и уехал домой. Но дома никто к телефону не подходил и в машине — тоже. Бакланов и Стародубцев тоже куда-то исчезли.

Позвонил Павлову в больницу. Премьер спросил слабым голосом:

— Владимир Александрович, скажите, кто дал приказ о вводе войск в Москву?

— А зачем тебе? — насторожился Крючков.

— А потому что это все и погубило.

И премьер осмелился первым повесить трубку.

Действительно, кто же отдал этот приказ? Конечно, он обсуждался, но ни в одной директиве Язова и Моисеева не было ни слова об этом. Либо кто-то перестарался, либо...

Крючков снова позвонил Язову.

— Ну, что еще? — не очень вежливо поинтересовался маршал.

— Надо искать достойный выход из положения! — сказал Крючков.

— Вы считаете, что его можно найти? — спросил Язов

— Думаю, что еще можно, — пообещал Крючков.

А вот Янаев, молодец, не унывал.

— Чем занимаешься? — поинтересовался Крючков.

— Указы пишу, — бодро отозвался визе-президент.

— О понижении цен.

Ну, пусть себе пишет. Не будем его беспокоить.

Шенин был на месте. У него все спокойно, но здание оцеплено какими-то людьми. Кажется, ОМОНОм. Почему "кажется"? Они отказались разговаривать с внутренней охраной.

— Интересно, — сказал Крючков, — а я-то почему об этом не знаю? Приходи в зеленую гостиную, — сказал он Шенину, — подумаем, что делать дальше.

А потом взял и позвонил Ельцину в Белый Дом.

— Борис Николаевич, что у вас там происходит? Ничего понять не могу. Что за митинг?

— Где Горбачев? — спросил Ельцин.

— Господи, — сказал Крючков. — У себя на даче Горбачев. Хотите, вместе со мной полетим к нему, хоть сейчас.

— Немедленно дайте возможность президенту обратиться к народу, — потребовал Ельцин.

— Вы, что, считаете меня виноватым в том, что вышла из строя президентская система связи? — процедил Крючков.

— Я считаю вас преступником, которого ждет суд, — со свойственной ему прямолинейностью ответил президент России.

Крючков повесил трубку. Ельцин никогда не понимал хорошего к себе отношения...

21 августа в 4 часа 30 минут утра Крючков, Шенин и Язов собрались в так называемой "зеленой гостиной" — гостинице ЦК КПСС "Октябрьская". Крючков и Шенин, не желая расковырять, пробрались туда системами подземных ходов. Язов приехал на своей служебной бронированной машине, превосходящей по размеру президентский "ЗИЛ". Вместе с ним был полковник ГРУ — хранитель ядерного "КЕЙСА" Министра обороны. Сопровождение началось со взаимных упреков, переходящих в оскорбления. В комнате висел тяжелый мат.

Навел порядок Крючков. Выяснить, кто виноват, будем потом. Сейчас нужно действовать, чтобы хотя бы спастись. Сегодня Ельцин собирает сессию Верховного Совета РСФСР. Есть точные данные, что на этой сессии будет запрещена деятельность КПСС и РКП, а партийная собственность — национализирована. Это вам уже не указ о департизации. Это конец социализма в стране!

Шенин сидел бледный как смерть. Что же делать? Выход один: надо лететь к Горбачеву. Скажем, погорячились. Но он же Генеральный секретарь ЦК КПСС. Он должен спасти партию и сплотить ее вокруг себя, объявив указы Ельцина недействительными, как делал уже неоднократно.

— Я знаю Горбачева, — сказал Крючков, — он хорошо понимает, что без партии он — никто.

Поэтому нужно немедленно лететь в Форос, пока Ельцин не послал туда своих людей, а нас здесь не арестовал. Все согласились, что другого выхода нет. Но предварительно нужно включить президентскую связь. Мы появимся там, как его освободители и постараемся запутать обстановку так, что он ни в чем не разберется. В любом случае он должен понять, что интересы партии важнее сведения личных счетов.

Они все еще ничего не понимали. Желая запутать обстановку, они сами уже запутались в ней настолько, что потеряли всякую связь с реальностью. В этот момент Крючкова позвали к телефону. Вернулся он повышенно

нервным: Арестован Янаев. За Пуго поехали на квартиру К Павлову в больнице приставлен караул. Нельзя терять времени. Нужно быстро лететь в Форос. Самолет готов.

На машине Язова помчались во Внуково. Опытный шофер затормозил прямо у трапа. Двигатели уже были запущены, и самолет сразу же стал выруливать на старт.

Все произошло так быстро, что Язов забыл в машине своего полковника вместе с "КЕЙСОМ" ядерного кода, чего он ни при каких обстоятельствах не имел права делать и только за одно это мог быть отдан под суд. Когда самолет оторвался от земли, по рулежкам с воем понеслись машины российской прокуратуры, не успевшие перехватить "путчистов" по дороге. Полковник — абонент кода был арестован. Он также не собирался гибнуть за свой чемодан "КЕЙС" у него отобрали с такой легкостью которая и не снилась составителям инструкций. Все и думать забыли о судьбе страны, а уж тем более о судьбе мира. Вот такая мы оказались ядерная держава. Даже в Уругвае или в Чили генералы были ответственнее в подобных ситуациях, хотя у них и нет ядерного оружия, способного 100 раз уничтожить всю планету. Нельзя говорить о какой-то ответственности в разлагающей обстановке тотальной безответственности.

НО БОГ УБЕРЕГ НА ЭТОТ РАЗ

А ведь можно было осуществить слова Ленина: "Если нам придется уйти, мы так хлопнем дверью, что вздрогнет весь мир!" Да так бы вздрогнул, как Ильич и не мечтал! Но ушли, позабыв про заветы вождя мирового пролетариата, хотя мир и вздрогнул от шока, пусть кратковременного.

Десантники генерала Грачева "освободили" Президента еще до прилета Крючкова с компанией. Хотя они уверяли, что Горбачев сам просил их приехать 18 августа, у президента хватило ума их не принимать, а распорядиться об аресте заговорщиков.

Александр Руцкой, срочно вылетевший в Форос, привез в Москву растерянного и перепуганного Горбачева. Он еще что-то говорил о социалистическом выборе, о возможности реформировать партию, где есть такие прекрасные люди, как первый секретарь РКП Валентин Купцов. Но его уже никто не слушал.

На всех флагштоках столицы уже развевались трехцветные флаги, объявленные Ельциным национальными флагами России.

Компартия была запрещена, а ее собственность национализирована.

Все руководители заговора были арестованы, включая Лукьянова, не сумевшего, несмотря на всю свою хитрость, доказать, что он более всего ценил сорокалетнюю дружбу с Горбачевым.

Генерал Шапошников стал министром обороны, генерал Грачев — его первым заместителем.

За четыре года Отечественной войны мы не потеряли ни одного маршала, а тут за три дня потеряли двоих: Язов был арестован, Ахромеев — повесился у себя в кабинете. (Это, видимо, первый случай, когда крупный военачальник повесился. Обычно военные стреляются. Поэтому самоубийство маршала Ахромеева выглядит весьма странно.) Пуго — застрелился или, что более вероятно, был убит женой по чьему-то приказу.

И, конечно, Николай Кручина — управделами ЦК КПСС — выпал из окна собственной квартиры. Золото партии должно быть неприкосновенным.

Арестованный Крючков, садясь в машину, сказал усмехаясь: "Я скоро выйду на свободу, не радуйтесь"

Арестованный маршал Язов, швырнув фуражку на сиденье, зло произнес: "Жалко, что не успел...". Что не успел? Возможно, нажать кнопку своего забытого в аэропорту "КЕЙСА"

Шенин при аресте плакал и просил встречи с Горбачевым, а генерал Варенников, напротив, бушевал и громко сожалел, что не пристрелили на месте "этого труса и предателя"

Янаева арестовали в Кремле. Он очень удивился: "За что, ребята? Я же хотел только стабилизировать экономику и понизить цены"

Все. Остановимся и переведем дух. Что же произошло? "Инсценировка!" — со свойственной ему безапелляционностью заявил полковник Алкснис, убедившись, что никто не собирается вздергивать его на "первом попавшемся фонаре". Заявление полковника — провокатора было подхвачено и повторялось неоднократно теми, кто якобы потерпел поражение.

Инсценировка предполагает наличие сценария и режиссера. Многим очень бы хотелось, чтобы режиссером и автором сценария был Горбачев. А многие в этом

просто уверены и переубедить их невозможно. Так и видишь, как в тиши своего кабинета Горбачев и Крючков пишут сценарий. Этого — в Матросскую тишину, этого — в окно, этот путь застрелится, а этот — повесится. "Меня, что ли, то же в тюрьму?" — удивленно спрашивает Крючков. "Так надо, — мягко говорит генсек. — В этом суть всего моего сценария". Крючков вздыхает, но подчиняется и тут же звонит в Матросскую тишину, чтобы в одной из камер сделали ремонт. "Михаил Сергеевич, — говорит верный Лукьянов, ознакомившись со сценарием, — меня, пожалуй, тоже надо в тюрьму". "Спасибо, Анатолий Иванович, — со слезами на глазах обнимает старого друга Горбачев, — ты настоящий друг", — и вносит в сценарий необходимые дополнения, шлифуя его окончательно, как и подобает настоящему режиссеру.

Ну, а какую же роль в сценарии умный, хитрый, властолюбивый и очень дальновидный Горбачев оставил себе? Неужели он не понимал, что Президент, позволивший себя арестовать и изолировать даже в рамках собственного сценария, это уже не Президент, тем более такой страны как Советский Союз. Значит, нам нужно делать вывод, что Горбачев сознательно пошел на политическое самоубийство самого себя и страны. Ибо увидев на экранах телевизоров жалкого и растерянного Горбачева, привезенного спецназовцами из Фороса, лидеры союзных республик поняли как ослабла Москва и прочли в бледном лице и лихорадочно блестящих глазах своего, идущего в сопровождении автоматчиков генсека сигнал разбежаться. Чтобы Горбачев сам, по собственной воле такое с собой сотворил, может считать только тот, кто хочет принимать желаемое за действительное, не зная простейших критериев, по которым КПСС ковала своих лидеров.

Может быть, режиссер — Ельцин? Но — не его методика. Ему бы просто таланта не хватило на все эти премудрости. Это человек прямых (даже слишком прямых) ходов.

Ответ лежит в следующем. Семьдесят с лишним лет нас приучали к мысли, что столицей КПСС является Москва. Но это вовсе не так. Столица КПСС была совсем в другом месте, а Москва была чем-то вроде полевого штаба огромного полигона, где отрабатывались на практике бредовые идеи Владимира Ильича. Кто со мной не согласен, пусть читает Ленина. Но вечно ничто продол-

жаться не может. Ибо вовремя смяться — основа основ таких организаций, к каким принадлежала КПСС. Операция по трансформации КПСС в новое качество проводилась КПСС и получила название "Перестройка". Горбачев осуществил ее блестяще. Он увел свою партию, как горьковский Данко, в то самое светлое будущее, которым нам так долго морочили голову. С той лишь разницей, что сердце для освещения дороги он вырвал не у себя, а у страны. Но страна — это было последнее, что всегда интересовало большевиков. "У большевиков нет отечества", — раз сто отмечал Ленин, но почему-то этого самого главного в его учении никто так и не запомнил.

Сделав свое дело, превратив КПСС в нового, респектабельного члена мирового бизнес-клуба, Горбачев, естественно, счел свою миссию окончательной и уехал в Форос, чтобы привести собственные дела в порядок. При этом он передал управление всеми делами в ликвидируемой стране своему единственному надежному партнеру — Борису Ельцину. Не потому что больше было некому, а потому что команда Горбачев — Ельцин — тандем старый и великолепно сыгранный. Когда Горбачев завяз в непроходимом болоте московских партийных интриг — в этих поистине Авгиевых конюшнях КПСС, роль Геракла, расчистившего это конюшни, выполнил Ельцин. Выполнил и эффектно ушел, оставив после себя громкий кухонный скандал на XIX партконференции. Когда пришла пора уходить Горбачеву, его сменил Ельцин.

Все было бы хорошо, но тогда, в августе 1991 года, собралась группа людей, вскоре получившая известность как ГКЧП, которая почему-то решила, что ее обделили и политически, и материально, разумеется. Группа не протестовала против главного — что пора уходить с политической сцены, просто эти люди сами не хотели далеко уходить от столь сладкой кормушки. Они считали себя силой, забыв, что все уже решено без них. Они не знали даже того, что их и подбирали долго и тщательно с одной только целью, чтобы было не жалко в случае необходимости всех вместе посадить в тюрьму, используя в собственных интересах их болезненное тщеславие.

Вспомните, как бился в свое время Горбачев, чтобы протащить Янаева в вице-президенты! на потеху всей стране. Как вытащил он Язова из небытия, так туда же его и вернул. Как вовремя он убрал из-под удара своего друга Бакатина и подставил беднягу Пуго. Как, невзирая

на все провалы, держал на посту Крючкова. Вспомните знаменитую улыбку Горбачева, когда друг Лукьянов примерял на себя кресло генсека. Вспомните, и вы поймете наконец что знаменитый Августовский путч был по сути своей очередным внутривнутрипартийным мероприятием.

Антипартийная группа "Янаев, Крючков и Ко" почему-то посчитала себя вправе не подчиниться решению Партии. И была за это наказана. Ибо партийная дисциплина, как неоднократно указывал еще Ильич, это основа основ всего партийного строительства. А партийное строительство идет не только вверх, но и в глубину. Об этом антипартийная группа почему-то забыла. Но нам бы этого не следовало забывать. Ибо ПЕРЕСТРОЙКА продолжается...

Санкт-Петербург, август-сентябрь 1991 года

ОТ АВТОРА

В одной из предыдущих своих книг «Золото Партии» я показал весь путь, начиная с 1917 года, который вел Коммунистическую державу к гибели... Воскресить СССР так же невозможно, как невозможно воскресить Ленина и Сталина, хотя многие хотели бы и этого.

Страна погибла, но на ее останках еще не создано НИЧЕГО.

В этом суть сегодняшнего дня. И это же послужило лейтмотивом моего романа "Беспредел". А пока я хочу подвести некоторые итоги, приуроченные ко второй годовщине «Путча», то есть на 19 августа 1993 года.

На осколках погибшей Коммунистической Империи власть захватили (а скорее — сохранили) представители высшей коммунистической элиты. Это ясно всем, но почемуто всех и удивляет. Хотя иного и быть не могло.

Пройдемся беглым взглядом по обломкам — "субъектам" СССР.

Российская Федерация: Ельцин — бывший Первый секретарь Свердловского обкома КПСС, кандидат в члены Политбюро, правая рука Михаила Горбачева по спасению партии.

Украина: Кравчук — член Политбюро КПУ по идеологии, член ЦК КПСС.

Белоруссия: Шушкевич — секретарь ЦК БКП, член ЦК КПСС.

Казахстан: Назарбаев — Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, член ЦК КПСС.

Узбекистан: Каримов — Первый секретарь Компартии, член ЦК КПСС.

Туркменистан: Ниязов — Первый секретарь Компартии, член ЦК КПСС.

Кыргызстан: Акаев — Первый секретарь ЦК ВЛКСМ, второй секретарь Компартии.

Таджикистан: коммунисты, чтобы сохранить власть, разожгли в республике гражданскую войну, физически истребили оппозицию и сохраняют власть, сидя на российских штыках.

Азербайджан: как мина образца 1912 года, которую уже никто не знает как разрядить, к вершинам политической власти всплыл Гейдар Алиев — Первый секретарь ЦК Компартии республики, член политбюро ЦК КПСС, правая рука Брежнева и Андропова.

Грузия: грубо устранив не очень умного президента Гамсахурдия, к власти пришел Эдуард Шеварднадзе — член Политбюро ЦК КПСС, правая рука Горбачева и левая рука Ельцина.

Молдова: Снегур — секретарь ЦК Компартии, член Политбюро, член ЦК КПСС.

Даже в Литве к власти умудрился прийти Бразаускас — бывший Первый секретарь Компартии Литвы, в Латвии — Ульманис с двадцатипятилетним стажем партработника. Только Эстония и Армения пока составляют исключение. Но — пока.

ПУСТЬ КТО-НИБУДЬ СКАЖЕТ, ЧТО НА ТЕРРИТОРИИ СССР НАСТУПИЛА ПОСЛЕКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

Вернемся в Россию. После крушения Союза в России, как впрочем и везде на территории бывшего СССР, не создано никакого государственного образования. Бывшая РСФСР без всякого управления плывет по воле волн среди обломков бывшей Империи, грозя ежесекундно наскочить на какой-нибудь риф и развалиться вслед за Советским Союзом.

Почему подобное происходит?

Да потому, что в стране нет власти, и подобное состояние культивируется. Президент, считающийся главой исполнительной власти, окруженный элитарной партноменклатурой, которая составляет скорее не правительство, а двор средневекового короля, куда помимо старой знати пробилась и авантюристы «послеавгустовского» периода, дремлет, просыпаясь только тогда, когда грубо, за шиворот пытаются его стащить с трона. Проснувшись, он громогласно заявляет о божественных прерогативах своей власти, любуется впечатлением и засыпает снова.

А кого только не встретишь при его дворе! Там и Пастухов — первый секретарь ЦК ВЛКСМ еще брежневских времен, до которого хотел, но не успел добраться покойный Андропов, и Поленичко — бывший второй секретарь Компартии Азербайджана, ответственный за Сумгаит, автор операции «Кольцо» в Афганистане по истреблению мирного населения, с успехом примененной им же в Нагорном Карабахе.

Среди «послепутчевых» авантюристов резко выделяется бывший друг и соратник президента и его вице-президент — Руцкой. Сделав себе рекламу на защите Белого дома, который никто и не пытался атако-

вать, катапультированный из кабины бомбардировщика в кресло второго лица в государстве, дважды сбитый в Афганистане, полковник вдобавок заболел кессонной болезнью, неизбежной от столь стремительного восхождения по служебной лестнице. Заболев, он немедленно попал под полное влияние наших и зарубежных аферистов; как говорится, пошел в разнос и, конечно, вскоре сломал себе шею своими акробатическими трюками. В любом государстве президент и вице-президент соотносятся как пилот и второй пилот в самолете. Представьте, что должно произойти с самолетом, если второй пилот неожиданно затевает драку с первым пилотом за штурвал. В любой стране вице-президент, не согласный с президентом, уходит в отставку. Но только не у нас. У нас принято цепляться за стул до самого расстрела.

Вот и сообразите, куда может прилететь такой самолет? Правильно, никуда. Он будет стоять на рулежке, из кабины будут доноситься мат и визг, и, в конце концов, самолет сгорит, подожженный одновременно президентом и вице-президентом, чтоб никому не достался.

А пассажиры, то бишь население? Кто о нем когда думал и кому оно нужно. Пусть сгорает вместе с самолетом и ничего лучшего не ждет!

Но это только так называемая исполнительная власть. А она у нас не одна; как положено в демократическом государстве, имеется еще и власть законодательная. Это Верховный Совет, доставшийся по наследству от коммунистических времен, который любит называть себя «Парламентом». Когда партия уходила в тень, она выталкивала на авансцену тогда еще никому не известных людей, которыми надеялась управлять из-за кулис, как марионетками. И не ошиблась. Во главе парламента очутился Хасбулатов, аналог которому можно искать только в европейском средневековье, когда заезжие итальянцы, пленив игрой на лютне и неаполитанскими песнями вдовствующих или пребывающих в вечном девичестве королей, становились первыми министрами.

Чеченец по происхождению, но лишенный чеченского гражданства специальным указом лихого генерала Дудаева, не имеющий российского гражданства авантюрист, возглавляет парламент «свободной» России! Более того, он присвоил себе титул, которого нет и не

было в номенклатуре должностей, стал называть себя «Главой законодательной власти»! Подобные изумительные шутки могут проходить только в нашей стране, назвал бы он себя «Светлейшим герцогом в законодательной власти» — тоже бы сошло. И никто ухом не повел по поводу того, что законодательная власть на то и представительная, что нет у нее главы — и в этом ее суть как коллективного органа. А спикер — это председательствующий на собрании, регулирующий его регламент и процедуру. Но это там — у них. А у нас парламент таков, что поневоле вспомнишь кое что из истории развития в России представительной власти.

Еще в середине 15 века один заезжий иностранец сделал интересное наблюдение: «Московское царство есть абсолютная монархия, ограниченная институтом юродивых». Юродивые и кликуши всегда были носителями общественного мнения в нашей стране. Они пользовались правом неприкосновенности и отлично это понимали. Их иммунитет признавал даже Иван Грозный, которому Никола Салос, Василий Блаженный и другие юродивые в лицо высказывали все, что о нем думает страна. Они собирали уличные митинги, бродили по городам и весям, вечно предрекая беду, мор, неурожай, нашествие, голод, и почти всегда оказывались правыми. Петр Великий институт юродивых прикрыл, лишив их парламентского иммунитета, начав вешать и сжигать на кострах. Но стоило Николаю II создать Думу, как оказалось, что это вовсе не парламент, а возрожденный институт юродивых. Достаточно прочесть речи Милюкова, Гучкова и прочих господ, чтобы убедиться в этом.

В период большевистского правления Верховный Совет молча поднимал руки, а все речи, коли в них была необходимость, заранее писались в ЦК КПСС и раздавались «депутатам».

Но стоило объявить свободу слова, как в Верховном Совете снова возродился институт юродивых, кликушествующих и брызгающих слюной в радостном энтузиазме от сознания собственной безнаказанности, то есть неприкосновенности. Послушайте Павлова, Константинова, Исакова, Бабурина, Андропова, Саенко и самого «главу представительной власти» — Хасбулатова, и сразу же создастся впечатление, что вы попали на Красную площадь времен Бориса Годунова или, в лучшем случае, царя Михаила Федоровича. Хасбулатов и почти все юродивые, попав к государственно-

номенклатурной кормушке прямо из дерьма повседневной жизни рядовых «совков», просто на глазах умирают от кессонной болезни.

Сам «глава представительной власти» въехал в квартиру, в которую в свое время постеснялся въехать не отличавшийся особой скромностью Леонид Брежнев. Покойный генсек счел ее слишком роскошной.

«Юродивые», дорвавшись до номенклатурного корыта, просто ошалели, как от восторга, так и от страха. От страха, что это все можно потерять, если кто-нибудь более толстой мордой оттеснит их от корыта. Более смерти все они боятся перевыборов и принимают все меры, чтобы этого не произошло. Они рады были бы превратить депутатские мандаты в пожизненные и наследственные. Они приватизируют ведомственную жилплощадь, устанавливают сами себе чудовищные оклады и немыслимые в полуголодной стране льготы, токупают по ценам 1990 года (сохраненным специально для них) машины, дачи и прочее имущество. Участвуют в самых темных аферах и, дабы закрепиться на своем месте, придумывают все новые и новые антидемократические законы.

Как бы им замечательно жилось, если бы о их делишках никто не знал, а новый «Сталин» сделал бы их пожизненными депутатами, как в былые времена! Для этого прежде всего нужно обуздать прессу и выбрать нового диктатора, но такого, который бы их сразу не разогнал и, чего доброго, не поставил бы к стенке. «Средства массовой информации надо либо закрыть, либо заставить служить народу!» — изрек не так давно Хасбулатов, собираясь совершить «хадж» в Саудовскую Аравию. Четкости изложения мысли и ее идеальной направленности позавидовал бы и сам Сталин, будь он жив. При этом господа-товарищи «народные депутаты» не желают ровным счетом ни за что отвечать. Даже за собственные голоса, придумав небывалую в мировой практике процедуру тайного голосования в парламенте. Чтобы никто: ни их избиратели, ни их коллеги никогда бы не узнали, «за» они голосовали или «против». Вот какая у нас представительная власть.

Главной мишенью визга юродивых и их «главы» является президент и его окружение. Сутью визга является призыв «не выполнять указов Ельцина». Президент отбивается вяло, время от времени давая понять, что Верховный Совет ему не указ — «собака лает — ветер

носит". В итоге, в стране безвластие. То, что хотят провести в жизнь правительство и президент, запрещает Верховный Совет и Съезд Народных депутатов — гениальная выдумка Горбачева. И наоборот.

На фоне безвластия идет разворовывание страны в масштабах, которые не снились никому и никогда. Разоблачения средств массовой информации разве что шокируют обывателя, но не приводят ни к каким результатам. И это естественно. Меры правительства блокируются Верховным Советом и наоборот. В случае патовой ситуации обе стороны апеллируют к улице, совсем как во Франции во время гугенотских войн. Но в отличие от последних, власти воюют друг против друга довольно вяло. Отчетливо видно, что обе стороны подобная ситуация вполне устраивает, ибо и те и другие сразу же после распада СССР попали в хищные лапы «теневиков», созданных и взлелеянных КПСС, которая под конец своего существования намертво с ними срослась. В этих условиях они получили возможность грабить страну в масштабах еще невиданных.

Все разоблачения вице-президента Руцкого закончились недоуменным вопросом его спонсора — русско-израильско-канадско-швейцарского миллиардера Бориса Бирштейна: «Ты чего, мент?». Сам воруешь и другим дай. Вице-президент сник и отправился призывать к мятежу давно купленный китайцами и японцами Тихоокеанский флот, уверяя, что Руцкой через два месяца придет к власти, выбросив из окна президента. Все слушают, и никому не стыдно.

Не стыдно и третьей власти — Конституционному суду. Это вообще очень интересно: иметь Конституционный суд в стране, в которой нет конституции. Но это детали. А главным является то, что Конституционный суд в лице своего председателя Зорькина — бывшего профессора академии МВД — делает все возможное, чтобы подобная ситуация в стране сохранилась как можно дольше. Вспомните: когда Ельцин сделал робкую попытку ввести в стране президентское правление, Зорькин был срочно вызван... в Вашингтон. Вернувшись оттуда, он немедленно, вместе с подпрыгивающим от возбуждения вице-президентом, появился на экране телевизора, объявив, еще не читая никаких документов, о выходе президента «за пределы конституционного поля» и призывая его на это поле вернуться. Подобная терминология была вполне уместна, ибо Ельцин нару-

шил правила глобальной игры, согласованной еще с Горбачевым в его бесконечных беседах с лидерами «Семерки».

Затем, принимая решения по апрельскому референдуму, Зорькин совершил тройное сальто юридической эквилибристики. Президент побеждает по проценту от явившихся на голосование, а парламент распускается по проценту от общего списочного состава избирателей. Всем было ясно, что в подобной игре уцелеют и президент, и Съезд. То есть ничего равным счетом не изменится.

А при чем тут Соединенные Штаты? А при том, что даже великое воображение отцов-основателей этой страны не могло нарисовать подобного воплощения в жизнь «американской мечты». Всю свою поступательную и созидательную историю, набирая на трех основах свободы невиданную мощь, Соединенные Штаты всегда зависели от дешевых цен на стратегическое сырье. Ныне это дешевое сырье потоком идет из поверженного и фактически оккупированного Советского Союза. Но мало того! Деньги, которые Соединенные Штаты платят за это сырье, остаются в их же банках, поскольку те, кто им это сырье продает, с полным основанием опасаются хранить эти деньги «дома». Украдут! И сырье, и деньги остаются в американском (читай — западном) обороте.

Тот, кто понимает, что оборот денег в экономике можно без особых допущений сравнить с человеческой системой кровообращения, тот отлично поймет и от чего почил в бозе Советский Союз, и в каком положении оказалась сейчас Россия. Тот без сомнения поймет и то, почему всем выгодно бесконечно долго поддерживать нынешнюю ситуацию в стране. На постоянных склоках президента и Верховного Совета, усиливаемых квазивизантийскими интригами Конституционного суда, наживается все та же номенклатурная верхушка, которая привела к гибели СССР, а сейчас продолжает жадно обглаживать все, что еще осталось на российских костях.

Но подобная ситуация, как бы она ни была выгодна всем, бесконечно долго продолжаться не может. Прежде всего потому, что от постоянных склок и паралича власти с каждым днем слабеет центр и усиливаются регионы, которые уже фактически, в силу целого ряда причин, отрезаны от центра. Это неизбежно приведет к излому территории, особенно такой гигантской, которая зовется

Россией, и в этот излом могут провалиться и исполнительная, и законодательная, и судебная власти, замененные губернатором, который приедет из Вашингтона для надзора за резервацией с тем, чтобы через пару сотен лет поднять эту территорию до статуса 51-штата. Это шутка, потому что действительность может быть много хуже.

Санкт-Петербург, 1993 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Меч Президента	11
Кейс Президента	305
От автора	433

Литературно-художественное издание

БУНИЧ ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ

КЕЙС И МЕЧ

Главный редактор А. В. Сердобольский

Редактор И. Куриленко

Художественный редактор Т. Завражнова

Дирекция Н. Карасев, М. Ванин

Книга подготовлена к изданию
совместно с НПП «Облик»

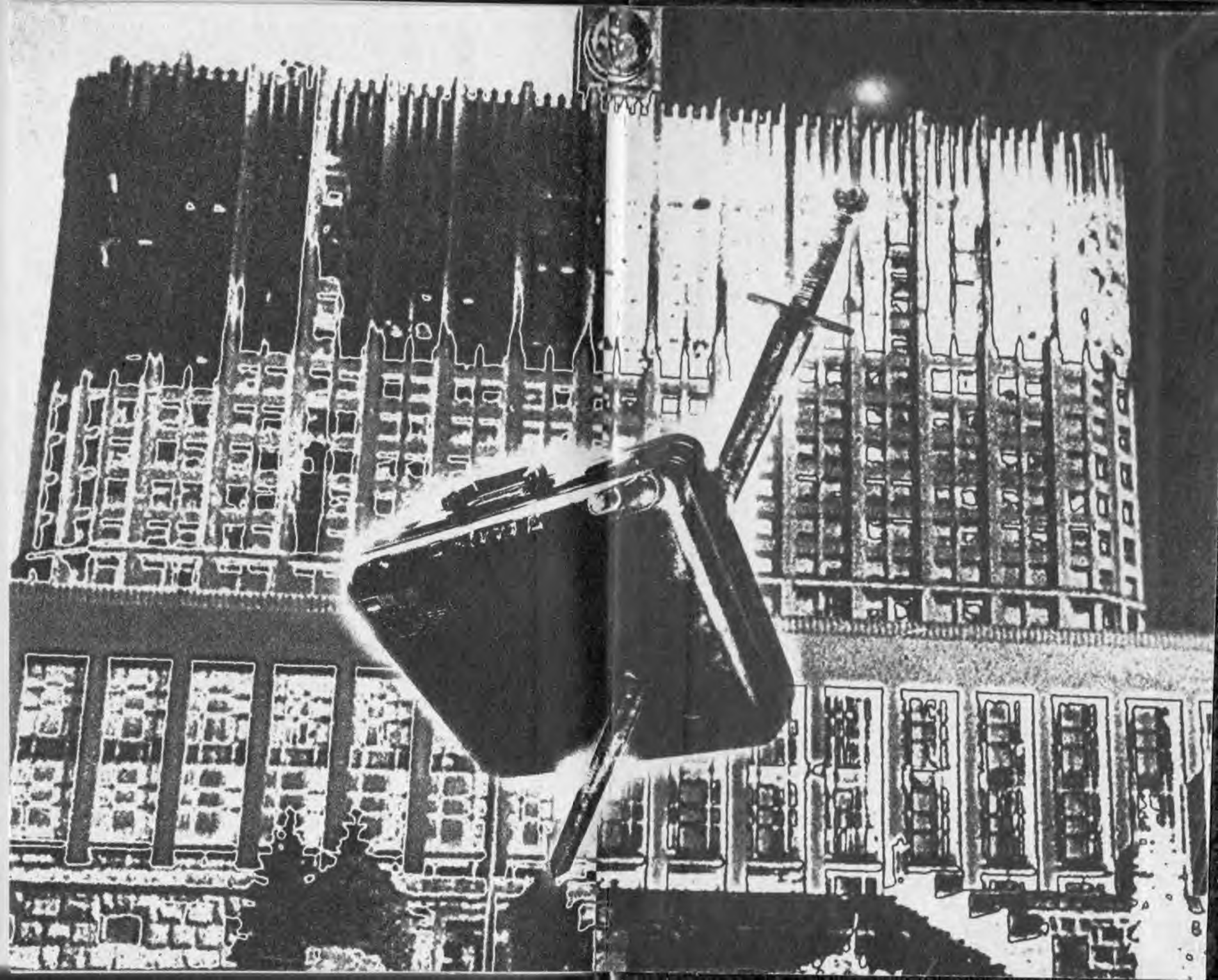
Подписано в печать с оригинал-макета 2.12.94. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 24,15. Тираж 31 000 экз. Заказ 1493.

Издательство фирмы «Шанс». Лицензия ЛР № 062785. 197022, Санкт-Петербург, пер. Бойцова, 4.

При участии СП «Беларэст».

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

Игорь Бунич

КЕЙС И МЕЧ

«КЕЙС И МЕЧ» - остросюжетная хроника известных событий августа 1991 г. и октября 1993 г., написана в стиле динамического детектива писателем, знакомым всем по книге «ЗОЛОТО ПАРТИИ», признанной мировым бестселлером.

